

Время языка

**Сборник статей
памяти профессора**

**ВЛАДИМИРА
ВИКТОРОВИЧА
КОЛЕСОВА**

**Санкт-Петербург
«Златоуст»
2021**

УДК 811.161.1

Время языка. Сборник статей памяти профессора В.В. Колесова.
[Электронный ресурс] / ред. С.А. Аверина, М.Б. Попов, Д.В. Руднев, Т.С. Садова, О.А. Черепанова, А.В. Голубева. — Электрон. дан. (1 файл pdf). — СПб. : Златоуст, 2021 — 352 с. — Режим доступа: <http://www.zlatoust.store>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус., англ.

ISBN 978-5-907493-38-4

Редакционная коллегия:

*С.А. Аверина, М.Б. Попов, Д.В. Руднев, Т.С. Садова,
О.А. Черепанова, А.В. Голубева*

Оригинал-макет: *В.В. Листова*

Обложка: *В.В. Листова*

Печатается в авторской редакции

В сборник, посвященный памяти Почетного профессора СПбГУ Владимира Викторовича Колесова (1934–2019), вошли статьи его коллег и учеников, в той или иной мере отражающие его научные интересы и развивающие идеи ученого. Статьи объединены в два раздела, которые содержательно связаны с основными сферами научных интересов В.В. Колесова: «История языка» и «Язык — культура — ментальность». Издание рассчитано как на филологов и лингвистов, специализирующихся в области русистики и славистики, так и на более широкий круг читателей, интересующихся проблемами истории и современного состояния русского языка.

© Коллектив авторов (текст), 2021

© ООО Центр «Златоуст» (редакционно-издательское оформление, издание, лицензионные права)

Подготовка оригинал-макета: издательство «Златоуст».

Подписано в печать 1.11.2021. Формат 60x90/16. Печ. лист. 22

Издательство «Златоуст»:

Санкт-Петербург, 197101, Каменноостровский пр-кт, д. 24, литера В, пом. 1-Н,
Тел. +7 812 703 11 78, отдел продаж: +7 969 703 11 12.

E-mail: sales@zlat.spb.ru; <http://www.zlat.spb.ru>, интернет-магазин издательства
<http://www.zlatoust.store>

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	5
<i>От издательства</i>	9

I. История языка

Аверина С.А.

Традиционные библейские языковые формулы и их преобразование в древнеславянской агиографии	12
--	----

Андронов А.В.

К вопросу о фонологизации переноса ударения по закону де Соссюра	38
--	----

Друговейко-Должанская С.В., Корнилов К.А.

Грамматика и семантика глагола «сподвигнуть» в исторической перспективе	47
---	----

Зеленин А.В., Руднев Д.В.

Облигаторные наречия с корнем <i>-мън-</i> в истории русского языка	67
---	----

Камчатнов А.М.

К вопросу о филологических основаниях церковнославянской лексикографии.	90
---	----

Мольков Г.А.

Роль графических клише в орфографии ранних новгородских рукописей с отражением цоканья	98
--	----

Нечунаева Н.А., Нечунаев А.В.

Славянская Минея XI–XVII вв.: текст и язык рукописей в работах В.В. Колесова	109
--	-----

Николаев Г.А.

Историческое словообразование: проблемы и возможные решения	127
---	-----

Новак М.О.

Древнеславянская Евфалиана: оглавление к посланию Евреям (по спискам Апостола XII–XVI вв.)	138
--	-----

Попов М.Б.

Могли ли древнерусские писцы передавать дифтонгическое произношение фонемы <i>ять</i> ?	150
---	-----

Соболев А.Н.

Сербско-болгарские языковые и политические границы в XIX–XXI вв.	171
--	-----

Тарланов З.К.	
Безличное предложение как средство сжатия текста	181
Черепанова О.А.	
О коммуникативных и текстообразующих функциях причастий в гибридном церковнославянском языке XVI–XVII вв.	193

II. Язык – культура – ментальность

Бирих А.	
Слово и дело: фразеологизмы судебно-правового происхождения в русском языке.	204
Демидов Д.Г.	
Русский идеал-реализм, американский неореализм и китайский атомарный реализм	215
Колесова Д.В.	
Всегда ли мысль изреченная есть ложь?	237
Костомаров В.Г.	
О смене синхроний бытования языка	243
Мокиенко В.М.	
Паремиологическое пространство лексико-фразеологического комплекса «ДРУГ»	249
Мызникова Я.В.	
Лексика народного православия в русских говорах Симбирского Заволжья.	276
Любимова Н.А., Бузальская Е.В.	
Общее и различное в основании моделей речевых жанров, принадлежащих к разным картинам мира	289
Пименова М.В.	
Русский язык и концептуальные формы ментальности в трудах Владимира Викторовича Колесова	302
Садова Т.С.	
<i>Судить да рядить</i> : глагольные слова-удвоения (в контексте «старого спора» о парных слова)	319
Старовойтова О.А.	
Русское «акробатство» – хорошо или плохо? (К вопросу формирования понятия)	335

Предисловие

Предлагаемый сборник статей посвящен светлой памяти доктора филологических наук, профессора, Почетного профессора СПбГУ — **Владимира Викторовича Колесова** (1934–2019).

В сборник вошли статьи авторов, работающих в разных областях современной лингвистики, но объединенных искренним уважением и глубоким почтением к имени выдающегося ученого, талантливейшего преподавателя, яркого и незаурядного человека.

Своеобразным эпиграфом, метафорически точно отражающим столь разноаспектное собрание статей, вошедших в нашу книгу, послужил фрагмент высказывания самого В.В. Колесова, однажды написавшего о нашем времени как о «времени языка», ибо «сегодня мы увидели, что кроме вещей и идей есть слово, язык, в который вмещается всё: и идеи, и вещи. Наступило время языка»¹.

Представляется поэтому, что каждая из статей, предложенных вниманию читателя, есть, с одной стороны, прикосновение к разносторонним научным интересам В.В. Колесова, с другой, — отражение его понимания «времени языка».

***

Вся научная и педагогическая жизнь Владимира Викторовича Колесова связана с Ленинградским — Санкт-Петербургским университетом, в стенах которого из одаренного, подающего надежды студента и аспиранта, он вырос в незаурядного ученого, определившего на многие годы целый ряд направлений в области исторической русистики.

---

¹ Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...». СПб.: Златоуст, 1999. С. 3.

В.В. Колесов окончил отделение русского языка и литературы филологического факультета ЛГУ в 1957 году, и с тех пор — более 60-ти лет — проработал на кафедре русского языка: от ассистента до профессора, заведующего родной кафедрой.

Научная работа Владимира Викторовича — уже в студенческие годы — началась с изучения исторической фонетики русского языка, продолжилась в аспирантуре, и в 1962 году он с блеском защищает кандидатскую диссертацию на тему «К исторической фонетике новгородских говоров». А его докторская диссертация «Историческая акцентуация в древнерусском языке», защищенная в 1969 году и посвященная истории русского ударения, до сих пор является одной из классических работ в этой области, на которую неизменно ссылаются историки русского языка.

Вышедшая в 1980 году монография В.В. Колесова «Историческая фонетика русского языка» надолго определила магистральное направление дальнейших исследований в области изучения звукового строя русского языка. Пожалуй, впервые после работ А.А. Шахматова появилась книга по истории звукового строя русского языка, автор которой соединил в себе одновременно и фонолога-теоретика, и выдающегося знатока письменных памятников, и первоклассного диалектолога. Это редчайшее сочетание для ученого-лингвиста.

Многогранность научного творчества, фундаментальность и обстоятельность исследований, смелость и глубина постижения научной истины — вот качества ученого-Колесова, которые неизменно поражали и восхищали его учеников и коллег-соратников, которые всегда признавались как безусловное достоинство — его научными оппонентами.

Владимир Викторович — не только видный ученый как в области общей, так и частной лингвистики, он — замечательный исследователь древнерусских памятников, известный переводчик текстов древнерусской литературы, издатель текстов древнеславянской письменности.

Владимир Викторович — автор множества блестящих исследований по исторической лексикологии, лексической семантике: его книги «Мир человека в слове Древней Руси», «Слово и дело», серия монографий «Древняя Русь: наследие в слове» и др. завоевали заслуженное признание как в профессиональном сообществе филологов-русистов, так и среди огромной аудитории тех, кому небезынтересна и небезразлична история русского слова.

На протяжении всей научной деятельности В.В. Колесов уделял большое внимание вопросам культуры речи и проблемам стилистики русского языка, что нашло отражение в целой серии научных и научно-популярных книг, написанных удивительно ясным и узнаваемо «колесовским» выразительным языком: «Культура речи — культура поведения», «Язык города», «Преобразование слова», «Русская речь: вчера, сегодня завтра» и др.

Последние годы своего научного творчества В.В. Колесов почти всецело посвящает теме, которую сам определяет как «философию русского слова» — изучение русской ментальности в категориях языка, осмысление слова в национальной философской и духовной традиции русской культуры. Этой теме он посвящает несколько своих лингвофилософских трудов («Философия русского слова», «Реализм и номинализм», «Концептология» и др.) и учебных пособий. Итог этих изысканий представлен в двухтомном «Словаре русской ментальности» (2014 год).

Владимир Викторович — один из любимейших преподавателей студентов-филологов. В течение длительного времени он читает профилирующие учебные курсы: исторической грамматики русского языка, истории русского литературного языка, сравнительной грамматики славянских языков, истории языкознания и др. Его лекции всегда отличались теоретической насыщенностью и масштабностью мысли, оригинальным построением и нетривиальным ходом рассуждений, яркостью и эмоциональностью изложения.

Спецкурсы Владимира Викторовича, посвященные неизменно новаторским исследовательским темам, без преувеличения становились событием в жизни филологического факультета: часто в аудитории не хватало мест для всех желающих. Недаром Владимира Викторовича считают своим учителем не только те студенты и аспиранты, которые избрали для себя темы исследований в области лингвистики, но и те, кто в студенческие или аспирантские годы просто соприкоснулся с ним, занимаясь иными, и не только филологическими, проблемами. На долгие годы любой, кто хотя бы однажды оказался на его занятии, сохранил в памяти образ яркого харизматичного лектора, умеющего самую сложную тему преподавать увлекательно, глубоко и красиво, способного сразу завладеть вниманием аудитории, поскольку был — сама одухотворенность!

Более 30 лет профессор В.В. Колесов — председатель диссертационного совета по русистике, в котором защищались соискатели кандидатских и докторских степеней из многих городов России, ближнего и дальнего зарубежья. Сам Владимир Викторович в течение жизни был научным руководителем более двухсот диссертаций различного уровня — от магистерских до докторских.

***

Владимир Викторович Колесов — значительная и яркая веха в жизни кафедры русского языка Санкт-Петербургского университета; его научная и преподавательская деятельность на многие годы определила лицо кафедры: до сих пор многие и по праву называют её «Колесовской кафедрой». Его идеи и мысли во многом опередили то земное время, которое было ему отпущено, но он, видимо, всегда ощущал его как «время языка». И пусть продолжается это красивое и поистине творческое ощущение времени в исследованиях учеников, сподвижников, единомышленников замечательного ученого-лингвиста — **Владимира Викторовича Колесова**.

Благодарим за участие в сборнике всех авторов!
Редколлегия сборника

От издательства

В издательстве «Златоуст» печатаются разные книги. Есть книги начинающих авторов, есть — заслуженных и известных. А есть личные. Такую книгу вы держите сейчас в руках. Для каждого, кто причастен к ее рождению, Владимир Владимирович Колесов — не просто научный руководитель, коллега или знаменитый петербургский профессор, которому хочется или следует отдать должное. Для всех нас — это книга об Учителе и для Учителя, своего Учителя.

Впервые имя Колесова я услышала при весьма памятных обстоятельствах. У нас дома нередко собирались друзья и коллеги моего отца, Владимира Ивановича Максимова. В тот вечер среди гостей был и директор академического Института русского языка Федот Петрович Филин. Речь за столом зашла о молодых докторах наук, и кто-то спросил Федота Петровича, кого же он считает наиболее ярким и перспективным в науке. Имена перечислялись для меня незнакомые, эпитеты были по большей части устойчивые, но вдруг прозвучало: «А ещё, конечно, Володя Колесов. Он, правда, немного с сумасшедшинкой, но — настоящий гений». Вот такую нестандартную оценку пропустить и забыть было невозможно, и, разумеется, через пару лет, когда я поступила на филфак Ленинградского университета, первой мыслью было послушать настоящего гения. Случай представился довольно скоро — на заседании кафедры русского языка, посвященном памяти С.П. Обнорского, в программе был обозначен доклад профессора В.В. Колесова. Увы, вечером дома пришлось со стыдом признать, что в докладе я не поняла ни слова. Акцентология не хотела поддаваться первокурснице с наскоку.

Через год мы встретились уже в аудитории: Владимир Викторович читал нам курс исторической грамматики русского языка. Не многие

студенческие конспекты сохранились у меня спустя годы, а вот тетрадь с записями лекций Колесова берегу до сих пор. Да, многое с тех пор уже было издано и переиздано, колесовские учебники по исторической фонетике, грамматике, диалектологии давно уже стали классическими, но аромат тех лекций сохранился именно в рукописных страницах, в пометках на полях — вместе с образом самого лектора. Вот Владимир Викторович стремительно входит в аудиторию, быстро достает из портфеля стопку карточек, к которым изредка обращается за примерами, вот запускает пятерню в густые, тогда еще черные волосы и взъерошивает их — совсем не академически, а вот забегали озорные чертики в глазах — кажется, что именно в этот момент рождается неожиданный и потому запоминающийся образ, после которого судьба несчастных редуцированных навсегда запечатлется в памяти во всей своей трагической наготе. Не менее, чем эмоциональная манера чтения лекций, поражал нас непривычно широкий круг рекомендуемой профессором литературы. Особенно удивляло, что принадлежность авторов тех или иных монографий или учебников к числу традиционных оппонентов Ленинградской фонологической школы, как оказалось, отнюдь не исключала наличия у них сильных сторон и необходимости читать их труды. С сожалением отмечаю, что сегодня СПбГУ мыслит не столь широко, когда, например, призывает своих преподавателей использовать в университетских стенах только учебники местных авторов или учитывает при переизбрании только издания собственного издательства. С недоумением наблюдаю, что пресловутые индексы цитируемости и исключительно внешние оценки порой становятся для моей *alma mater*, да и для российских гуманитарных наук в целом, важнее гордости за отечественные научные школы и содействия их развитию.

С того незабываемого для меня 1977/78 учебного года практически каждый год профессор Колесов объявлял новые спецкурсы, проблематика которых выходила далеко за рамки родной ему акцентологии. Это был счастливый шанс для его учеников всякий раз оказываться среди первых слушателей абсолютно новаторских лекций, перераставших впоследствии в многочисленные учебники и монографии. Некоторые из них были опубликованы и в издательстве «Златоуст»: «Жизнь происходит от слова», «Словарь русской ментальности», «Основы концептологии». Отдельным удовольствием для нас, молодых аспирантов колесовского семинара по истории языка, было наблюдать за

реакциями Владимира Викторовича на чужие выступления — будь то на заседаниях кафедры или на научных собраниях. Непосвященному могло показаться, что он и не слушает вовсе, и глаза у него закрыты — не уснул ли под монотонное чтение заветных листочков? Но как только затихал голос докладчика, неожиданно раздавалось что-то вроде: «Полностью согласен с А.А. Как он остроумно (справедливо, точно и т.п.) заметил...». И далее обычно следовало такое яркое, глубокое и темпераментное развитие примера или случайной реплики А.А., что ему уже и неловко было утверждать, что он ничего подобного вовсе не говорил — так красиво и убедительно звучал комментарий по поводу. А мы только переглядывались, понимающе улыбаясь, испытывая и гордость за своего учителя, и радость от собственной причастности к его мастерству.

Сборник, который лежит перед вами, отличает широкий диапазон научной тематики, и это, безусловно, отражает широту интересов и самого Владимира Викторовича Колесова, и представителей его научной школы. Именно эта широта взглядов, а ещё постоянное и непрерывное саморазвитие, жадное научное любопытство и бесконечная преданность науке, познанию мира во всей его полноте когда-то вовлекли всех нас в колесовскую орбиту, где мы, каждый по мере сил своих, и ныне совершаем свое ежедневное движение к истине.

А.В. Голубева

Аверина С.А.

Санкт-Петербургский государственный университет
swe-ta2008@yandex.ru

Традиционные библейские языковые формулы и их преобразование в древнеславянской агиографии

В статье анализируется функционирование традиционных стилистических формул, восходящих к текстам Священного Писания (типа *душа и тело, гнев и ярость, радость и веселие* и под.) в древнеславянской агиографии.

Рассмотренный материал демонстрирует преобразование традиционных формул двоякого характера — структурное расширение (усложнение) исходной синтагмы или ее сокращение (усечение). В обоих случаях происходит разрушение исходной структуры (формулы-синтагмы). Однако это творческое преобразование, поскольку в результате возникает не только новая синтаксическая структура, но и иной уровень семантической актуализации.

Ключевые слова: агиография, житие, топос, традиционная формула, устойчивое сочетание, стилистическая формула, бинарная структура, формула-синтагма, макроструктура.

У истоков моих агиографических штудий, конечно, стоял Владимир Викторович Колесов. Из обширного списка древних рукописей, предложенного научным руководителем (Владимиром Викторовичем), был выбран древнеславянский

перевод (с греческого языка) Жития Епифания Кипрского. Выбор, отчасти случайный, оказался счастливым. Именно житийная литература стала (и осталась) объектом моих научных (лингвистических) занятий на долгие годы.

Исследование первого житийного текста осуществлялось в русле палеославистической проблематики (общие вопросы возникновения первого литературного языка славян, происхождение перевода, принципы переводческой техники и т. д.), что было, учитывая его переводной характер, вполне естественно и для того времени весьма актуально.

В дальнейшем, когда опыт исследовательской работы с текстами был достаточным, интерес сосредоточился на агиографии как литературном жанре, и в центре внимания оказалась прежде всего русская агиография — ее язык и стиль.

Особая роль памятников агиографической литературы в историко-культурном процессе несомненна. Будучи одним из основных литературных жанров на Руси на протяжении длительного времени (начиная с XI в. и фактически до XVII в.), агиография составляет довольно значительную часть русского древнеписьменного наследия, демонстрируя прекрасный образец книжно-литературного языка.

Как жанр литературы житие характеризуется целым рядом специфических особенностей, при этом генетическая связь оригинальной агиографии с переводными житиями (и патристической литературой) оказалась определяющей в формировании системы жанрово-стилистических показателей агиографического текста. Достаточно строгое следование византийскому канону, проявившееся в использовании определенного набора языковых средств, особенностях словоупотребления, определенных синтаксических структурах, своеобразных стилистических приемах и т. д., позволяет говорить о стереотипе житийного жанра [Лихачев 1979: 71, 88–102].

Об этом свидетельствует материал оригинальных житий XII–XIII вв., созданных в традициях византийского проповеднического стиля.

Однако подходя к агиографии как историко-культурному источнику, такой стереотип оценивают негативно, имея в виду «помехи в выяснении конкретных реалий» [Берман 1982: 159]. И все же именно агиографический канон (не оригинальное, не отступление от традиции) был существенным, значимым в восприятии житий.

Тем не менее имевшая место в дальнейшем трансформация агиографического жанра и связанная с этим эволюция агиографического стиля, результаты которой наглядно представлены в житиях последующего времени — XV и особенно XVI–XVII вв.¹, — несомненное свидетельство того, что унаследованные от Византии и Античности литературные виды и жанры на русской почве получили свою творческую разработку [Мещерский 1978: 4].

Поэтика житий как литературного жанра подчинена литературному этикету, но при этом выбор художественно-изобразительных средств всегда мотивирован предметом изображения [Лихачев 1979: 81–82, 84, 86].

«Литературный этикет... вызывал особую традиционность литературы, появление устойчивых стилистических формул, перенос целых отрывков одного произведения в другое, устойчивость образов, символов-метафор, сравнений и т. д.» [Лихачев 1979: 91].

Арсенал литературных средств — особенно средневековой агиографии — весьма широк; они традиционны, что связано с традиционностью богословских представлений, лежащих в их основе [Лихачев 1979: 161 и сл.].

В этом смысле агиография, будучи «одним из самых формализованных литературных жанров», дает богатейший материал для изучения литературной житийной топики [Руди 2005: 59].

Укажем на целесообразность широкого понимания термина топос, согласно которому «*топосом* может быть любой повторяющийся элемент текста — от отдельной устойчивой литературной формулы до мотива, сюжета или идеи» [Руди 2005: 61].

Строго говоря, в этом случае термин *топос* оказывается «действительным как в отношении формальной, так и в отношении содержательной стороны текста», позволяя «объединить и унифицировать в себе многочисленные существовавшие до него обозначения», — такие как «устойчивая литературная формула», «постоянная формула», «традиционная формула», «стилистическая формула», «литературное

---

¹ Ограничение хронологическими рамками XVI–XVII вв. обусловлено принципиальной важностью указанного периода в развитии русского литературного языка (прежде всего имея в виду динамику взаимоотношений между различными типами — иначе жанрово-стилистическими разновидностями — литературного языка, причем рубежным, как известно, является XVI в.).

клише», «повторяющийся мотив», «общее место» и т.п. [Руди 2005: 61–62].

Подобные структуры, являясь характерной особенностью агиографического текста, составляют, по выражению Д.С. Лихачева, «основной фонд» чисто церковной литературы [Лихачев 1979: 6, 8, 80 и сл.]. Такие структуры переходят из произведения в произведение. Как правило, все они из текстов Священного Писания, сочинений Отцов Церкви, а также произведений авторитетных авторов-агиографов.

Предваряя обсуждение конкретного материала, считаем необходимым высказать несколько общих соображений.

Библейские мотивы в сознании средневекового читателя «не отделялись от их толкований и обработок в гимнографии и гомилетике» [Наумов 1993: 115]. Как правило, «знание Б[иблейских] к[ниг] редко выходило за пределы того, что читалось за богослужением, поэтому и библейские цитаты, заполнявшие в большом количестве как переводные, так и оригинальные памятники, обычно выступают в той языковой форме, какая характерна для служебного типа библейского текста [Алексеев, Лихачева 1987: 74].

Как отмечает А. Е. Наумов, «люди прекрасно понимали исключительную роль Св[ященного] Писания, но воспринимали отдельные слова и сюжеты, согласно их правоторству, т. е. самым большим авторитетом пользовались слова Бога Отца и Иисуса Христа (logia) и мессинские стихи, затем следовал авторитет евангельского повествования, апостольских поучений и деяний, текстов пророчеств, книг мудрости... и в конце — исторических книг Ветхого Завета. Особенно смотрели на Псалтырь — это была вневременная модель молитвы, которую воспринимали как свою собственную» [Наумов 1993: 116].

Для дальнейшего изложения принципиально важным представляется утверждение В.В. Колесова об исходной формульности древнего текста [Колесов 1989: 14, 136, 138, 148–164], вполне справедливое и применительно к агиографии.

Естественно поэтому рассмотреть те строевые единицы текста, которые разными исследователями определяются как *устойчивые словесные комплексы* [Ломов 1969], *словесные сращения* [Робинсон 1965: 438–442], *биномы* или *блоки* [Хроленко 1981], *колоны* [Пиккио 1980: 24], *синтаксемы* [Копыленко 1967], *постоянные* или *повествовательные формулы* [Орлов 1902], *устойчивые формулы* [Еремин 1966; Еремин

1968; Мещерский 1981], *традиционные устойчивые словосочетания* и *традиционные формулы* [Творогов 1962: 8], *формулы с ключевыми словами-символами* [Коновалова 1977, 32], *трафаретные формулы* или *трафаретные выражения* [Костючук 1983: 3], *устойчивые стилистические формулы* или *трафаретные сочетания* [Лихачев 1979: 91, 105], *формулы-синтагмы* (с дистрибуцией: формулы языка и синтагмы речи) [Колесов 1989: 136 и сл.].

Не вдаваясь в детальное обсуждение теоретических нюансов терминологической дискуссии, принимаем наиболее корректную при изложении соответствующего материала дефиницию В.В. Колесова, который считает обоснованным разграничение данных единиц в потоке речи и в конкретном тексте (синтагма) как языковой категории (словосочетание) и в связи с ритуалом-действием, имея в виду поэтическую функцию синтагмы (формула) [Колесов 1989: 136–147].

В дальнейшем при изложении материала используются термины *синтагма*, *словосочетание* и *формула*, нередко с уточнением: *устойчивая формула*, *традиционная формула*, *исходная формула*, *исходная синтагма* — в связи с потребностью подчеркнуть или функциональное назначение словесного комплекса, или его ритмо-мелодическое и смысловое единство (т. е. грамматическую цельность), но также при необходимости акцентировать внимание на динамической характеристике процесса.

Материал для исследования извлечен из двух древнеславянских житий: *Жития Епифания Кипрского* и *Жития Феодосия Печерского*¹.

Итак, речь пойдет о бинарных (парных) сочетаниях типа *душа и тело*, *плач и рыдания*, *радость и веселие* и т. д. — традиционных агиографических формулах, своего рода «микротопосах».

Вопрос о происхождении таких формул в данной работе не является предметом специального рассмотрения. Как известно, существуют

---

¹ Житие Епифания Кипрского (ЕК) — одно из традиционных переводных сочинений житийной литературы (вероятно, южнославянский перевод с греческого языка). Житие Феодосия Печерского (ФП) — оригинальный древнерусский текст. Изданы по рукописи Син. 1063/4, кон. XII — нач. XIII в.; ОР ГИМ, Москва. Издание: Успенский сборник XII–XIII вв. / под ред. С. И. Коткова, Академия Наук СССР, Ин-т русского языка. М.: Наука, 1971. С. 71–135, 253–297. Кроме того, с целью содержательного восполнения текста ЕК привлечена рукопись Соф. 1326, XIII в., М. Лл. 1–110; ОР РНБ (ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина), Санкт-Петербург; текст в содержательном отношении более сохранный. Поскольку в каждой из рукописей ЕК имеются лакуны (правда, не совпадающие), оказалось возможным использовать базовые рукописи как взаимодополняющие источники.

две прямо противоположные исследовательские традиции их оценки (с генетической и функциональной точек зрения): как синонимические дублиеты библейского происхождения, поскольку они несомненно восходят к текстам Священного Писания [Мещерский 1958: 140; и др.], или как исконные, т. е. унаследованные древнейшими памятниками письменности от предыдущей народно-поэтической традиции дублиетные формулы [Колесов 1989: 141–142 и др.].

Между тем это противопоставление фактически снимается, если принять во внимание известное высказывание профессора В.В. Колесова, актуализирующее связь культа и культуры и, по существу, вскрывающее своего рода механизм порождения культуры. «Древнеславянские переводы книг Библии сыграли решающую роль не только в развитии культа, но и в становлении современной русской культуры, прежде всего созданием литературного языка» [Колесов 1995: 81]. Поскольку совершенно очевидно, что «став производной от культа, культура развивалась (именно — С.А.) на этих текстах» [там же]. «Особенно в средние века все культурное развитие происходило под мощным воздействием со стороны символики, формул и образов, заложенных в переводных текстах» [там же].

Несомненно, этим исходным формулам принадлежит особая роль в создании целостного текста. Разумеется, при этом необходимо принимать во внимание динамические тенденции внутри самого целостного текста, что, в свою очередь, связано с различными типами преобразования текстообразующих компонентов. Механизм подобных преобразований может быть показан на примере некоторых традиционных формул — ситуативно мотивированных топосов¹.

Дух/душа и тело

ѣдино тѣло, ѣдинъ дѣхъ (Еф. 4:4);

да бѣдетъ сѣа и тѣломъ и дѣхомъ (1 Кор. 7:34);

дѣша болши естъ пищи, и тѣло ѡдежды (Лк. 12:23) и др.

Особый тип развертывания традиционной формулы (актуализирующей антонимические коннотации) представляет бинарные структу-

---

¹ Иллюстративный материал из ЕК и ФП приводится в упрощенной орфографии: графические дублиеты не воспроизводятся, титла не раскрываются, выносные буквы вносятся в строку в круглых скобках, пунктуация источника сохраняется; после цитаты дается указание на лист и столбец рукописи. Текст ЕК, цитируемый по рукописи Син. 1063/4, имеет обозначение: ЕК/Усп.

ры, демонстрирующие случаи так называемого синтаксического параллелизма [см. Лихачев 1979: 169–175].

Показательны три фрагмента из ФП — аллюзия на ветхозаветную цитату:

Ср.: занѣ азъ оубо аще не оу васъ, съиѣ тѣломъ тѣ же живыи дѣхомъ, оужѣ сѣдихъ, ѡкѡ тамо сын; содѣлавшаго сице сѣе (1 Кор. 5:3);

также:

аще бо и плотию ѡ(т)стою, но дѣхомъ съ вами радѡася и вида вашъ чинъ и оутвержденіе вашеѡ вѣрѣ, ѡже во хр(с)та (Колос. 2:5).

В анализируемом источнике имеем:

аще и тѣломъ о(т)хожю о(т) васъ. нѣ дѣхъмъ присно боудоу съ вами (ФП, 63г);

се бо син прѣдѣвныи бѣцъ нашъ феодоси. аще и тѣлѣмъ о(т)лоуци сѡ о(т) на(с). нѣ ако же самъ рече дѣхъмъ присно съ нами естъ (ФП, 65а);

и се ави сѡ емоу бѣцъ нашъ феодоси гл. чѣто тако печалоуеши сѡ или мьниши ако азъ о(т)ндохъ о(т) васъ. аще бо и тѣлѣмъ о(т)лоучихъ сѡ о(т) васъ нѣ дѣхъмъ вьсегда съ вами есмь (ФП, 65в).

Нередко цитаты из текстов Священного Писания никак не выделялись и включались в житийный текст без указания на источник, как бы исходящими от автора. В ФП эта сентенция атрибутируется преподобному Феодосию, что маркировано и синтаксически: примеры 1 и 3 — конструкции с прямой речью, пример 2 — конструкция с косвенной речью.

Поэтому естественно, что такие структуры подвергаются разного рода преобразованиям на лексико-грамматическом и синтаксическом уровнях для согласования с основным текстом.

тѣлѣмъ — о(т)хожоу — о(т) васъ

дѣхъмъ — присно боудоу — съ вами;

тѣлѣмъ — о(т)лоуци сѡ — о(т) на(с)

дѣхъмъ — присно естъ — съ нами;

тѣлѣмъ — о(т)лоучихъ сѡ — о(т) васъ

дѣхъмъ — вьсегда есмь — съ вами.

Здесь происходит разложение исходной синтагмы на составляющие и развертывание каждой части до размеров целого предложения.

При этом возникают более сложные синтаксические отношения между компонентами новой структуры; как следствие такой структурной трансформации происходит усиление смысловой позиции ключевого для каждой структуры слова, получающего как бы дополнительный семантический акцент.

Формальные признаки разрушения традиционной формулы — это расширение пространства текста за счет распространителей атрибутивно-обстоятельственного типа и актуализации новых синтаксических связей.

Об активном творческом преобразовании исходной синтагмы свидетельствуют и вторичные структуры, в которых ключевые слова (или производные от них образования) характеризуются более широкой сочетаемостью:

растыи оубо тѣлѣмъ и дѣшею влекомъ на любѣвь бжню (ФП, 27г);

тѣмъ всѣ съ всѣмъ въздържаннемъ дѣшо съмѣраше. тѣло же пакы троудѣмъ и подвижаннемъ дроучаше (ФП, 31г);

здесь особая семантическая нагрузка падает на глагольные формы (имперфекта) — своего рода «распространители» ключевых лексем;

также:

оубрачючита сѧ и съблюданта о(т) сласти мирьскыѧ. ѧже раждизаетъ тѣло и мысль (ЕК, 105а-б).

Вместе с тем единство формулы-синтагмы «определялось не формальными признаками сочетания слов» (управлением, синтаксической валентностью и др.), а «семантикой ключевого слова» [Колесов 1989: 141].

Душа/дух и сердце

вѣ сердце и душа еди́на (Деян. 4:32);

всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею ду́шею твоею (Мк. 12:30);

всѣмъ сердцемъ своимъ и всею ду́шею своею (4 Цар. 23:25);

ω(т) всегѡ сердца твоегѡ и ω(т) всеѧ ду́ши твоеѧ (Вт. 6:5; Лк. 10:27) и др.

Традиционная формула *душа и сердце* активно используется и достаточно активно преобразуется в разных текстах Священного Писания.

В исследуемом материале имеем:

рече же епифанъ къ црю. храни моѧ словеса вѣиноу въ сердци своемъ. и имѣи ма чѧдо въ дѣши си (ЕК, 93в) и др.

Как правило, увеличение синтаксического объема исходной структуры осуществляется за счет распространителей-определений к каждому из ее компонентов (здесь это местоимения). Причем синтаксическое

развертывание нередко требует и грамматической трансформации компонентов.

Только в ФП отмечена исходная синтагма *дух и сердце*, не фиксируемая в известных библейских текстах, что дает возможность квалифицировать ее как оригинальную контаминацию двух синтагм *душа и сердце, дух и тело*:

вѣзъ гѣ съкроушенъимъ срѣцьмъ и съмѣренъмъ дѣхъмъ спсѣтъ (ФП, 34г).

Результат такого структурного преобразования сказался и на семантическом уровне. В данном случае могла иметь место своеобразная семантическая дифференциация; подчеркивается, выделяется из ряда других какая-либо одна из сторон понятия, представляющаяся наиболее существенной.

Когда преобразование традиционной формулы происходит за счет включения ее в семантическую структуру большего объема, неизбежно возникают новые смысловые отношения, и семантическое напряжение между компонентами исходной структуры ослабевает, впрочем окончательно не исчезая, чему отчасти могло способствовать наличие эквивалентных определений-распространителей к каждому из них.

ѡць же нашъ феодоси всѧ си слышавѣ. не оубоѡса дѣхъмъ. ни оубоѡсе сѧ срѣцьмъ (ФП, 38б).

Каждый из компонентов исходной формулы, являясь формально-синтаксически распространителем глагольной формы¹, на смысловом уровне может получить верное истолкование только в случае интерпретации глагольной формы как своего рода экспликатора стержневого слова — компонента исходной формулы, расширяя и обогащая объем исходного понятия.

Гнев и ярость

во гнѣвѣ и въ ѡрость (Иез. 5:15);

престѧни ѡ(т) гнѣѡа и встѧви ѡрость (Пс. 36:8);

съ ѡростію и съ гнѣвомъ великимъ (Иер. 21:5);

взѣдетъ ѡрость моѧ во гнѣвѣ моѣмъ (Иез. 38:18);

не сотворю по гнѣвѣ ѡрости моѣѧ (Ос. 11:9) и др.

---

¹ В данном случае исходим из генетического статуса соответствующих образований, что оказывается предпочтительнее, поскольку допускает однозначное истолкование последних, тогда как на семантическом уровне возможна двоякая интерпретация подобных структур.

Эта традиционная формула как ситуативно маркированная встречается в агиографических текстах довольно часто. Интересны отмеченные в исследуемых источниках разнообразные возможности преобразования исходной синтагмы. Имеющиеся примеры такого рода относительно немногочисленны, но показательны.

Даже при сохранении обоих компонентов традиционная формула может приобретать коннотации как семантического, так и стилистического характера благодаря включению ее в развернутую синтаксическую структуру.

При этом возможна некая дифференциация компонентов исходной синтагмы за счет формально-грамматических средств (союзов, предлогов):

и отъ ѡрости же и гнѣва мѣти его имѣше и за власы и повърже и на земли (ФП, 28г).

Показателен отмеченный в исследуемом источнике фрагмент, где, несмотря на сохранение обоих компонентов бинарной структуры, опущен сочинительный союз (и):

воуди же ты съѣдѡ на столѣ своемъ не въставляла гнѣва ѡрости твоѡ на кръстьны (ЕК, 27б).

Вообще подобные (единичные в тексте) случаи, если это не связано с обстоятельствами технического характера, косвенно могут свидетельствовать о возникновении новых семантических коннотаций (о своеобразной семантической компрессии).

В пользу обоснованности такого предположения говорит и актуализация подобной структуры в ряде текстов Священного Писания: см. пример из Ос. 11:9, а также:

и ѡ(т)вратитсѡ гнѣвъ ѡрости г(с)дни (Чис. 25:4),

но и (с инверсией):

излѡ ѡрость гнѣва своегѡ (Пл. 4:11),

не ѡ(т)вратисѡ г(с)дѣ ѡрости гнѣва своегѡ великагѡ (4 Цар. 23:26);

дѡти емѡ чѡшѡ вѡна ѡрости гнѣва своегѡ (Откр. 16:19).

В связи с чем представляется достаточным ограничиться здесь богословской дефиницией (не истолкованием!) семантики ключевых лексем синтагмы (*гнев* 'сильное негодование; возмущение' и *ярость* 'сильный гнев, неистовство'):

гнѣвъ — досада, ярость [Дьяченко 1993: 125];

ѡрость — сильный гнев, раздражение [Дьяченко 1993: 852].

Таким образом, *гнѣвъ ꙗ́рости* трактуется как 'сила гнева', ибо «ярость и гнѣвъ различаются между собою тѣмъ, что ярость есть гнѣвъ возгорающийся и еще пламенѣющей, а гнѣвъ есть желаніе за скорбь воздать скорбію. Поэтому ярость есть недостигшій полноты гнѣвъ, а гнѣвъ самая полнота» [Дьяченко 1993: 852].

Более часты случаи преобразования традиционных формул, когда каждый из компонентов исходной структуры, выступая самостоятельно, фактически становится доминантой нового градационного ряда, что ведет к актуализации новых синтаксических и, как следствие, семантических связей.

Несомненный грамматический признак разложения устойчивых сочетаний — распространение одного из компонентов прилагательным; в атрибутивной функции обычно выступают прилагательные *великий, многий*:

въ гнѣвѣ велицѣ соущоу (ФП, 65б);

оустрьми сѧ по нь съ гнѣвѣмъ великѣмъ (ФП, 30а);

они же гнѣва многа напѣньше сѧ (ЕК, 19в-г).

Многочисленны также синтаксические вариации, включающие глагольные и причастные формы:

тольми же гнѣвѣмъ одръжима (ФП, 28г);

еще же гнѣвѣмъ одръжима соущи (ФП, 29а);

оуболевъ сѧ гнѣва бѣжи (ФП, 34а);

раждыгъ сѧ на нь гнѣвѣмъ (ФП, 34б).

На второй компонент зафиксирован единственный пример: *съ ꙗ́ростию въставъши* (ФП, 30в).

Нередко традиционная формула служит своего рода базовой структурой для новых парных сочетаний, актуализирующих разнообразные возможности языковой системы:

отъ великыа ꙗ́рости разгнѣвати сѧ на нь и бити и (ФП, 28б).

Экспликация исходной синтагмы (при сохранении одного из компонентов в качестве доминанты текста другой подвергается грамматической и словообразовательной трансформации: *гнев — гневатися — разгневатися*) вполне может свидетельствовать о творческом преобразовании традиционной формулы в художественном тексте.

Печаль и скорбь

скѣръ и тѣснота на всѧкъ дѣшѣ человека творѧ щѧгѣ злое (Рим. 2:9);

кто нгы разлчнтъ w(т) любвѣ бжїа; скѡрбь ли, нлн тѣснота, нлн гонѣнїе, нлн глѡдъ, нлн нагота, нлн вѣда, нлн мѣчъ (Рим. 8:35);
скѡрбь терпѣнїе содѣловаеть (Рим. 5:3);
скѡрбь н колѣзнь шврѣтохъ (Пс. 114:3);
забывѡеши нищетѣ нашѣ н скѡрбь нашѣ (Пс. 43:25);
женѡ ..., егда же родитѣ... не помнитѣ скѡрби за радость (Ин. 16:21);
не мнитса радость быти, но печаль (Евр. 12:11);
но печаль ваша въ радость вѣдетѣ (Ин. 16:20) и др.

Характерно, что тексты Священного Писания демонстрируют довольно свободную сочетаемость каждого из ключевых слов синтагмы *печаль и скорбь* в пределах самостоятельных синтаксических структур.

Это позволяет сделать предположение об актуализации по крайней мере нескольких синтагм с лексемами *скорбь* (*скорбь и теснота, скорбь и терпение, скорбь и болезнь, скорбь и нищета, скорбь и радость*) и *печаль* (*печаль и воздыхание, печаль и радость*), реализующих синонимические и антонимические отношения компонентов.

В анализируемых источниках, даже сохраняя оба компонента:

печаль и скървь дїшо мою овдържааше (ФП, 67в);

єлико скърви и печали приаше (ФП, 35г), –

традиционная формула тем не менее приобретает ряд коннотаций как семантического, так и стилистического характера, будучи включенной в более широкий контекст.

Обычно это связано с тем, что какой-нибудь из ее компонентов (а иногда и оба) получает распространитель, характеризующийся различными семантическими и стилистическими особенностями:

вратни же въ велицѣ скърви и печали соущемъ (ФП, 62г);

въ велицѣ печали и скърви воудаше (ФП, 49в) и др.

Происходит более или менее значительное развертывание исходной синтагмы, результат которого – акцентирование смыслового признака.

Несомненный грамматический показатель разложения исходной формулы – своеобразное «усечение» за счет утраты одного из компонентов с активизацией синтаксической валентности оставшегося. Как правило, реализуются функции определительно-обстоятельственного характера (чаще всего – благодаря введению присубстантивного распространителя):

въ скърби велицѣ бысть (ФП, 30а);
бѣша въ печали мнозѣ (ФП, 34г);
оутѣши ю епифанъ о всен скърби еѧ (ЕК, 93г);
избавить тѧ от печали тоѧ (ФП, 61г);
всю печаль свою възвѣрзи къ богоу (ФП, 45б);
печалию по всѧ дни съдръжимъ бѣхъ (ФП, 26б).

Таким образом, исходная синтагма становится базовой структурой для новых бинарных сочетаний, вполне наглядно демонстрируя потенции языковой системы.

Это проявляется на морфологическом и словообразовательном уровнях:

и николи же въпаде о томъ въ печаль ни поскърве о томъ (ФП, 37а);

църь же аркадъ примѣ моление и прочтѣ оскорбѣ печалию великою зѣло (ЕК/Усп., 174г).

Это проявляется и на лексико-семантическом уровне:

о(т) скърби и многа неѧдениѧ (ЕК, 55г);

многы избави о(т) печали и напасти (ФП, 61в);

въ печали быс въ велицѣ о томъ и съ слъзми молаше сѧ боу (ФП, 65в);

ср.: въ такон скърби соущѣ съжали си зѣло и просльзивъ сѧ (ФП, 50г);

и даже: нъ не дръзною ни единого же зѣла и скърьвна сътворити (ФП, 59а);

в последнем случае имеет место и грамматическое преобразование компонента исходной синтагмы.

Одним из свидетельств разрушения устойчивой формулы может служить новая структура, в которой совмещены компоненты разных исходных синтагм *печаль и скорбь*, *плач и рыдание*:

въ великоу печаль и плачь въпадоша (ФП, 61г).

При этом возможны различные типы экспликации ключевых слов базовой синтагмы — структурно-семантическое и грамматическое преобразование какого-либо одного или обоих компонентов, синтаксическое распространение возникающей структуры иногда до размеров целого предложения:

досихомъ же женоу фаоустянию плачущю сѧ моужа своего. и оутѣши ю епифанъ о всен скърби еѧ (ЕК, 93г) (*плач — плачущий*).

Интересен пример контаминации синтагм *печаль и скорбь* (актуализирующей негативные синонимические коннотации) и *радость и*

веселие (актуализирующей позитивные синонимические коннотации) в рамках синтаксической макроструктуры:

вы же рече [Епифан] вѣста колицѣми скърьбми прѣидохъ и азъ не непѣщавахъ ни единомъ же скърьби нъ вьсѣгда бѣвахъ радоуа сѧ боу (ЕК, 104а).

В итоге контекстуально «реализуется» корреляция *скорбь* — *радость* (скорбь/скорьбми и радуяся < радоватися), актуализирующая уже позитивно-негативные семантические коннотации.

Возникает своеобразный (потенциальный) номинативный ряд: (колицѣми) скърьбми — (ни единомъ) скърьби — (вьсѣгда) бѣвахъ радоуа сѧ, в котором синтаксическое распространение каждого из компонентов, их грамматическое преобразование неизбежно ведет к их семантической трансформации. Именно последний член такого ряда оказывается семантически более насыщенным: *радоуа сѧ* — *радость* — *радоуа сѧ боу*. Здесь *радоватися* — не просто ‘радоваться, испытывать удовольствие, находить удовольствие в чем-л., любить что-л.’ [СлРЯ XI–XVII 21: 123], также ‘испытывать чувство радости; ликовать, торжествовать’ [СДРЯ XI–XIV 9: 459–460], но испытывать особое чувство «радостного восторга», вдохновение, высшее «растворение» в момент молитвенно-го обращения к Богу.

Разрастание исходной формулы возможно посредством присоединения третьего компонента. Обычно это изначально семантически более емкое слово, поскольку его семантическая структура как бы вбирает в себя и семы, присущие обоим компонентам исходной синтагмы. Но даже если изначально это и не так (т. е. такой семантической полноты слово не имело), в новых условиях, в контексте происходит наращение семантического потенциала.

Ср.: ω(τ)вѣже болѣзнь и печаль и въздыханіе (Ис. 35:10).

Подобные структуры в известном смысле аналогичны минимальным синтагмам у Епифания Премудрого — триадам. В таких структурах очень важно, какова «последовательность предъявления именно данных слов, поскольку таким способом создается усиление образа в том смысле, какой находим в перечне этих своеобразных „синонимов“ (синонимами, разумеется, не являющихся)» [Колесов 1989: 192].

В этой связи показателен фрагмент:

оуже отъбѣже о(τ) вас болѣзнь печаль скърьб и въздыхание боудета чающе въскрьсени и не печалюите исходатицхъ житиѧ сего (ЕК, 82г), в ко-

тором имеем градационный ряд, включающий четыре компонента, а в заключительной части фрагмента — развертку: и не печалдите исход#щихъ жити# сего.

Трактовка обусловлена спецификой контекста, в котором особые смысловые коннотации создаются в результате использования различных формально-грамматических средств (важную роль играют союзы, уточнения, распространители компонентов синтагм). Следствием этого неизбежно оказывается и изменение в синтаксической структуре — создается сложный синтаксический и семантический рисунок фразы.

Отмеченная В.В. Колесовым «большая предикативность ранних и большая описательность позднейших формул» [Колесов 1989: 157] (что вполне наглядно демонстрирует материал поздних житий [Аверина 1995; 2016; 2019]), делает вполне ожидаемым результат: в анализируемых источниках (ЕК и ФП) не находим примеров, демонстрирующих преобразование исходных формул на уровне триад Епифания Премудрого.

Однако представляется, что рассмотренный материал может с достаточной убедительностью свидетельствовать о возможностях творческого преобразования традиционных формул в древнеславянском агиографическом тексте.

Плач и рыдание

плачь и рыданіе и вѣпль многъ (Мф. 12:18);

плакахъсѧ же вси и рыдахъ еѧ (Лк. 8:52);

вѣпль бѣ и плачь и рыданіе превеліе (Есф. 4:3);

и рыдаша и плакашасѧ и постишасѧ до вѣчера (2 Цар. 1:12);

и возопиша плачущесѧ, и рыдающе (Откр. 18:19);

и вси ѡтроци егѡ плакаша плачемъ великимъ зело (2 Цар. 13:36);

гласъ въ рамѣ слышанъ бысть плача и рыданіа и вѣпла (Иер. 31:15) и др.

Некоторое увеличение синтаксического объема исходной формулы достигается за счет введения присубстантивного распространителя, представляющего собой одиночное определение:

баше же плачь и рыдание велико въ полатахъ црвахъ (ЕК, 79а).

Как правило, традиционная формула, оказываясь исходной (базовой) структурой для новых устойчивых сочетаний, весьма убедительно акцентирует разнообразные возможности системы языка.

Это проявляется не только на морфологическом и словообразовательном уровнях:

мѣнѣ же плачащю и рыдающѣ о погребении сѣгаго бѣа нашего (ЕК/Усп., 173б) и др.

Более показательны и многочисленны примеры преобразований такого рода на лексико-семантическом уровне, когда при сохранении первого компонента исходной синтагмы (*плач*) второй компонент возникшей новой бинарной структуры получает распространитель в виде одиночного определения:

великъ бо плачь и жалость тѣжка бысть (ЕК/Усп., 173г);

плачь и кричанье велико въ домоу его (ЕК, 69в),

или предложно-именного сочетания атрибутивного характера:

плачь и слезы изъ очию испощаху (ФП, 67в).

При этом нередко имеет место и грамматическое преобразование компонентов:

и тако по единомуу вьса цѣлова плачуща сѣ и кричаща (ФП, 63б).

Интересны разного рода комбинации компонентов гипотетически актуализируемой синтагмы *плач* и *моление* (исходная синтаксическая структура в исследуемых источниках не зафиксирована):

семоу же плачущю сѣ молащю (ЕК, 63г);

ср.: семоу же плачущоу и молащоу (ЕК/Усп., 156в);

плача и мола бѣ его ради (ФП, 49в);

мола сѣ бѣ съ плачьмь (ФП, 45в);

и даже: молаше сѣ съ плачьмь бѣ о немь просѣ тьрьпѣннѣ семоу (ФП, 49г).

В последнем случае имеет место синтаксическое развертывание, в результате которого базовая для данной ситуации синтагма *плач и моление* (с инверсией *мола сѣ съ плачьмь*) получает новое семантическое истолкование.

Очевидно, что в данном случае глагольные формы могут быть соотнесены с соответствующим номинативным рядом: *моление* — *плач* — *терпение*. Причем последняя лексема в известном смысле характеризует внутреннее состояние субъекта, тогда как первые две — своего рода результат этого состояния, внешнее его проявление. Иными словами, последний член коррелятивного ряда характеризует

объем самого понятия, тогда как два первых члена — экспликация его содержания, т. е. перед нами своего рода гипероним.

При такой семантической трактовке вполне корректно сослаться на теологическое понимание *терпения* как одной из фундаментальных христианских добродетелей, ибо *претерпѣвый же до конца, той спасетса* (Мф. 24:13); *претерпѣвый же до конца, той спасенъ вѣдетъ* (Мк. 13:13).

Терпение «как проявление стойкости и мудрости» [Колесов, Колесова, Харитонов 2014: 379] «... есть способность достойно и спокойно предвидеть возможное зло жизни и, не преувеличивая его, крепить свою собственную силу... Оно есть, кроме того, вера в победу и путь к победе... более того — оно есть сама победа... Терпение есть поистине „лестница совершенства“» (И.А. Ильин) [Цит. по: Колесов, Колесова, Харитонов 2014: 380].

Случаи преобразования исходной синтагмы на базе компонента *рыдание* весьма немногочисленны и демонстрируют механизм развертывания традиционных формул вполне в пределах древнерусской литературной нормы [Колесов 1989: 147, 148, 160 и др.]:

вси падоша ници и съ многъмь рыданиемь моллаху епифана (ЕК, 42а-б); и *вѣ епифанъ рыдал о немь и мола сѧ боу* (ЕК/Усп., 170в) и др.

Заслуживают внимания некоторые примеры оригинальных преобразований традиционных формул в исследуемых источниках, что можно оценить как некую творческую реализацию.

Возможно трактовать ряд синтагм как случаи окказиональной контаминации и в этом смысле как некое творческое проявление.

1. *велинемь гла(с)мь и плачьмь горькъмь глаше къ тѣлоу* (ЕК/Усп., 174б-в); ср.: *плачь великъ* (ФП, 67в; ЕК, 80г).

2. *тоужаща же и слъзаща по немь братиа оуставла* и (ЕК, 89г);

ср.: *тоугы и слъзы братиа оставлахутъ* и (ЕК/Усп., 165в).

Контаминация синтагм *плач* и *слезы*, *туга* и *печаль*.

3. *лице бо видаше нища или оубога въ скърви соуща и въ одежи хощѣ жалаше си его ради и вельми тоужаше о семь. и съ плачьмь того миноваше* (ФП, 51а).

Контаминация синтагм *скорбь* и *печаль*, *плач* и *рыдание*.

Несмотря на то, что компоненты исходной синтагмы разведены, пространство текста четко структурируется за счет морфологической (глагольной) рифмы.

4. и възнищемъ бѣ рыданиемъ слъзми. пощениемъ и бѣдѣниемъ и покорениемъ же и послушаниемъ (ФП, 39б).

Один из компонентов исходной синтагмы (другой утрачивается) становится доминантой нового градационного ряда. Совершенно очевидно, что в этом случае развернутая синтаксическая структура содержит ряд именных лексем, последовательность которых может быть задана имплицитной установкой «автора».

Радость и веселие

гласъ весѣліа ѿ гласъ радості (Иер. 33:11);

сотвориша радость и веселіе (Ис. 22:13);

да возрадуются и возвеселятся ѿ тѣбѣ вси (Пс. 39:17);

радуйтеся и веселитесь, ꙗкѡ мзда ваша многа на нбѣхъ (Мф. 5:12);

ω(т)пѣстн людѣй... веселящихся ѿ радующихся (2 Пар. 7:10) и др.

Как можно видеть, традиционная формула *радость и веселие* активно используется и достаточно активно преобразуется в разных текстах Священного Писания.

Исходная синтагма в первоначальном виде, демонстрирующем наличие обоих компонентов, материалом исследуемых источников не зафиксирована. Следовательно, приходится констатировать факт некоего формального разрушения исконной структуры. Однако имеющиеся примеры преобразования каждого из ее компонентов (на грамматическом, словообразовательном, синтаксическом уровнях) могут свидетельствовать (до известной степени) о свободном характере такого преобразования.

Несомненный грамматический признак разложения устойчивых сочетаний — включение одного из компонентов исходной синтагмы в новую глагольно-именную структуру; нередко с варьированием глагольного компонента:

блаженны съ радостію его примаше (ФП, 49г);

того блаженны съ радостію примѣ оучаше (ФП, 49в);

того съ радостію прилѣтъ (ФП, 50а);

съ радостію поклонити сѧ имѣ (ФП, 28в).

При этом возможно распространение ключевого слова атрибутивным элементом, в качестве которого выступают обычно прилагательные *великий, велий* и местоимение *всякий*:

и приша ны братиѧ съ радостію великою (ЕК, 32а, 76г, 83г);

радостію великою (ЕК, 16г);

и приша ны братиѣ съ радостию велиною (ЕК, 93г);

съ всакою радостию покарѣа сѣ емоу (ФП, 41г).

Наличие дериватов ключевых лексем исходной синтагмы (*радость и веселие*) в однотипных контекстах делает возможным предположение о своего рода семантической нейтрализации:

ср.: блаженнѣи феоодосни въздрадова сѣ дхътьмь (ФП, 33а);

...веселаше сѣ дхътьмь (ФП, 42б).

Как свидетельствует материал, одним из ярких показателей развития традиционных формул является активное включение их компонентов в новые структуры, что нередко связано с грамматическими преобразованиями:

радость – *рад(остный)* – *радоватися*,

веселие – *веселый* – *весе– тия*.

Имеются синтаксические вариации, включающие причастные формы:

радоуѣ сѣ и слава бѣ (ФП, 43б);

радоуѣща сѣ и слава бога (ФП, 44б);

глагольные формы:

братиѣ... въздрадоваша сѣ вельми (ЕК, 50а);

блаженный... въздрѣдова сѣ дхътьмь (ФП, 58г);

въздрадова сѣ радостию великою (ЕК, 91г);

въздрадоваша сѣ зѣло (ЕК, 50в);

въздрадоваша сѣ радостию великою (ЕК, 16г, ФП, 35а);

въздрадоваша сѣ радостию великою (ЕК, 91г).

Зафиксировано единичное именное образование:

еѣскпъ же [радъ бысть] радостию великою (ЕК, 81в-г).

На второй компонент примеры немногочисленны и включают единичные именные и глагольные формы:

всьгда весело лице имоуще (ФП, 50г);

гла емоу съ веселътьмь лицъмь (ФП, 46б);

тѣгда боудеши веселоуѣ сѣ (ЕК, 26а).

Еще один показательный пример, где имеем случай синтаксического параллелизма, особый тип развертывания традиционной формулы:

се же ако весела сѣ глаше прибвѣноуѣ... не быхъ сѣ тако радовалъ ако о приходѣ твоемь (ФП, 60а-б).

Одним из свидетельств разрушения исходной формулы может служить возникновение новой структуры, в которой совмещены компо-

ненты (или их дериваты) различных исходных синтагм (*радость и веселие, душа и сердце*):

и възвесели сѧ съ братиєю на обѣдѣ веселиемъ дѣховнымъ (ФП, 50в).

Здесь расширение текста приводит к развертыванию антитезы, имплицитно представленной уже новой (развернутой) структурой.

Структурное преобразование текста неизбежно влечет за собой его семантическую экспликацию. Очевидно, что в результате подобного синтаксического распространения происходит перераспределение смысловых акцентов.

При таком сопряжении компонентов исходной структуры разрушаются прежние семантические связи и возникает новая смысловая перспектива.

Духовное веселие (духовная радость) здесь высшая, «божественная», «боговдохновенная» радость, т. е. «к Богу устремленная, обращенная», «в Боге и для Бога совершаемая» [Дьяченко 1993: 54–55].

Страх и трепет

страхъ и трепеть прїде на мѧ (Пс. 54:6);

да нападетъ на мѧ страхъ и трепеть (Исх. 15:16);

и страхъ и трепеть вашъ будетъ на всѣхъ звѣрехъ земныхъ (Быт. 9:12);

имѧше же ихъ трепеть и оужась (Мк. 16:8);

оужась же мѧ срѣте и трепеть (Иов. 4:14);

жена же оубоавшисѧ и трепещщи (Мк. 5:33);

не бойсѧ, ни оужасайсѧ, ни оустрашайсѧ (w)т лица ихъ (Вт. 31:6) и др.

Как можно видеть, традиционная формула *страх и трепет* активно используется в разных текстах Священного Писания (как ситуативно мотивированная) и так же активно преобразуется, демонстрируя различные трансформации компонентов.

Немногочисленные примеры анализируемых источников достаточно показательны. Здесь налицо сохранение обоих компонентов, но при этом формула как базовая включается в более широкий контекст (происходит развертывание исходной синтагмы до фразы).

Включаясь в макроструктуры, она, несомненно, испытывала и смысловые преобразования; как правило, это семантическая экспликация:

тогда же и азъ въ слѣдъ его идый страхъ и трепеть нападе на мѧ (ЕК, 21г);

о(т) страха и трепета не възможе ити въ домъ свои (ЕК, 68г);

страхъмъ и трепетьмъ вси клирници поклоняхоу сѧ епифану (ЕК, 63б);

тѣгда же страхъ и трепеть обвятъ мѧ (ФП, 44а).

Нередко один (иногда каждый) из компонентов исходной формулы выступает самостоятельно, фактически становясь доминантой новой структуры.

Несомненный признак разложения устойчивого сочетания — аспространение одного из компонентов прилагательным; в атрибутивной функции выступают обычно прилагательные *великий, велий*:

страхъм великъъм вси обьати падоша (ЕК, 24в);

гладоу съ страхъм великъъм (ЕК, 21а);

възвонъ сѧ епифанъ страхъм велинемъ (ЕК, 8б).

Отмечены единичные случаи с прилагательными *львьскни*: *отъ страха львьскааго* (ЕК, 33в); *вожин: съ страхъм бжнемъ* (ФП, 62б); местоимением *тъ (тот)*: *о(т)беже отъ мене страхъ тъ* (ФП, 44б).

Но также:

градете бе страха чьда (ЕК, 34б);

страхъ нападе на всѧ (ЕК, 75а);

паде страхъ на всѣхъ (ЕК, 33г);

въ страстѣ бывъ (ФП, 43в);

о(т) страха не ѡ(т)врьзе вратъ (ФП, 40г) и др.

Актуализируется в новых контекстах, как правило, компонент *страх*. Отмечены только два примера употребления лексемы *трепет*:

и словъмъ епифанъмъ паде трепеть на харингѣ (ЕК, 62г);

ср. также: *оужасе сѧ въ оумѣ* и *трепетъ сѧ въста* (ФП, 43в).

Использование лексем *страх* и *трепет* в однотипных контекстах делает вполне допустимым предположение об их семантической эквивалентности.

Оказывается возможной и актуализация новых синтаксических связей: [Епифаний] *нача бжиа словеса съ страхъмъ и съ слъзми* (ЕК, 64б).

Интересен пассаж из ФП, демонстрирующий характер и возможности преобразования исходных формул в процессе текстообразования:

и се вънезапоу чюдо бысть страшно... отъ земля бо възатъ сѧ цркы и съ соущими въ ней възиде на въздоусѣ... они же видѣвъше чюдо се оужасоша сѧ и трепетни бывъше (47б).

Довольно пространный фрагмент дает представление о том, в каком направлении в нарративе (в целостном тексте) осуществляется развертывание традиционной формулы.

В макроструктуре компоненты базовых синтагм *страх* и *ужас*, *страх* и *трепет* претерпевают грамматическую трансформацию (*страшно*, *оужасоша сѧ*, *трепетни*), а *чюдо* — ключевое слово синтагмы *чудо* и *диво*, будучи акцентированным (в контексте употреблено дважды), оказывается своего рода гиперонимом. Это вполне понятно, поскольку в житии *чудо* всегда «явление силы божией в праведнике» и в этом отношении с ним соотносится («соперничает») только «семантический комплекс „ужасаться — дивиться — трепетать — поражаться“», то, что церковная традиция называет «исполниться страха божия» [Берман 1982: 164].

Ср.: тѣгда же въ оужасти вы(с) вида таковое прѣславное чюдо (ФП, 55а); и се видѣти томоу чюдо испълънь оужасти (ФП, 55г).

Ключевое слово рассматриваемой синтагмы (*страх*) в качестве компонента присутствует и в синтагме *страх* и *ужас*.

Показательный пример преобразования традиционной формулы имеем в ФП:

въспраноувъ о(т) оужасти начахъ прилѣжно ба молити часто поклонение колѣномъ творити и тако о(т)беже отъ мене страхъ тѣ ако же отъ того часа не болати ми сѧ нхъ (44а-б).

Компоненты синтагмы разведены за счет включения каждого в относительно самостоятельные и довольно пространственные текстовые структуры. Для первого компонента следует отметить еще и словообразовательную трансформацию. Происходит расширение текста, что влечет за собой и трансформацию семантическую. Хотя это происходит не всегда. И здесь в данном случае семантическое расширение фиксируется только на следующем этапе преобразования, когда к двум синтаксическим разверткам присовокупляется третья: *ако же отъ того часа не болати ми сѧ нхъ*.

Правда, с грамматической перемаркировкой: вместо именной лексемы имеем глагольную: *не болати ми сѧ* — ‘не иметь боязни’.

Здесь особенно важна последовательность, в которой представлен каждый из компонентов развернутой структуры, поскольку таким образом выстраивается как бы своеобразный градационный ряд, в котором семантически насыщенной оказывается именно последняя лексема [подробнее: Колесов 1989: 192 и др.].

Так актуализируется синтезирующее слово (и понятие) *боязнь*.

Теперь соположение этих компонентов создает смысловое напряжение: изменяются прежние семантические корреляции и возникают

новые. Боязнь выступает здесь как понятие значительно более емкое, выражающее целый спектр семантических коннотаций, — тоже своего рода гипероним.

Рассмотренный материал демонстрирует преобразование традиционных формул двоякого характера.

Это или: 1) экспликация, развертывание синтагмы, что находит выражение не только на структурном (структурное усложнение, иногда довольно значительное), но и (как следствие) на семантическом уровне (когда идет обращение добавочными смыслами, возникают другие семантические коннотации); или: 2) разложение (своего рода усечение) синтагмы, что проявляется в утрате одного из компонентов исходной синтаксической структуры. При этом в результате актуализации новой сочетаемости у оставшегося компонента могут возникать вторичные синтаксические структуры.

Очевидно, и в том, и в другом случае имеет место разрушение исходной формулы-синтагмы, но существенно, что в конечном итоге возникает нечто не только количественно иное (новая синтаксическая структура), но и качественно новое (иной уровень семантической актуализации).

Очевидно также, что бинарные структуры (традиционные формулы), несомненно восходящие к текстам Священного Писания, восприняты на славянской почве и в результате длительного и своеобразного функционирования стали явлением славянской языковой культуры. И в этом смысле вполне могут восприниматься как исконные, «собственные».

Существенно, что эти структурные единицы составляют тот языковой пласт, который (присутствуя в языке произведений не одного только церковно-книжного жанра) впоследствии становится достоянием национального литературного языка, безусловно обогатив систему образных выразительных средств языка (см.: [Колесов 1995: 81–82]).

Traditional Biblical language formulas and their transformation in Old Slavic hagiography

The article analyzes the functioning of traditional stylistic formulas that go back to the texts of the Holy Scriptures (*such as soul and body, anger and rage, joy and gaiety*, etc.) in the church-book genre (Russian hagiography).

The considered material demonstrates the transformation of traditional formulas of a twofold nature: structural expansion (complication) of the original syntagma or its reduction (truncation). In both cases, the destruction of the original structure (syntagmas, formulas) takes place. But this is a creative transformation, since the result not only a new syntactic structure arises, but also another level of semantic actualization.

Keywords: hagiography, life story, topos, traditional formula, stable combination, stylistic formula, binary structure, syntagma-formula, macrostructure.

Источники

- Библия:* Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета на церковнославянском языке с параллельными местами. М.: Российское Библейское общество, 2005. 1658 с.
- Дьяченко Г.* Полный церковно-славянский словарь. М.: Изд. отдел Московского патриархата, 1993. 1120 с.
- ЕК — Житие Епифания Кипрского*, по рукописи РНБ, XIII в., Соф. 1326, лл. 1–110.
- ЕК/Усп.* — Житие Епифания Кипрского, по рукописи ГИМ, кон. XII — нач. XIII в., Син. 1063/4, лл. 146–175. Изд.: Успенский сборник XII–XIII вв. / под ред. С. И. Коткова. М.: Наука, 1971. С. 253–297.
- Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А.* Словарь русской ментальности. В 2 т. Т. II. СПб.: Златоуст, 2014. 592 с.
- СДРЯ XI–XIV* — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) Т. IX. М.: Ин-т русского языка, 2012. 478 с.
- Сл. РЯ XI–XVII* — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 21. М.: Наука, 1995. 280 с.
- ФП — Житие Феодосия Печерского*, по рукописи ГИМ, кон. XII — нач. XIII в., Син. 1063/4, лл. 26–67об. Изд.: Успенский сборник XII–XIII вв. / под ред. С.И. Коткова. М.: Наука, 1971. С. 71–135.

Литература

- Аверина С.А.* К характеристике некоторых принципов организации средневекового агиографического текста (на материале «Жития Евфросина Псковского») // Псковские говоры и их носители (лингво-географический аспект): Межвузовский сборник научных трудов. Псков: Псковский гос. пед. ин-т им. С.М. Кирова, 1995. С. 132–139.
- Аверина С.А.* Традиционные библейские языковые формулы и их преобразование в агиографическом тексте // Актуальные вопросы церковной науки: научный журнал. СПб.: Изд-во СПбДА, 2019. С. 117–125.
- Аверина С.А.* Цитата в житийном тексте (на материале памятников поздней севернорусской агиографической традиции) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Вып. 2 (34). Пермь: Пермский гос. ун-т, 2016. С. 5–16.
- Алексеев А.А., Лихачева О. П.* Библия // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I (XI–I пол. XIV в.). Л.: Наука, 1987. С. 68–83.
- Берман Б.И.* Читатель жития (Агиографический канон русского средневековья и традиции его восприятия) // Художественный язык Средневековья. М.: Наука, 1982. С. 159–183.
- Еремин И.П.* Лекции по древней русской литературе. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. 210 с.
- Еремин И.П.* Литература Древней Руси. М.; Л.: Наука, 1966. 269 с.
- Колесов В.В.* Древнерусский литературный язык. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. 295 с.
- Колесов В.В.* Нарушения стиля и разрушение смысла в современных переводах Библейских текстов // Библия и возрождение духовной культуры русского и других славянских народов. К 80-летию Русской Северо-Западной Библейской Комиссии (1915–1995). СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1995. С. 81–105.
- Коновалова О.Ф.* Традиционная метафора в Житии Стефана Пермского // ТОДРЛ. Т. XXXII. Л.: Наука, 1977.
- Копыленко М.М.* Исследование в области славянской фразеологии древнейшей поры: автореф. дис... докт. филол. наук. Л., 1967. 47 с.
- Костючук Л.Я.* Возможности семантических сдвигов при сочетаемости слов (к вопросу о становлении устойчивых сочетаний на метонимической основе) // Русская историческая лексикология и лексикография. Вып. 3. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. С. 81–89.
- Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. М.: Наука, 1979. 357 с.

- Ломов А.Г.* Устойчивые словесные комплексы древнейших русских летописей: автореф. дис... канд. филол. наук. Самарканд, 1969. 33 с.
- Мещерский Н.А.* История «Иудейской войны» Иосифа Флавия. М.; Л.: Изд-во АН СССР [Ленинград. отд-ние], 1958. 578 с.
- Мещерский Н.А.* История русского литературного языка. Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. 279 с.
- Мещерский Н.А.* Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX–XV веков. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. 112 с.
- Наумов А.Е.* Кирилл Туровский и Священное Писание // *Philologia Slavica*: к 70-летию акад. Н. И. Толстого. М.: Наука, 1993. С. 114–124.
- Орлов А.С.* Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XX в.). М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1902. 50 с.
- Робинсон А.Н.* Социология и фразеология символа «тесный путь» у Аввакума // *Проблемы современной филологии*. М.: Наука, 1965. С. 438–442.
- Руди Т.Р.* Топика русских житий (вопросы типологии) // *Русская агиография: Исследования. Публикации. Полемика*. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 59–101.
- Творогов О.В.* Традиционные устойчивые словосочетания в Повести временных лет // *ТОДРЛ*. Т. XVIII. Л.: Наука, 1962. С. 277–284.
- Хроленко А.Т.* Поэтическая фразеология русской народной лирической песни. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1981. 161 с.
- Пиккио Р.* Върху изоконните структури в средновековната славянска проза // *Литературна мисъл*. XXIV. N 3. София: Институт за литература на Българската академия на науките, 1980. С. 75–107.

Андронов А.В.

Санкт-Петербургский государственный университет
baltistica@gmail.com

К вопросу о фонологизации переноса ударения по закону де Соссюра

В статье рассматривается фонологический механизм изменения места ударения в литовском языке, описываемого законом де Соссюра. Функциональное отождествление фонетически сблизившихся акцентных контуров связано с разрушением позиционной обусловленности нового «ударения» в конце слова в результате закона Лескина (сокращения или метатонии акутовых окончаний) и с аналогическим обобщением ударения в определённых категориях производных слов и форм.

Ключевые слова: диахроническая фонология, фонологизация, ударение и тон, закон де Соссюра, закон Лескина, категориальный акцент, литовский язык.

Согласно формулировке Ф. де Соссюра, данной им в статье «Литовская акцентуация» (1896), «в некоторую эпоху, предшествующую распадению на диалекты (которая во всём остальном не определена), ударение „регулярно переносилось на последующий слог, когда оно падало на слог с циркумфлексной (*geschliffen*) интонацией, непосредственно после которого находился слог с акутовой (*gestossen*) интонацией“. Таким образом, *laĩkyti <‘держать’> (*āĩ* + *ý*) превращалось в *laikýti*, тогда как, например, *ráižyti* <‘вырезать’>

(*ái + ý*) не изменяло места ударения» [Соссюр 1896/1977: 620]. Здесь же автор приводит схемы, представляющие фонетическое объяснение передвижению ударения: оно имело место при сближении вершин тонических кривых соседних слогов ($a\check{\sim} + \acute{y} = \overset{\sim}{\sim} + \overset{\sim}{\sim}$)¹. В кратком реферате доклада, прочитанного 8 сентября 1894 г. на X международном конгрессе востоковедов в Женеве, закон формулируется так: «Douce tonique + rude atone donne Douce atone + rude tonique» [Saussure 1897]. Иначе говоря, имела место модификация акцентного контура, создаваемого взаимодействием независимых в описываемую эпоху слоговых тонов и словесного ударения. Каков был механизм фонологизации сместившейся вправо вершины акцентного контура в виде нового места ударения?

Рассматривая изменения, затрагивающие устройство фонологической системы в целом («парадигматические» по М.И. Стеблин-Каменскому [Стеблин-Каменский 1966: 13–14]), Л.Р. Зиндер пишет: «Естественно возникает вопрос, как и в какой момент фонематически незначимые аллофоны приобретают смыслообразительную функцию, становятся отдельными фонемами» [Зиндер 1979: 242]. М.Б. Попов называет это главной проблемой парадигматических изменений и отмечает, что она «активно обсуждалась в исторической фонологии в 50 е гг. XX в., и, кажется, пришли к выводу о том, что изменение фонетического контекста при наличии (сохранении) фонетического различия, первоначально обусловленного этим контекстом, лишь констатирует, что фонетически различные единицы уже реализуют самостоятельные фонемы. Таким образом, новое фонологическое противопоставление и соответственно новая фонема возникает до, а не после того, как изменился фонетический контекст» [Попов 2004: 165–166].

Представляется, что та же проблема важна и для фонологического изменения экспонентов конкретных слов («синтагматические изменения» по М.И. Стеблин-Каменскому [Стеблин-Каменский 1966: 12–13]) — ср. анализ взглядов Л.Р. Зиндера на переход *e* в *o* в русском языке у М.Б. Попова [Попов 2004: 315–320].

Перемещение ударения по закону де Соссюра не приводило к появлению новых единиц фонологической системы — не создавало невоз-

---

¹ Соссюр следовал трёхморной интерпретации литовских долгих слогов А. Баранаускаса [Соссюр 1894/1977: 610].

можного ранее акцентного контура¹. Это не удивительно для языка со свободным ударением балто-славянского типа, которое зависит от акцентной силы морфем и описывается древним контурным правилом: падает на более сильную морфему, а в отсутствие таковой — на первую из равных по акцентной силе. Последовательности односложных морфем типа «слабая — СИЛЬНАЯ»², в которых ударение закономерно падает на второй слог, можно встретить в разных морфологических образованиях (словах).

Сами по себе фонетические явления, как известно, не осознаются носителем языка и не могут им сопоставляться ни между собой, ни с явлениями фонологическими — сопоставление единиц в фонологии происходит не «просто» на основе их «фонетического сходства»³, а на основе общности употребления в составе экспонентов значимых единиц. Это одно из фундаментальных положений школы Л.В. Щербы, ср. у В.Б. Касевича: «признаки, по которым отождествляются (что, естественно, предполагает предварительное сопоставление — А.А.) в процессе лингвистического анализа элементы текста, должны носить функциональный характер. Другими словами, отождествляются те элементы, которые обнаруживают определенную общность с точки зрения выполняемых ими функций, а эти функции в конечном счете сводятся к обеспечению выражения и восприятия смысла» [Касевич 1983: 8].

Толчком к фонологизации нового места ударения, по-видимому, послужили случаи сближения нового контура с контуром, уже имевшимся в языке в пределах той же грамматической подсистемы. Например: в сфере склонения существительных *R'AÑK-Ā⁴ 'рука', Nom. Sg. (совр. RANK Ā, 2 а. п.), превратившись в *R'AÑK-'Ā, совпало по контуру с исконным *kalb-'Ā 'язык' (совр. kalb Ā, 4 а. п.); в суффиксальных производных *P'IRŠT-ŪOT-as 'с пальцами' (PIRŠT-as, 2 а. п., 'палец'), превратившись в PIRŠT-'ŪOT-as, совпало с исконным *kamp-'ŪOT-as

---

¹ Что касается акцентологической системы, то новые единицы, разумеется, возникают — ударение на окончаниях, ранее не бывавших ударными.

² В примерах ниже, в соответствии с литовской традицией [Гирденис 1985: 63], акцентологически сильные морфемы записываются прописными буквами.

³ См. филигранный анализ чередования ударного /o/ с безударным /a/ и чередования глухих и звонких согласных у М.Б. Попова [Попов 2004: 135–144]; об отождествлении глухих шумных на конце слов с глухими (а не звонкими) фонемами в контексте разногласий Щербовской и Московской фонологических школ (см. [Касевич 1983: 44–60]).

⁴ Знак ударения в примерах поставлен непосредственно перед центром слога.

‘угловатый’ (*kaĩp as*, 4 а. п., ‘угол’); в приставочных глаголах **s'u-láuk-é* ‘(он) дождался’ перешло в **su l'áuk é* и совпало с исконным *su-L'ÁUKI-a* ‘ждется’; и т. п. Подобные примеры открыли дорогу для фонологизации нового места ударения и в других случаях (где совпадения контуров не происходило) — ср., например, Асс. Пл.: **R'ANĶ-ās > *RANĶ-ās* (совр. RANK às), **k'alb às > *kaĩb 'ās* (совр. *kalb às*).

При отсутствии иных свидетельств, кроме данных внутренней реконструкции (например, письменных памятников соответствующего периода), о том, что фонологическое изменение произошло, историк языка может судить 1) по одинаковой дальнейшей судьбе старой и новой формы или 2) по подверженности результатов изменения грамматической аналогии. В рассматриваемом акцентологическом изменении (законе де Соссюра) литовский язык представляет и пример одинаковой судьбы старого и нового акцентного контура, и пример аналогического распространения нового акцентного контура. (Возможно, тщательный анализ языкового материала мог бы выявить хронологическую последовательность этих двух процессов).

1. Функциональное отождествление фонетически сблизившихся акцентных контуров подтверждается исчезновением хотя бы в части случаев позиционных условий, делающих данную модификацию контура автоматической. Если исчезновение позиционных условий не сопровождается возвращением к исходной ситуации, значит, изменение уже приобрело фонологический характер (ср. [Либерман 1970: 10–12]).

Таким изменением в истории литовского языка стал закон Лескина [Leskien 1881], согласно которому конечные акутированные слоги подверглись сокращению: *gerà* ‘хорошая’ < **gerâ* (ср. акут, сохранившийся в неконечном слоге местоименной формы *geróji*) или претерпели циркумфлексивную метатонию: *laikaĩ* ‘держу’ < **laikáu*, *duòs* ‘(он) даст’ < **díos* (ср. *dioti*). Это изменение (происходившее как в ударной, так и в безударной позиции ¹) разрушило необходимую последовательность «циркумфлекс — акут» и засвидетельствовало фонологизацию места ударения на втором слоге: акцентные контуры *rankà*

---

¹ По мнению А. Гирдениса, собственно фонетическим изменение было в ударной позиции, где ярче проявлялся характер слогового акцента — контраст между сильной и слабой (поэтому исчезающей) морой; распространение изменения на безударные окончания, где контраст был склонен к стиранию, объясняется морфологическим выравниванием [Girdenis 1991/2001: 377; 1994/2001: 173].

и *kalbà* остались одинаковыми и при исчезновении позиционной обусловленности первого из них. Так, изначально бывшее лишь фонетическим изменением акцентного контура **r'añkã* > **rañk'ã* (> *rankà*) проявило свой фонологический характер.

Подробное рассмотрение сферы действия закона де Соссюра, недавно предпринятое С.Г. Болотовым и М.В. Ослоном, подтверждает отсутствие исключений и ограничений («ударение сдвигалось с любого циркумфлекса на любой следующий акут» [Болотов, Ослон 2019: 60]), естественное именно для фонетического изменения (ср. [Стеблин-Каменский 1966: 12]). По-видимому, именно система склонения, дававшая больше всего примеров совпадения акцентных контуров и разрушения позиционной обусловленности, провоцировала внимание исследователей к зоне двух последних слогов, чем, возможно, объясняются попытки ограничения фонетического действия закона де Соссюра концом слова и объяснения соответствующих сдвигов в срединных слогах аналогией (критику их см. в той же работе Болотова и Ослона [Болотов, Ослон 2019: 58–59] ¹).

2. Фонологизация нового места ударения знаменует возникновение новых системных отношений, которые теперь становятся подверженными новым изменениям (ср. у В.В. Колесова о соотношении тенденции и закона [Колесов 2008: 28–29]). Важным следствием оказалось нарушение ясной связи места ударения с акцентной силой морфем. Во всех случаях, когда имелась последовательность слогов, соответствующая условиям закона де Соссюра ($\sim / \sim + \acute{}$), ударение стали получать и не более сильные, и не первые среди равных морфемы, ср.: *RANK Á* (Nom. Sg.), *kalb-à* (Ins. Sg.), *RANK-às* (Acc. Pl.) и др. Помимо расщепления каждой из двух исконных акцентуационных парадигм в зависимости от фонологических характеристик последнего слога основы [Соссюр 1896/1977: 621], это привело к аналогическим изменениям и возник-

---

¹ Разницу акцентуации *laikýti* и *ráižyti* (пример самого Соссюра [Соссюр 1896/1977: 620]) авторы склонны объяснять «правилами порождения производных» [Болотов, Ослон 2019: 59, сноска 8], то есть контурным правилом: *laik-Ý-ti* но *RÁIŽ-Y-ti*. Представляется, что глагольные вокалические суффиксы вызывали акцентологическое усиление корня, и место ударения на равных по акцентной силе корне и суффиксе определялось именно законом де Соссюра: **L'ÁIK-Ý-ti* > *LÁIK-Ý-ti*. В большинстве вторичных глаголов представлено дальнейшее развитие — формирование акцентной доминантности суффикса, гесп. категориального акцента (*kain-Ó-ti* 'стоять' < *KÁIN-A*, 1 а. п., 'цена').

новению акцентологически доминантных морфем, или категориально-го акцента (по терминологии П. Гарда [Гард 2015: 129] и В.А. Дыбо [Дыбо 2000: 7], соответственно). По аналогии с исконными *kāln-ŪOT-as* 'гористый' (*kāln-as*, 3 а. п., 'гора') и *kamp-ŪOT-as* и возникшим по закону де Соссюра *PIRŠT-ŪOT-as* со временем появилось и *KRŪM-ŪOT-as* 'кустистый' (*KRŪM-as*, 1 а. п., 'куст', ср. более древнее *KRŪM-UOT-as* у Ф. Куршайтиса и др. (LKŽ: s. v.)) – суффикс *UOT-as* стал доминантным, то есть получающим ударение независимо от акцентных свойств составляющих слово морфем (см., напр. [Rinkevičius 2015: 50–52]¹).

Фонологизация нового контура привела к устранению в анализируемых двусложных последовательностях рассогласованности фонологического устройства (/’ – –/) и фонетической реализации ([– ’–]). Известная «рассогласованность» фонетической реализации и фонологического устройства акцентных контуров характерна для ряда языков – ср. обсуждение места японского и сербохорватского (штокавского) ударения у П. Гарда (2015: 61–62), трактовку латинского ударения у Е. Куриловича (1938/1962: 80), скандинавский акцент II, русское просторечное продление первого предударного слога и т.п. Выяснение механизма фонологизации в таких случаях (в частности, возможного противоречия между «положительными и отрицательными акцентными средствами» (Гард 2015: 57–81)) является неременной составляющей лингвистического описания.

* * *

Автора не оставляет ощущение, что изложенный взгляд на фонологизацию переноса ударения по закону де Соссюра принадлежит не ему, а был услышан (или прочитан) ещё в годы учёбы, однако точно установить первоисточник, к сожалению, не удаётся. Вероятнее всего, этой мыслью я обязан встречам с профессором Аляксасом Гирденисом и его лекциям в Вильнюсском университете. Вместе с тем, вряд ли она

---

¹ Впервые в балтистике объяснение возникновения доминантных морфем в результате обобщения переноса ударения по закону де Соссюра было предложено А. Гирденисом [Girdenis 1972/2000], считавшим, однако, что до этого в литовском языке не было ударных суффиксов – акцентологически сильных, получавших ударение по контурному правилу после слабых корней (ср. попытку объяснения происхождения подвижной акцентной парадигмы из окситонной морфологическими процессами после переноса ударения по закону де Соссюра: [Kuzavinis, Girdenis 1997]).

так запомнилась бы мне, если бы не была близка методологическим взглядам Владимира Викторовича Колесова, всегда обращавшего внимание на теоретическую интерпретацию фонологических изменений и весной 1993 года по нашей просьбе прочитавшего специальный курс истории русского ударения, хотя сам он в то время уже перешёл к другой проблематике¹.

---

¹ Ср. «После 1970-х гг. ничего теоретически нового в исторической фонологии уже не появилось, а основные её деятели занялись другими проблемами, преимущественно семантическими, перенося в них идеи теоретической фонологии. Личный профессиональный рост на время прекратил рост самой науки» [Колесов 2006: 87].

On the phonologization of the stress shift according to Saussure's Law

The article analyses the phonologization of the Lithuanian stress shift according to Saussure's Law. The functional identification of phonetically similar accentual contours is connected with the disintegration of positional conditions of the new stress in the final syllables due to the shortening or metatony of acute endings (Leskien's Law) and with analogical generalizations of stress in certain categories of derived words and forms.

Keywords: diachronic phonology, phonologization, stress and tone, de Saussure's Law, Leskien's Law, categorial accent, Lithuanian.

Литература

- Болотов С.Г.*, *Ослон М.В.* «Правило Лескина — Отрембского — Смочиньского» и мнимые исключения из закона де Соссюра // Балто-славянские исследования — XX. М.: Институт славяноведения РАН, 2019. С. 55–91.
- Гард П.* Ударение. СПб.: Филол. ф-т. С.-Петербург. ун-та, 2015. 199 с.
- Гирденис А.* Акцентуация // Грамматика литовского языка / гл. ред. В. Амбразас. Вильнюс: Моклас, 1985. С. 61–68.
- Дыбо В.А.* Морфонологизованные парадигматические акцентные системы: Типология и генезис. Т. I. М.: Языки русской культуры, 2000. 736 с.
- Зиндер Л.Р.* Общая фонетика. М.: Высшая школа, 1979. 312 с.
- Касевич В.Б.* Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М.: Наука, 1983. 295 с.
- Колесов В.В.* Русская историческая фонология. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. 400 с.
- Курилович Е.* Структура морфемы // Очерки по лингвистике. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. С. 71–91. (Ориг.: J. Kuryłowicz. Struktura morfemu // Biuletyn polskiego towarzystwa językoznawczego. Kraków, 1938. Zeszyt VII. S. 10–28; переизд.: J. Kuryłowicz. Esquisses linguistiques. Wrocław; Kraków 1960. S. 51–65).
- Либерман А.С.* О способах образования новых фонем // Вопросы языкознания, 1970, № 3. С. 10–18.
- Попов М.Б.* Проблемы синхронической и диахронической фонологии русского языка. СПб.: Филол. ф-т. С.-Петербург. ун-та, 2004. 346 с.
- Соссюр Ф. де.* К вопросу о литовской акцентуации (интонации и ударение в собственном смысле слова) // Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. С. 598–619. (Ориг.: F. de Saussure. À propos de l'accentuation lituanienne (intonations et accent proprement dit) // Mémoires de la Société de Linguistique de Paris. Paris, 1894. Т. 8. P. 425–446; переизд.: F. de Saussure. Recueil de publications scientifiques. Genève; Paris, 1984. P. 490–512).
- Соссюр Ф. де.* Литовская акцентуация // Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. С. 620–632. (Ориг.: F. de Saussure. Accentuation lituanienne // Indogermanische Forschungen. Strassburg, 1896. Bd. 6, Anzeiger, H. 1–2. S. 157–166; переиздание: F. de Saussure. Recueil de publications scientifiques. Genève; Paris, 1984. P. 526–538).
- Стеблин-Каменский М.И.* К теории звуковых изменений // Очерки по диахронической фонологии скандинавских языков. Л.: Изд-во ЛГУ, 1966. С. 4–24. (Впервые: Вопросы языкознания, 1966, № 2. С. 66–79.)

- Girdenis A.* Lietuvių kalbos vardažodžio priesagų kirčio susiformavimas // A. Girdenis. Kalbotyros darbai. I tomas: 1962–1974. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 2000. P. 258–265. (Оригинал: Baltistica: I priedas. Vilnius, 1972. P. 66–72).
- Girdenis A.* Žemaičių savarankiškos raidos pradžia // A. Girdenis. Kalbotyros darbai. III tomas: 1988–2000. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 2001. P. 170–181. (Оригинал: Baltistica. Vilnius, 1994. T. 28(2). P. 5–20).
- Girdenis A.* Žodžio galo priegaidžių kilmė ir raida lietuvių kalboje // A. Girdenis. Kalbotyros darbai. III tomas: 1988–2000. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 2001. P. 376–378. (Оригинал: VI tarptautinis baltistų kongresas: Pranešimų tezės. Vilnius: Vilniaus universitetas, 1991. P. 33–34).
- Kuzavinis K., Girdenis A.* Kelios mintys dėl baltų vardažodžio kirčiavimo paradigmų ir jų raidos // VIII tarptautinis baltistų kongresas: Pranešimų tezės. Vilnius, 1997. P. 76–78. (Переиздание в «Трудах по языкознанию» из-за технической ошибки включает лишь часть текста статьи: A. Girdenis. Kalbotyros darbai. III tomas: 1988–2000. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 2001. P. 396–397).
- Leskien A.* Die Quantitätsverhältnisse im Auslaut des Litauischen // Archiv für slavische Philologie. Bd. 5. Berlin, 1881. S. 188–190.
- LKŽ* – Lietuvių kalbos žodynas. T. I–XX. Vilnius, 1941–2002. (Электронная версия: <http://www.lkz.lt>).
- Rinkevičius V.* Baltų ir slavų kirčiavimo istorija. I. Vilnius: Vilniaus universitetas, 2015. 160 p.
- Saussure F. de.* [Une communication sur l'accentuation de la langue lituanienne] // Actes du Dixième Congrès international des Orientalistes. Session de Genève. 1894. Première partie. Comptes rendus des séances. Leide: Librairie et imprimerie ci-devant E. J. Brill, 1897. P. 89.

Друговейко-Должанская С.В.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена
s.drugoveyko@gmail.com

Корнилов К.А.

Будапештский университет им. Лоранда Этвёша
entzauberung@icloud.com

Грамматика и семантика глагола *сподвигнуть* в исторической перспективе

В статье предпринята попытка описать грамматические и семантические особенности глагола *сподвигнуть*. Слово, некогда бытовавшее в языке, в определенный момент выходит из употребления и появляется вновь лишь во второй половине XX века. Ключевым вопросом исследования является определение нормативности этого глагола в современном русском языке на фоне близкого по значению глагола *подвигнуть*.

Ключевые слова: семантика, словообразование, норма, узус, вариативность.

Я об этом подробно пишу,
потому что пример ни на что не **подвигнет**...
(О.Г. Чухонцев)

Возможно, твой подвиг **сподвигнет** и меня на септик,
хотя думаю, мне это надо или нет.
(Форум «Апгрейд дачной кухни»)

Настоящую статью мы хотели бы в нарушение академической традиции начать со статистических выкладок: результатов опроса, прове-

денного нами на базе forms.google¹. Количество опрошенных — 164 респондента различного возраста и уровня образования. Критерием, наиболее важным для настоящего исследования, был уровень образования респондентов: из всех опрошенных 35,4 % имеют высшее образование, 23,2 % — высшее филологическое, 11,6 % имеют ученую степень, 5,4 % — ученую степень в области филологии.

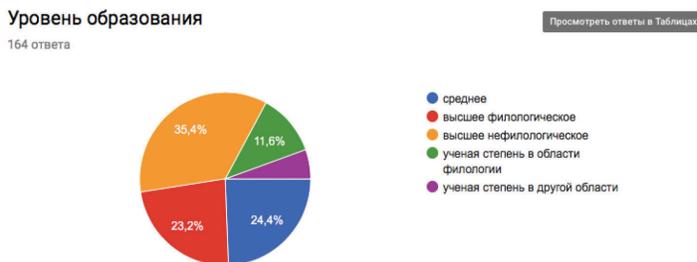

Рис. 1.

Респондентам предлагалось ответить на следующие вопросы:

Знаком ли Вам глагол "подвигнуть"?

164 ответа

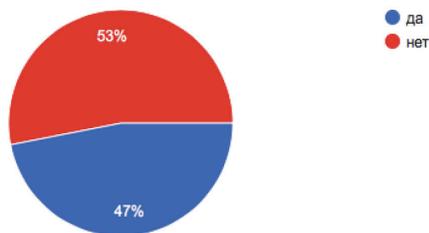

Рис. 2.

¹ Опрос проводился на базе инструмента forms.google. Доступ к опросу осуществлялся по прямой ссылке на электронный ресурс, там же собраны результаты опроса. URL: https://docs.google.com/forms/d/1xJs2_j4SjZyK6AMcdNBIeHGpCzIW0OLgNbiJRmOA9X0 (дата обращения для анализа материалов: 25.05.2021).

Знаком ли Вам глагол "сподвигнуть"?

164 ответа

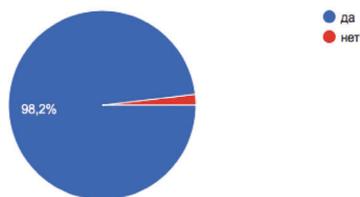

Рис. 3.

По результатам этой части опроса можно сделать вывод о том, что лишь весьма небольшой части респондентов (1,8 %) форма *сподвигнуть* показалась незнакомой.

Далее опрашиваемым были представлены контексты (взятые из НКРЯ), для которых респондентам предлагалось выбрать один из лексических вариантов (*подвигнуть/сподвигнуть*) – как наиболее подходящий, по их мнению. В диаграммах, созданных по результатам опроса, учитывались варианты управления глаголов *подвигнуть/сподвигнуть*: 1) *подвигнуть/сподвигнуть к чему-л.*, 2) *подвигнуть/сподвигнуть на что-л.*, 3) *подвигнуть/сподвигнуть с беспредложным управлением*.

А что вас сподвигло / подвигло к этому, почему вы решили это сделать?

164 ответа

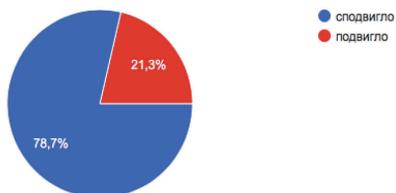

Рис. 4.

Необычность ситуации вполне могла сподвигнуть / подвигнуть грузчиков на кражу.

164 ответа

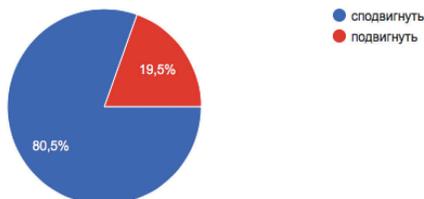

Рис. 5.

И наша задача попытаться сподвигнуть / подвигнуть людей это понять, разглядеть.

164 ответа

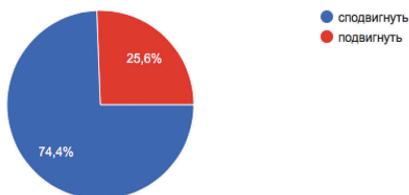

Рис. 6.

Как показывают результаты опроса, выбор носителей языка практически независим от управления глагола: в 80–75 % случаев респонденты выбирают форму *сподвигнуть*.

Более детальное рассмотрение результатов опроса показало, что общие тенденции, представленные на диаграммах выше, сохраняются и для каждой группы, выделенной на основании уровня образования. Так, среди респондентов, имеющих высшее филологическое образование (38 человек), абсолютное большинство во всех вопросах выбирало форму *сподвигнуть* (среднее соотношение — $\frac{3}{1}$); те же тенденции наблюдаются и при анализе ответов людей, имеющих ученую степень в области филологии. Такие данные свидетельствуют о «признании»

этого глагола в интеллектуальной среде, более того — показывают, что данный глагол является более предпочтительным, чем глагол *подвигнуть*. При этом лексема *сподвигнуть* не зафиксирована ни в одном из нормативных словарей современного русского языка¹.

В процессе изучения глагола *сподвигнуть* и его возвратной формы *сподвигнуться* были проанализированы различные исторические словари русского языка (список словарей, использованных в работе, представлен в общей библиографии, однако основным источником послужил «Словарь русского языка XI–XVII вв.» [СЛРЯ XI–XVII, 15; СРЯ XI–XVII, 27] и тексты, примеры из которых не вошли в словари (источники — books.google² и картотеки готовящихся к изданию словарей ИЛИ РАН). Отдельно стоит отметить, что в исторических словарях исследуемый глагол представлен в двух вариантах: *сподвигати* и *сподвизати*. Ввиду их семантической однородности нами было принято решение рассматривать эти варианты как чисто фонетические. Ниже приведены контексты, относящиеся к XII–XIX вв.:

а) Самые ранние примеры относятся к XII в.:

1. *О отъпадающихъ дѣвъ исповѣдавшихъ въ чистотѣ жити Гѣи, по семь зане въпасти въ плѣтьскыя страсти отъмѣтающимъ своя завѣты, оѣци убо просто и кроткѣ сподвигающесе немощыи полъзающеся законъ положыше прятънамъ имъ быти* (συμπεριφερόμενοι). (Вас. Вел. 18/2) Ефр. корм., 480. XII в.

2. *Младенць видѣнь бысть, Слово сѣи превѣчное, вѣлхвы сподвигнуть от Персиды на поклонение* (συγκίνησας). Мин. дек., 497. XII в.

---

¹ См. Сводный словарь современной русской лексики: в 2 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; под ред. Р. П. Рогожниковой. М.: Рус. яз., 1990. Этот словарь содержит более 170 000 слов из 14 наиболее популярных словарей русского языка: толковых, энциклопедических, орфографических и т. п. Словари последующих лет издания были обследованы de visu. Лексема *сподвигнуть(ся)* обнаружена только в 4-м (исправленном и дополненном) издании «Русского орфографического словаря» (М.: АСТ-ПРЕСС, 2012, с. 771), с пометой *сниж.:* «**сподвигнуть(ся)**, -ну(сь), -нет(ся); *прош.* -игнул(ся) и -иг(ся), -игла(сь) (*сниж.* к *подвигнуть(ся)*)».

² Электронный ресурс books.google позволяет осуществлять поиск по отсканированным печатным изданиям разных лет, находящимся в открытом доступе. Поиск производится по определенной словоформе, в случае настоящего исследования — *сподвигнуть(ся)*. URL: <https://www.google.com/search?tbm=bks&q=%D1%81%D0%BF%D0%BE%D0%B4%D0%B2%D0%B8%D0%B3%D0%BD%D1%83%D1%82%D1%8C> (дата обращения: 10.10.2019).

3. *И мы мьнимъ не чресь каноны творити чьто, **сподвигающеся** къ цркви [τῆ Κυριακῆ 'Кирику'] (συμλεριφερόμενοι).* (Вас. Вел. 10) Ефр. корм., 475. XII в.

б) Тексты XIII–XVII вв.:

1. *Старгышиши же его братъ прѣблжнныи Мефодии... ишѣдъ въ Олумбъ пострижесе въ чьрны ризы... **сподвизаяся** сподстигнути жития стьныхъ оцъ* (Сл. похв. Кир. и Мефод.) Усп.сб., 201. XII–XIII вв.

2. *Любви ради дхвныя **сподвизайте** ми ся в мѣтвахъ о мнѣ къ Бѹ* (συναγωνίσασθαι μοι). (Римл. XV, 30) Чуд. Нов. зав., 107. XIV в.

3. *Темиана же не възгоша ни олокауста не принесоша въ стѣлство Бѹ Ийѣлеву. **Сподвигоша** же гнѣвъ Гнѣ на Иудею и на Иерслимъ (concitatus est... furor).* (2 Парал. XXIX, 7–8) Библи. Генн. 1499 г.

4. *Сии убо епѣтъ много тѣцание сотвори и много терпѣние показа трукаяся и подвизаяся... бѣоученые сеи мужь... бжственымъ дхомъ направляемъ же и наставляемъ, и **сподвизаемъ** просвѣщаа ихъ истиннымъ бѣоразумиемъ, не токмо бо стьымъ крщениемъ просвѣти а, но и грамотъ сподоби я.* Ж. Стеф. Перм. Епиф., 68. XV–XVI вв. ~ XV в.

5. *Сего ради... такоже умыслихъ нѣчто тобѣ отъ малыхъ написати, и за разумъ тѣхспригодно то видящеся послѣдуюци, **сподвигнути** слово или дѣло народное или царьство или владычество къ своей вѣчности паче приемлетъ правду или трѣпѣние.* (Посл. Карп. мт. Дан.) Сб. Друж., 108. XVI в.

6. *И вскоре сославшеся **сподвигошяся** отъ всехъ градовъ, со всеми своими воинствы поидоша къ царствующему граду на отмщение крови христианския.* Сказ. Авр. Палицына, 215. 1620 г.

7. *Вмѣсто же сего приразившася шептаниемъ тайнотворца два и аще ко еллиномъ моя, глаголю измѣнящая на первосоставльшаго и сия за вистнѣ **сподвигшеся**.* Врем. И. Тим., 453. XVII в.

8. *Проркъ **сподвизаетъ** людей (commonet).* Брун. Толк. Псалт., 416. XVII в. ~ 1535.

9. *Иустрои того [патриарха Филарета] Богъ сыновии [так!] своему сопрестолна: скифетръ царствия подтверждаетъ, сирыхъ и беспомощныхъ избавляютъ [так!] бѣдѣ, отчески сынови о мирь собесѣдую, и купно соуказуя, и соблаговоляя, и на лучшая соусердствуя, и наставляя, и сподвизая.* Врем. И. Тим., 468. XVII в.

с) Начиная с XVIII в. глагол в словарях не встречается (за исключением словаря Даля, толкующего пару глаголов *сподвигнути/сподвизати* как 'побуждать, поощрять, одушевлять, ободрять, направлять на

какую-либо деятельность', а возвратные формы *сподвигаться/сподвигаться* как 'сподвигаться, соратовать, соусердствовать, соревновать кому' [Даль 1882, 4: 300]; удалось обнаружить лишь несколько текстов, содержащих его:

1. *...есть ли на свете мотив, более достойный Вас, который **сподвигнул** бы меня взяться за перо?* [Долгоруков И.М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году моей жизни / Часть 3 (1788-1822)].

2. *...в современной истории явятся многих знатных родов великих пороки, которые, если описать, то их самих или их наследников **сподвигнут** на злобу...* [Татищев В.Н. История Российская. Часть первая].

3. *Затруднительное положеніе козаков было видимо каждому изъ них, и все, что могутъ **сподвигнуть** закаленное в битвахъ мужество, привычная къ удачам отвага и своеобразная, временемъ и обстоятельствами образовавшаяся козацкая удалъ, — все было употреблено в дѣло* [Гловинский П. Словодские козацьи полки. СПб., 1864. С. 45].

4. ***Сподвигнуть** на сіе и соседа, преосвященнаго Аркадія архіепископа Васлуйскаго и общекупно составивше уничтоженіе на опредѣленіе, от 8 іюля состоявшееся, прислать за своимъ подписомъ и печатьми* [Современные летописи раскола. Бѣлокринский соборъ 1868 года и относящія къ нему акты и письма. М., 1869. С.63]¹.

Дальнейшее описание будет строиться на разграничении возвратной и невозвратной форм исследуемого глагола, так как различие между ними велико, в том числе и с семантической точки зрения. В исторических словарях [Алексеев 1773; Даль 1882; СлРЯ XI–XVII, 27; Старчевский 1899] выделяются следующие значения глагола *сподвигнуть* в невозвратной форме:

1. Побудить к движению, действию; наставлять, побуждать к чему-л.

2. Возбудить, вызвать что-л.

3. Возбуждать к соучастию в подвиге.

Для возвратной формы характерны следующие значения:

1. Сострадать, испытывать сочувствие.

---

¹ Этот же текст без изменений напечатан в следующих изданиях: Русский вестник. Т. 79, 1869; Переписка раскольнически деятелей. Т. 2. Субботин Н.И. М., 1869.

2. Вместе подняться, двинуться; тж. перен.
3. Быть побуждаемым.
4. Иметь общий подвиг с кем-то.

Как видно из приведенных выше контекстов, для глагола *сподвигнуть* нередко указывается иноязычный источник, и это свидетельствует о том, что его появление в том или ином тексте — результат калькирования, а не естественного процесса словообразования в языке. Характерный признак всех иностранных слов, калькой с которых является глагол, — наличие приставки, семантически тождественной русской приставке *с-*. Так, в (а1) приведен греческий источник $\sigma\mu\lambda\epsilon\rho\iota\phi\epsilon\rho\beta\omicron\mu\epsilon\upsilon\iota$, в котором элемент *σμι-* выполняет семантически тождественную русско-му *с-* функцию, что и приводит к его калькированию в виде *сподвигнуть*.

Анализ исторических контекстов показывает, что для лексемы *сподвигнуть* в русском языке до середины XIX в. было возможно и беспредложное, и предложное (с предлогами *на* и *к*) управление — как и в современном русском языке.

Употребление глагола *сподвигнуть* в современном русском языке было проанализировано на материале Национального корпуса русского языка. Также был использован ресурс [books.google](https://books.google.com/)¹ для поиска по текстам, не зафиксированным в НКРЯ. В связи с необходимостью уменьшения объема анализируемых данных нами было принято решение описывать не весь материал, представленный в НКРЯ, а лишь данные за 10 лет, информация по которым представлена в газетном подкорпусе: с 2004 по 2014 г.

Однако стоит в общих чертах охарактеризовать употребление глагола *сподвигнуть* в течение второй половины XX — начала XXI в. Согласно данным Национального корпуса русского языка первые появления глагола *сподвигнуть* в современном русском языке зафиксированы во второй половине XX в. Постепенно распространяясь, глагол из научной и научно-публицистической литературы перешел в язык СМИ, а со временем — и в разговорную речь. Как видно из представленной ниже диаграммы, отражающей встречаемость глагола *сподвигнуть* в НКРЯ, с конца XX в. начинается актив-

---

¹ Электронный ресурс [books.google](https://books.google.com/). URL: <https://www.google.com/search?tbm=bks&q=%D1%81%D0%BF%D0%BE%D0%B4%D0%B2%D0%B8%D0%B3%D0%BD%D1%83%D1%82%D1%8C> (дата обращения: 10.10.2019).

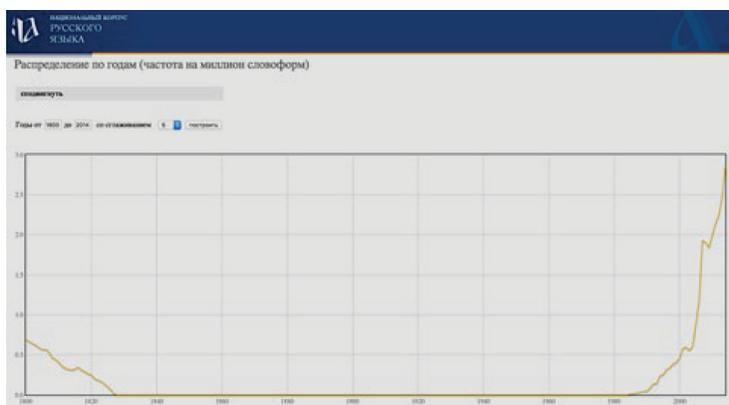

Рис. 7.

ный рост частотности его употребления, который продолжается до настоящего времени (рис. 7).

Первые (единичные) употребления глагола после «исчезновения», о котором сказано выше, встречаем во второй половине XX в. в литературе различной тематики, часто — переводной:

1. Этими речами возбудил он гнев варвара и **сподвиг** его на войну с ромеями [Анна Комнина. Алексиада / Пер. Я.Н. Любарского. М., 1965. С. 80].

2. Пришла! Кто же ее **сподвигнул** на такое дело? [Марков Г. Сибирь. 1973. С. 274].

3. Говори, злодей, кто **сподвигнул** тебя на воровство, кто помогал, кто был в сообщниках [Сахаров А. Степан Разин. 1987. С. 7].

4. Да и **сподвигнул** Бируни написать ее тоже сам наставник [Одил Ёкубов. В этом мире подлунном / Пер. Ю. Суровцева. 1982. С. 84].

5. И однако же что-то содвигнуло, что-то вдохновило того отчаянного пришельца, не дрогнув, предстать, как перед львом в пустыне, перед самым грозным и беспощадным властелином [Айтматов Ч. Белое облако Чингисхана. 1991. С. 39].

6. Также возникают сомнения, что Чжао, человек из провинции Юань, **сподвигнулся** запечатлеть заслуги главы династии [Памятники письменности Востока. 1965. С. 286].

Постепенно из текстов исторической тематики, в которых глагол сподвигнуть, вероятно, выполнял еще и стилеобразующую функцию, он проникает в тексты художественной литературы, СМИ и, как вид-

но, уже к концу 1990-х гг. прочно входит в речь носителей языка — не только в письменную, но и в устную. Первое употребление, зафиксированное в НКРЯ, относится к 1997 г.:

А сподвигло меня на это как раз то, что ваш журнал содержит много интересной и полезной для масс информации [Столица. 1997.06.10].

Всего было проанализированы 214 примеров употребления глагола сподвигнуть, зафиксированных в газетном подкорпусе НКРЯ. Ниже приведены некоторые примеры употребления глагола. Распределение по трем столбцам представлено в зависимости от модели управления: 1) с предлогом *к*, 2) с предлогом *на*, 3) без предлога. Распределение по моделям управления неравномерно: 121 случай с предлогом *на* (57%), 71 — с беспредложным управлением (33%), 22 — с предлогом *к* (10%) (см. таблицу 1).

В современном русском языке глагол *сподвигнуть*, как и до «исчезновения», употребляется как в возвратной, так и в невозвратной форме, однако значения обеих форм претерпели определенные изменения.

Невозвратная форма утратила значения ‘возбудить, вызвать что-л.’ и ‘возбуждать к соучастию в подвиге’. Безвозвратно ушли такие оттенки значения, как ‘совместность’ и ‘подвиг’. Как видно из контекстов употребления глагола *сподвигнуть*, единственным значением невозвратной формы в настоящее время является ‘наставлять, побуждать к движению, действию’, что делает его семантическим дублетом однокоренного глагола *подвигнуть*.

Возвратная форма также кардинально поменяла свое значение: в современном употреблении этой формы отсутствуют оттенки ‘совместности’ или ‘сострадания’, зато появляется единственное значение ‘решиться’, не зафиксированное в исторических словарях, и это является косвенным доказательством того, что современный носитель языка не видит в глаголе значения совместного действия и воспринимает его именно в значении побуждения.

Отдельно стоит остановиться на бытовании возвратной формы исследуемого глагола в современном русском языке. На настоящий момент, как видно в примерах, приведенных ниже¹, значения,

---

¹ Электронный ресурс books.google. URL: <https://www.google.com/search?tbm=bks&q=%D1%81%D0%BF%D0%BE%D0%B4%D0%B2%D0%B8%D0%B3%D0%BD%D1%83%D1%82%D1%8C> (дата обращения: 10.10.2019)

Таблица 1

<p>Сама она к разоружению никого не сподвигла, ее статус — чистый мониторинг. [Андрей Баранов. Нобелевскую премию мира получили «химики» // Комсомольская правда, 2013.10.11]</p>	<p>Лично меня факт поздравления с днем рождения умершего человека сподвиг на масштабные размышления о цифровом месте человека в этом мире, значимости нашего общения и дружбы, о жизни и о смерти. [Олег Жданов. Сетевая смерть или новые приметы времени // Комсомольская правда, 2014.08.08]</p>	<p>Прибегнуть к возможностям интернет-аукциона Matteo Renzi, вероятно, сподвиг опыт бывшего губернатора Калифорнии Арнольда Шварценеггера. [Александр Полоцкий. Италия продает автомобили чиновников на eBay // РБК Дейли, 2014.03.31]</p>
<p>«Ставку по кредитам определяют спрос и предложение, и непонятно, как регулятор хочет сподвигнуть банки к каким-то конкретным цифрам», — говорит зампред правления банка «Возрождение» Людмила Гончарова. [Екатерина Белкина. Банки получат индикатор ставок по кредитам // РБК Дейли, 2013.06.13]</p>	<p>А что, собственно, его на это сподвигло? [Дмитрий Смирнов. Поражение шведов под Полтавой аукнулось Украине 305 лет спустя // Комсомольская правда, 2014.07.10]</p>	<p>По словам Золотарева, идеальные условия сподвигли бы автовазовцев переехать в Калининград. [Александра Ермакова. Сотрудников «Автоваза» зовут собирать BMW в Калининграде // Известия, 2014.02.10]</p>
<p>Ощущение легкости собственного тела и увеличенная физическая сила многих сподвигнет к тому, чтобы испытать реальное ощущение полета, а объектом для реализации этого желания может быть ближайший забор, крыша дома или просто крутой склон местности, одним словом все, откуда можно прыгнуть. [Ольга Дьякова. В июне можно начать жизнь заново // Комсомольская правда, 2013.05.29]</p>	<p>И это, разумеется, сподвигло небогатые команды вроде «Флориды» и «Баффало» на не очень разумные сделки, лишь бы влезть в рамки. Игорь Еронко. Россияне остались в стороне от трансферного безумия в НХЛ // Известия, 2014.07.03]</p>	<p>Но вполне вероятно, что написать письмо Охлобыстина сподвигла угроза в адрес его самого и членов его семьи. [Александр Гришин. Охлобыстину угрожали еще до Рождества // Комсомольская правда, 2014.01.09]</p>

Таблица 1 (окончание)

<p>Эта притча, конечно, не имеет прямого отношения к политической ситуации в России, но сподвигла к рассуждениям о будущем нашей страны. [Дмитрий Воскобойников. «Питка — нэ питка» // Комсомольская правда, 2013.03.18]</p>	<p>На эту идею меня сподвиг Юз Алешковский. [Алексей Певчев. «Мы продолжим получать удовольствие от звуков» // Известия, 2014.05.21]</p>	<p>Ее цель, как говорится на сайте кампании, «сподвигнуть самых богатых людей и их семьи пожертвовать большую часть их состояний на филантропию. [Александра Лябина. Топ-5 крупнейших благотворителей мира // Комсомольская правда, 2013.11.21]</p>
---	--	---

некогда характерные для этой формы, исчезли, а на их место пришло одно — ‘решиться’, ‘собраться сделать что-л.’. Сейчас этот глагол нередко можно встретить в художественной литературе — в частности, в составе диалогической речи, что косвенно указывает на постепенное вхождение глагола в разговорную речь:

1. *Второе решение проблемы было чертовски соблазнительным, но я так и не смогла на него **сподвигнуться*** [Одувалова А. Зеленоглазая авантюристка. 2007].

2. *Знал, на что ради людей можно **сподвигнуться*** [Иванов А. Тобол. Много званых. 2017].

3. *И, кстати, из целого зала пишущих людей никто потом не **сподвигнулся** понести некоторые откровения президента в прессу* [Есин С.Н. На рубеже веков: дневник ректора. 2002].

4. *Даже **сподвигнулся** на конфетно-букетное ухаживание...* [Тихонова К. Лето длиной в полчаса. 2017].

5. *Да, на роман я раньше, чем в старости, не **сподвигнусь*** [Фрай М. Секреты и сокровища: 37 лучших рассказов 2005 года. М., 2006].

Отдельным вопросом в контексте настоящего исследования является проблема семантики префикса *с-* в составе глагола *сподвигнуть*. Именно этот элемент различает глаголы *подвигнуть* и *сподвигнуть*, добавляясь к первому, уже стоящему в форме совершенного вида глаголу, и, кажется, должен вносить семантические нюансы. Рассмотренные контексты, однако, свидетельствуют об отсутствии подобного разграничения. Для более аргументированного вывода обратимся к значениям приставки *с-*, выделяемым в толково-словообразовательном слова-

ре [Ефремова 2000]: 1. Удалить или удалиться откуда-л. посредством действия, названного мотивирующим словом. 2. Доставить или доставлять что-либо из разных мест в одно, объединить или объединиться с помощью действия, названного мотивирующим словом. 3. Довести до результативного завершения действие, названное мотивирующим словом. 4. Израсходовать или израсходоваться, повредить или повредиться в результате действия, названного мотивирующим словом. 5. Однократно совершить действие, названное мотивирующим словом.

Обратим внимание на п. 3: формообразующий элемент *-*, присоединяясь к глаголам, может привносить оттенок большей «результативности», что, возможно, характерно и для рассматриваемого нами случая. Можно предположить, что приставка *по-* в глаголе совершенного вида *подвигнуть* постепенно теряет свое видовое значение, и говорящий стремится восполнить эту нехватку другим элементом: в данном случае — приставкой *-*, усиливающей значение совершенного вида. Ту же тенденцию наблюдаем и в случае с парой глаголов *сподвигнуть/подвигнуться*: вероятно, акцент на совершённость, результативность действия поставлен приставкой *-* и в данном случае, что делает результативное значение формы *сподвигнуться* настолько ярким, что потребность в глаголе *подвигнуться*, лишенном дополнительной видовой семантики, отпадает.

При этом исторические словари свидетельствуют о четком разграничении значений глаголов *сподвигнуть* и *подвигнуть*. Основным дифференциальным признаком являлось дополнительное значение совместности, вносимое, очевидно, приставкой *-* (в возвратной форме). Для глагола *подвигати* (*подвигнути*), встречающегося также в форме *подвизати*, в «Словаре XI–XVII вв.» выделяются следующие значения [СлРЯ XI–XVII, 15: 227–229, 233–234]:

1. Подвинуть, сдвинуть, переместить.
2. Изменить, нарушить.
3. Побудить, склонить, принудить к чему-либо.
4. Восстановить против кого-либо.
5. Предать дело на рассмотрение властей.
6. Возбудить, вызвать, породить.
7. Вызывать какое-либо чувство.

Как видно, значение ‘побудить’ не являлось наиболее древним и тем более единственным для глагола *подвигнуть*; возможно, глагол

сподвигнуть, имевший это значение основным, был необходим именно с целью «разделения» этого значения. Со временем некоторые значения глагола *подвигнуть* стали уходить, что привело к семантической тождественности двух изучаемых глаголов и, как следствие, стало причиной вытеснения глагола *сподвигнуть* из языковой системы. В течение XX в. действительно встречается (и, соответственно, фиксируется словарями) только глагол *подвигнуть*, но к концу XX в. вновь начинается конкуренция между двумя глаголами, о возможных причинах которой будет сказано ниже.

Отдельно стоит обратить внимание на бытование возвратных форм глаголов *сподвигнуть* и *подвигнуть* в диахронии. Для глагола *подвигнуться* выделяются следующие значения [СлРЯ XI–XVII, 15: 229–230]:

1. Двинуться, передвинуться, переместиться.
2. Устремиться, обратиться к чему-либо.
3. Постараться, позаботиться.
4. Совершить тяжелый труд, осуществить богоугодное дело.
5. Взяться, приняться за что-либо.
6. Возникнуть, начаться.
7. Поторопиться, поспешить, броситься.
8. Вступить в состязание, борьбу.
9. Отступиться.
10. Быть побужденным кем-либо к чему-либо, движимым чем-либо.

Так, мы видим, что на раннем историческом этапе семантический ореол глагола *подвигнуть/подвигнуться* был намного более широким, чем у глагола *сподвигнуть/сподвигнуться*. Второй, однако, имел более узкое, специальное значение, которое, вероятно, и активизировалось в современном русском языке.

Нами было также проанализировано употребление глагола *подвигнуть* по данным газетного подкорпуса НКРЯ; временной промежуток был взят такой же, как и для глагола *сподвигнуть*. В результате работы было изучено 191 вхождение глагола *подвигнуть*, из которых 22 с предлогом *к* (12 %), 95 с предлогом *на* (50 %) и 74 с беспредложным управлением (39 %). Как видно, данные по обоим глаголам (*подвигнуть* и *сподвигнуть*) соизмеримы и пропорциональны, что указывает на отсутствие абсолютного предпочтения какого-либо из глаголов, а также на отсутствие различий по моделям управления между двумя из-

Таблица 2

<p>Глава ФМР Маджумдер Амин изложил, что его подвигло к обращению. [Александр БОЙКО. Мигранты хотят служить в «русском легионе» // Комсомольская правда, 2014.04.21]</p>	<p>Все это действительно смешно, но было бы еще смешнее, если бы на проведение расследования-контррасследования британцев и болгар не подвигла действительно серьезная проблема, а именно готовность большого количества женщин из бедных европейских стран торговать детьми или выступать суррогатными матерями. [Любомир АЛЕКСЕЕВ. Шутки шутками, но могут быть и дети // Комсомольская правда, 2014.04.30]</p>	<p>— Общая нестабильность на финансовых рынках подвигла граждан и компаний сохранять сбережения, — говорит Лисоволик. [Анастасия Алексеевских. Россияне вывели из «дочек» зарубежных банков 63 млрд рублей // Известия, 2014.05.06]</p>
<p>Болельщики, их трибуны и билеты Событие, в результате которого пострадал участник встречи, под угрозой технического поражения оказались обе команды, а потенциальный преступник до сих пор не вычислен, подвигло клубы высшего эшелона фактически к призыву в адрес исполкома РФС принять поправки в регламент проведения соревнований. [Анатолий Самохвалов. Клубы РФПЛ выразили желание играть без вмешательства третьих сил // Р-Спорт, 2012.11.20]</p>	<p>«Справедливая Россия» подготовила законопроект об императивном мандате Голосование депутата Госдумы от «Справедливой России» Ильи Пономарева против ратификации договора о принятии Крыма и Севастополя в состав России в пику решению фракции «Справедливая Россия» возмутило его коллег и подвигло их на разработку законопроекта о лишении депутатов мандата за нарушение партийной дисциплины. [Сергей Подосенов. Депутатов предлагают лишать мандата за нарушение партийной дисциплины // Известия, 2014.04.21]</p>	<p>Возмущение южноафриканским апартеидом и советским тоталитарным режимом подвигло нацию надавить на администрацию Эйзенхауэра и Верховный суд и заставить их отменить апартеид на американском Юге. [Андрей БАРАНОВ. Антигейский закон в России и лицемерие США // Комсомольская правда, 2014.02.09]</p>
<p>Просто это самый удобный инструмент, и конечно, некоторая либерализация в создании партии</p>	<p>На написание поправок авторов законопроекта подвигла статистика. [Елена Теслова. За систе-</p>	<p>Так что, не исключено, что написать открытое письмо президенту отца шестерых детей Ивна Охлобыстина</p>

Таблица 2 (окончание)

<p>подвигла нас к регистрации «Демократического выбора», — уверяет Милов. [Дмитрий Рункевич. Минюст зарегистрировал партию // Известия, 2012.09.20]</p>	<p>матические нарушения на митингах предлагают сажать на 5 лет // Известия, 2014.04.01]</p>	<p>подвигла именно угроза в адрес его детей. [Александр ГРИШИН. Охлобыстину угрожали еще до Рождества // Комсомольская правда, 2014.01.09]</p>
<p>Похоже, что к таким стремительным действиям всех заинтересованных лиц подвигло совещание председателя Правительства Российской Федерации Дмитрия Медведева, на котором обсудили ситуацию во Владивостоке. [Елена АСТАФУРОВА. По факту размытой дождями «трассы саммита» возбудили уголовное дело // Комсомольская правда, 2012.06.19]</p>	<p>Однако даже это не подвигло лидера российской команды на общение с журналистами, впрочем, как и менее удачливого Трихичева, показавшего 34-й результат. [Ильдар Сатдинов. Итоги дня на Играх: золото россиян в сноуборде и эстафете биатлонистов // Р-Спорт, 2014.02.22]</p>	<p>Через год, когда семья Мушта-Юдейките благополучно вернулась в Хабаровск, «Комсомолка» отправилась к ним в гости, чтобы выяснить, что подвигло взрослых и умных людей пуститься в подобное приключение. [Мария КОКУРИНА. 12-летняя путешественница попала в книгу рекордов Европы, объехав мир за год // Комсомольская правда, 2013.10.30]</p>

учаемыми глаголами. В таблице 2 представлены некоторые из примеров, обнаруженных в газетном подкорпусе НКРЯ.

Важно отметить, что возвратная форма *подвигнуться* также существует в современном русском языке, однако ее употребление редко и почти незнакомо носителям русского языка. Такая тенденция, вероятно, связана с уже описанным значением приставки *с-*, привносящей оттенок результативности, являющегося для возвратной формы глагола *сподвигнуть* центральным; потому необходимости в глаголе *подвигнуться*, уже явно семантически менее «результативном», резко снижается.

Как видно на диаграммах, приведенных ниже, форма *сподвигнуться* большинству носителей русского языка кажется незнакомой, однако при ответе на вопросе о выборе между формами *сподвигнуться/подвигнуться* респонденты в большинстве своем голосуют за форму *сподвигнуться*, что может свидетельствовать о том, что глагол, от которого эта форма образована, кажется говорящему более знако-

Знаком ли Вам глагол "сподвигнуться"?

164 ответа

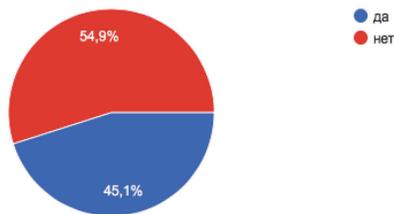

Рис. 8.

Может, и я на ремонт сподвигнусь / подвигнусь, если Лешка в Штатах денег заработает

164 ответа

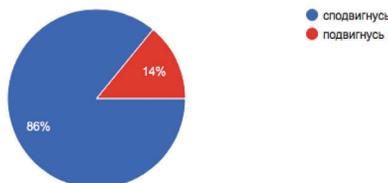

Рис. 9.

мым — а значит и потенциал образования формы, которая кажется более уместной, у него больше.

Массовость употребления сама по себе едва ли может считаться критерием нормативности. Однако несомненно, что узальная распространенность и регулярная воспроизводимость того или иного языкового явления становится серьезной заявкой на вхождение его в разряд нормативных [Горбачевич 1989: 31–32].

Согласно данным «Сводного словаря...» [СССР 1991, 2: 471–473] нормативные словари современного русского литературного языка фиксируют лишь небольшое число глаголов, в которых приставка *с-*, присоединяемая к глаголам, начинающимся с приставки *по-*, не яв-

ляется видовой, то есть образующей глаголы совершенного вида от глаголов несовершенного вида и вносящей в глагол «только видовое значение, не изменяя лексического» [Шелякин 2006: 145–149]: *сподручничать* (прост.), *спознавать* (устар. и прост.), *спокаяться* (прост.), *спонадобиться* (прост.), *споспешествовать* (устар.), *спосы- лать* (прост.).

Заметим, что все эти глаголы при их словарной фиксации снабжены стилистическими пометами: *прост.* и *устар.* Напомним, что и глагол *сподвигнуть* при его фиксации в 4-м издании «Русского орфографического словаря» [РОС 2012: 771] имеет помету *сниж.*

Однако в «Словаре русских народных говоров» [СРНГ 2006, 40: 171–250] описана не одна сотня глаголов подобного рода: *спобедить*, *спобивать*, *спобранивать*, *сповадиться*, *сповевать*, *сповенчаться*, *споверить*, *сповернуться*, *сповесить*, *сповидать*, *споворотиться*, *сповыщипать*, *спогибнуть*, *споглядывать*, *споговорить*, *спогубить*, *спогуливать*, *сподавать*, *сподвести*, *сподвинуть*, *сподеваться*, *споджидить*, *сподивиться*, *сподломиться*, *сподмыть*, *споднимать*, *сподумать*, *сподъехать* и т. п.

Как отмечает О.Г. Ровнова, рассуждая об избыточном выражении значения предельности глагола в истории языка и диалектах в связи со становлением категории глагольного вида, «в аспектуальной системе русских говоров разнообразно проявляет себя тенденция к обязательности (обязательности) формального выражения аспектуального значения» [Ровнова 2003: 272], и при этом «в видовой системе говоров существуют глагольные образования, в которых значение предельности выражено двумя приставками. Важно отметить, что первая от корня приставка модифицирует лексическое значение исходного глагола НСВ и придает ему значение СВ, вторая же приставка никакого смыслового оттенка в значение глагола не вносит. Она выполняет функцию дополнительного, избыточного с точки зрения литературного языка средства выражения предельности» [Ровнова 2003: 277]. По мнению исследователя, многообразие диалектных глаголов с «лишней» приставкой *с-* объясняется тем, что в истории языка был такой период, когда *с-* претендовала на универсальное средство выражения совершенного вида.

Таким образом, глагол *сподвигнуть* при его употреблении в современном русском литературном языке является своего рода «аспектуальным архаизмом».

Однако его широчайшая употребительность и претензия на то, чтобы целиком вытеснить из речи глагол *подвигнуть*, продолжает оставаться загадочной.

Grammatical and semantic characteristics of the Russian verb *сподвигнуть* (*spodvignut'*) in a historical perspective

In the article, we are eager to describe the grammatical and semantic characteristics of the Russian verb *сподвигнуть* (*spodvignut'*). The word, that had been used for a long period in the past, disappeared at a certain moment and appeared again only in the second half of the 20th century. The key issue of the research is to determine the place of this verb in system of norms of modern Russian.

Keywords: semantics, word derivation, norms of the standard literary Russian, language usage, variability and flexibility of the norm.

Источники

- Алексеев П.А. Церковный словарь, или Истолкование речений славенских древних, також иноязычных, без перевода положенных в Священном писании и других церковных книгах. М., 1773.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4 (С – V). СПб., 1882.
- Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. 1209 с.
- РОС – Русский орфографический словарь. М.: АСТ-ПРЕСС, 2012. 877 с.
- СДРЯ – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): Т. I–XII. М., 1988–2019.
- СлРЯ XI–XVII, 15 – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 15 (Персть – Подмышка) // Гл. ред. Г.А. Богатова. М.: Наука, 1989.
- СлРЯ XI–XVII, 27 – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 27 (Спась – Старицынь) // Гл. ред. В.Б. Крысько. М.: Наука, 2006.
- Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893.
- СССР – Сводный словарь современной русской лексики: в 2 т. / под ред. Р.П. Рогожниковой. М., 1990.

- Старославянский словарь* (по рукописям X–XI вв.) // Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерка, Э. М. Благова. М.: Русский язык, 1994.
- СРНГ* – Словарь русских народных говоров. Вып. 40 (Сопочка – Ссуворить) // Гл. ред. Ф.П. Сороколетов. СПб.: Наука, 2006. 346 с.
- Старчевский А.В.* Словарь древнего славянского языка, составленный по Остромирову Евангелию, Ф. Миклошичу, Ф.Х. Востокову, Я.И. Бередникову и И.С. Кочетову. СПб., 1899. 946 с.

Литература

- Горбачевич К.С.* Вариантность слова и языковая норма: на материале современного русского языка. М.: Наука. Ленингр. отд-ние, 2009. 238 с.
- Горбачевич К.С.* Нормы современного русского литературного языка. М.: Просвещение, 1989. 208 с.
- Крысин Л.П.* Современная литературная норма и ее кодификация. // Русский язык в школе. 2002. № 1. С. 82–87.
- Татевосов С.Г.* Множественная префиксация и ее следствия (Заметки и физиологии русского глагола) // Вопросы языкознания. 2013. № 3. С. 42–89.
- Шелякин М.А.* Категория вида и способы действия русского глагола (Теоретические основы). Таллин: Валгус, 1983. 216 с.
- Шелякин М.А.* Справочник по русской грамматике. М.: Дрофа, 2006. 340 с.
- Ровнова О.Г.* Специфика взаимоотношений формы и значения в аспектуальной системе русских говоров // Славянское языкознание. Материалы конференции (Москва, июнь 2002 г.). К XIII Международному съезду славистов / Отв. ред. А.М. Молдован. М: Институт русского языка РАН, 2003. С. 271–288.

Зеленин А.В.

Университет Тампере
aleksandr.zelenin@tuni.fi

Руднев Д.В.

Санкт-Петербургский государственный университет
rudnevd@mail.ru

Облигаторные наречия с корнем -мѣн- в истории русского языка

В статье рассмотрена история облигаторных наречий с корнем *-мѣн-* (*непременно, беспременно, всенепременно, неотменно, безотменно*) с момента их появления в русском языке до наших дней. Исследуются грамматические, лексические, семантические, прагматические, экстралингвистические факторы, оказавшие влияние на развитие у наречий с корнем *-мѣн-* облигаторной семантики и на последующую судьбу этих наречий.

Ключевые слова: модальность, облигаторность, облигаторные наречия.

Введение

Модальное значение облигаторности (обязательности) трактуется исследователями неодинаково и относится к разным функционально-семантическим полям — к сфере необходимости или к сфере долженствования. В толковых словарях *обязательный* толкуется как ‘безусловный для исполнения, неременный’ [БАС, VIII : 587; МАС, II: 582].

Способы выражения облигаторности в языке различны, в ее выражении могут участвовать грамматические средства (например, форма инфинитива), однако регулярным способом выражения являются лексемы

облигаторной семантики — глаголы, прилагательные, существительные, слова категории состояния, наречия.

В русском языке к наречиям со значением облигаторности относят такие адвербиальные лексемы, как: неминуемо, неизбежно, необходимо, неотвратимо, обязательно, непременно (устар. книжн./ирон. всенепременно). Лексико-грамматическая трактовка наречий облигаторной семантики противоречива. Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев называют такие наречия (*необходимо, неизбежно, обязательно, непременно*) или предложно-падежные группы (*с необходимостью*) «показателями алетического долженствования», которое «связано с объективными потенциями реального мира» [Булыгина, Шмелев 1991: 15]. При использовании наречий говорящий, по их мнению, апеллирует к объективной необходимости осуществления действия либо самим говорящим, либо собеседником/группой людей. М.В. Всеволодова определяет их как наречия с собственно модальным значением, включая в группу «выразителей модусных смыслов» и в подгруппу «показателей персуазивности» [Всеволодова 2000: 68]. В.М. Никитин относит их к группе «модальных наречий» [Никитин 1959: 54] или «наречий обусловленности и уверения» [Никитин 1961: 31], отмечая, что их грамматический статус имеет противоречивый характер — «между наречиями и модальными частицами» [Никитин 1959: 54]. Е.А. Стародумова считает, что слово *обязательно* «не принадлежит со всей определенностью какой-либо части речи. Это сугубо прагматическое слово, которое как бы “маскируется” под наречие... проявляя при этом функцию перформатива — в речевых актах директивного или комиссивного типа» [Стародумова 2011: 211]. Сказанное относится к словам *непреречно, неизменно* и др. синонимам *обязательно*.

Лексическое толкование облигаторных наречий в словарях современного русского языка — независимо от объема их словника и глубины семантической разработки — тавтологично: словарные статьи отсылают в дефиниционной части к другому синонимичному наречию и не фиксируют отличий между ними ни на семном, ни на прагматическом, ни на узуальном уровне.

В XVIII–XIX вв. в группу облигаторных наречий входили, кроме перечисленных выше лексем, уже утраченные *безызбежно, неизбежимо, неотменно, беспременно, неупустительно* и нек. др. Кроме того, этот ряд включал наречие *необходимо*, которое к началу XIX в. развивало спо-

способность к предикативному использованию, постепенно сокращая приглагольное (собственно адвербиальное) употребление [Зеленин, Руднев 2018]. Таким образом, синонимический ряд наречий со значением обязательности предстает как интересный объект изучения живого языкового процесса, представляющего перераспределение лексем в смысловом, лексическом, семантическом, прагматическом отношениях.

Многие наречия облигаторной семантики являются в русском языке заимствованиями (главным образом из польского языка) или лексико-словообразовательными кальками (из немецкого и французского), появившимися в течение XVII–XVIII вв. Большая их часть сохранилась в русском языке и является частотной лексикой как в книжно-отвлеченных сферах языка, так и в разговорном употреблении. Таблица, составленная на основе некоторых частотных словарей русского языка, наглядно это демонстрирует¹.

Лексема	Словарь Засориной					Словарь Шарова	Dictionary
	Частота					Частота	Место леммы
	общая	газетно-журнальные тексты	драматургия	научные и публицист. тексты	художеств. проза		
неминуемо	9	1	—	6	2	6,2	—
неизбежно	40	10	3	21	6	21,1	—
необходимо	181	87	19	71	4	149,0	625
неотвратимо	4	1	—	2	1	2,8	—
обязательно	133	29	56	22	11	120,2	882
непрерывно	77	15	24	6	32	43,2	2689
всенепрерывно	—	—	—	—	—	0,5	—

¹ Словарь Л.Н. Засориной составлен на лексической базе данных, насчитывающей 1056382 словоупотреблений / словоформ, или 39268 слов, с хронологическим охватом «от произведений Ленина и Горького до 60-х годов» [Засорина 1977: 10, 27]. Словарь Шарова [Шаров 2009] основан на 1000000 словоупотреблений в Национальном корпусе русского языка [НКРЯ]. Словарь [Dictionary 2013] содержит 5000 самых частотных слов русского языка на основе русского интернет-корпуса I-RU.

Частота (фреквентативность) в представленных словарях, созданных на базе электронных корпусов в разное время (1970-е годы и первое десятилетие XXI в.) выявляет как центральные лексемы (*неизбежно, необходимо, обязательно, непременно*), используемые для выражения облигаторности, так и периферийные (неминуемо, неотвратимо, всенепременно). Частотный словарь, составленный из 5000 самых употребительных слов русского языка, фиксирует только 3 лексемы — *необходимо, обязательно, непременно*.

На протяжении более чем трехсотлетнего периода развития русского языка представленные в таблице и упомянутые в начале статьи наречия находились в постоянном перераспределении относительно смыслового центра, выявляя, формируя его, меняясь местами, занимая центральную позицию в группе; самым новым из них является наречие *обязательно*, в настоящее время выступающее нейтральной доминантой синонимического ряда и семантическим маркером категории облигаторности. Рассмотрение истории каждого наречия требует проведения многостороннего микроисследования, в ходе которого необходимо навести этимологические справки, найти иноязычный этимон, выявить способ заимствования или калькирования, изучить вхождение заимствованной лексемы или значения в систему русского языка, проследить укоренение лексемы или, напротив, ее выпадение из лексикона, провести анализ семантических, грамматических, прагматических особенностей поведения слова в разных жанрах и стилях русского языка и т.п.

В настоящей статье рассматривается фрагмент обширного синонимического ряда: объектом наблюдений станет группа облигаторных наречий с корнем *-мън-* в сочетании с отрицательными приставками *не-*, *без-*. К числу таких наречий относятся *непременно, всенепременно*, а также ушедшие из современного русского языка *безотменно, неотменно*, просторечное *беспременно*. Цель статьи — показать, как происходило становление облигаторного значения в наречиях с корнем *-мън-*, какие факторы (грамматические, лексические, семантические, прагматические, экстралингвистические) оказали влияние на этот процесс.

1. История наречий неотменно и безотменно

Наречия *неотменно, безотменно* фиксируются словарями с середины XVII в. и с самого начала содержат модальную сему облигаторности: *Ему гетману намъ великому государю... служити вѣрно и всякого добра*

хотѣти по вѣкъ живота своего, неотмѣнно (АИ IV, 326. 1662 г.), *Мы, великий государь... мирные договоры... содержати хотимъ неотмѣнно* (ДАИ VI, 476. 1674 г.) [СлРЯ XI–XVII, XI: 129], *Такъжде свидѣтельству ю язъ, что ему быть Стефану воеводу со вѣсмъ своимъ государствомъ подѣ государевымъ повелѣниемъ неподвижно и безотмѣнно* (ПСЗ I, 386. 1656 г.) [СлРЯ XI–XVII, I: 124]. Время вхождения в язык наречий *непрѣменно*, *безотменно* и ситуация их употребления (военные отношения) позволяет предположить, что оба наречия являются заимствованиями из польского: *неотменно* — польск. *nieodmiennie*, *неизменно* — польск. *niezmiennie* [Linde 1857, 333, 343; Słownik 1987, 17: 435; Słownik 1988, 18: 341]. Цитатный материал показывает, что использование наречий — как в польских текстах-оригиналах, так и в русских — является частью военных текстовых формул, жанрово закрепленных синтагм, выражавших идею выполнения регламента, предписания, присяги, приказа; неслучайно наречия часто используются в составе лексических биномов: <служити> *верно и неотменно*, <быть под повелением> *неподвижно и безотменно*¹ или в одиночном, но тем не менее связанным с глаголом определенной семантики виде: <служить> *неизменно*², т.е. ‘служить не изменяя присяге’.

1.1. Наречие неотменно

С начала XVIII в. для выражения облигаторного значения активизируется наречие *неотменно* в значении ‘в соответствии с регламентом, предписанием’. Оно встречается в регламентах 1720-х — 1730-х гг. в составе формульных военных штампов, часто при императиве: *И хотя в те времена, когда надлежит жалованье раздавать, и не случится роздачи, то однако ж смотр чинить в каждую треть года неотменно* [Адмиралтейский регламент 1722: 48–49]; *Вышеписанные ж, которые непристойными словами ругать и побоями оскорблять будут, должны оных таможенных служителей тем довольствоваться, что им от суда наложено будет, да сверх того по усмотрению дела штраф неотменно заплатить, какой на них наложен будет* [Морской пошлинный регламент 1731:84].

¹ Возможно, лексико-словообразовательная калька с польск. *nieuchomo i nieodmiennie*. Ср. полонизм в русском *нерушимый* (*нерушимо*).

² Ср. польск. *służyć niezmiennie*.

В первой трети XVIII в. появляются новые грамматические модели сочетаемости наречий. Наречие неотменно широко представлено, например, в прозе А. Кантемира: *Слоги первого полуступишия по четвертый могут быть долгие и короткие, как ни случатся, но неотменно нужно, чтоб или седьмой был долгий или пятый* (Письмо Харитона Макентина [Кантемир 1868: 8]); *Двенадцатисложный стих делится на два шестисложные сечения, которых последнее неотменно должно иметь пятый слог долгий шестой короткий* (Письмо Харитона Макентина [Кантемир 1868: 9]) и др.

Употребление *неотменно* встречается обычно в сочетании с модальной лексикой (*неотменно нужно, должен, должно, имеют быть*) или с императивом (учини неотменно); их источник можно без труда увидеть в польском языке: *должен неотменно* — польск. *musi nieodmiennie*, *имеют быть неотменно* — польск. *musi być nieodmiennie*.

Использование наречия в сочетании с изъявительным наклонением — это одно из первых свидетельств легкого семантического (еще не жанрового, не на уровне разрушения военных формул) сдвига в значении ‘всегда, без изменения’: *На первое я ему отвечал, что <...> в<а-ше> и<мператорское> в<еличество>, будучи готовы ко всякому случаю, какова бы ни была резолюция секретной шведской комиссии, неотменно предпочитаете мир войне* (Депеша императору Иоанну Антоновичу от 30/19 июля 1741 г. [Кантемир 1868: 177]). Эта семантическая инновация выводила наречие неотменно из семантико-грамматической категории облигаторности и давала ему шанс образовывать новые лексико-семантические связи с другими наречиями образа действия уже вне рамок значения облигаторности: *Того ради, опасаясь, дабы от протчих в небытии его, государевом, паки какова замешания не было, неотменно продолжал путь свой в Россию* [Гистория Свейской войны, 1698–1721]¹; И тако, по сему Его Императорскаго Величества установлению, пребывает и пребудет всегда неотменно во веки [А.И. Богданов, Описание Санктпетербурга, 1751]; *Таким образом бывали мы друг у друга каждый день неотменно, и все текло у нас в хорошем порядке* [М.Д. Чулков, Пригожая повариха, или Похождение развратной женщины, 1770].

В приведенных цитатах наречие употреблено в значении ‘всегда, неизменно; не изменяя планов’; смысловую связь с облигаторным значением, восходящим к военным текстовым формулам, поддерживает

---

¹ Здесь и далее — текстовые иллюстрации из НКРЯ.

сема 'план, регламент; установленный порядок'. Не исключено, что в этом случае наречие неотменно испытало влияние со стороны одно-коренного наречия *неизменно*.

Анализ употребления наречия *неотменно* позволяет выделить несколько наиболее типичных ситуаций, отражающих сдвиги как в лексической семантике наречия, так и в его жанрово-стилистическом передвижении в сферу администрирования, бытового диалога (драматургического нарратива), светского времяпрепровождения, в дружескую переписку. Отметим грамматические структуры, в которых происходило расширение семантических и стиливых возможностей лексемы *неотменно*:

1) в сочетании с модальными словами со значением желания или долженствования: *Великий Академический корпус, состоящий из многих департаментов, неотменно должен иметь вице-президента, ибо оные положены в много меньших командах* [М.В. Ломоносов, Письмо М.И. Воронцову, 30.12.1759]; *А как не водится вызывать формально на дуэль королевских братьев, то дюк стал везде являться в тех местах, куда приходил граф, чем показывал ему, что ищет и **требует неотменно** удовольствия* [Д.И. Фонвизин, Письма П.И. Панину, 1777–1778]; *Она еще более хотела: она **неотменно желала**, чтоб они завели между собою любовные интриги, и чтоб, не выключая и важного Солона, все сделались волокитами* [И.А. Крылов, Почта Духов...1789]; *Да, я **хочу неотменно** окончить с тобою завалившиеся счеты; а то, не сказав, сдерешь с меня проценты* [Е.Р. Дашкова, Тоисиоков. Комедия в пяти действиях, 1786];

2) в придаточной части, вводимой союзами *чтобы, дабы* (целевыми или изъяснительными) либо в сочетании с целевым инфинитивом: *...и они, объявив мне о вашем весьма опасном состоянии, приказали, чтобы я **неотменно** прибрал у вас шпагу* [Н.И. Новиков, Живописец. Третье издание 1775 г.]; *И [я] положил **неотменно** найти причину, для чего сия надпись у храма поставлена* [Пословицы российские, 1782]; *Генералу хотелось, чтоб **неотменно** и я ехал с ним...* [А.Т. Болотов, Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. Письма 91–96, 1800];

3) в составе главной части сложноподчиненного предложения с придаточным условия: *Если бы я был самолюбив, то скорый сей расход «Живописцу» **неотменно** поставил бы на счет достоинства моего со-*

чинения... [Н.И. Новиков, Живописец. Третье издание 1775 г.]; *Естьли я оное вручу Инаку, то Государь неотменно выговорит сие Царевне, и уведомят Изиду о том, что я ему Лизарковы строки отдал!* [Ф.А. Эмин, Награжденная постоянность, или приключения Лизарка и Сарманды, 1788]; *Нет, если ты хочешь, чтоб я осталась здесь, то неотменно выпиши мне парикмахера, портного и купца с галантерейными вещами, а без того я в сию же минуту еду в Париж* [И.А. Крылов, Почта Духов...1789].

В новых условиях употребления наречие не «приковано» жестко к какому-либо определенному жанру или стилю, а свободно перемещается в разных смысловых (тематических) и стилевых регистрах, являясь важным номинативным и прагматическим средством в грамматических конструкциях со значением: а) целевой модальности, б) условной модальности, в) модальности желания.

В начале XX в. использование наречия неотменно следует расценивать уже как лексический архаизм: *Неотменно хорошее впечатление производит пианистка баронесса А. Дюстерло, исполняющая на рояле и фисгармонии нередко весьма трудные и сложные произведения* [«Рижский вестник», 1911]. Уйдя из литературного языка, наречие сохранилось в значении 'непременно, обязательно, неотложно' в некоторых говорах; ср.: «*Будьте спокойны: сделаю неотменно.* Пск., Смол., Колым. Якут.» [СРНГ 1986, 21: 104–105].

1.2. Наречие безотменно

Наречие *безотменно* имело ту же семантику, что *неотменно*. Полонизм *безотменно* (*bezodmiennie*) в польском выступал синонимом наречия *nieodmiennie* [Linde 1807, I: 83]. Проникнув в русский язык в середине XVIII в., оно очень редко встречается в письменных текстах XVIII в.: *<Денежная помощь> имъет всегда давана быть безотмънно, а в нужном случае и болше по въсякой возможности* (ПБП VI 206), *А впредь, что повелите, во всем безотмънно исправлять должен* (И. Денисов Држ. V 89) [СлРЯ XVIII, 1: 184]; *...а за лесныя угодыя против того, как сей инструкции в 4 главе предписано, взыскивать вдвое, и в том взыскании и в возвращении завладеннаго поступать во всем безотменно по общим Нашим на сие Государственным законамъ и указам* (Инструкция межевым губернским канцеляриям и провинциальным конторам, 1766 [ПСЗРИ, 21: 783]).

Наречие *безотменно* попало в САР в качестве заголовочной леммы (по алфавиту) в одну словарную статью вместе с наречием *неотменно*. В словарной статье они выступали как равноценные словообразовательные варианты, их значение дается как ‘не отменяя **намерения**; точно’ [САР, IV: 392]. Обратим внимание на достоинство дефиниции в словаре. Во-первых, наречия *неотменно/безотменно* толкуются не через другие синонимы, как это часто бывает даже в современных словарях: здесь эксплицируется важный дифференциальный семантический признак (*‘не отменяя намерения’*), показывающий когнитивную область, связанную с ментальной сферой говорящего (намерений, обязательств, обещаний, планов, решений). Во-вторых, вторая часть дефиниции — пример поиска лексико-семантического эквивалента с точки зрения узуса того времени: *безотменно/неотменно = точно*. Наречие *точно* толкуется в словаре как ‘подлинно, истинно’ [САР, VI: 216], отражая, по сути, обыденное, узуальное употребление этого наречия всеми носителями русского языка; ср. использование наречия *точно* как элемента метаязыка лексикографического описания в десятках словарных статей и в САР, толкующих наречия разного стилистического ранга, и в более позднем по времени выходе словаре Даля (*точно* ‘верно, истинно, право, подлинно’ [Даль 1882, IV: 434]), что дает нам повод говорить об общераспространенности, узуальности этой лексемы.

С середины XIX в. наречие *безотменно* начинает использоваться в художественной литературе — в первую очередь в текстах, передающих речь персонажей: *Я тоже до нее хоша в настоящий момент и не имею касательства, однако на сих днях **безотменно** иметь таковое намерен* [М.Е. Салтыков-Щедрин, Губернские очерки, 1856–1857]; *Надо **безотменно** ехать к ворожее: не замай ее осмотрит девку* [Н.В. Успенский, Змей, 1858]; *Теперича меня опять на Владимирку, значит, **безотменно** решат, и я до матери-Сибири пойду* [В.В. Крестовский, Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных. Ч. 4, 1864]; Будет она, Варварушка, на корабле, *безотменно* будет [П.И. Мельников-Печерский, На горах. Книга вторая, 1875–1881]. Употребление наречия *безотменно* с явной характерологической функцией в текстах народно-демократической тематики свидетельствует о проникновении элементов канцелярского языка в речь городских низов (обитателей ночлежек, странноприимных домов, богаделен; побирушек, нищих, арестантов) и через ее посредство позже в разговоры; ср.: «Безотмѣнно и безотменно,

нареч. Непременно, обязательно. □ Безотмѣнно. Безотменно сделаю. Колым. Якут., 1901. Безотмѣнно к завтраму сделаем, будьте покойны. Буйск. Костром., Ряз., Смол, □ Безотменно. Старогород. Нижегород. □ Безотменно [удар.?). Воротись, воротись безотменно! Курск., Афанасьев. Роман.-Борис. Яроsl.» [СРНГ 1966, 2: 196].

С характерологической функцией наречие продолжало использоваться еще в литературе первой половины XX в. Например: В прежнее время острые приговорки Герасима Курина безотменно встречались дружным и сочувственным смехом его односельцев [С. Голубов, Доблесть, 1945]; — Время такая — каждого кто-нибудь безотменно убьет... [К. Федин, Костер, 1949].

Итак, наречия неизменно, неотменно, безотменно в русском языке — полонизмы, проникшие в XVII–XVIII вв.: расширение жанровой, тематической, социальной базы их использования вызывало трансформации, сдвиги в их семантике, что могло выводить их из сферы облигаторности и включать в семантические сети других наречий образа действия.

2. История наречий **беспременно, непременно** и **всепременно**

2.1. Наречие **беспременно** (беспременно)

Наречие **беспременно** и его дублет *беспременно* известны в русском языке с XVII в. Полногласная форма *беспременно* в XVII в. использовалась шире, чем неполногласная *беспременно*, обе в значении ‘не перемениаясь, без замены’: *И будучи мы, холопи твои, на твоей государевъ службѣ, противъ турскихъ, и крымскихъ и нагайскихъ людей ратнымъ строемъ всегда **беспременно** на полъ въ ратномъ строе стояли* (Доп. д. IV, 288. 1649 г.); *А я у твоего государева дѣла **беспременно** и **беспременно** одинъ* (Мат. медиц., 227. 1662 г.) [СлРЯ XI–XVII, I: 158]; ... *быти у них ротмистрам и порутчикам из стольников и из стряпчих из дворян и из жильцов и изо всех родов и чинов с головы **беспременно**...* (Соборное деяние об уничтожении государем царем Феодором Алексеевичем местничества, 1682 [ПСЗРИ, 4: 396–397]).

Параллельное, недифференцированное употребление дублетов сохранялось вплоть до первой трети XIX в.: *И стоять на карауль день и ночь **беспременно*** (ДПС V 1130), *Взят он в С. Петербург и живет по сие число при дворѣ царскаго величества **беспременно*** (ДПС V 1059)

[СлРЯ XVIII, I: 212]; ...ныне де кассир Ивановский находится третий год **беспеременно** и не сочтен, а в сборе было не менее 2-х миллионов... (сенатский указ «О прибавке в Санктпетербургской портовой таможне служителей», 31.05.1756 [ПСЗРИ, 14: 581]). Ср. также в словаре П.И. Соколова (1834): «Беспеременно, нар. Не переменяясь» и «Безпременно, нар. Не подвергаясь перемене, не переменяясь» [Соколов 1834, I: 68, 70].

Наречие *беспеременно* в языке второй половины XIX в. ведет себя двойственно: с одной стороны, оно используется в художественной литературе в составе развернутых синонимических рядов, основная смысловая нагрузка в которых лежит не на данном наречии, а на примыкающих синонимах, само же наречие *беспеременно* служит скорее целям украшения, добавочного эмоционально-эстетического компонента при передаче внутренней речи персонажа: *Нет, жизнь не кончена в 31 год, вдруг **окончательно, беспеременно** решил князь Андрей* [Л.Н. Толстой, Война и мир. Том второй, 1867–1869]; *«Неужели это уже решено **беспеременно, бесповоротно?**» — думал он, стоя отдельно от прочих* [В.В. Крестовский, Панургово стадо. Ч. 3–4, 1869]; *Вкруг нее голоса, сливаясь шептаньем **безостановочно, беспеременно, докучно** роковым ворчали веретеном* [Андрей Белый, Петербург, 1913–1914]. Здесь наречие *беспеременно* имеет значение ‘не меняя, не изменяя прежнего состояния (о мыслях, звуках и т. п.)’, другие наречия довершают, результируют процессуальность, незавершенность какого-либо состояния, действия, содержащуюся в семантике наречия *беспеременно*: *беспеременно > окончательно, беспеременно > бесповоротно, беспеременно > докучно* (уныло-однообразно).

С другой стороны, можно встретить использование наречия *беспеременно* в облигаторном (интенсифицирующем) значении, однако это исчисляется единичными случаями: *[барыня] приказала... откушать у нее нынче деревенских щей, **беспеременно**, в два часа* [М.П. Погодин, Невеста на ярмарке, 1827–1832]; *наймусь [на работу] **беспеременно** зимой* [Ф.М. Решетников, Подлиповцы, 1864]. В говорах употребление наречия *беспеременно* нечастотно, территориально ограничено; оно может использоваться и как вербальный интенсификатор, и как номинативное нейтральное средство: «**Беспеременно**, нареч. 1. Без изменений. Исет. Перм., 1923. 2. Обязательно, непременно. Исет. Перм., 1923» [СРНГ 1966, 2: 271]; «**БЕСПЕРЕМЁННО**, нар. Посто-

янно, не прерываясь, все время. Погода-то установилась, все дождь беспременно был. Бор.» [НОС, 1: 54]

Неполногласный вариант *беспременно*, видимо под влиянием семантики наречия *непрерменно*, попадает в круг наречий, выражающих значение облигаторности, примерно с 1830-х годов: [Сурков:] **Безпременно**, *весь город будет кричать, да что город — вся губерния* [Соколов 1839: 49]; [Сурков:] Уж беспременно-с, тотчас донесут его Превосходительству [Соколов 1839: 50]. Новое значение наречия *беспременно* фиксируется в русско-французском словаре Ф.И. Рейфа: «**Безпременно** et **Непрерменно**, adv. infailliblement, sans faute, immanquablement» [Рейф 1835, I: 603]. Начиная с этого времени облигаторное значение *беспременно* закрепляется в языке как разговорный аналог наречия *непрерменно*. Это наречие в облигаторном значении широко используется в художественной литературе в качестве средства речевой характеристики героев: *Спустя этак с полгода пишет отец, что дал бог ему внучку, а мне дочь, да сама-то, невестка, жена то есть моя, что-то чахнет: приезжай, пишет, беспременно* [И.Т. Кокорев, Саввушка, 1847]; *Тетьнька Матрена велела прийти, беспременно велела прийти* [М.П. Арцыбашев, Куприян, 1902].

В советский период использование наречия *беспременно*, особенно с 1930-х гг., становится элементом «городского просторечия» («некого “низкого” общего разговорного языка» [Ларин 1977: 187]) или «общерусского городского просторечия» (Е.А. Земская, Л.П. Крысин, Е.Г. Ширяев): — *Значит, беспременно встречались мы с вами в Симферополе... вместе Махну в тот год разоружали, припоминаете?* [Л.М. Леонов, Русский лес, 1950–1953]; — *Петр-то Созонтович домой наказывал... Чтобы беспременно, значит...* [Федор Абрамов, Братья и сестры, 1958]; *Ежели же, товарищи, хлебобоб потому не убрал хлеб, что не хотел помочь Родине, то ведь это такой хлебобоб, с которым беспременно надо поговорить* [Виль Липатов, Деревенский детектив, 1967–1968].

Кроме того, наречие *беспременно* использовалось с целью создания исторического колорита: — *Кабы велела, так допустили бы, беспременно бы допустили* [В.Я. Шишков, Емельян Пугачев, Книга вторая. Ч. 1–2, 1939–1945]; *Мехами тебе беспременно торговать надобно — куницей, рысью, волком, росомахой* [Ю.П. Герман, Россия молодая. Часть первая, 1952].

2.2. Наречие непременно

Наречие *непрерменно*, сохранившееся в современном русском языке и выступающее как один из основных элементов синонимического ряда наречий со значением обличгаторности, претерпело в своей истории интересные семантико-прагматические трансформации. В древнерусском языке наречие употреблялось в значении 'неизменно, без перемены, постоянно, бессменно' в церковно-конфессиональных контекстах: **Непрерменно** храняще уставы временемь (Ипат. лет., 713), *Заповьданое сотворяшеся непременно* (Врем. И. Тим., 313. XVII в.); *И перстатии на руках его имьяи непременно* (Псков. лет., II, 190) [СлРЯ XI–XVII, XI: 245]. Прагматика таких контекстов отсылала к нерушимости, каноничности заповедей, церковных уставов и традиций. В языке XVIII в. появилась новая тематическая сфера использования наречия *непрерменно* — в военной области. Интегрирующим семантическим признаком этих двух, таких далеких друг от друга сфер (церковная книжность и военное дело) выступал смысловой компонент 'следуя регламентированному тексту, сохраняя верность канону' (заповеди или военному регулу, приказу).

Легкости переноса наречия *непрерменно* способствовало сохранение семантической группы глаголов, с которыми сочеталось наречие в древнерусский период, и в языке XVIII в. *оставаться, пребывать, иметь, совершать, следовать: От роты и знамя, где надлежу, хотя в поле, обозе или гарнизоне, никогда не отлучатца, но за оным, пока жив, непременно, добровольно и верно так, как мне приятна честь моя и живот мой, следовать буду* [Артикул воинский, 1715]; *Должен иметь [кригс-комиссар] в своем ведении госпиталы, дабы содержаны были от определенных при них камисаров, писарей, докторов и прочих во всем непременно...* [Адмиралтейский регламент 1722: 50]; *Я в ней не поправил ни единого слова, но какову он прошедшей зимы дал, так к вам и вручить честь имею, с должным почтением непременно пребывая* [М.В. Ломоносов, письмо И.И. Шувалову, 08.05.1751].

В текстах часто встречается контактная позиция наречия образа действия *непрерменно* с временным наречием *всегда* или сочинительная связь между ними: *А при полковнике быть по одному из городовых добрых подъячих всегда непременно* [Плакат о зборе подушном и протчем, 1724]; *Но в самой вещи ода есть совокупление многих строф, состоящих*

из равных, а иногда и неравных стихов, которыми описывается **всегда и непременно** материя благородная, важная, редко нежная и приятная, в речах весьма пиитических и великолепных [В.К. Тредиаковский Рассуждение об оде вообще, 1734].

Заметный сдвиг в употреблении наречия *непременно* происходит в середине XVIII в., когда оно начинает употребляться в тех же контекстах, что наречия *неотменно*, *безотменно*. Модализация наречия *непременно* была связана, по-видимому, с кальками из немецкого или французского, в которых нормативны были следующие модели с модальными глаголами: *sollen*, *müssen*, *sein*, *notwendig sein* + ***unfehlbar*** (быть должным, следовать/быть вынужденным/быть/надо, надобно быть + ***непременно***).

Во второй половине XVIII в. в подавляющем большинстве случаев наречие *непременно* употреблялось в сочетании с различными модальными операторами (*надо*, *нужно*, *должен* и пр.) и с глаголами со значением намерения, желания: *Мир тогда **непременно** был **нужен**: премудрость привела оный в состояние* (Д.И. Фонвизин, Торгующее дворянство, 1766 [НКРЯ]); *Вам **непременно надобно** уйти или уехать из сего города, чтобы избежать с вашей стороны препятствие* [М.Д. Чулков, Пригожая повариха, или Похождение развратной женщины, 1770]; *Впрочем, во что бы сие ни стало, только двор **непременно вознамерился** сие исполнить* [Н.И. Новиков, Пустомеля. Ежемесячное сочинение, 1770 год месяц июнь, 1770].

Субъективная оценочность, заключенная в наречии *непременно*, отчетливо проявляется в следующих синтаксических моделях:

- с глаголами в форме будущего времени или императива: *Не пришел еще день, назначенный его премудростию, но он придет **непременно**...* [Д.И. Фонвизин, Примечания на «Та-Гио», 1779]; *Все сие с тобою исполнится **непременно**: я тебя в том честным, благородным и судейским словом уверяю* [Н.И. Новиков. Живописец. Третье издание 1775 г. Часть I, 1775];
- в придаточной части с целевым или изъяснительным союзом *чтобы*: *По написании сих полезных строк Лавид прочитывает сие всему собранию и повелевает, чтобы во всей строгости наблюдать его повеления, с досадою удаляется из собрания, подтверждая однако, чтобы карусель **непременно** в скором времени был готов* [Н.И. Новиков, Пословицы российские, 1782]; *Он приступил к шафнеру и требовал, чтобы парик*

его **непрерывно** был отыскан [Н.М. Карамзин, Письма русского путешественника, 1793].

Синтаксическими кальками можно считать и другие конструкции, распространившиеся в русском языке XVIII в., в частности для выражения логической, причинно-следственной связи между двумя или несколькими ситуациями: *Кто захочет о сем сделать на самом себе примечание, познает оно **непрерывно*** [А.Н. Радищев, Житие Федора Васильевича Ушакова, с приобщением некоторых его сочинений, 1789]; *Рассматривая прилежно непостоянство разума человеческого, **непрерывно** будешь остерегаться, чтоб самому не впасть в такие же пороки, какие в других осуждаешь* [И.А. Крылов, Почта Духов...1789]; *Праздность, будучи матерью всех пороков, рождает также невежество и высокомерие: сии три порока обыкновенно бывают вместе, и **непрерывно** один **влечет** за собою другой* [И.А. Крылов, Почта Духов...1789]; Но раскаяние, кое неизбежно, производит непрерывно отвращение к действиям приведшим в раскаяние, а телесная болезнь делает оныя ужасными [А.Н. Радищев, Житие Федора Васильевича Ушакова, с приобщением некоторых его сочинений, 1789].

Глагольно-адвербиальные сочетания в приведенных предложениях легко обнаруживают свой иноязычный источник, ср.: *познавать **непрерывно*** — нем. *unfehlbar erkennen*, *остерегаться **непрерывно*** — *unfehlbar hüten*, *влечь **непрерывно*** — *unfehlbar ziehen*, *производить **непрерывно*** — *unfehlbar herstellen*.

Парадоксально, но наречие *непрерывно* в САР отсутствует (возможно, по недосмотру, так как в текстах XVIII в. это слово весьма часто). Иноязычные прототипы и эквиваленты в лексикографической литературе того времени приводятся почти без вариаций в самых разных словарях: *непрерывно* — нем. *unfehlbar* [Гельтергоф 1771: 329], фр. *immanquablement* [Лексикон 1786, I: 626], фр. *immanquablement, infailliblement*, нем. *unfehlbar, durchaus* 'вполне' [Гейм 1813, I: 887, 891].

Итак, с середины XVIII в. наречие *непрерывно*, несмотря на случайное отсутствие в лексикографических компендиумах, приобрело в русском новое, калькированное из европейских языков (немецкий, французский) значение, описывающее субъективное отношение, оценочность говорящего/пишущего к сообщаемому, будь то реальный референт или некое мысленное содержание (намерение, интенция, замысел, мысль, план). Наречие со второй половины XVIII в. повело

себя очень активно в языковом пространстве, свидетельством чего служат многочисленные текстовые цитаты и, в частности, такой интересный регистратор изменений, как двуязычные переводные словари; ср.: *непременно* — фр. *absolument* («*Vouloir absolument*, желать непременно»), *determinement* («*Il l'a voulu determinement*, он того **непременно**, непреложно хотел»), *sans faute, immanquablement* («*Cela arrivera immanquablement*, это непременно, неминуемо, верно случится»), *immuablement* («*Perfonnes immuablement et indissolublement unies par le mariage*, особы **непременно** и нерушимо сопряженные брачными узами»), *infailliblement, irrévocablement* [Лексикон 1786, I: 7, 319, 481, 626, 628, 648, 670], *résolument* («*Je veux résolument que cela soit*, я неотменно¹ хочу, чтоб так было») [Лексикон 1786, II: 431] (примеры в скобках отсутствуют, если их нет в словарной статье либо если при переводе не использовано наречие *непременно*).

2.3. Наречие всенепременно

Наречие *всенепременно* — калька нем. *allunbedingt* (= *all unbedingt*), *allbestimmt* (= *all bestimmt*). Кальки с элементом *все-* были широко распространены в XVIII в.: *всевозможный* (нем. *allmöglich*), *всеохватный* (нем. *vollumfassend*), *всеохватывающий* (нем. *allzufassend*), *всесторонний* (нем. *allseitig*), *вседневный* (через нем. *allesfressend* или, возможно, прямо из лат. *omnivorous*) [Арапова 2000: 77] и десятки лексем с компонентом *все-*, зафиксированных в [СлРЯ XVIII, 4] и требующих выявления калькированного характера и языка-источника в каждом отдельном случае. Первые случаи употребления наречия *всенепременно* — научно-философская литература 1780-х гг.: *Естьли бы... человеческие законы... отважились нам делать смертоубивство; то в таком случае мы обязуемся преступить сей закон, а иначе мы оскорбим закон божественный и естественный **всенепременно*** (Блэкстон I 106) [СлРЯ XVIII, 4: 146]; *А где мудрость с верою нераздельным союзом соединяется, там обою **всенепременно** истинным быть должно...* [Лактанций 1783: 315]; *Собрание оных сочинений состоять будет из девяти томов, и в один год*

¹ В словарной статье значение наречия *résolument* толкуется через перечислительный ряд русских наречий *решиительно, всеконечно, твердо, непременно* [Лексикон 1786, II: 431], однако в иллюстративной части при переводе французского примера по недосмотру использовано наречие *неотменно*. Это может служить дополнительным доказательством смысловой близости наречий *непременно* и *неотменно* в то время.

всенепременно печатанием окончится [архимандрит Дамаскин, иеромонах Амвросий, Объявление, 1779].

Слово имело яркую книжную окраску, входя в большую группу сложных слов с компонентом *все-*, употребляемых в XVIII в. в интеллектуальных сферах языкового общения: наука, медицина, военное дело, литература, история, философия и т. д.

К середине XIX в. наречие *всенепременно*, а также прилагательное *всенепременный* и кальки *всенепременнейший*, *всенепременнейше* (из нем. *allumfaßendste*) смещаются в сферу выразительных средств художественной литературы. Причина стилистического перемещения наречия *всенепременно* кроется в его семантике: первая часть сложного слова (*всенепременный*, *всенепременно*, *всенепременнейший*) сообщала словам экспрессивные оттенки высокой (даже чрезмерной, избыточной) степени признака, качества. Эти же свойства наречия *всенепременно* способствуют его закреплению в торжественно-риторических регистрах речи в качестве аналога наречия *непременно* с усилительной интенцией: *Ежели попадусь в руки к этому боярину, то вряд ли разделюсь с ним дешево; а разведать **всенепременно** нужно* [Курышев 1836: 80]; *Прибавки оклада жду **всенепременно**, ибо кому же и прибавлять, как не мне?* [Ф.М. Достоевский, Крокодил, 1865];

Оттенок манерности и книжности, свойственный этому наречию, делал возможным его использование в разных стилистических целях: — *Будете читать в сердцах? — **Всенепременно**-с. Тогда произошло во мне нечто чудное и торжественное: я вдруг почувствовал, что все мое существо сладко заволновалось!* [М.Е. Салтыков-Щедрин, Убежище Монрепо, 1878–1879]; [Елена Андреевна:] *Голубчик Илья Ильич, завтра вы опять съездите на почту. [Дядин:] **Всенепременно*** [А.П. Чехов, Леший, 1890].

3. Судьба облигаторных наречий с корнем -мьн-

Широкое использование наречия *непременно* в разных жанрах и стилях нового литературного языка на протяжении всего XIX в. превратило его к концу века в доминанту синонимического ряда облигаторных наречий. В одном из наиболее полных синонимических словарей начала XX в. именно это наречие помещено как заголовочное и нейтральное: «**Непременно** (всенепременно), безусловно, решительно, положительно, неизбежно, неотменно, несомненно, неуклонно (простор.: обязательно)» [Абрамов 1911: 87]. Примечательны скобочные компо-

ненты в синонимическом ряду: первое (*всенепременно*) слово дано как вариант, но без стилистической пометы, последнее (*обязательно*) как просторечное, стилистически окрашенное, все другие выступают как близкозначные слова в языковом сознании рубежа XIX–XX вв. Помещение некоторых из них в синонимический ряд современного читателя может даже поставить в тупик (*положительно, неуклонно*).

Последующая судьба облигаторных наречий с корнем *-мьн-* оказалась связана с историей наречия *обязательно*, которое во второй половине XIX в. претерпело семантические и стилистические трансформации (об истории его появления и развития см. [Зеленин, Руднев 2019]). Будучи семантической калькой из немецкого, употреблявшейся в 1840-е гг. в узкой сфере делопроизводства и финансово-фискальных отношений, оно в 1850–1860-е гг. вышло в профессиональный жаргон, а с 1870-х гг. и в городское бытовое просторечие. К концу XIX в. стала происходить лексико-стилистическая нейтрализация наречия *обязательно* и, как результат, возникла возможность его включения в разговорный, публицистический, художественный стили языка. В первую треть XX в. наречие *обязательно* упрочило позиции в языке и заняло центр синонимического ряда со значением обязательности.

Большая часть облигаторных наречий с корнем *-мьн-* постепенно вышла из литературного языка. Лишь наречия *непрерменно* и *всенепременно* продолжают употребляться в современном русском языке, хотя и заметно сузили сферу своего употребления. Их сфера использования — преимущественно интеллектуальная проза, где они приобрели характеризующий авторский оценочный оттенок: *И почему-то считается, что откровение приносит такие знания, которые очищают душу, возвышают разум и **всенепременно** укрепляют дух* [Марина Палей, Дань саламандре, 2008]; *Если бы он курил, то он **непрерменно** курил бы сейчас, как это обычно делают курящие люди в задумчивости* [Дмитрий Данилов, Друг человека, 2010]; *И она уже должна, **непрерменно** должна быть где-то неподалеку!* [Дина Рубина, Русская канарейка. Блудный сын, 2014].

Выводы

В группе облигаторных наречий *безотменно, неотменно, беспрерменно, бесперерменно, непрерменно, всенепременно* представлена лексика разного происхождения: полонизмы (*неизменно, неотменно*), русские или церковнославянские лексемы (*непрерменно, беспрерменно/бесперерменно*), семантические

и словообразовательные кальки-германизмы (*непрерменно, всенепрерменно*). Внутри этой группы наречий на протяжении Нового времени (с XVIII в.) происходили существенные семантические и прагматические сдвиги. Значение облигаторности наречия данной группы передавали как модальную уверенность говорящего в очередности, событийной последовательности содержания сообщения.

В рассмотренной группе наречий к русским можно (с известной осторожностью, поскольку польское влияние нам пока выявить не удалось) отнести *беспременно/бесперемменно*, которые демонстрировали жанровые и стилевые сдвиги от сферы делопроизводства, администрирования в XVIII в. к текстам художественной литературы (для передачи внутренней речи персонажей или исторической стилизации) и к диалектной речи. Наречия *непрерменно, всенепрерменно* — кальки в русском, пришедшие из немецкого. Оба наречия сохраняют значение облигаторности. Первое из них постепенно заняло ведущие позиции для выражения значения облигаторности и к концу XIX в. стало доминантой синонимического ряда. Наречие *всенепрерменно*, первоначально употребляясь как нейтральное обозначение в XVIII в. в текстах научно-философской тематики, с середины XIX в. все дальше и дальше отходит на периферию стилистической системы русского языка, становясь и теперь уже став элементом художественно-выразительных ресурсов стилистики для экспликации языковой шутки, иронии.

На судьбу наречий с корнем *-мьн-* решающее влияние оказала история наречия *обязательно*, которое с 1870-х гг. проникает в разные жанры и стили литературы и языка, а в 1930–1950-е гг. становится доминантой синонимического ряда облигаторных наречий. Это вызвало семантико-прагматическое перераспределение лексем в процессе смены лексической доминанты: к середине XX в. наречие *непрерменно* относительно стилистически нейтральной доминанты *обязательно* приобрело дополнительные прагматические (оценочно-усилительные) компоненты, выступая как синоним-интенсификатор. Наречие *беспременно* стало расцениваться как факт «обиходно-бытовой речи», наречие *всенепрерменно*¹ переместилось в сферу «литературно-разговорной» речи [Евгеньева 1971, II: 34].

---

¹ В СЛУ наречие *всенепрерменно* снабжается пометой «книжн. устар.» [СЛУ, I: 401], в БАС — пометой «устар.» [БАС, II: 326], в ТСРЯ — пометой «устар.» [ТСРЯ, II: 194], хотя в современном языковом узусе оно активно используется с игровой стилистической целью в устной и электронной формах коммуникации.

Источники

- Адмиралтейский* регламент 1722 — Регламент благочестивейшего государя Петра Великого отца отечества императора и самодержца всероссийского о управлении Адмиралтейства и Верфи и о должностях Коллегии адмиралтейской и прочих всех чинов при Адмиралтействе обретающихся. Напечатан по указу Государственной Адмиралтейской коллегии в типографии Морского шляхетного кадетского корпуса, вторым тиснением 1764 года. 13 с.
- Арапова* 2000 — Арапова Н.С. Кальки в русском языке послепетровского времени: Опыт словаря. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. 319 с.
- БАС* — Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / под ред. В.И. Чернышева. М.; Л.: АН СССР, 1948–1965.
- Гейм* 1813, I — Гейм И.А. Новый и полный российско-французско-немецкий словарь, сочиненный и дополненный по Словарю Российской академии. Ч. 1. А–О. В Санктпетербурге: В типографии Ивана Глазунова, и его иждивением, 1813, 1094 стб.
- Гельтергоф* 1771 — Гельтергоф Ф. Российской Целлариус, или Этимологический российский лексикон, купно с прибавлением иностранных во российском языке во употребление принятых слов, також с сокращенною российскою этимологию, изданной Франциском Гелтергофом. М.: печ. при Имп. Моск. ун-те, 1771. 656 с.
- Даль* 1882, IV — Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд., испр. и знач. умнож. по рукописи авт. Т. IV. Р–V. СПб.; М.: М.О. Вольф, 1882, 704 с.
- Евгеньева* 1971, II — Евгеньева А. П. (гл. ред.). Словарь синонимов русского языка: в 2 томах. Т. II. Л.: Наука, 1971. 856 с.
- Засорина* 1977 — Засорина Л. Н. (ред.). Частотный словарь русского языка. М.: Русский язык, 1977. 935 с.
- Кантемир* 1868 — Кантемир А. Д. Сочинения, письма и избранные переводы князя Антиоха Дмитриевича Кантемира. С портр. авт. со ст. о Кантемире и с прим. В.Я. Стоюнина. Т. II. Санкт-Петербург: И.И. Глазунов, 1868. 462 с.
- Лактанций* 1783 — Луция Цецилия Лактанция Фирмиана, нареченнаго христианским Цицероном, Божественных наставлений семь книг, писанных к Константину Великому, первому христианскому императору... Ч. 1. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1783. 408 с.
- Лексикон* 1786 — Полной французской и российской, с последняго издания Французской Академии на российской язык переведенный собранием ученых людей. Ч. 1–2. СПб.: в Имп. тип., 1786. 694 с.

- Морской* пошлинный регламент 1731 — Морской пошлинный регламент или устав повелением ея императорского величества в Москве напечатанный. А в Санкт-Петербурге при Академии наук с Российского оригинала на немецкий язык переведен, к которому присовокуплен реестр и придаток о заключенном в вечные времена между Российской империей и Датской короной, трактат о салютации на море. СПб.: [Тип. Имп. акад. наук], 1731. 99 с.
- НКРЯ* — Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorgo.ru
- НОС*, 1 — Новгородский областной словарь. Выпуск 1. А–В / авт.-сост. А.В. Клевцова, В.П. Строгова; отв. ред. В.П. Строгова. Новгород: Изд-во Новгородского гос. пед. ин-та, 1992. 158 с.
- ПСЗРИ*, 1–45 — Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое: с 1649 по 12 декабря 1825 года. Т. 1–45. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1830.
- Рейф* 1835–1836 — Рейф Ф. И. Русско-французский словарь, в котором русские слова расположены по происхождению, или Этимологический лексикон русского языка... / сост. Филиппом Рейфом, сочинителем Рус. грамматики для иностранцев и пер. Пространной рус. грамматики Н.И. Греча. Т. 1–2. Санкт-Петербург: тип. Н. Греча, 1835–1836.
- САР* — Словарь Академии Российской. Ч. 1–6. СПб.: при Имп. Акад. наук, 1789–1794.
- СЛУ* — Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. В 4 т. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940.
- Соколов* 1839 — Соколов Н.С. Купеческая дочка и чиновник 14-го класса: Комедия-водевиль в 1 д. / Соч. Н. Соколова. Изд. 2-е. М.: в тип. В. Кирилова, 1839. 108 с.
- Соколов* 1834 — Соколов П.И. Общий церковно-славяно-русский словарь, или Собрание речений как отечественных, так и иностранных, в церковно-славянском и русском наречиях употребляемых... по поручению Комитета устройства учебных заведений составленное П. С.: С присовокуплением таблиц склонений и спряжений, заимствованных из Грамматики г. Востокова, напечатанной в 1832 г. и введенной в употребление в нижних и сред. учеб. заведениях. Ч. 1–2. Санкт-Петербург: тип. Рос. акад., 1834. 874 с.
- СРНГ* — Словарь русских народных говоров: вып. 1–49. (Л.) СПб.: Наука, 1965–2014.
- СлРЯ XI–XVII* — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30–... М.: Наука — Азбуковник, 1975–2015.

- СлРЯ XVIII* — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–6. Л.: Наука, 1984–1991; Вып. 7–22–... СПб.: Наука, 1992–2019.
- Французской Целлариус 1782* — Гельтергоф Ф. Французской Целлариус, или Полезной лексикон, из котораго без великаго труда и наискоряе нужнейшим французскаго языка словам научиться можно, с приложением реестра по алфавиту российских слов. М.: Университет. тип., 1782. 5–668 стб. 168 с.
- Целларий 1746* — Целларий К. Христофора Целлария Краткой латинской лексикон с российским и немецким переводом. Для употребления Санктпетербургской гимназии. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1746. 154 с.
- Шаров 2013* — Ляшевская О. Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009. 1087 с.
- Эртель 1841* — Эртель В.А. Французско-русский словарь, извлеченный из новейших источников. Т. I. СПб.: тип. Н. Греча, 1841. VIII. 572 с.
- Dictionary 2013* — Sharoff S., Ulmanskaya E., Wilson J. A Frequency Dictionary of Russian: Core Vocabulary for Learners. London: Routledge, 2013. 384 p.
- Linde 1807* — Linde S. M. Słownik języka polskiego. T. I. Warszawa: druk własny i Drukarnia Xsięży Pijarów, 1807.
- Linde 1857* — Linde S. B. Słownik języka polskiego. T. III (M–O). Wydanie drugie, poprawne i pomnożone. Lwów: W drukarni Zakładu Ossolińskich, 1857.
- Słownik 1987, 17* — Słownik polszczyzny XVI wieku. T. 17 (Nie — Nierosły). Mayenowa M.R., Pełowski F. (red.). Wrocław: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1987.
- Słownik 1988, 18* — Słownik polszczyzny XVI wieku. T. 18 (Nie — Nierosły). Mayenowa M.R., Pełowski F. (red.). Wrocław: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1988.

Литература

- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Концепт долга в поле долженствования // Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 14–21.
- Всеволодова М.В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент фундаментальной прикладной (педагогической) модели языка: Учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. 656 с.
- Зеленин А.В., Руднев Д.В.* Наречие обязательно в круговороте языка // Русский язык в школе. 2019. Т. 80. № 5. С. 72–80.
- Зеленин А.В., Руднев Д.В.* Модальное наречие необходимо: русский иностранец. Русский язык в школе. 2018. Т. 79. № 1. С. 45–51.

- Ларин Б.А.* История русского языка и общее языкознание. Избранные работы. М.: Просвещение, 1977. 224 с.
- Никитин В.М.* Морфология современного русского языка. Глагол и наречие; Учебно-методическое пособие для студентов-заочников. Рязань, 1961. 126 с.
- Никитин В.М.* Обстоятельство как грамматическая категория в русском языке и его место в системе членов предложения. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1959. 89 с.
- Стародумова Е.А.* Избранные работы: описание русских частиц, словарные статьи, синтаксис художественной прозы. Владивосток: Морск. гос. ун-т, 2011. 266 с.

Obligatory adverbs with the root *-мѣн-* in the history of the Russian language

The article investigates the history of obligatory adverbs with the root *-mĕn-* (*nepremenno*, *bespremenno*, *vsenepremenno*, *neotmenno*, *bezotmenno*) from the moment of their appearance in Russian to the present day. The grammatical, lexical, semantic, pragmatic, extralinguistic factors that influenced the development of obligatory semantics in adverbs with the root *-mĕn-* and the subsequent fate of these adverbs are studied.

Keywords: modality, obligatoriness, obligatory adverbs.

Камчатнов А.М.

Московский педагогический государственный университет
alexmk52@gmail.com

К вопросу о филологических основаниях церковнославянской лексикографии

В статье показано, что церковнославянская лексикография, лишенная текстологического основания, будет нередко воспроизводить и даже консервировать неверные чтения, по тем или иным причинам вкравшиеся в тексты Священного писания и богослужебные тексты Русской православной церкви, и по этой причине давать ошибочные толкования значений тех или иных лексем.

Ключевые слова: церковнославянский язык, лексикография, паремия, ударение, значение, характер глагольного действия.

В 2016 г. состоялось долгожданное событие: вышел в свет 1-й том «Большого словаря церковнославянского языка Нового времени» на буквы А и Б под редакцией А.Г. Кравецкого и А.А. Плетневой (БСЦЯНВ). Эти имена хорошо известны всем интересующимся церковнославянским языком: они — авторы выдержавшего не одно издание учебника по церковнославянскому языку, а также авторы ряда исследований: «История церковнославянского языка в России (XIX–XX вв.)» (М., 2001), «Церковная миссия в эпоху перемен (между проповедью и диалогом)» (М., 2012), «Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Обзор деяний» (Тт. 1–3. М., 2001–2003).

К сожалению, церковнославянская лексикография в России не имеет устойчивой традиции, то есть постепенного накопления и передачи опыта от одного поколе-

ния лексикографов к другому. Первым опытом собственно церковнославянской лексикографии является «Церковный словарь» протоиерея Петра Алексея, первым изданием вышедший в 1773–1779 гг. Через сто с лишним лет был издан «Полный церковнославянский словарь протоиерея Григория Дьяченко (М., 1900). И вот еще через сто с лишним лет выходит в свет новый «Большой» словарь церковнославянского языка. Эти прискорбные вековые зияния наглядно демонстрируют, что создание словарей церковнославянского языка — это удел талантливых одиночек, а не плод попечения священноначалия, не результат его продуманной церковно-языковой политики.

От этих нерадостных размышлений обратимся к предмету данной статьи, а именно к вопросу об источниках «Большого словаря церковнославянского языка Нового времени». Как сказано в аннотации, «источником словаря служит оцифрованный корпус текстов, используемых во время богослужения в Русской Православной Церкви». Это значит, что источниками словаря являются обиходные богослужебные тексты, взятые в том виде, как они сложились на данный момент, без какого бы то ни было их предварительного текстологического изучения. Хорошо известно, хотя и не всеми усвоено, что в Русской православной церкви нет понятия канонического текста. Есть канонические книги, например, четыре канонических Евангелия, которые противопоставлены неканоническим «Евангелию Никодима», «Евангелию детства» и др. Но текст канонических евангелий, как славянский, так и русский, не является каноническим; признание какого либо текста, будь то ветхозаветный, новозаветный или литургический, сделало бы невозможным никакое исправление этого текста, никакое исправление испорченного чтения на верное, темного — на более ясное.

Используемые ныне в богослужении тексты, как правило, имеют долгую, подчас многовековую историю, в них наслоились веяния разных эпох, отразились принципы разных переводческих школ, проникли элементы разных местных диалектов, носителями которых были писцы и редакторы. Поэтому никто не может утверждать, что ныне употребляемые богослужебные тексты — это верх совершенства, в коих ни буквы, ни знака нельзя переменить; скорее можно утверждать обратное: в этих текстах могут находиться ошибочные чтения, которые «Большой словарь» может «канонизировать» в дурном смысле этого

слова. В подтверждение этих слов приведем всего один, но очень яркий, как нам кажется, пример — словарную статью «бѣгати», приведем ее полностью.

«бѣгати, бѣгаю, бѣгаши ◇ *неперех.* 1. убежать, бежать; исчезать: ѿ наёмникъ, ѿже нѣсть пастырь, ѿмъже не сътъ ѿвцы сколъ, видитъ бола градъща, ѿ ѿставлаетъ ѿвцы, ѿ бѣгаеъ: ѿ болакъ расхититъ ѿхъ, ѿ распъдитъ ѿвцы феуеи Ин 10.12; радъетла лика аггльскій, бѣгаеъ дѣмонскъ прѣлетъ феуеи О 5 гл, сб, вел веч, 5 стх Гв; ѿдѣже ѿвѣнитъ бѣгодать твоа, вѣе, стрѣхомъ ѿсчезаютъ дѣмоннѣ бѣгаютъ дѣси чѣмнн М 22 окт, Каз, утр, 2 к 5 2 || бѣгати (ѿ) *кого л./чего л.* ѿ строча зрѣмо, бѣгаеъ гонитела ѿрода, ѿакъ на ѿблѣк, дѣю мѣрѣю носимъ, ѿакъ ѿлаа прозрѣ бѣовиднѣишій М 22 д, предпраздн Рожд, утр, 3 стх хвал; еѣ бо ѿакъ мѣнецъ кмѣнаетла въ вышнихъ жнкый, ѿ ^{бѣгаеъ} бѣжъ колею ѿрода феуеи М 24 д, предпраздн Рожд, повеч, к 8 3; земнѣю ѿвѣчницъ ѿ славлъ мѣра сегѣ ѿринѣлх ѣси, кѣрѣлле, ѿ ѿакъ птѣца ѿ вѣти локлцихъ бѣгала, въ чѣхѣе прѣстѣннице ѿночѣтвѣющихъ достѣглх ѣси М 11 м, равноапп Мефодия и Кирилла, утр, к 4 3. 2. *перен.* удаляться, избегать: бѣгати (ѿ) *кого л./чего л.* бѣгаите бладоудѣлннѣ феуеете 1 Кор 6.18; ѿ наконѣцъ прѣдлагаетъ ѣи бѣгати человекъ, ѿакъ винѣныхъ ѣл смѣченѣа въбшихъ Добр, Иоанн Кассиан Римлянин, О восьми страстныхъ помыслах; ѿ бѣгала ѿ человекъ, аггломъ ѣдинокрѣвникъ, бѣомъдре, вълх ѣси фувѣн М 3 ян, мч Гордия, утр, к 3 2; чѣмъже, брѣтѣе моа козѣобленнаа, бѣгаите ѿ ѣдологлѣженѣа феуеете ало 1 Кор 10.14 || бѣгати е инф. бѣгаи запѣти елѣжнемъ ѣзыкомъ льстѣивымъ, да не ѿ гѣбитела запнѣшнла Добр, Феодор Эдесский, Главы деятьельные, 81 г. ◇ ѿдмѣтитла бѣгалайти, удалиться, избегая чего л.; *об уходе, удалении от мирскихъ соблазнов, от жизни в миру:* еѣ ѿдмѣлѣла ѣси бѣгала мѣра, ѿ вѣцихъ въ нѣмъ, ѿ прилѣпнѣла ѣси гдѣки чѣоемъ М 25 ил, прп Макария Унженского, утр, к 4-1; ѿдмѣлѣла ѣси бѣгалаи прѣрѣче, кодворѣла же ѣси въ пѣстѣнѣю непрохѣднѣю емакрнаа фувѣеуѣн О 8 гл, вт, утр, к 8 3».

Как видим, и в заголовочной части, и во всех приведенных цитатах интересующий нас глагол бѣгати имеет накоренное ударение. По характеру действия глагол бѣгати относится к глаголам перемещения, которое может быть однонаправленным и разнонаправленным. В другом глаголе перемещения различие в характере действия выражается при помощи суффиксов: лѣтѣти — однонаправленное перемещение, лѣтѣти — разнонаправленное перемещение. В нашем же случае

в церковнославянском языке это противопоставление выражалось при помощи ударения: глагол однонаправленного перемещения *кѣгѣти* противопоставлен глаголу разнонаправленного перемещения *кѣжѣти*.

Однако еще в праславянском языке образовался еще один глагол с суффиксом *ǣ со значением пребывания в состоянии; если это был глагол состояния, то этот суффикс выражал значение длительного пребывания в данном состоянии: *колѣти*, *чѣрпѣти*; если это был глагол перемещения, то он выражал значение длительного перемещения в определенном направлении: *лѣчѣти*. Праславянский глагол *běgēti в силу известных фонетических законов приобрел новое звучание — *бѣжати*. Таким образом, как в церковнославянском, так и в живом русском языке возникла некоторая избыточность, так как два глагола — *кѣгѣти* и *кѣжѣти* — выражали один и тот однонаправленный характер перемещения.

Русский язык как живой организм, развивающийся естественным образом, избавился от этой избыточности, но весьма причудливым образом. Глагол однонаправленного перемещения *бѣгати* как таковой был утрачен, но от него был образован целый ряд дериватов, в которых направление движения выражалось как ударением, так и приставками: *выбѣгати*, *отбѣгати*, *подбѣгати*, *прибѣгати*, *убѣгати*. Глагол однонаправленного перемещения *бѣжати* сохранился частично: он утратил формы 1-го л. ед. ч. и 3-го л. мн. ч. *бѣжу* и *бѣжат*, вместо которых вошли в употребление соответствующие формы глагола *бѣчь* — *бѣгу* и *бѣгут*, отчего глагол *бѣжати* в школьных грамматиках трактуется как разноспрягаемый.

Церковнославянский язык, будучи языком исключительно книжным, всегда представлял собою некий компромисс между традицией и новациями, всегда (в особенности начиная с XIV–XV вв., когда дистанция между живым русским и книжным языками стала особенно заметной) и ограждал себя от влияний живого разговорного русского языка, и не мог им противиться. Это влияние могло быть и положительным, когда благодаря ему текст становился более понятным, и отрицательным, когда происходило искажение смысла. Именно это мы и наблюдаем в случае с глаголом *бѣгати*. В церковнославянском языке избыточность форм, выражавших идею однонаправленного и даже целенаправленного перемещения, долгое время сохранялась, о чем свидетельствуют акцентуированные рукописи и печатные издания би-

блейских и богослужебных текстов. Так, в чтении 2 Цар. 19: 3 по тексту Острожской Библии (ОБ, л. ѳн) читаем:

члленгь ёсть црь ѿснѣ своеѣмъ • Ноу
кращахъсѣ людїе въ той днѣ въходѣ
црь въ градъ , ꙗкоже крадѣхъсѣ людїе
ограмаенїи , ꙗвнегда въбѣгати ѿ
ѿбрани • И црь стокрой лице свое ,

И оукрадѣхъсѣ людїе въ той днѣ въходяще въ градъ , ꙗкоже крадѣхъсѣ людїе
ограмаенїи , ꙗ внегда въбѣгати ѿ брани. Ударение на суффиксе показы-
вает, что бѣгати — это глагол однонаправленного перемещения, как и
соответствующий греч. φεύγω 'to take flight' (Liddel&Scott, 1924).

Однако давление системы русского языка на редакторов было на-
столько велико, что в тексте Елизаветинской Библии (ЕБ, л. ...д) ударе-
ние передвигается на корень, что ведет к искажению смысла:

своеѣмъ • И оукрадѣхъсѣ людїе въ той
днѣ еже въходити во градъ , ꙗкоже
оукрадаются людїе пограмаенїи , внегда
въбѣгати ѿмѣ на брани • И црь покры

Перемена ударения повлекла за собой и замену предлога: вместо
отъ брани — на брани, что совсем обесмысливает текст; ср. синодаль-
ный перевод: «Народ входил в город, стараясь не шуметь, как люди,
которые стыдятся, когда бегут с битвы» (2 Цар 19: 3).

В чтении Ин.10: 11–12 текст Острожской Библии дает два возмож-
ных правильных варианта (ОБ, л. ѳ):

шше ѿмѣтъ • азъ ёсмь пастырь до
брыи • пастырь добрыи дѣлѣ своимъ по
лагаетъ зловѣцѣ • ꙗже мнѣиство ѿ
же ꙗвѣтъ пастырь , емѣже не бѣдетъ
овцѣ своѣ , видитъ вѣлика градѣ
ща , ꙗ оставлетъ овцѣ ꙗвѣглетъ
пѣ , ꙗ вѣлика расхититъ ѿхѣ , ꙗ
спѣшитъ овцѣ • ꙗже мнѣиство бѣжитъ
тѣ , ꙗже мнѣиство ёсть , ꙗже радѣ
о овцѣ • азъ ёсмь пастырь добрыи ,

И **кѣ́гаѣтъ**, и **кѣ́житъ** — оба глагола однонаправленного перемещения.

В тексте Елизаветинской Библии под влиянием русского языка, утратившего глагол *бегать*, происходит изменение места ударения:

И́зъ ѿ́емь па́стырь до́брый: па́стырь до́брый дѣшѣ́ свою́ полагаѣтъ за ѿ́цы: а́ наёмникъ, и́же нѣ́сть па́стырь, ѿ́мѣ́ не сѣ́тъ ѿ́цы своѣ́, вѣ́дитъ во́лка гра́дѣ́ща, и́ ѿ́стакаѣтъ ѿ́цы, и́ **кѣ́гаѣтъ**: и́ во́лки расхи́титъ и́хъ, и́ распѣ́дитъ ѿ́цы. а́ наёмникъ **кѣ́житъ**, ꙗ́ко наёмникъ ѿ́тъ, и́ нера́дитъ ѿ́ ѿ́цѣ́хъ. (ЕБ, л. р...и).

Если вдуматься в текст в этой форме, то картина открывается несколько комичная: «пастырь добрый» душу свою полагает за овец, а наемник в виду волка не **убегает** со всех ног от страха, оставляя стадо на расхищение, а **бегаёт** трусцой (как будто зарядкой по утрам занимается) в разные стороны. Конечно же, редакторам Елизаветинской Библии следовало или сохранить архаичную форму **кѣ́гаѣтъ**, или употребить дважды глагол **кѣ́житъ**.

К сожалению, текст Острожской Библии не может выполнять роль контрольного, ибо в нем не наблюдается четкого противопоставления глаголов однонаправленного и разнонаправленного перемещения, выраженного постановкой ударения; напротив, во многих чтениях ударение вовсе отсутствует, как, например, в чтении Пс. 54: 8 (ОБ, л. ѿоб.):

по́лещѣ , и́почію́ • ѿ́удали́хсѣ
бѣ́гѣл , и́въдвори́хсѣ кпѣ́стѣи́нн •

В «Псалтири» по обиходному тексту читаем: ѿ́, о́удали́хсѣ бѣ́гѣл и́ вѣ́двори́хсѣ кпѣ́стѣи́нн. Сочетание о́удали́хсѣ бѣ́гѣл является внутренне противоречивым, так как нельзя удалиться, совершая нецеленаправленные перемещения; следовало бы исправить на о́удали́хсѣ бѣ́гѣл. Отсутствие ударения в тексте Острожской Библии свидетельствует о том, что редакторы не осознавали семантического различия между глаголами бѣ́гѣл и кѣ́гѣл, потому что в ряде чтений знак ударения стоит на корневом слоге, хотя по смыслу должен быть употреблен глагол однонаправленного перемещения, например, в чтении 1 Кор. 10: 14 (ОБ, л. ѿоб.):

и́ не ѿ́стакаѣ́тъ ѿ́стакаѣ́тъ
бѣ́гѣте ѿ́и́ долослѣ́женіѣ •

То же и в обиходном тексте: Тѣмже, крѣтѣ моѡ возлюбленнаѡ, бѣгайтѣ ѿ идолослаженїѡ, хотя следовало бы читать так: бѣгайтѣ ѿ идолослаженїѡ, ср. русский синодальный перевод: «Итак, возлюбленные мои, идолослужения».

Причина этого разнобоя кроется, видимо, в истории самого текста Острожской Библии: как известно, в его основу был положен текст Геннадиевской Библии 1499 г., а этот текст был сборным, основанным на источниках, возникавших и редактировавшихся в течении 500 лет бытования ветхозаветных и новозаветных текстов на просторах Slavia Orthodoxa.

Если вернуться к текстовым иллюстрациям рассматриваемой словарной статьи, то в большинстве из них речь идет о целенаправленном перемещении.

Когда лик ангельский радуется, тогда ложь демонов исчезает — бѣгайтѣ, бѣжитѣ, но не бѣгайтѣ туда-сюда.

Там, где осеняет благодать Богородицы, там со страхом исчезают демоны, бѣгайтѣ (или бѣгѣтъ) духи тьмы, но не бѣгайтѣ туда-сюда.

Отроча **избегает** гонителя Ирода, или, по-славянски, бѣгайтѣ или бѣжитѣ гонителѡ, но не бѣгайтѣ.

Св. Кирилл достиг пристанища иночествующих подобно птице, избегшей сети птицеловов, что по-славянски должно быть выражено так: ѡкъ птица ѿ сѣти ловцихъ бѣгающи или бѣгѣщи.

Христианину следует бѣгати блудодеяния, идолослужения, смущающих людей, грешного мира, то есть целенаправленно **избегать**, а не бесцельно бѣгати в разные стороны.

Высказывание бѣгай (вместо бѣгай) запѣти ближнемѡ ѡзыкомъ льстивымъ вообще может быть понято как совет или повеление почаще лгать ближнему.

Приведем еще один пример из источника, не использованного составителями Словаря. В «Великом покаянном каноне» св. Андрея Критского, Песнь 3-я, есть, по общепринятому тексту, такие слова: бѣгай запаленїѡ, ѿ души, бѣгай содомскаго горѣнїѡ, бѣгай члѣнїѡ бж҃еотвѣннаго пламене. Ясно, что призыв к душе заключается в необходимости избегать, убегать, удаляться от запаления и содомского горения, а не бегать вокруг да около сих мерзостей, поэтому должен быть употреблен глагол со значением однонаправленного перемещения бѣгай.

В настоящее время мы лишены возможности узнать, каким было ударение (если оно вообще было) в данных текстах на всем протяжении их бытования как в рукописной традиции, так и в предшествующих печатных изданиях разных годов, лишены потому, что нет еще соответствующих текстологических исследований. Пока же мы можем сделать вывод, что церковнославянская лексикография, лишенная филологического фундамента, будет нередко воспроизводить и даже консервировать неверные чтения, по тем или иным причинам вкравшиеся в тексты Священного писания и богослужебные тексты Русской православной церкви.

Источники

БСЦЯНВ — Кравецкий А.Г. Большой словарь церковнославянского языка Нового времени. Т. 1. А–Б. М.: АСТ-Пресс, 2016.

ЕБ — БИБЛИА, сирѣчь Книги Священнаго Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта. СПб., 1751.

ОБ — БИБЛИА, сирѣчь Книги Ветхаго и Новаго Завѣта, по языку словенску. Острог, 1581.

Литература

Liddel&Scott — Liddel H. G. & Scott R. Greek-English Lexicon. Oxford, 1996.

On the question of the philological foundations of Church Slavonic lexicography

The article shows that Church Slavonic lexicography, devoid of textual basis, will often reproduce and even preserve incorrect readings, for one reason or another included in the texts of Scripture and liturgical texts of the Russian Orthodox Church, and for this reason give erroneous interpretations of the meanings of certain lexemes.

Keywords: Church Slavonic language, lexicography, paremia, emphasis, meaning, character of verbal action.

Мольков Г.А.

Институт лингвистических исследований РАН
georgymolkov@gmail.com

Роль графических клише в орфографии ранних новгородских рукописей с отражением цоканья¹

В статье с привлечением нового материала рукописей XII в. рассматривается гипотеза В.М. Живова о правилах, которыми руководствовались новгородские писцы при распределении букв **ц**, **ч**. Приведенные в статье факты смешения **ц** и **ч** наряду с ранее известными данными показывают, что графические клише были необходимым дополнением к более общим правилам, предполагающим использование морфологической информации, имеющим исключения. Набор графических клише, известных конкретному писцу, определял индивидуальный характер дистрибуции букв **ц** и **ч** в его почерке.

Ключевые слова: древнерусская орфография, цоканье, графическое клише, смешение **ц/ч**.

Вопрос об отражении в северных по происхождению рукописях фонетического диалектизма — неразличения аффрикат **ц/ч** — непосредственно связан с орфографическими системами писцов. Подробным образом эта связь была описана В.М. Живовым, который обратил внимание на тот факт, что «даже те рукописи, которые широко отражают неразличение аффрикат в северо-западных диалектах, дают не более 20 % «ошибочных» написаний» [Живов 2006: 98].

---

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 19-012-00113 «Лингвистическое исследование и критическое издание древнерусских церковно-книжных памятников домонгольского периода».

Согласно исследованию Живова, написания большинства изученных им рукописей (а также грамот XIII в.) позволяют реконструировать единую систему трех орфографических правил для упорядочения написаний **ц/ч**, которые исследователь обозначил как правила А, В и С [там же: 105–106]. В.М. Живов предлагает разделить формы, содержащие аффрикаты, на следующие классы: I — рефлексы этимологического /č/ вне условий III палатализации; Г' — рефлексы этимологического /č/ в условиях III палатализации (т. е. после **и** и **ь**); II — рефлексы II палатализации; III — рефлексы III палатализации [там же: 109]. При этом написания в группе I регулируются правилом В, написания в группе II — правилом А, а написания в группах Г' и III — правилом С, наиболее сложным, действующим информацией морфологического уровня.

Наличие этих правил, по мнению В.М. Живова, подтверждается распределением ошибок в группах I, Г', II и III: заметно больший процент неэтимологических написаний **ц/ч** наблюдается в группах, регулируемых сложным правилом С. При этом ученый делает оговорку, что четкое противопоставление правил А и В правилу С по количеству сделанных ошибок встречается редко — фактически из исследованных им рукописей к таким образцам относится только почерк Стихиаря Син. 279 [там же: 107]. В остальных случаях ожидаемое соотношение доли ошибок в разных классах может нарушаться, что связано с использованием писцами частных мнемотехнических приемов. Эти приемы, по-видимому, использовались недостаточно квалифицированными писцами, не усвоившими (вследствие малого опыта) набор категорий с правильными **ц/ч**, которым оперирует правило С. Такие приемы основаны на «навыке стандартного написания отдельных основ», т. е. представляют собой «графические клише» [там же: 123]. При большей простоте они помогали упорядочивать распределение графем для аффрикат, хотя и давали сравнительно большое число отклонений от этимологической записи.

Таким образом, на дистрибуцию графем **ц** и **ч** в почерках цокающих переписчиков влияет несколько факторов. Совокупность средств, используемых для упорядочивания написания аффрикат, почти у каждого писца оказывается индивидуальной. На наш взгляд, к формулировке самих правил В.М. Живова при наличии дополнений к ним можно сделать уточнения, касающиеся границы между правилами и дополнениями.

Фактически сложное правило С является целым набором частных правил, призванных приблизить к этимологическому написанию морфем (основ), и некоторые из этих частных правил не выполнимы без владения определённым набором исключений. Например, среди ошибочных написаний в Стихираре Син. 279, писец которого, как упоминалось выше, по мнению В.М. Живова, наиболее последователен в применении трех правил А–С, нет форм типа **прорича-**, **брача-** ожидаемых при последовательном следовании пункту (в) правила С — о необходимости писать **ч** после **и**, **ь**, **а** «в глагольных формах и отглагольных образованиях» [там же: 106]. Очевидно, этот писец не распространяет требование пункта (в) на все глагольные и отглагольные формы¹, т. е. применяет его с исключениями (Живов называет их «не проверяемыми по правилам А–С образованиями» [там же: 122]): последовательное соблюдение этого подправила должно провоцировать неэтимологические написания.

По-видимому, формы типа **-рицати**, **-брацати** запоминались писцом через графические клише, и владение определённым набором таких клише входило в необходимый для соблюдения правил А–С круг знаний квалифицированного писца. Так же и для пункта правила С, касающегося написания **ц** в падежных формах существительных, нужно было исключать не только звательные формы слов мужского рода, но и слово **овьча** ‘ягненок’, а также лексику на **-ичь**: иначе переписчику Новгородской летописи пришлось бы писать **ольговници**, **кривници** и т. п.

В.М. Живов определяет использование графических клише как «существенный фактор орфографической практики» [там же: 123] форм, подпадающих под действие правила С; этот фактор заставлял писцов отклоняться от этимологической записи. Можно предположить, что для цокающих переписчиков подобные клише, хотя и приводящие к «неправильным» написаниям, могли иметь статус правила. Целью новгородских книжников не могло быть точное приведение написаний **ц** и **ч** в соответствие с этимологией; применяемые ими приемы (при недоверии к написаниям антиграфа) могли только упорядочить написание двух букв в тех морфемах (основах, категориях форм), где могли

---

¹ Хотя такие формы в тексте Стихираря встречаются. Ср. в Стихираре БАН, 34.7.6 XII в. (по электронному изданию на портале manuscripts.ru): **прорицаникъ** 6 об., **възраца** 8 об., **прорицамокъ** 67, **нарицакъ** 68, **прорицаниа** 79, **брацаникъ** 95, **прорицаник** 201.

встречаться обе из них. По-видимому, писцы, безошибочно записывавшие глагол **нарицати**, относили его к категории форм **нарица-**, не имевшей вариантов в написании (ср. отсутствие этимологического **нарича-**); а писцы, употреблявшие вариант **наричати** (в том числе со 100%-ной последовательностью [там же: 122]), воспринимали его как часть категории форм на **-ичати**, с подлежащей устранению вариативностью (при преобладании в антиграфе **ч** в данной позиции). Для обеих групп писцов принятый ими принцип можно считать одним из пунктов (частных правил, навыков), входивших в «правило С», — группу приемов, регулировавших написание аффрикат после **и**, **ь**.

В.М. Живов предполагает, что дальнейшее изучение ранних новгородских рукописей позволит «более четко определить объем и характер грамматической информации, которой пользовался опытный древнерусский писец» [Живов 2006: 127]. Ещё больше новой информации следует ожидать в собственно орфографическом плане — о круге основ с **ц/ч**, на базе которых у новгородских писцов могла происходить стандартизация написаний. Также за счет расширения круга описанных рукописей со смешением аффрикат могут быть установлены возможные варианты соотношения морфологических и орфографических параметров и зависимость их доли от квалификации писца.

В частности, в Праздничной минее Тип. 98 XIII в., по наблюдениям Т.В. Пентковской, «при общей вариативности выбора графем **ч/ц** у писца могли быть некоторые графические шаблоны, когда отдельные лексемы и словоформы записывались преимущественно через **ц** или, наоборот, через **ч**» [Пентковская 2013: 106]. По-видимому, ориентация на клише для писца этой рукописи важнее, чем использование правил, основанных на морфологии или соотношении с собственным произношением.

Ряд локальных правил, связанных с применением графических клише, был также выявлен в Милятином евангелии XII в. [Мольков 2015: 713].

Несколько примеров отражения цоканья в одной из миней типографского комплекта рубежа XI–XII вв. — на апрель, № 110 — приводит Р.Н. Кривко [Кривко 2015: 60]. По нашим наблюдениям, в рукописях этого комплекта в целом неразличение аффрикат в речи писцов отразилось в достаточно большом количестве примеров, что позволяет подробно проследить принципы записи **ц** и **ч**. Рассмотрим почерк одно-

го из писцов, активно участвовавшего в написании сохранившихся экземпляров миней типографского комплекта. Писец Матфей переписал в общей сложности около 370 листов в 5 рукописях¹.

Рассмотрим технику записи аффрикат в его почерке на материале полной выборки из миней Тип. 99, Тип. 103 и Тип. 110. Материал Тип. 103 частично (и с неточностями) ранее приводился в статье И. Тота. Исследователь оценивает примеры смешения *ц/ч* в рукописи как «немногочисленные» и цитирует 8 форм, в том числе *очиствивъше* 4а и *очищение* 43б [Тот 1981: 155]; по мнению В.М. Живова, смешение аффрикат в этом корне непоказательно, т. к. могло «появиться в результате контаминации *очищеник* и *оцѣщеник*» [Живов 2006: 119]. Написания *очиств-* и *оцѣств-*, встречающиеся в анализируемом почерке, в приводимых ниже подсчетах не будут учитываться.

Кроме того, И. Тот отмечает в почерке Матфея интересную графическую особенность: «Своеобразная буква встречается на месте *ч*. Она похожа на сербскую кирилловскую букву *ц*, только её язычок оформлен в виде запятой: *кон<ь>циноу* 15а, *непороц<ь>нал* 22а. Есть вариант, у которого чаша является угловатой, и нижняя вертикальная черточка далеко выходит под нижнюю строку: *црѣва* 11а» [Тот 1981: 144]. Такая графема известна и в других почерках раннего периода; она возникла в результате попытки писца исправить *ц* на *ч* [Живов 2006: 102]. Формы, содержащие данную графему, были включены нами в выборку (учитывались также примеры самоисправлений другого вида – в случаях когда видно, что одна аффриката написана поверх другой).

Распределение аффрикат у Матфея по классам В.М. Живова выглядит так:

Таблица 1.

Классы написаний аффрикат в почерке Матфея

	I	Г	II	III	Всего
Правильные	3272	871	662	1258	6063
Неправильные	18	66	15	23	122
% неправильных	0,55	7,04	2,21	1,56	1,97

¹ Перечень выявленных на сегодняшний рукописей с участием Матфея С. М. Михеев приводит в следующем виде: *Янв. Tun-99*: 24г–119v; *Февр. Tun-103*: 1–53г7, 53v7–54г9, 55v; *Апр. Tun-110*: 1–86г, 87v–101г3, 101v–103v3, 105г–107v2, 108г, 109г1–11; *Июл. Tun-121*: 45v15–47г16, 49v7–52v; *Авг. Tun-125*: 1г–112v [Михеев 2019: 20].

Основную массу ошибок Матфей допускает против правила С, регулирующего написания классов Г и П, при этом существенно чаще — в пользу *ц* (класс Г)¹. Таким образом, у него, как и у большинства рассмотренных В.М. Живовым писцов, главные затруднения закономерно возникают в сфере морфем, допускающих в определенных позициях написания и с *ц*, и с *ч*.

Таблица 2.

Формы со смешением *ц/ч* у Матфея

Класс	Рукопись	Формы
I	Тип. 99	непорочнаа 26 об., к<л>юца 54, цстаа 73 об., въ црѣвѣ 81, притее 108, Златовиднаа лоуца 111
	Тип. 103	црѣва 6, неведеернии 8 об., црѣва 11, и-цѣва (!) 15, непорочнаа 22, мици 27 об., вѣдцие 54
	Тип. 110	истънъци 1 об., вѣдциа 9 об., полоуцивѣше 17, полоуци 23, Цици 85
Г	Тип. 99	мѣнци 24, страстотръпце 24, МѣнЧеское 24, трьслѣнцнааго 27 об., мѣнци/ 33 об., слѣнцъни 35, Срѣдцъни 35 об., стра/стотръпце 39 об., страстотръпце 40 об., вѣнцнаоуцаа 43, вѣнцнастеса 44, вѣнцнашаса 45 об., вѣзве/лицю 55, Концнашаса 67 об., вѣносьце 75 об., 116 об., оце 76, вѣносьце 76 об., срѣдцъни 84, самовидце 89 об., оцѣскаго 90, стра/стрѣпце (!) 91 об., трѣ/лицна 99 об.—100, изло/жъснѣ двѣ 100 об., свѣномѣнци 111, поворънице 112, съконцати/са 117 об., страстотръ(п)це 117 об., мѣнци 119
	Тип. 103	оученице 11 об., конциноу 15, мѣнцъсти 15, мѣнци 16, ованица 17, съконца 17, свѣнице 17 об., стра(с)/трѣпце 18 об., оце 23 об., 34 об., обьцинице 32, оцѣскънимъ 45 об., мѣнцъскънимъ 47, съконцавѣшаса 47 об.
	Тип. 110	концавѣши 15 об., непорочно овца 21 об., трьслѣнъ/цинѣи 29 об., съконца 30, 51, мѣнци 35, вѣжъ/ствъное овца 39 об., срѣдцъное 41, про/свѣцинице 60, оце 66 об., концавѣ 74 об., страсто/трѣпце 77 об., мж/чице 81, срѣдцънѣи 85, чѣвколюбъце 88, вѣнцнаемѣса 91 об., многоличнѣа (ч исправлено из ц) 93 об., въ концинѣ 94 об., велицаоуце 95 об., свѣнице 97, по концинѣ 99 об., вѣносьце 100 об., вѣнцнавѣшасаго 105 об.
II	Тип. 99	прочвѣла 47, прочвѣлъ 105 об., въ... мрачѣ/ 106 об., по чръкви 109, моуцѣ 117, чѣломоуцърѣстоми (!) 119
	Тип. 103	сѣчрѣоши 19, чѣвчи 26 об.

¹ По соотношению доли неправильных написаний в разных классах Матфей очень близок основному писцу минеи Син. 160 [Живов 2006: 115].

Таблица 2. (окончание)

Класс	Рукопись	Формы
	Тип. 110	чѣльбамъ 32 об., прочвьтостѣ 36 об., чѣ/ленне 50 об., прочвьтъ 51, прочвьтостѣ 54 об., по... моуѣѣ 96, моуѣеници (ц исправлено из ч) 102
III	Тип. 99	зрьчало 27 об., 59 об., 72, 75 об., 84, 101, 118 об., члвк(л)вча 54 об., зрьчаломь 61, Зьрчало 68 об., наричаемъ 75 об., прорича/емаго 90, родительнице 106, прори/чал 114, съторичею/ 117 об., Пьшенича 119 об.
	Тип. 103	оѣь 23, мѣнча 25 об., седмичею 29 об., зрьчало 32, 34 об.
	Тип. 110	зрьчаломь 20 об., брачаемъ/л 36, оуѣ/ничѣ 49, члвколюбьчъ 58 об., оиѣ 63, вѣньченосьчѣ 81, мѣнчи 84, родительнице 84, чѣрствне 93, проричаниа 94

Для интерпретации написаний со смешением **ц** и **ч** у Матфея наибольший интерес, на наш взгляд, представляют ошибки I и III классов, т. к. они позволяют проследить, в каких условиях возникали ошибки при возможности опоры на фонетику (правила А и В) и оценить на этом фоне самые многочисленные ошибки класса I.

Наиболее заметна закономерность в ошибках III класса: 12 из 23 форм относятся к одной и той же лексеме — **зрьчало** вм. **зрьцало**. Для этого слова написание через **ч** является у Матфея преобладающим, написание в соответствии с этимологией встретилось всего 4 раза (т. е. в 25% примеров). Эта лексическая аномалия появилась под влиянием вполне прозрачной аналогии — существительных на **-чало** (**начало**, **зачало**), и шире — относительно частотных (в тексте миней) лексем, содержащих последовательность букв **-чал-** (от основы **начальн-**, **печал-**, причастия **коньчал-**, **вѣньчал-**). На их фоне основа **зрьцал-** — единственная, содержащая последовательность **-цал-**.

Среди написаний I класса можно выделить 4 написания с меной аффрикаты в основе **чрѣв-**: **въ чрѣвѣ** 81 в Тип. 99 и **чрѣва** 6, **чрѣва** 11, **и-чрѣва** 15 в Тип. 103; только в одном из этих случаев при этом использована буква **ѣ** — при достаточной концентрации этих написаний (5 из 18) среди ошибок класса I. Хотя доля написаний **чрѣв-** для этой основы невелика (4 раза при 58 этимологических написаниях, т. е. 6,45%), но она сопоставима со средним процентом (7,04%) неэтимологических написаний в I классе. Особенно показательна последняя форма — **и-чрѣва**, с нетипичным для данной основы титловым написа-

нием (форма не находится на конце строки). Она позволяет проследить аналогию, по которой писец допускал ошибки в основе **чрѣв-**, — с частотными титловыми написаниями **црѣв-** (вариант записи — **црѣв-**), **црѣств-**, **црѣев-**. В других основах с начальным **чр-** (**чрѣтог-**, **чрѣп-** и др. менее частые в минеях) ошибок не встречается, поэтому значимо для аналогии, по-видимому, наличие согласных **цр-в-** (ср. также единичный случай с обратной заменой — **сѣчрѣюеши** 19 в Тип. 103). Параллель **црѣв-/црѣв-** носит явно графический характер, т. к. в несокращенном виде эти основы фонетически несходны. Возможно, титловая форма записи поспособствовала данной корреляции, поскольку среди ошибочных написаний аффрикат у Матфея в целом — необычно большая доля ошибок в титловых формах, 43 из 122, т. е. 36%¹.

Отметим, что при этом группа написаний класса Г является не вполне однородной. В почерке Матфея обращает на себя внимание разная степень сложности при написании аффрикаты после **и** и после **ь** «в глагольных формах и отглагольных образованиях» (пункт (в) правила С у В.М. Живова). После **и** ошибки допущены всего три раза (по одному в каждой из рассмотренных рукописей, при этом одна из форм — с опиской): **възвѣ/лицю** 55 (Тип. 99), **облицца** 17 (Тип. 103) и **вѣлицяюще** 95 об. (Тип. 110), а без ошибок — 78 форм (96%); после **ь** (в основах **коньча-**, **кѣньча-**) ошибки допущены в 13 примерах, без ошибок же написана 31 форма (70,5%). Аналогия с формами существительного **коньц-** распространялась и на написания перед суффиксом (пункт (б) правила С): слово коньчина трижды записано Матфеем через **ц**, т. е. этот шаблон действовал независимо от грамматических и словообразовательных характеристик. Внутри пункта (в) совсем нет ошибок у Матфея на стыке приставки **при-** и корней, начинающихся на **ч-** — **част-**, **чѣт-** (более 60 примеров): по-видимому, при отсутствии частотных образований на **приц-** написание **прич-** в начале слова запоминалось как клише.

Проанализированные данные показывают, что набор орфографических приемов написания аффрикат у Матфея оказывается индивиду-

---

¹ Аномальная доля титловых написаний с меной у Матфея видна на фоне данных других почерков. Например, в Минее Син. 160 таких форм всего 3 из 57, в первом почерке Син. 161 — 1 из 47, во втором почерке той же рукописи — 5 из 111 и под. [Живов 2006: 116–120].

альным. С одной стороны, он исключает слово зрыцало из сферы действия правила С: для писца важен не факт следования аффрикаты после ь, а выделение категории словоформ с последовательностью -чал- перед флексией. С другой стороны, к формам, требующим применения частных приемов, Матфей относил основу чръкъ-, коррелирующую в его письме с сокращениями типа цръкъ-, църкъ-. Написание аффрикаты после и, ь в глагольных и отглагольных формах в письме Матфея распадается на частные группы. Небольшое количество встречающихся основ, подпадающих под эту категорию, видимо, позволяло упорядочивать их написание на уровне графических клише.

И. Тот оценивает Матфея как опытного писца [Тот 1981: 148], в связи с этим сфера действия графических шаблонов для ц/ч в его письме в целом невелика.

Интересный пример того, в каких случаях опытные писцы затрудняются в выборе правильного написания основы с аффрикатой, представляет почерк Студийского устава Соф. 1136 конца XII в. Единственная лексема, допускающая в этой рукописи варьирование в написании, — наречие двоици/двоичи. В большинстве случаев оно пишется через ч (128 раз) и только 14 раз (ок. 10%) — через ц. Та же вариативность наблюдается и в отдельно хранящихся начальных листах той же рукописи — 4 раза двоици и 6 раз двоичи [Князевская 1985: 160].

Эта вариативность может быть связана с затруднениями писца, касающихся только наречий на -ици¹. Однако в Соф. 1136 встретилось два примера исправления ц > ч: члвко/любче 54 об., златооустьчи 69, показывающих, что писцу рукописи было свойственно цоканье. В связи с этим и затруднения, связанные с выбором -ици/-ичи в наречии, переносились для него в орфографическую плоскость. Вариант с ч в качестве основного мог быть выбран как подходящий под пункт (б) правила С (перед суффиксом на и). Но в то же время среди словоформ, завершающихся на -и(ц/ч)и, преобладали именные формы на -ици, которые служили графическим клише. Видимо, опытный книжник, не сделавший ни одной ошибки (кроме двух самостоятельно исправленных), в данном случае колебался, выбирая между ориентацией на морфологическое правило и на графический шаблон.

---

¹ Ср. отмеченные историческими словарями наречия двоици [СДРЯ XI–XIV 3: 114], но двоичь [там же: 115].

Рассмотренный материал двух опытных писцов XII в. показывает, что при минимальной доле ошибочных написаний *ц/ч* (1–2%) возможны отдельные категории написаний, в том числе за пределами «условий III палатализации» (после *и, ъ*), вызывавшие у них затруднения. По-видимому, круг написаний, требующих более сложных правил, а не простого соотнесения с собственным произношением, был связан с совокупностью актуальных для каждого писца парных форм с варьированием *ц/ч*. Некоторые коррелятивные пары существовали только в письменной форме, поскольку в корреляцию вступала титульная запись словоформы (*цѣ*в-* как параллель к *чрѣ*в-* в типографских минеях или *оцѣ* как параллель к формам с последовательностью *-оч-* в Милятинском евангелии). Анализ орфографии писца Матфея показал, что некоторые из групп написаний в пределах действия правила С также могли распасться на ряд графических клише.

Источники и словари

- СДРЯ* – Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. I–XII. М., 1988–2019–. Соф. 1136 – РНБ, Соф., № 1136. Устав студийский, 105 л., конец XII в.
- Тип. 99* – РГАДА, Тип., № 99. Служебная минея на январь, 119 л., рубеж XI–XII вв.
- Тип. 103* – РГАДА, Тип., № 103. Служебная минея на февраль, 55 л., рубеж XI–XII вв.
- Тип. 110* – РГАДА, Тип., № 110. Служебная минея на апрель, 110 л., рубеж XI–XII вв.

Литература

- Живов В.М.* Восточнославянское правописание XI–XIII века. М.: Языки славянской культуры, 2006. 312 с.
- Князевская О.А.* Отрывок древнерусской рукописи конца XII – начала XIII века // *Litterae slavicae medii aevi Francisco Venceslao Mareš sexagenario oblatae.* München: Verlag Otto Sagner, 1985. С. 157–170.
- Кривко Р.Н.* Очерки языка древних церковнославянских рукописей. М.: Индрик, 2015. 445 с.

- Михеев С.М.* Минеи двух Домок: Еще раз о писцах служебных миней из новгородского Лазарева монастыря // *Slověne*. 2019. Vol. 8. No. 2. С. 7–56.
- Мольков Г.А.* Язык и письмо Милятина евангелия // *Acta Linguistica Petropolitana*. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2015. Т. XI. Ч. 3. С. 683–742.
- Пентковская Т.В.* Палеографическое и графико-орфографическое описание Типографской Минеи XIII века // *Лингвистическое источниковедение и история русского языка (2012–2013)*. М.: Древлехранилище, 2013. С. 86–114.
- Тот И.Х.* Служебная минея на месяц февраль первой половины XII в. (предварительное сообщение) // *Acta Universitatis Szegediensis. Dissertationes Slavicae. Slavistische Mitteilungen*. 1981. С. 140–162.

The role of graphic clichés in the spelling of early Novgorod manuscripts with the reflection of cokan'e

In the article, involving new material of manuscripts of the XII century we consider the hypothesis of V.M. Zhivov about the rules that guided Novgorod scribes in distributing the letters **ц**, **ч**. The facts of mixing **ц** and **ч** given in the article, along with previously known data, show that graphic clichés were a necessary addition to more general rules involving the use of morphological information with exceptions. A set of graphic clichés known to a particular scribe determined the individual character of the distribution of the letters **ц**, **ч** in his orthography.

Keywords: Old Russian orthography, cokan'e, **ц/ч**-merger, graphic cliché.

Нечунаева Н.А.

Таллиннский университет
nataljan@tlu.ee

Нечунаев А.В.

Таллиннский технический университет
aleksei.netsunajev@gmail.com

Славянская Минея XI–XVII вв.: текст и язык рукописей в работах В.В. Колесова

В статье описывается Минея — один из важнейших памятников древнерусского литературного языка. Исследование списков Минеи в отношении ее состава, структуры и языковых вариантов первоначально проводится лингвотекстологическим методом. Следуя принципам В.В. Колесова, привлекается максимально возможное количество списков для выборки данных на текстовом и языковом уровнях. Установлено 4 типа Минеи: архаичный, студийский, ранний иерусалимский, иерусалимский. Списки Минеи были также проанализированы с использованием векторной модели для углубленного исследования схожести и различия списков, входящих в каждый тип, и дополнения и уточнения типов списками, особенности которых выявлены в результате данного анализа.

Ключевые слова: Минея, состав текста, структура текста, лингвистические варианты, информационный поиск.

Минея — один из древнейших текстов, сыгравших важную роль в формировании и становлении древнерусского языка. Вместе с Триодью и Октоихом рукописи Минеи образуют корпус гимнографических книг, на который, согласно «Сводному каталогу славяно-русских рукописей XI–XIII вв.», приходится около четверти сохранившихся от

этого периода памятников [СК 1984]. В названии Минея (греч. μήνα «месячные» — мн. ч. от μήνα...ον) отражен принцип расположения богослужебных текстов, прославляющих христианских святых и церковные праздники на каждый день месяца в течение года. Минея является важным памятником в истории древнерусского литературного языка: из 7 сохранившихся датированных текстов XI в. 3 рукописи — это рукописи Минеи на сентябрь, октябрь и ноябрь 1095–1097 гг., которые входят в корпус 7 датированных текстов этого века [СК 1984: № 7–9]. К XI в. относятся также недатированные списки памятника: Минея на май Соф. 202 «Путьтина Минея» (ПМ) и Минея на июнь Ф.п. 36 «Минея Дубровского». Исследование текста Минеи, имеющего сложную и запутанную историю перевода, редактирования и бытования в средневековой книжной среде Slavia Orthodoxa, привлекает внимание различных специалистов в области медиевистики. В.В. Колесов писал: «Литературный язык пришел к нам в виде текстов... Первые переводы зависели от оригинала и были в основном пословными... Текст отражал мировосприятие и мировоззрение, он создавал конструктивные образцы мысли и чувства. Все развитие языка и литературы состоит в том, что постепенно из семантической определенности текстового воплощения слова воссоздавалась определенность и законченность языковой парадигмы» [Колесов 1989: 9]. Списки майской Минеи, тогда еще не опубликованные, исследованы им как текстовый и языковой источник, в котором отражены формы вариации литературного языка средневековой эпохи и показано, как надо представлять языковой материал многосписочного памятника, к которому относится Минея [Колесов 1989: 149–151].

Рукописи Минеи довольно долго были пропущенным звеном в качестве такого источника материала. Неопубликованные тексты всегда привлекали внимание исследователей: ведь в них могут быть найдены ответы на самые разные вопросы по истории русской и славянской книжности и славянских языков. Первым издателем и исследователем Минеи как типа книги был И.В. Ягич, который опубликовал списки Минеи на сентябрь, октябрь и ноябрь 1095–1097 гг. [Ягич 1886: 997]. Далее на протяжении столетия издательская практика минейных текстов была прервана. В 1985 г. и 1991 г. венгерский исследователь И.Х. Тот опубликовал две рукописи: Минею Дубровского [Тот 1985: 101–138; 1 а–15 б] и фрагмент Минеи на март [Тот 1991: 147–177] Редактором обеих публикация был В.В. Колесов, которому И.Х. Тот выражает свою

признательность за ценные советы и указания [Тот 1985: 107]. Некоторые аспекты фонетики, отраженные в графике Минеи Дубровского еще до публикации данной рукописи, были уже описаны В.В. Колесовым. Работа с большим количеством оригинальных текстов из фондов разных хранилищ позволила ему сформировать реальное представление о процессах, имевших место на разных уровнях древнерусского языка [Колесов 1980: 84].

Списки Минеи XI–XIV вв. обычно доходили до исследователей благодаря словарям. И. И. Срезневский включил 25 списков Минеи в число источников «Материалов для словаря древнерусского языка». Он использовал как изданные И. В. Ягичем Минеи 1095–1097 гг., так и рукописные тексты [Срезн. 1989. I: 27–28, III: 27–28]. Составители Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.) включили в источники 29 списков Минеи, что позволило им показать особенности диахронического функционирования слова в лексической системе древнерусского языка [СДРЯ 1988 – 2019 –: I 48–50]. Лексикографическая обработка материала списков Минеи осуществлялась по модели «текст – словарь», обратная обработка «словарь – текст» дает выход в лексическую систему древнерусского языка, показывает развитие семантической структуры слова от первичной фиксации в древнейшем списке до поздних списков. Это отчетливо прослеживается при сопоставлении лексики в параллельных местах списков Минеи на май. Именно майская Минея дошла до наших дней в самом большом количестве списков – это 11 списков XI–XIII вв. [СК 1984: 405] и 6 списков XIV в. [ПС 1984: 978]. Среди них древнейший текст – Путятина Минея. Поэтому к Минее на май проявлен особый издательский интерес.

В эпоху цифровых технологий появились современные возможности издания Минеи. Приведем некоторые публикации рукописей Минеи, сделанные в XXI в.:

1. «Ильина книга», древнейший славяно-русский гимнографический сборник, традиционно называемый Минея праздничная XII в. [Верещагин 2006: 978].
2. Электронная коллекция списков Минеи: а) на май – 5 славянских рукописей XI–XIII вв. и греческий текст памятника; б) минеи на сентябрь, октябрь, ноябрь 1095–1096 гг. [*Манускрипт*].
3. Публикации Минеи на май: а) ПМ на май [Путятина Минея 1998–2000: 114–208, 136–217, 132–221]; б) Путятина Минея (XI век)

в круге текстов и истолкований [Щеголева 2001: 486]; в) Новгородская служебная Минейя на май XI век. (Путятин минейя). Текст, исследования, указатели [Новгородская 2003: 786]; г) Служебная Минейя на май (РНБ, Соф. 203). Реконструкция текста [Страховы 2016: 303]; д) Праздничная Минейя кон. XII — нач. XIII вв. (РНБ, Ф. п. I.25) [Нечунаева 2001: 83–98] В СК и в каталоге РНБ рукопись имеет шифр Q п. I. 25

4. Публикации российско-германской издательской группой рукописей Минейи из Синодального собрания ГИМ на декабрь, февраль, январь, июнь и другие месяцы [Gottesdienstmenäum 1997; Gottesdienstmenäum 2003 –].

Современные исследования текста и языка Минейи в XXI в. связаны с полной или частичной публикацией и описанием одной рукописи, в котором привлекаются разночтения текстологического и лингвистического характера: Минейя на апрель XII–XIII вв. [Йовчева 2014: 388], Драганова Минейя [Христова-Шомова 2015:1–54].

В XI–XIV вв. сложилось несколько типов Минейи как особого гимнаграфического текста. При этом Минейя как тип книги, сохраняя текстовое единство, в списках реально представлена в версиях и разночтениях В. В. Колесов отмечал, что «служебные минейи, несмотря на их «высокий стиль» постоянно подвергались многочисленным правкам с целью приспособления их к формам живой речи» [Колесов 1989: 149].

Для установления истории изменений текста Минейи и описания содержательных и языковых разночтений между списками памятника традиционно применяется лингвотекстологический метод. Тип текста, в первую очередь, определяется Студийским или Иерусалимским уставом. Основные параметры при классификации — состав памятника (набор памятней), структура службы (порядок песнопений) и лингвистические разночтения на разных уровнях в параллельных местах текста. Учитываются также жанровые и экстралингвистические факторы, повлиявшие на организацию текста в типе или списке Минейи.

Старшие из сохранившихся списков Минейи XI–XIII вв. — древнерусские. Их появление связано с введением на Руси после 1065 года Студийского устава. При этом проходила сверка рукописей с оригиналом и правка по греческим образцам. Во второй половине XIV в. началась замена Студийского устава на Иерусалимский. Появился комплекс

богослужебных книг в иерусалимской редакции, связанный с новым переводом. Исследуя неопубликованные списки Минеи, В.В. Колесов опирался на традиционную классификацию и представлял текст и различия по спискам, основываясь на двух редакциях в соответствии с уставом: I редакция — списки XI–XIV вв., II редакция — списки XV–XVI вв. На лексическом уровне он отмечал, что «В ходе правок и замен происходит стилистическая дифференциация слов. Со временем в тексте высокого стиля, особенно в обращении к божеству, оказываются невозможными слова *любовь, възлюби, одежда...*, вместо них появляются соответственно *желание, възделѣль еси, риза*» [Колесов 1989: 150].

Однако есть некоторые списки или тексты отдельных памятней, которые не укладываются в рамки, заданные правилами соответствующего устава. Особенности связаны с появлением памятней славянским святым (в поздних списках — обычно местным святым), также структурой службы и особыми лингвистическими чтениями по правилам типа, названного нами *архаичным*. Списки этого типа очень редко представлены и в оригинале, и в славянском варианте. Лексическое варьирование может быть вызвано принципами перевода, местными правилами, принятыми в центрах переписки, отражением диалектных языковых особенностей переписчика или какими-то другими причинами, носящими как регулярный, так и нерегулярный характер. В целом же это проблема допустимости-недопустимости появления в каноническом тексте нерегламентированных элементов.

На современном этапе исследования языка и текста Минеи мы опираемся, в первую очередь, на текстологическую типологию и лингвистические чтения, которые позволяют объединить списки Минеи на май в 4 типа:

I тип — ПМ и ее аналоги — архаичный тип XI–XIII вв. списки которого, представлены в СК и каталогах других хранилищ; имеют лингвотекстологические отличия от списков других типов.

II тип — списки студийского типа XI–XII вв. — основной корпус рукописей СК; в составе, структуре текста и лингвистических чтениях, в основном соответствуют Студийскому уставу.

III тип — списки раннего иерусалимского типа XIV в, описанные в ПС, например, рукопись Минеи на май Т. 113 XIV в.: в структуре текста соответствует Иерусалимскому уставу, имеют некоторые отличия в наборе памятней и лингвистических чтениях.

IV тип — списки иерусалимского типа XIV–XVI вв., в большинстве случаев зафиксированные в каталогах разных хранилищ, например, рукописи Mscr. 707 и Mscr. 708 XVI в. и список Минее на май К/Б нач. XVI вв.: в структуре текста и лингвистических чтениях соответствуют Иерусалимскому уставу, имеют некоторые отличия в наборе памятей.

Состав памятей — первый текстологический признак типа Минее. Календарная вариативность списков I типа, отличающая их от остальных синхронных списков, незначительна и отражена в виде включения особых памятей, например, 2 мая в ПМ есть память св. мчч. Есперию и Зое. На славянском ареале память отмечена в месяцеслове Остромирова Евангелия 1056–1057 гг. в соответствии с греческой традицией и включена в полный месяцеслов Востока [Сергий 1876: т. II, с. 128]. Остальные списки XI–XIII вв. и некоторые списки XIV вв. имеют набор памятей, соотнесенный со Студийским уставом: Син. 166, БАН 4.5.10, Соф. 204. Эти списки достаточно близки к оригиналу, и в них немного разночтений любого уровня. Но при всем единстве студийские списки дают некоторое разнообразие в составе. Вариативность отмечена в списке Соф. 203: специфика календаря заключается в том, что он отличается как от календаря ПМ, так и списков II типа, совпадающих с ним хронологически. В списке Соф. 203 под 4 мая представлена память св. Никите, появляющаяся только в списках III и IV типов, но под 28 мая; аналогичные отличия связаны с памятями св. Гликерии (13 мая) и св. Пахомию (15 мая). Таким образом, самое раннее следование Иерусалимскому уставу в Минее на май, судя по составу памятей, отражено в Соф. 203. В оригинале появление списков по Иерусалимскому уставу датируют XII в., то есть список Соф. 203 свидетельствует о раннем знакомстве на Руси с правилами этого устава. В целом же списки II типа имеют древний стабильный состав, соответствующий Студийскому уставу [Нечунаева 2000: 41–42].

К особенностям состава списков III и IV типов Минее иерусалимской редакции относится большое количество памятей славянским и общерусским святым, в поздних списках — и местным святым. Например, общерусским святым Борису и Глебу и Феодосию Печерскому в списке Mscr. 708; местным святым — прп. Евфросину Псковскому в списке Mscr. 708. Для списков I и II типов присутствие славянских памятей является скорее исключением, однако в сентябрьской Минее 1095 г. представлена память Вячеславу Чешскому [СК 1984: № 7].

Структура службы — второй текстологический показатель. В списках Минеи отмечены три возможных варианта порядка следования песнопений: 1) канон — стихиры — седален; 2) седален — стихиры — канон; 3) стихиры — канон, прерываемый после третьей песни седалном и после шестой песни кондаком и икосом. Первые два варианта расположения песнопений жанровые, третий соответствует порядку следования при службе.

Первый вариант является характерной чертой списков Минеи и Триоди I типа. Коллекция списков этого типа в настоящее время выглядит следующим образом:

Древнерусские: ПМ XI в.; служба Борису и Глебу из июльской Минеи XII в. [СК 1984: № 42]; Ильина книга — Минея праздничная XII в. [СК 1984: № 76]; Триодь Моисея Киянина кон. XII — нач. XIII вв. [СК 1984: № 42].

Южнославянские: Минея праздничная, май кон. XII в. — нач. XIII в. Q. п. I. 25 и Минея праздничная, июнь кон. XII в. — нач. XIII в. Q. п. I. 28/ Листок Гильфердинга и Листки Амфилохия; глаголическая Минея из библиотеки монастыря св. Екатерины на Синае № 4/N; Битольская Триодь вт. пол. XI в. София, № 38 из библиотеки АН Болгарии; Острожницкие отрывки, содержащие фрагменты канона св. Дмитрия Солунского XI–XII вв.

Греческий список из собрания Ватиканской библиотеки: Триодь XI в. Vat. grec. 771.

Списки, имеющие первый вариант расположения песнопений, можно отнести к I типу. Эти списки выпадают из традиционной текстологической соотнесенности устав — порядок песнопений. Среди них список Минея праздничная, май–июнь кон. XII — нач. XIII в., /Листок Гильфердинга и Листки Амфилохия, которая в результате текстологического и языкового анализа была определена в качестве текста — аналога ПМ [Нечунаева 2008: 9–23].

Практика обратного расположения текстов чтений для каждого дня была известна на Руси в XI–XII вв. Об этом свидетельствует текст июльской Минеи XII в. [СК 1984: № 42], в котором оригинальный канон восьмого гласа мученикам Борису и Глебу в службе помещен на первое место, а после него следуют три стихиры и седален. Служба Христине того же дня в этом списке имеет студийский порядок текста. Ещё И.В. Ягич соотносил обратный порядок песнопений в структуре службы только с ПМ [Ягич 1886: LXVII].

В.В. Колесов считал, что ПМ восходит к древнейшей славянской редакции, независимой от изменений в оригинале, где текст был относительно стабилен [Колесов 1989: 149]. Приведенные списки I типа подтверждают его наблюдения над ПМ как очень древним текстом. Однако современные возможности работы с рукописями расширили корпус списков этого типа, и он, по-видимому, будет увеличиваться. В оригинале тип представлен в греческой Триоди XI Vat. grec. 771 в., в которой службы сырной недели имеют порядок: трипеснец — стихира — седален. На такую особенность расположения песнопений в этой Триоди указывает М.А.Момина. Известны еще два списка, которые могут быть связаны с I типом Минеи. Первый — Син. 165 апрельская Минея XII в. [СК 1984: № 87], в котором под 6 апреля содержится служба свв. Кириллу и Мефодию, начинающаяся с канона. Стихиры и седален в тексте службы отсутствуют. Вторая служба того же дня св. Евтихию имеет порядок песнопений по правилам Студийского устава. Поэтому отсутствие малых песнопений в структуре службы и студийский порядок в следовании службы на другие дни не позволяет список Син. 165 бесспорно включать в коллекцию списков I типа. Второй список — Зогр. древнесербская Минея рашского извода перв. пол. XIII в., в котором песнопения древнеболгарского канона ап. Андрею Первозванному расположены после канона, а не перед ним. По мнению Р.Н. Кривко, в списке представлено архаичное расположение жанров. [Кривко 2013: 302–303].

Второй вариант расположения песнопений соотносится со Студийским уставом. Порядок расположения песнопений является результатом эволюции богослужебного ритуала и эволюции жанровой формы. Списки XI–XIII вв., соотносятся со Студийским уставом по набору памятней и варианту расположения текста, при котором канон завершает структуру, следуя после малых песнопений.

Третий вариант расположения песнопений относится к типологическим признакам списков III и IV типа. Он встречается в списках с XIII в., с XIV в. становится единственно возможным, как в переводных, так и оригинальных памятях, например, список Минеи на май Соф. 382 кон. XIII — нач. XIV в. В оригинальных памятях Минеи на май расположение текста по третьему варианту находим в списке К/Б XVI в. в службах 3 мая прп. Феодосию Печерскому и 23 мая еп. Леонтию Ростовскому. Расположение текста в списках I и II типов скорее всего является лишь

приметой письменного текста Минеи. Реальная последовательность, предписанная студийским уставом, содержится в рукописи Устав студийский и монастырский кон. XII в. ГИМ Син. 330 [СК 1984: №138]: *ѣ а по ѣ пѣ млѣ и по ѣ кѣ его глѣ ѣ величина* (л.16 об.). — память 8 мая Иоанну Богослову и прп. Арсению.

Правила расположения нескольких канонов одного дня в списках III и IV типа: два канона объединены так, что песнопения первого канона чередуются с песнопениями второго канона. Это отличает их от расположения канонов в списках Минеи I и II типов, где каноны расположены последовательно.

Лингвистические разночтения по типам Минеи имеют несколько вариантов.

Лексические разночтения

I тип ПМ	II тип Син. 166	III тип Т. 113	IV тип К/Б
Знаменаѡше сѧ мѣици свѣтомъ оумнымъѣ (л. 79)	Знаменаѡше сѧ моученици свѣтѣмъ добродѣтели (л. 108)	И знаменаѡше сѧ мѣици свѣтомъ разумнымъѣ (л. 83)	Знаменаѡшѧ ^м мѣици знаменіе крѣста

Разночтения прослеживаются в списках всех типов: *свѣтомъ оумнымъ* — *свѣтѣмъ добродѣтели* — *свѣтомъ разумнымъѣ* — *знаменіе крѣста*

Словообразовательные разночтения

I тип ПМ	II тип Син. 166	III тип Т. 113	IV тип К/Б
свѣтило ѡвисѧ (л. 51) Мрѣтѣѡша мѡсли (л. 51 об.)	свѣтило ѡвисѧ (л. 58 об.) Мрѣтѣѡша мѡсли (л. 59 об.)	свѣтианикъ пока- засѧ (л. 58 об.) Мрѣтѣѡша мѡсли (л. 60 об.)	свѣтианикъ пока- засѧ (л. 98 об.) Мрѣтѣѡш' помѡшлени (л. 99 об.)

Разночтения отличают списки I и II типов от списков III и IV типов: *свѣтило* — *свѣтианикъ*; в списках I, II, III типов — от списков IV типа: *мѡсли* — *помѡшлени*.

Лексические и словообразовательные разночтения в списках Миней входят в лексическую группу из 17 слов со сложным варьированием, включающую многозначную лексику как однокорневую, так и разнокорневую с общими семами: *мѡдрость* — *прѣмѡдрость* — *мѡдрование* — *смѣсль* — *оумъ* — *разумъ* — *оумьныи* — *разумьныи* — *вьсеоумьно* — *неразумие* — *невѣжьствие* — *мѣсль* — *помѣсль* — *помѣшлении* — *мѣсление* — *вьсемѣслене* — *вола* [Нечунаева 2000: 125–127].

Варьирование *свѣтомъ оумьнымъ* — *свѣтѣмъ добродѣтели* отражено в списках I и II типов. Лексическое значение слова *оумьнымъ* ‘умный, разумный’ в составе выражения *свѣтомъ оумьнымъ* имеет греч. соответствие φωτὶ τῷ νοητῷ. Для лексического значения слова *добродѣтель* в словаре приведено греч. соответствие ἀρετῆ ‘добродетель’. В основе разночтения *оумьнымъ* — *добродѣтель* допустимо предположить греческое варьирование νοητῷ — ἀρετῆ, не нарушающее метрический размер песнопения.

Варьирование слов *свѣтило* и *свѣтильникъ* показывает, что смена аффиксов не меняет значения многозначных слов *свѣтило* и *свѣтильникъ*: оба слова имеют переносное значение ‘просветитель, носитель духовного света’ и соответствуют греч. φωστῆρες. Употребление слова *свѣтильникъ* характеризует списки IV типа, которые отличаются от предшествующих списков Миней и могут иметь другие лексические чтения. Так во втором примере варьирование — явление славянских списков Миней, не связанное с языком оригинала. Варьирование двух слов является частью лексической группы сложного состава, компоненты которой *мѣсли* — *помѣшлении* составляют только её фрагмент. В списках I и II типов лексема *мѣсль* имеет значение ‘мысль, образ мыслей’, в списках IV типа, несмотря на приставочно-суффиксальное оформление, сохраняет то же значение ‘мысль, помысел’. Лексемы с корнем *-мысл-* могут расширять ряды варьирования, включая в него лексемы с другими корнями: *-ум-*, *-мудр-*, *-вол-*, *-веж-* или аффиксами: *-ствиј*, *-ениј*. Каждый компонент группы, многозначен, некоторые из них имеют особые значения, связанные с традиционным текстом. Переосмысление семантики таких лексем отражает развитие нового значения или, как считает В.В. Колесов, «Отглагольные имена сами по себе отвлечены, но с прибавлением к ним книжного суффикса они переходят в разряд слов «высокого стиля» [Колесов 1989: 151]

Из лексических особенностей I типа следует отметить сохранение в ПМ непереведенного гречизма Μετάρισος: **Мета̀р̀сѝ како̀ монсѝ славъ̀ни** (л. 99), который в списках других типов заменяется на славянский вариант **Превъ̀къ̀къ̀** (Соф. 203, л. 112 об). Сохранение гречизма в ПМ — типологическая примета древнего перевода, его замена на славянскую лексику свидетельствует о новом типе текста в списках, связанного с новым переводом.

Одна из типологических словообразовательных особенностей списков III типа — замена приставки **пре-** и корня **много-** в списках III типа на приставку **все-** в списках IV типа: **прѣ̀славнѣ̀ни** — **всеславнѣ̀ни**, **мъ̀ного̀ къ̀зьньно̀ю̀** — **всекозненю̀ю̀**.

Грамматические различия

I тип ПМ	II тип Син. 166	III тип Т. 113	IV тип К/Б
въ̀ждѐлѣ̀въ̀ сло̀ужити (л. 79)	въ̀желѣ̀въ̀ сло̀ужити (л. 59 об.)	вжелѣ̀лѣ̀ еси сло̀ужити (л. 60)	вжелѣ̀лѣ̀ еси сло̀ужити (л. 99 об–100)

Различия отличают списки I и II типов от списков III и IV типов: **въ̀ждѐлѣ̀въ̀/въ̀желѣ̀въ̀** — **вжелѣ̀лѣ̀**. Употребление новых глагольных форм прошедшего времени в списках III и IV типов связано с динамикой развития форм прошедшего времени, которые достаточно последовательно заменяются на связочный перфект. На эти списки оказывает давление развивающаяся грамматическая система древнерусского языка. В списках появляется синхронно адекватный для них перфект в классической связочной форме. Само явление известно в древнерусском языке в деловых текстах уже с XI в.

Фонетические различия

	I тип	II тип	III тип	IV тип
Ѡлена	ПМ, Q.п.I.25	Соф. 203, БАН 4.5.10	Т. 113	К/Б
Ѡлена		Син. 166, Соф. 204 Соф. 382		

Под 21 мая помещена память свв. царей Константина и матери его Елены. В списках разных типов имя Елена имеет разную огласовку: южнославянский вариант с начальным [je] и русский вариант с начальным [o]. К варианту [je] привязаны списки I, III и IV типов, в которых отражен язык оригинала. Этот же вариант есть и в списках Соф. 203, БАН 4.5.10 II типа, но в списках Син. 166, Соф. 204, Соф. 382 этого же типа, имя царицы представлено в русской огласовке [o]. Например, в списке Соф. 382 в названии канона имя царицы дано в древнерусском варианте *мѣа тогѡ*въ ѿкѡлѣа стѡго цѣа остаинна и мѣр кѡ оленты* (л. 5 об.-6). В тексте же памяти в начале последней песни канона имя употребляется в классической огласовке *клена любовию нѣнѣ ѿ древо гавлеть* (л. 8 об)

Сопоставление типологических и лингвистических данных по спискам Минеи показывает динамику текста, случаи трансформации и наличие языковых изменений.

Дальнейшие исследования показали, что некоторые списки не попадают в привычные рамки того или иного типа. Методы типологической классификации не базируются на целостном использовании информации, доступной в списках Минеи. Поэтому для подробного анализа списков Минеи на май был использован информационный подход, заимствованный из литературы по машинному обучению и информационному поиску [Salton 1975: 613–620]. Для анализа были привлечены девять списков Минеи на май XI–XIV вв. и один список XVI в.

Сходные и различные списки из общей группы списков Минеи I и II типов были найдены с помощью математической модели. Была построена векторная модель, в которой списки представлены векторами в общем пространстве. С помощью этой модели найдены похожие и отличные списки [Cha 2007: 300–307]. Список в векторном пространстве — это множество терминов. Следующим шагом является определение веса термина в документе. Вес — это важность термина для идентификации данного списка. Векторным представлением документа и является вектор, который содержит веса каждого термина в документе. Если термин отсутствует в документе, его вес равен нулю. Существует несколько стандартных способов определения функции взвешивания. В данном исследовании использована tf-idf (частота термина — обратная частота документа) функция взвешивания. Таким образом каждый документ представлен в виде вектора весов в общем

пространстве. Это позволяет вычислить схожесть и различие векторов, используя определённые метрики, например, Евклидову дистанцию. [Нечунаева, Нечунаев 2018: 65–75].

Для применения статистического метода списки Минеи предварительно обрабатываются так, чтобы было возможно численно оценить отклонения списков друг от друга. Чтобы представить списки памятника в векторной форме, были использованы два первых тропаря из стихиры *сѣи · г҃ла · д · пѣ · дастъ знаменіе*, которая в ПМ и Q. п. I. 25 следует после канона службы 21 мая св. царям Константину и Елене, а в остальных списках предшествует канону. Только эти два фрагмента проходят через все анализируемые списки Минеи, сохранившиеся до наших дней.

	I тип	II тип
ПМ (л. 88)	1) млѣтѣно съмотреннѣ; 2) бл҃говѣрьноуемоу слоуѣѣ;	
Q. п. I.25 (л. 1)	1) млѣрьное ѣмотренне; 2) бл҃говѣрьноуемоуѣ слѣѣѣ;	
Син. 166 (л. 124) + списки II типа		1) чловѣкколюбное съмотренне; 2) богочестивоуемоуѣ оугодьникѣ;

Словарь составил 70 терминов: учитывались лексические различия, аналогичные приведенным в таблице. Лексические различия *бл҃говѣрьноуемоу* — *богочестивоуемоуѣ* имеют одно греческое соответствие *εὐσεβής* ‘благочестивый, набожный’, то есть варьирование лексем возникло на славянской почве. Варьирование, восходящее к греческим различиям, — *млѣтѣно* — *млѣрьное* — *чловѣкколюбное*. Лексема *члѣкколюбное* — греческая калька *φιλάνθρωπος*, допускающая в славянском тексте и другой перевод — *милостивынѣи*, отмеченный в ПМ. Второй член в различии *млѣрьное* из списка Q.п. 1.25 может быть как передачей греческого *φιλάνθρωπος*, так и греческого *εὐπλαγῆς* ‘со-страдательный, милосердный’.

Статистические данные в графическом представлении показывают, что ПМ и Q.п. 1.25 наиболее отличаются от остальных списков Минеи по лексическому составу. На основе векторного анализа в эту группу включен ещё список Q.п. 1.28, содержащий отдельные тропари песен

канона 11 июня свв. Варнаве и Варфоломею. Этот список вместе со списком Q.п. 1.25 составляют фрагменты одной книги — Минеи праздничной май–июнь конца XII–начала XIII в. I типа. Списки ПМ, Q. п. I. 25 и Q. п. I. 28 имеют лексические чтения, не совпадающие с чтениями в списках Минеи II типа. Объединенные в I тип, они составляют особую группу списков Минеи [Нечунаева, Нечунаев 2018: 9–13].

Среди списков II типа выделяется Минея на май Соф. 203, лексические разночтения в которой представлены в 4-х вариантах: 1) Соф. 203 отличается от чтений в списках других типов: **желание имѣѣж** — **желаник съгѣжавъ**; 2) Соф. 203 + ПМ отличаются от чтений в списках II типа: **прѣчѣта срѣца твоего** — **чистааго сръдъца твоаго**; 3) Соф. 203 + списки IV типа отличаются от чтений в списках I и II типов: **олѣемъ** — **масломъ**; 4) Соф. 203 + списки I типа отличаются от чтений в списках I типа и от чтений в списках III, IV типов: **злооумник** — **злое безаконик** — **злое оумъшлене**. Разночтения поддержаны особенностью состава и структурой текста списка Соф. 203 и отражают некоторые тенденции, обычно связанные с иерусалимским типом, например, реставрацию грецизмов в тексте: **олѣемъ** вместо **масломъ**. Кроме того, в списке Соф. 203 отражены древнерусские приметы: **оуноша, жажеж, одежу оуноша**. Математические методы показывают наименьшее удаление списка Соф. 203 от остальных списков II типа и другие степени удаления от ПМ и списков II и IV типов. Список Соф. 203 свидетельствуют о том, что в пределах большого массива однотипных списков возможно существование нестандартного подтипа, особенно в момент начального этапа sprawy. Использование векторной модели позволяет более глубоко исследовать схожесть и различие списков Минеи: дополнить I тип списком Q. п. 1. 28 и выделить список Соф. 203 в подтип в рамках II типа. отражают мысли [Нечунаева 2008: 9–23].

На основе математических методов были выделены типологически наиболее представительные списки БАН 4.5.10 и Т. 112 для II типа. Особенно важно подтверждение особого статуса списка Q. п. 1. 28. Он имеет общие текстологические, палеографические и языковые особенности со списком

Q. п. 1. 25. Списки являются двумя фрагментами одной рукописи. Выделен в особый подтип список Соф. 203 в составе II типа.

В заключение — мнение В.В. Колесова, который ознакомился с двумя статьями авторов данного исследования [Нечунаева, Нечунаев 2014:

45–56] [Netsunajeva, Netsunajev 2018]: «Математические модели меня сокрушили: удивительно! Что ПМ есть самый древний текст, было ясно и так, но что у этого списка имеются родственные — не знал. Всё ... хорошо...» (из письма авторам от 12 октября 2018 г.). В этом письме — весь Владимир Викторович — Учёный и Учитель.

В.В. Колесов изучал разные тексты разных эпох, написанные на русском языке — сохранились ли они в рукописных источниках, были ли опубликованы или представляют собой диалектные записи. У него сложилось четкое представление об истоках русского языка, его диалектико-историческом состоянии и развитии до наших дней, сложилась своя *философия русского слова*, изложенная в научных трудах и научно-популярных книгах, которые любят его почитатели в разных странах: «Если теперь оглядеть все пространство русского языка, его исторические границы и культурные формы, сразу станет заметно, что в его основе лежит один из диалектов древнерусского языка, впитавший в себя особенности книжных текстов и поэтических формул, заимствованных из многих языков и выражений, даже синтаксических конструкций; в нем появилось много новых словообразований, которые отражают мысли, чувства и поведение наших современников» [Колесов 1990: с. 28]. Минея вошла в число книг, которые участвовали в процессе формирования русского языка. Минеи, прежде всего ПМ в канонической части, стали важной частью корпуса текстов русской письменной культуры XI–XIV веков.

Источники

Списки Минеи на май

БАН (Библиотека Академии наук): БАН 4.5.10 — Минея служебная, май XIII в. [СК1984: № 281]; БАН 16.14.13 — Минея служебная, май нач. XIV в. [ПС 1966: № 435]

ГИМ (Государственный исторический музей): Син. 166 — Минея служебная, май XII в. [СК 1984: 106]

РГАДА (Российский государственный архив древних актов): Т. 113 — ф. 381, Минея служебная, май XIII в. [ПС 1966: № 312]; Т. 112 — ф. 81, Минея служебная, май XIV в. [ПС 1966: № 1062]

РНБ (Российская национальная библиотека): Соф. 202 — Минея служебная, май (Путьятина Минея/ПМ) XI в. [СК 1984: № 21]; Соф. 203 — Минея слу-

жебная, май XII в. [СК 1984: № 90]; Соф. 204 — Минея служебная, май XIII в. [СК 1984: № 282]; Q .п. I. 25 — Минея праздничная, май кон. XII в. — нач. XIII в. и Q .п. I. 28 — Минея праздничная, июнь кон. XII в. — нач. XIII в. / Листок Гильфердинга и Листки Амфилохия [СК 1984: № 156, 157]; Соф. 382 — Минея праздничная, май кон. XIII в. — нач. XIV в. [СК 1984: № 454]; Кир./Бел. 361/618 — Минея служебная, май. нач. XVI в.

TÜR — библиотека Тартуского университета/ныне место хранения — библиотека Псково-Печерского монастыря: Mscr. 707 — Минея служебная, май, перв. четв.XVI в.; Mscr. 708 — Минея служебная, май, сер. XVI в.;

Словари СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв). Т. I–XII-. М., 1988–2019 — Срезн. — Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I–III. М., 1989.

Литература

- Верещагин Е.М.* Древнейший славянский богослужебный сборник «Ильина книга». Факсимильное воспроизведение рукописи. Билинейно-спатическое издание источника с филолого-богословским комментарием. М.: Индрик, 2006. 978 с.
- Йовчева М.* Старобългарският служебен миней. София: Издател. центр Боян Пенев, 2014. 388 с.
- Колесов В.В.* Историческая фонетика русского языка. М.: Высшая школа 1980. 210 с.
- Колесов В.В.* Древнерусский литературный язык. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 294 с.
- Колесов В.В.* Происхождение русского языка // *Lingua.Tallinn «Periodika»* 1990, 4. С. 26–29
- Кривк Р.Н.* Древнерусская версия кондака вмч. Димитрию и её южнославянские параллели [электронный ресурс]. URL: <http://www.academia.edu> 2013. С. 302–303 (дата обращения — 20.05.2020).
- Манускрипт.* Славянское письменное наследие. [электронный ресурс]. URL <http://manuscripts.ru> (дата обращения — 20.05.2020).
- Момина М.А.* Вопросы классификации славянской Триоди // Труды отдела древнерусской литературы. Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1983. Т. 37. С. 25–38.
- Нечунаева Н.* Минея как тип славяно-греческого средневекового текста. Tallinn: Изд-во ТРÜ Press, 2000. 177 с.

- Нечунаева Н.* Два фрагмента среднеболгарской Минеи праздничной архаичного типа // *Palaeoslavica IX/2001: Cambridge – Massachusetts.* С. 83–98.
- Нечунаева Н.* Минея: история текста и списков XI–XIV вв. // *Славянское языкознание: покидая XX век. К XIV Международному съезду славистов (Охрид, 10–16.09.2008).* Tartu: 2008. С. 9–13.
- Нечунаева Н., Нечунаев А.* Рукописи славянских миней XI–XIV вв. и принципы их классификации» // *Старобългаристика XXXVIII, 2014, 4.* С. 45–56.
- Нечунаева Н., Нечунаев А.* Славянская минея XI–XVII вв.: типологическая классификация и методы информационного поиска // *Fontes Slavicae Orthodoxae, 2018 /2.* С. 65–75.
- Новгородская служебная Минея на май XI век. (Путьятина минея).* Текст, исследования, указатели. Издание подготовили Баранов В.А., Марко В.М. Ижевск: Изд-ский дом «Удмурт. ун-т» 2003. 786 с.
- Предварительный список (ПС) славяно-русских рукописей XI–XIV вв., хранящихся в СССР /Археографический ежегодник за 1965 г. М.: Наука, 1966.* С. 177–272.
- Путьятина Минея на май.* Подготовка текста и параллели М. Ф. Мурьянова; ред., пред. и комм. А.Б. Страхова // *Palaeoslavica VI–VIII/1998 – 2000: Cambridge – Massachusetts.* С. 114–208, с. 136–21, с. 132–221.
- Сводный каталог (СК) славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М.: Наука, 1984.* 405 с.
- Сергий.* Полный месяцеслов Востока. М: Изд. 1876: т. II, с 128.
- Страховы Александр и Ольга.* Служебная Минея на май (РНБ, Соф. 203). Реконструкция текста // *Palaeoslavica XXIV/2016, no.: Cambridge – Massachusetts.* 303 с.
- Тот И.Х.* Минея Дубровского. Введение. Памятники древнерусского языка. *Минея Дубровского.* Redigunt V. . Kolesov et E.H. Toth. *Dissertationes slavicae.* XVII. Szeged: 1985. С. 101–138.
- Тот И.Х.* Фрагмент служебной минеи за месяц март. (ГБЛ, Музейное собрание, фонд 178, № 1337). Redigunt V.V. Kolesov et E.H. Toth. *Dissertationes slavicae.* XXII Szeged 147–177 с.
- Христова-Шомова И.* Драгоновият миней като свидетел на българската богослужебна и книжовна история // *Palaeoslavica XXIII/2015. no. 2.* Cambridge – Massachusetts. С. 1–54.
- Щеголева Л.И.* Путьятина Минея (XI век) в круге текстов и истолкований. М: Территория. 2001. 486 с.

- Ягич И.В.* Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковно-славянском переводе по русским рукописям 1095–1097 г. СПб.: Отд-ние рус. яз. и словесн. Имп. АН, 1886. 997 с.
- Cha, Sung-Hyuk.* Comprehensive Survey on Distance/Similarity Measures between Probability Density Functions // International Journal of Mathematical Models and Methods in Applied Sciences, 4(1): 2007 pp 300-307.
- Gottesdienstmenäum* für den Monat Dezember nach den slavischen Handschriften Rus` des 12. und 13. Jahrhunderts. Teil :9 bis 19. Dezember. Hrsg. Von H. Rothe und E.M. Vereščagin. 1997. Westdeutscher Opladen. 1995–2000.
- Gottesdienstmenäum* für den Monat Februar auf der Grundlage der Handschrift Sin. 164 des Staatlichen Historischen Museums Moskau (GIM). T. 1: 1. bis 9. Februar. T. 2: 10. bis 19. Februar. (Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften, 109, 113. Patristica Slavica, 10, 13). Paderborn, München, Wien, Zürich, 2003–2006.
- Netsunajeva, Netsunajev* On the Classification of the Slavic Menaia Manuscripts Dated from the 11th to 14th Centuries // Digital Medievalist 2018
- Salton G., Wong, A., Yang, C. S.* A Vector Space Model for Automatic Indexing, Communications of the ACM, 18(11) 1975, pp. 613–620.

Slavic Menaion of 11th–17th centuries: text and language of manuscripts in the works of V.V. Kolesov

The article describes Minaion — one of the most important parts of the Old Russian written language. Analysis of the manuscripts of the Minaion with respect to its composition, structure and language variations is traditionally carried out by the linguistic-textological method. Following the principles of V. Kolesov, maximum possible number of manuscripts is attracted for the analysis at the textual and language levels. There are 4 types of the Menaion: archaic, studio, early Jerusalem, Jerusalem. Manuscripts of the Menaia were also analyzed using a vector model for an in-depth study of the similarity and difference of texts included in each type.

Keywords: Menaion, composition of text, structure of text, linguistic variations, information search.

Николаев Г.А.

Казанский Приволжский федеральный университет
gnikolaevksu@mail.ru

Историческое словообразование: проблемы и возможные решения

Перед исследователями стоит важная задача создать отсутствующий пока в системе исторических знаний о русском языке раздел — историческое словообразование по типу историческая фонетика, историческая морфология, исторический синтаксис, но, естественно, с учетом специфики этого языкового уровня. В статье выдвинут ряд проблем, решение которых будет способствовать созданию этого раздела русского исторического языкознания.

Ключевые слова: историческое словообразование, палеонтология словообразования, сращение, морфемное словопроизводство, ремотивация, семантическая деривация.

Историческое словообразование — это наука о формировании и развитии словообразовательной системы языка. Система словообразования представляет организованную совокупность словообразовательных типов. Ученые-дериватологи квалифицируют словообразовательный тип как основную единицу системы словообразования, объединяющую производные слова в трех их единствах: единство части речи производящего слова, единое словообразовательное значение и единство словообразующего средства. Это определение выведено на основании особенностей морфологического (морфемного) словообразования. Однако и другие способы словопроизводства имеют свои аналогии этим характеристикам.

Морфологическое словообразование, как и формообразование (словоизменение), представляют довольно поздние способы лексической и грамматической

деривации. Им должно было предшествовать формирование такой языковой единицы, как морфема, которое еще младограмматики и их российские современники связывали с трансформацией лексической единицы в грамматическую в пределах определенных типов слов [Пауль 1960: 385–386; Срезневский 1959: 18]. Принятие такого положения дает возможность понять нам глубоко историческую идею А.А. Потебни о равенстве грамматических форм слов и слов как лексических единиц. «В действительности — писал ученый, — не только *верста* = 500 сажений есть слово отдельное и отличное от *верста* = возраст, *верста* = пара, но и *верста* в одном из этих значений есть иное слово, чем *версты*, *версте* и т.д. в том же лексическом значении, т. е. малейшее изменение в значении слова делает его другим словом» [Потебня 1958: 15]. Сделанное фактически на синхроническом материале это замечание находит глубокое обоснование в древнейшей истории изложенных фактов. Все сказанное может свидетельствовать о лексико-синтаксическом сращении как древнейшем способе словообразования в языках индоевропейского типа. Фактически здесь идет речь о таком разделе науки об истории языка, который может быть назван *палеонтологией словообразования*.

Отметим, что после высказываний младограмматиков и их современников по проблемам, относящимся к этому разделу истории языка, ученые редко обращались к ним. Возможно, это как-то связано с четырехэлементным анализом академика Н.Я. Марра, скомпрометировавшего эти проблемы перед мировым языкознанием. Так или иначе, но пришло время вернуться к ним и рассмотреть их с опорой на современную исследовательскую методику [Николаев 2009: 153–156].

Конечно, у нас очень мало фактического языкового материала. Приходится больше опираться на исследовательскую логику и логику связей и отношений, сложившихся в системах и структурах конкретных языков. Но именно эти связи и отношения сложились на основании действовавших древних процессов, протекавших в праязыковую эпоху формирования феномена словообразовательной системы.

История языков с развитым морфологическим строем, в том числе и русского языка, сохранила реликты этих процессов. К ним можно отнести, например, историю формирования возвратных глаголов в славянских языках: сращение глагола с энклитической формой возвратного местоимения и дальнейшего развития последней в аффиксальную

морфему — постфикс *-ся*. Схожие процессы протекали в формировании и других постфиксов: *-то, -либо, -нибудь* (от частиц — через сращение — в постфикс). Основными единицами этого раздела исторического словообразования являются способы словопроизводства в их взаимосвязях и взаимодействии друг с другом. Внимание в этом плане привлекают способы сращения, аффиксации, а также аффиксоидные типы словообразования. Скорее всего, мы можем говорить о связи этих способов, раскрывающих даже в современных языках хронологическую последовательность и фактическую суть процессов.

Первые грамматисты квалифицировали словообразовательные процессы как «приращение складов» [Ибрагимов 1815: 126], имея в виду присоединение к одной языковой единице другой в процессе словопроизводства. Такой взгляд опирался в первую очередь на аффиксальное словообразование, при котором действительно происходило осложнение производящей базы аффиксальным средством (то есть «приращение складов», или структурных элементов). Подходя с этих позиций к явлению сращения, мы должны признать, что и здесь происходит «приращение складов», только не аффиксов, а лексических единиц (*новъ городъ > новъгородъ*, далее *Новгород*).

Способ сращения не имеет пока устойчивой теоретической интерпретации. Одни ученые, выделяя два основных типа способов словообразования — морфемные (аффиксация, сложение) и безморфемные (семантический, морфолого-синтаксический), — относят сращение к самостоятельному (третьему) способу [Шанский 1977: 9–16]. Другие специалисты рассматривают его в системе семантических способов словопроизводства [Марков 1980, Николаев 2009а]. И тем не менее безапелляционно считать решенной проблему этого способа пока нет оснований.

Способ сращения весьма широко представлен в истории русского языка — с древнейших времен и до нашего времени, в диалектах и литературном языке, в разных его жанрах и стилях [Николаев 2015: 140–145]. Факт сращения отдельных структурных элементов в производное слово нередко сопровождается разными случаями аффиксации (ср., например, такие случаи, как *по ту сторону > потусторонний*).

Сращение наблюдается в структуре производящих основ, когда в качестве последних выступают предложно-падежные формы при их суффиксации (*за рекой > зареч-ный, без греха > безгреш-ный* и т. п.).

Наблюдающаяся в языке тенденция мотивировать производные слова производящим в его исходной форме приводила к определенным преобразованиям в структуре производного и выделению в нем новых аффиксальных морфем, в нашем случае — конфликсов [Николаев 2009а: 77–78]. Если признать достоверными предположения о древнейших отношениях между способами словопроизводства и об исконной основе аффиксальных морфем, следует так называемое «приращение складов», т. е. осложнение производящих основ аффиксами, отнести к сращению, имевшему место в глубокой древности, к начальному периоду формирования морфемного словообразования. Аналогичные процессы протекали и в тех случаях, которые позднее составят феномен морфологического формообразования. Таким образом, изначально определится тесная связь и взаимодействие категорий словообразования и формообразования, прошедшая через всю историю морфологического строя языка и сохранившаяся до настоящего времени. Специалисты, начиная с В. В. Виноградова, определяют различные случаи проявления параллелизма слово- и формообразования в русском языке [Виноградов 1975: 166–220]. Именно с учетом этого параллелизма были открыты нулевые аффиксальные морфемы в словообразовании [Марков 2001: 102–103].

Кроме «приращения складов», первые грамматисты выделяли еще один способ образования слов — способ распада «многозначности» слова [Ибрагимов 1815], т. е. то, что сейчас называют семантическим способом словообразования.

Становление, развитие и укрепление семантического словообразования в русском языке было связано с историей семантического синкретизма. «Семантический синкретизм был свойствен славянским языкам в древнейший период их истории и охватывал все типы языковых значений (категориальные, грамматические, словообразовательные, лексические), проявляясь в недостаточной дифференцированности семантики языковых единиц, в совмещении категорий, которые позднее будут выделены и войдут в семантическую парадигму этих языковых единиц» [Николаев 2004: 156].

В условиях языкового синкретизма семантическое словообразование в принципе не могло быть представлено. Изменения в значении синкретичного слова имели характер семантических модуляций [Лопушанская 1996: 6–13]. Диффузность значений при этом не устраня-

лась. Ср. пример А.А. Потебни: *Бог спас наши*, где слово *спас* совмещает значение лица (*Бог — спаситель наши*) и действия (*Бог — спасение наше*) [Потебня 1968: 93]. Число таких случаев может быть значительно увеличено за счет древнерусских текстовых фрагментов.

Семантические модуляции в словах, особенно морфологически производных, проходили не беспорядочно, а имели определенный смысловый вектор. Так, например, для слов, соотносительных с глаголами, такими векторами были действие, результат действия, действующее лицо, орудие действия, место действия и др. К моменту разрушения синкретизма (XIV в.) эти модуляции получили большую лексическую самостоятельность (в виде «своего» денотата) и в связи с этим возможность рассматриваться не как результат семантической модуляции, а как результат семантической деривации. В языке появился феномен семантического словообразования.

С этого момента и до настоящего времени в словообразовательной системе русского языка существуют два способа словообразования — морфологическое (морфемное) и семантическое (безморфемное) словопроизводство, находящиеся в тесной взаимосвязи и взаимодействии друг с другом.

Одним из направлений этого взаимодействия является морфологизация семантического деривата. Она касается дериватов, возникших семантическим путем на базе аффиксальных производящих и заключается в установлении соотнесенности (мотивационных отношений) с производящим своего производящего. В результате семантический дериват получает морфемную структуру с аффиксом, омонимичным аффиксу производящего слова.

Так, слово, образованное семантическим путем на базе приглагольного существительного со значением отвлеченного действия, получив статус самостоятельной лексической единицы, устанавливает соотнесенность с глаголом, мотивирующим производящее данного семантического деривата, и таким образом морфологизируется, т. е. начинает функционировать в языке как производное при данном глаголе и получает структуру, омонимичную структуре своего исторически производящего. При данном глаголе возникает ряд соотнесенных с ним субстантивов. Например: *посадка деревьев* (действие) — *березовая посадка* (результат действия) — *грибы в посадке* (место действия) и т. п. Возникает словообразовательно-парадигматический ряд аффиксальных

омонимических моделей, каждая из которых может самостоятельно участвовать в процессах словопроизводства уже как морфологическая модель.

К сожалению, семантическое словообразование в русском языке почти не изучено в историческом аспекте. Да и в современном языке оно рассматривается не как словообразовательный феномен, а описывается в понятиях лексической полисемии. Так что проблема семантического словообразования является одной из важнейших теоретических и исторических проблем русской словообразовательной науки.

Семантический синкретизм, как указывалось выше, был свойствен всем типам языковых значений, в том числе и категориальным. Этот факт отразился в истории морфологического словообразования, прежде всего при формировании мотивационной базы отдельных словообразовательных типов. Изменения в категориальной семантике влекли за собой и изменения в словообразовании. Так, в русском языке имеется ряд словообразовательных типов (СТ), составляющие которых при фонетически совпадающих аффиксах имеют мотивированность разными частями речи, например, существительным (*урод* > *урод-ство*) и прилагательным (*богат(ый)* > *богат-ство*) ; ср. также *гора* > *гор-ец* — *мудр(ый)* > *мудр-ец*, *двор* > *двор-ник*, *модн(ый)* > *модн-ик* и др.

Объясняется это тем, что в древности, когда формировались данные типы слов, не было четких границ между субстантивом и адъективом и производящая база для таких слов была общеименной. В дальнейшем произошла дифференциация имен на существительные и прилагательные, одни из производящих слов стали адъективами, другие субстантивами. В результате на базе одного СТ развились два, составляющие которых отличаются производящей (мотивационной) базой (существительные — прилагательные), словообразовательным значением (лицо по отношению к предмету — лицо по признаку); применительно к образованиям на *-ство* — значение признака — собирательное значение. В каждом случае эти два типа имеют соответственно омонимичные аффиксы. Мы не разделяем мнения тех, кто считает, что в каждом случае выделяются многозначные суффиксы *-ство*, *-ец* и *-(н)ик*.

Разрушение синкретизма категориальных значений сопровождалось четким разграничением частей речи и укреплением их грамматических характеристик. На этом основании происходит становление общих семантических тенденций, управляющих, в частности, слово-

образованием данного языка. Особенно значимыми для словообразования были отношения между тремя основными лексико-грамматическими классами языка: именем существительным, именем прилагательным и глаголом. Определяющими, таким образом, в истории русского словообразования были глагольно-именные и субстантивно-адъективные словообразовательные отношения. Частный случай этих отношений раскрыла Н.Д. Арутюнова: «Так, обычно все имена действия являются вторичными по отношению к глаголам, выражающим соответствующее действие, имена качества воспринимаются как производные от прилагательных, означающих данное качество, и т.д.» [Арутюнова 1960: 78].

Однако нередко действие этих тенденций было более динамичным, чем в приведенной цитате. Так, если имя со значением действия или качества было образовано не от глагола или прилагательного, то происходила перемотивация и имя получало новую соотношенность согласно существующим тенденциям. Например, слово *учительство*, образованное от субстантива *учитель*, сохраняло генетические связи с существительным, если оно выступало в собирательном значении, и меняло субстантивную мотивацию на глагольную, если оно означало действие: *учить* > *учи-тельство*. В этом случае менялась и структура слова.

В наибольшей степени сила указанных семантических тенденций проявлялась в ситуациях обратной соотношенности (мотивированности), т. е. в таких случаях, когда установлена словообразовательная зависимость производящего слова от производного [Николаев 1970: 62–68].

Первым обратил внимание на обратные словообразовательные отношения В. В. Виноградов, указав на зависимость слов типа *дело*, *работа*, *грохот*, *летит* и т. п. от производных на базе этих слов глаголов *делать*, *работать*, *грохотать*, *летать* и т. п. [Виноградов 1938: 344]. Показательно, что эту мысль ученый повторит в монографии «Русский язык. Грамматическое учение о слове» [Виноградов 1972: 335–346].

С наибольшей последовательностью обратной соотношенностью были охвачены бесприставочные субстантивы со значением действия или его обстоятельств типа *ход*, *суд*, *лов*, *крик* и т. п. и образованные от них глаголы *ходить*, *судить*, *ловить*, *кричать* и т. п. Все эти субстантивы стали мотивироваться производными на их основе глаголами, по-

полнив словообразовательный тип образований нулевой суффиксации (*ход < ходить, суд < судить, крик < кричать* и т. п.). Отношения, сложившиеся в этом типе слов, могли послужить определенным образцом для аналогичных случаев в других типах слов. Например, в именах на *-ство* (типа *ходатайство < ходатайствовать*), *-ствие* (*присутствие < присутствовать*), *-ник* (*сотрудник < сотрудничать*), *-тель* (*председатель < председательствовать*) и др.

Обратная соотнесенность отмечается и в случаях субстантивно-адъективного словопроизводства. Так, синонимия образований в словообразовательных цепях типа *могущество — могущественный — могущественность, невежество — невежественный — невежественность* и т. п. могла появиться только на основе одинаковой мотивированности субстантивов. Для имен на *-ство* эта мотивированность будет обратной [Николаев 1988: 41–45]. По такой же схеме возникала синонимия в сфере глагольно-именного словообразования: *потворство — потворствовать — потворствование, странствие — странствовать — странствование, ходатайство — ходатайствовать — ходатайствование, шествие — шествовать — шествование* и т. п. [Николаев 1979: 281–288]. И в этих случаях синонимия субстантивов обусловлена обратной соотнесенностью имен на *-ство* и *-ствие* с производным на их базе однокоренным глаголом на *-ствовать*.

Развитие глагольно-именных и субстантивно-адъективных отношений было определяющим для многих процессов в системе словообразования русского языка. Перемотивация производных образований нередко сопровождалась изменениями в словообразовательной структуре слова, появлением новых словообразовательных средств и новых словообразовательных типов. В то же время развитие указанных отношений выполняло стабилизирующую функцию в словообразовательной системе языка.

Перед исследователями стоит важная задача создать отсутствующий пока в системе исторических знаний о русском языке раздел историческое словообразование по типу историческая фонетика, историческая морфология и исторический синтаксис, но, естественно, с учетом специфики этого языкового уровня. Для начала необходимо провести своего рода «инвентаризацию» всех словообразовательных типов, распределив их по частям речи, обладающими своей словообразовательной системой. Сам языковой материал должен подсказать дальнейшие

принципы его классификации. Так, для имен существительных важно выделить аффиксальные способы (суффиксацию, префиксацию, конфиксацию) и словосложение. Каждый словообразовательный тип следует рассматривать от древнейших случаев его употребления и до нашего времени, учитывая его особенности в разные периоды истории языка (древнерусский, среднерусский, XVIII век, XIX век и современный период) и случаи взаимосвязи и взаимодействия его составляющих с категориями семантической деривации. Результатом этого взаимодействия являются омонимичные словообразовательные типы. Необходимо отмечать факты взаимодействия словообразовательных типов между собой, на основании чего возникают факты словообразовательной синонимии, антонимии и паронимии.

В статье выдвинут ряд проблем и поставлены задачи, выполнение которых будет, на наш взгляд, способствовать созданию важного раздела науки об истории русского языка — исторического словообразования.

Литература

- Арутюнова Н.Д.* Обратное словообразование и вопросы несобственной деривации // Вопросы языкознания. 1960. № 2. С. 71–79.
- Виноградов В.В.* Современный русский язык. М., 1938. Вып. 2. 592 с.
- Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1972. 614 с.
- Виноградов В.В.* Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии // Виноградов В. В. Избранные труды: Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. С. 166–220.
- Ибрагимов Н.М.* О многозначности и общем изменении слов // Труды Общества любителей российской словесности при Казанском университете. Т. I. Казань, 1815. С. 121–126.
- Лопушанская С.П.* Семантическая модуляция как речемыслительный процесс // Вестник Волгоград. ун-та. Сер. 2. Филология. 1996. Вып. I. С. 6–13.
- Марков В.М.* О семантическом способе словообразования в русском языке. Ижевск, 1980. 30 с.

- Марков В.М.* Явления нулевой суффиксации в русском языке // Марков В.М. Избранные работы по русскому языку. Казань: Изд-во ДАС, 2001. С. 102–103.
- Николаев Г.А.* К вопросу об обратных словообразовательных связях в русском языке // Вестник Московского университета: Филология. 1970. № 6. С. 62–68.
- Николаев Г.А.* Синонимия образований типа ходатайство — ходатайствование в русском языке // *Literatury i języki krajów socjalistycznych.* Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 1979. S. 281–288.
- Николаев Г.А.* Синонимия типа невежество — невежественность в русском языке // Синонимия и смежные явления в русском языке. Ижевск, 1988. С. 41–45.
- Николаев Г.А.* Синкретизм и словообразование в истории славянских языков // Проблемы тэоры і гісторыі славянскага словаўтварэння: Доклады Шостай Міжнароднай канферэнцыі Камісіі па славянскаму словаўтварэнню пры Міжнародным камітэце славістаў. Мінск / Беларусь 2–6 сакавіка 2003 г. Мінск: ВТЛА «Права і эканоміка», 2004. С. 156–163.
- Николаев Г.А.* Палеонтология словообразования // VI Международные Бодуэновские чтения (Казань, 25–28 сентября 2009 г.): труды и материалы в 2 т. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2009. Т. 2. С. 153–156.
- Николаев Г.А.* Лекции по русскому словообразованию: Учебное пособие. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2009а. 188 с.
- Николаев Г.А.* Способ сращения в истории русского словообразования // Осмь десагть: Сборник научных статей к 80-летию И. С. Улуканова / отв. ред. М.А. Малыгина. М.: Азбуковник, 2015. С. 140–145.
- Пауль Г.* Принципы истории языка. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1960. 500 с.
- Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. М.: Учпедгиз, 1958. 536 с.
- Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т. 3. М.: Просвещение, 1968. 542 с.
- Срезневский И.И.* Мысли об истории русского языка. М.: Учпедгиз, 1959. 136 с.
- Шанский Н.М.* Лексическая деривация в русском языке // Русский язык в школе. 1977. № 3. С. 9–16.

Historical word formation: problems and possible solutions

Linguists have an important task to create a new branch that is not yet available in the system of historical knowledge about the Russian language. It is the historical word formation by type historical phonetics, morphology, syntax, but of course, taking into account the specifics of this language level. The article presents number of problems the , the proposed solution of which will contribute to the creation of this branch of Russian historical linguistics.

Keywords: historical word formation, paleontology of word formation, fusion, morphemic word production, remotivation, semantic derivation.

Новак М.О.

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Федеральный исследовательский центр «Казанский научный центр РАН»)

mariaonovak@gmail.com

Древнеславянская Евфалиана: оглавление к посланию Евреям (по спискам Апостола XII–XVI вв.)

В статье анализируются лексические особенности разновременных славяно-русских версий перевода оглавления к посланию Евреям — одного из ранее не исследованных сопроводительных текстов к Посланиям апостолов. Интерпретируются лексические разночтения и факторы их возникновения; среди последних — применение различных переводческих техник, свободное отношение к передаче семантики исходного текста, возможные искажения текста на предыдущих этапах его формирования. Степень редкости словоупотреблений верифицируется по словарям и Национальному корпусу русского языка.

Ключевые слова: древнеславянский Апостол, аппарат Евфалия, оглавления, послание Евреям, лексика.

В настоящей статье, которую автор с благодарностью посвящает светлой памяти Владимира Викторовича Колесова, обсуждается языковая специфика разновременных славяно-русских версий перевода оглавления к посланию Евреям — одного из ранее не исследованных сопроводительных текстов к Посланиям апостолов (известных как аппарат Евфалия¹). Мы продолжаем, таким образом, серию работ

---

¹ О возможном авторстве и структуре аппарата, а также об истории изучения греческого текста и переводах на другие языки см. [Blomkvist 2012].

о различных версиях славянского перевода Евфалианы [Новак 2017; Новак 2018; Новак 2019]. Предисловия к посланиям ап. Павла были в общих чертах описаны в критическом издании Й. ван дер Така [Tak 2003]. Оглавления, напротив, ранее не изучались, однако их материал имеет большую ценность для исторической грамматики, лексикологии, лексикографии и в целом для истории славянских переводов: перефразируя содержание апостольских посланий, оглавления представляют своеобразную лексику и синтаксические структуры. Сопоставление одновременных славянских версий с греческим параллельным текстом, как инвариантом, позволяет выявить нетривиальные греко-славянские лексические корреляции, морфологические и синтаксические трансформации исходного текста и факторы их возникновения.

Как и в предыдущих статьях, нами будут рассмотрены источники, представляющие различные типы текста Апостола и различные его редакции:

- толковый Христинопольский Апостол XII в. (лл. 256–257; Львовский исторический музей, ОР № 37 — далее *Христ*), отражает древнейшую кирилло-мефодиевскую традицию перевода с элементами преславской редакции;
- четий (последовательные чтения снабжены богослужебной разметкой) Толстовский Апостол XIV в. (лл. 43 об.–44; РНБ, Q.п.1.5 — далее Толст) — представитель преславской редакции;
- четий Чудовский Новый Завет XIV в. (л. 142 об.; рукопись утрачена, цитируется по изданию [Новый Завет 1892] — далее *Чуд*) — представитель самостоятельной редакции со склонностью к буквалистскому переводу, близкой к афонской;
- четий Апостол XVI в. из собрания Троице-Сергиевой Лавры (лл. 64–65 об.; РГБ, ф. 304.1, №71 — далее *Тр71*) — отражает афонскую версию, синтезирующую кирилло-мефодиевскую традицию с буквалистским подходом к переводу.

В случае необходимости привлекаются данные и других списков Апостола XII–XVI вв., перечисленных в списке источников.

Оглавление к посланию Евреям выбрано как объект рассмотрения, прежде всего, благодаря его содержательности: его славянские версии демонстрируют столько языковых фактов, требующих детального комментирования и интерпретации, что их, скорее всего, понадобится обсудить в серии статей. Кроме того, оглавление хорошо сохранилось

во всех четырех списках со стабильным числом и порядком рубрик (в отличие от некоторых других посланий — например: [Новак 2018]), что особенно удобно для плодотворного сопоставления.

В данной статье мы остановимся на некоторых лексических феноменах, оставив рассмотрение грамматического уровня текста на будущее. Греческий текст оглавления приводится по [Blomkvist 2012: 58–60], семантика греческих лексических единиц комментируется с помощью [Дворецкий] и [TLG].

1. Обращает на себя внимание ряд нетривиальных греко-славянских корреляций. См. таблицу:

Таблица 1

Заглавие к главе 3: греко-славянские корреляции

Греческий текст	<i>Христ</i>	<i>Толст</i>	<i>Чуд</i>	<i>Тр71</i>
ἑσαρκώθη κατὰ διάθεσιν, καὶ συμπάθειαν, καὶ οἰκεϊότητα, τὴν πρὸς ἡμᾶς, <...> διὰ τῆς πρὸς αὐτὸν οἰκειώσεως	вѣплѣти сѧ за любѣвь и за мѧстѣ. и за приаѣнь соуцню кѣ вамѣ <...> за приаѣнь таже к немоу	вѣплотилѣ сѧ естъ по приложению и по стрѣти (и) светѣ юже к намѣ имѣѡ- ше <...> и приблѣженнѣмъ к немѣ	вѣплоти сѧ за любовь и спожаленьк и своиство еже к на" <...> соуцна' ради к немѣ оуѣвок"га	вѣплоти сѧ за любовь и за мѧтѣ и за приаѣнь соуцню к намѣ <...> за приаѣтѣ еже кѣ немоу

Заглавие третьей Евфалиевой главы отсылает к фрагменту Евр. 2:11–14, где говорится о приобщении Христа к человечеству и человека — к божеству. Поэтому здесь присутствует мотив боговоплощения по любви, по-разному выражающийся в греческом источнике и славянских версиях.

На небольшом пространстве одного заглавия встречается сразу несколько греческих существительных, отсутствующих¹ в тексте Нового Завета: *διάθεσις* 'душевное предрасположение', *συμπάθεια* 'общность чувств, симпатия, сочувствие', *οἰκειότης* 'родственные связи, дружба, близость, супружество', *οἰκειώσις* 'присвоение; приспособление'.

¹ См.: [Schmoller 1994].

Корреляции *κατὰ διάθεσιν*: *за любовь* и *κατὰ διάθεσιν*: *по приложению* демонстрируют различные переводческие подходы — интерпретирующий и калькирующий. Судя по данным исторических словарей, обе параллели известны древнеславянской переводной книжности, но первая не столь частотна. Так, в «Словаре древнерусского языка (XI–XIV вв.)» зафиксирован только один контекст: *равнѣю къ нѣмоу показа любовь* (τῆν... διάθεσιν¹) — ЖФСт, XII, 144 [СДРЯ IV: 479]. В нашем контексте интерпретирующее решение, безусловно, удачнее кальки с точки зрения смысловой ясности.

Употребление образования *приложение* выделяет Толстовский Апостол из общего ряда. По данным лексикографии и НКРЯ, это слово способно передавать целый ряд греческих префиксальных существительных и приобретать самые разные контекстуальные значения [СДРЯ VIII: 477–479; СЛРЯ 19: 205; НКРЯ]. Наиболее близко к нашему контексту значение ‘стремление, усердие’, например: *авиѣ же приложиса оумъ его на приложенье бжїе* (εἰς διάθεσιν ἔνθεον ‘в боговдохновенное состояние’) ЖАЮ, к. XIV, 14a [СДРЯ VIII: 477]; *по тѣхъ оубо приложению. и дѣянья послѣдствую(т). стремленья* (κατὰ... τὰς... διαθέσεις). ЖВИ, XIV–XV, 62a [СДРЯ VIII: 479]. Можно добавить также, что слово *приложение* не является строгой структурной калькой по отношению к образованию *διάθεσις* (в отличие, например, от *προσθήκη*).

Толст, однако, далеко не всегда идет по пути калькирования. Это хорошо видно на примере следующей корреляции: *κατὰ συμπάθειαν*: *по стрѣтїи*. Калька на сей раз присутствует в *Чуд*, и также нестрогая в структурном отношении: в ней наблюдается усложнение префиксальной структуры (*συμ-πάθεια*: *с(ъ)-по-жаленьк*), характерное и для основного новозаветного текста *Чуд* (подробнее об этом — [Новак 2014: 35]). *Чуд* мог бы «пойти по общему пути», поскольку славяно-русской книжности известна параллель *συμπάθεια*: *пожаление (пожалѣние)* [СДРЯ VI: 562–563; СЛРЯ 16: 92], однако стремление воспроизвести префикс (*συμ > съ-*) противостоит традиции.

Возвращаясь к корреляциям *συμπάθεια*: *за млѣть* (*Христ* и *Тр71*) и *συμπάθεια*: *по стрѣтїи* (*Толст*), отметим, что первая отражает целую традицию употребления, поскольку фиксируется уже в старославянских памятниках [SJS II: 208]. Вторая не обнаруживается в словарях и

¹ Так в СДРЯ; должно быть *διάθεσιν*.

НКРЯ, несмотря на то, что НКРЯ и СДРЯ [XI: 599–607] предоставляют в распоряжение исследователя обширный свод славяно-греческих параллелей. Единственная ситуация, отдаленно напоминающая нашу, обнаружена в переводе «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия: **искаше оугω(д)на страсти**: συμπλαθῶς ἐθεράλευεν, где συμπλαθῶς ‘сочувственно; с состраданием’ (л. 375в, 31–32) [История 2004: 129].

Интересны и варианты перевода двух одноосновных образований, οἰκειότης и οἰκειώσις. Корреляция, предлагаемая списком *Христ*, где обоим словам соответствует славянское **приа́знь**, не зафиксирована в доступных нам лексикографических материалах¹. Известные славяно-греческие параллели — **приа́знь**: εὐνοία ‘благосклонность, благоволение, доброжелательность’, εὐγυωμοσύνη ‘благожелательность, дружелюбие, доброта’ [СДРЯ VIII: 651–652], πίστις ‘верность’ [SJS III: 331]. Это совершенно иной семантический круг, нежели тот, к которому принадлежат образования οἰκειότης (< οἰκεῖος ‘домашний; родственный; дружеский, семейный, свой собственный, родной’) и οἰκειώσις (< οἰκειόω ‘сближать, привязывать, располагать к себе; присваивать себе *или* считать своим’). Оба слова, незнакомые новозаветным текстам, хорошо известны византийской гимнографии и патристической литературе, судя по данным [TLG] и [ΕΛΛΗΝΙΚΑ]. Обращение к историческим словарям и историческим подкорпусам НКРЯ позволяет установить эквиваленты, распространенные в славяно-русской книжности, начиная с первых веков ее развития:

- *присвоение*: οἰκειώσις (при глагольных параллелях *присвяати(ся)*, *присвоити(ся)*: οἰκειόω) [СДРЯ VIII: 558–560], οἰκειότης [НКРЯ; ΕΛΛΗΝΙΚΑ²];
- *приближение*: οἰκειώσις [СлРЯ 19: 95], οἰκειότης [НКРЯ; ΕΛΛΗΝΙΚΑ³];
- *близность*: οἰκειώσις [НКРЯ; ΕΛΛΗΝΙΚΑ⁴].

Приведенные корреляции подчеркивают оригинальность решения, представленного в *Христ*. Соответствие слова **приа́знь** обоим греческим существительным игнорирует их семантические различия и снимает противопоставление, изначально присутствующее в контексте:

¹ Здесь и далее имеются в виду следующие словари: СДРЯ, СлРЯ, SJS, [Срезневский], [Miklosich], [Дьяченко].

² Например: <http://glt.goarch.org/texts/Aug/Aug15.html>

³ Например: <http://glt.goarch.org/texts/Oct/Oct19.html>

⁴ Например: <http://glt.goarch.org/texts/Oct/Oct22.html>

родственность Христа по отношению к человеку (**За при́азнь сѣщюю къ вамъ**) и ответное приближение человека к Богу (**За при́азнь гаже к нему**).

Более поздние источники, напротив, по-разному передают греческие образования. *Тр71*, используя словообразовательные средства, симметрично воспроизводит, с характерным для афонских переводов вниманием к структуре греческого слова, противопоставленность одноосновных суффиксальных существительных: **За при́азнь**: κατὰ <...> οἰκεότητα, **за при́атіє**: διὰ <...> οἰκειώσεως. Тем же путем идет Чудовский Новый Завет, близкий по принципам перевода к афонской версии; при этом **своиство** и **оусвожннк** противопоставлены по признаку отсутствия / наличия мотивированности глаголом — чего нет в *Тр71*, где оба существительных, **при́азнь** и **при́атіє**, прилагольны. Еще одно отличие от *Тр71* — в том, что в *Чуд* использованы слова именно с той основой, которая лучше всего отвечает семантике греческих слов, содержащей сему 'свой'.

Толстовский Апостол выделяется употреблением разноосновных образований **своєта** и **приближнне**, отражая стремление радикально разграничить эквиваленты для οἰκειότης и οἰκειώσις. Первое слово не зафиксировано¹ в словарях; его употребление подтверждает некоторое тяготение преславской версии перевода к суффиксальным существительным на **-от-** / **-ѣт-**, которое ранее отмечалось для основного текста Апостола [Новак 2014: 117–119].

2. Отдельного комментария заслуживает вариативность словообразовательных форм в оглавлении. См. таблицу 2:

Таблица 2

Словообразовательные варианты

Греческий текст	<i>Христ</i>	<i>Толст</i>	<i>Чуд</i>	<i>Тр71</i>
οὐ λειτουργικὴ ἢ δόξα	не слоужьбна слава	не служительска слава	не слоужьбнаа слава	не слоужьбна слава
καὶ ποιητικὴ	и творацин	и творьча	и творителна	и творяще ю

¹ Благодарим А.В. Кузнецову (ИРЯ РАН) за помощь в уточнении данных.

Эти выдержки относятся ко второй Евфалиевой главе, которая, в свою очередь, отсылает к Евр. 1, где идет речь о божественной славе Христа, превосходящей славу ангелов.

Среди славянских параллелей к адъективу *λειτουργική* на общем фоне снова выделяется решение *Толст*, представляющее результат словопроизводства от существительного *служитель*, в отличие от остальных источников, демонстрирующих мотивацию *служьба > служьбьньчи*. Возможно, это попытка отразить механизм греческого словообразования: известно, что прилагательные на *-ικός* образовывались от имен или причастий [Соболевский 2013: 68], и в нашем случае это коррелятив *λειτουργός* 'слуга, служитель' > *λειτουργικός* 'служебный'. В любом случае, в структуре и семантике варианта *Толст* подчеркнута связь с действующим лицом, что прекрасно соотносится с содержанием главы, где упоминаются ангелы — служители Бога.

В Новом Завете адъектив *λειτουργικός* представляет собой гапак [Schmoller 1994: 311] и употребляется только в послании Евреям, Евр. 1:14: *λειτουργικά πνεύματα*. Это место в *Толст* уже не совпадает с оглавлением — словосочетание *λειτουργικά πνεύματα* передается там как *служьбьни дүси* (л. 446), что объединяет *Толст* с целым рядом источников: это же выражение встречается в основном тексте *Ен, Охр, Слепч, Христ, Шиш, Чуд, Тр71, Тр72, Тр79, Тр80*¹.

Возвращаясь к образованию *служительскъ(н)*, отметим, что в СДРЯ оно отсутствует, а в СЛРЯ цитируется более поздний источник: Чистител<ь>но убо есть служительское удобрение... (*λειτουργική*). (Дионисий Ареопаг.) ВМЧ Окт. 1–3, 685. XVI в. ~ XV в. [СЛРЯ 25: 133]. Включение Толстовского Апостола в круг источников могло бы значительно скорректировать лексикографические данные.

Вторая позиция в таблице представляет окончание фразы из заглавия, которая целиком выглядит так: *ὅτι οὐ λειτουργική ἡ δόξα Χριστοῦ, ἀλλὰ θεϊκή καὶ ποιητική* 'ибо слава Христа — не как у служителей, но божественная и творческая' (перевод наш — М. Н.). Здесь также заметно стремление указать на деятеля средствами словообразования, причем уже не в одном источнике. Если в *Толст* образование *творьча* предполагает соотнесенность с *творьць*, то в *Чуд* — коррелятив *творител(ь) на < творитель*. Что касается *Христ* и *Тр71*, они идут еще дальше и

¹ Расшифровку сокращений см. в списке источников.

Употребление в остальных рукописях адъектива может указывать на традиционную манеру перевода родительного приименного формой прилагательного. Чтение *Tr71*, на наш взгляд, может быть искажением формы **с(в)ати҃те)льнѣ** (как в *Христ*), которое могло возникнуть за несколько «шагов» до появления именно этого списка. Толст, как и во многих других случаях, выделяется употреблением формы **жрѣчьскъ**³, отражая тем самым предпочтения преславской версии перевода (см. о замене *иереи* → *жрѣць* в преславских текстах в [Христова-Шомова 2004: 767]).

Среди эквивалентов к *ἱερωσύνη* привлекает внимание дифференцирующий перевод в *Христ*: **сѣѣннѣ** / **чиѣѣнник**, притом что остальные источники, каждый по своему, дают однозначную корреляцию. *Чуд* выбирает заимствование (это может показаться самым простым решением, однако не исключено, что «чуждый» внешний облик и грамматическая неосвоенность придает слову особый статус в контексте); *Толст*, употребляя существительное *жрѣчьство*, снова движется в русле преславского узуса и делает смысловой акцент на дохристианском священнослужении¹ (и здесь это в целом оправданно, в отличие от ситуации с τῆς ἱερατικῆς, где более широкий контекст указывает на служение Христа); *Tr71* унифицирует более раннее чтение. Причина выбора *Христ*, вероятно, — стремление разграничить священство Христа, символизируемое фигурой Мелхиседека, и ветхозаветное священство Аарона.

Лексикографические издания и материалы НКРЯ не фиксируют параллели *чиѣѣние*: *ἱερωσύνη* и соответствующего значения славянского существительного², при наличии корреляции *чистительство*: *ἱερωσύνη* [СДРЯ IV: 875; Срезневский III: 1529]. В скобках заметим, что отыменные образования с суффиксом **-ьство** (*жрѣчьство*, *священство*, *чистительство*) указывают на статус, тогда как отглагольные существительные *священие* и *чиѣѣние* — на деятельность. Таким образом, лексические варианты в *Христ* и *Tr71* придают контексту более динамичное звучание.

Подводя итоги, можно отметить несколько моментов.

¹ Ср. материалы [СДРЯ III: 276] и [СлРЯ 5: 123–124], где в словарных статьях с заголовочным словом *жрѣчьство* приводятся цитаты, указывающие на ветхозаветных либо языческих служителей культа.

² Надеемся, что оно будет учтено в СДРЯ и СлРЯ, когда издание этих словарей достигнет литеры Ч.

Греческий текст оглавления к посланию Евреям представляет лексику, отсутствующую в тексте Нового Завета. Славянские версии предлагают оригинальные лексические решения, способные расширить наши представления об истории древнеславянских переводов паралитургических текстов и пополнить лексикографические своды.

При этом представители старших переводческих традиций, Христ и Толст, демонстрируют отсутствие однозначных тенденций в выборе техник перевода и в семантической дифференциации эквивалентов. Чудовский Новый Завет предсказуемо предпочитает кальки и заимствования, как и в основном тексте. Тр71, представитель афонской версии, отчасти воспроизводит решения древнейшего перевода, а также содержит некоторые дефектные чтения.

Источники и словари

Ен — Енински апостол. Старобългарски паметник от XI век / К. Мирчев, Хр. Кодов. София: Издателство на българската академия на науките, 1965. 263 с.

Охр — Кульбакин С.М. Охридская рукопись апостола конца XII в. София: Държавна печатница, 1907. 10, СХХХV, 141 с. 8 л. факсим. (Български старини. Кн. 3).

Слеч — Ильинский Г.А. Слепченский апостол XII в. М., 1912. 135 с.

Толст — Толстовский Апостол, XIV в. РНБ, Q. п. I.5.

Тр71 — Апостол, XIV в. РГБ, ф. 304.I, № 71.

Тр72 — Апостол, XVI в. РГБ, ф. 304.I, № 72.

Тр79 — Апостол апракос полный, XVI в. РГБ, ф. 304.I, № 79.

Тр80 — Апостол апракос полный, XVI в. РГБ, ф. 304.I, № 80.

Христ — Христинопольский Апостол XII в. Львовский исторический музей, ОР, № 37.

Чуд — Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Труд святителя Алексия, митрополита Московскаго и всея Руси / фототипическое издание Леонтия, митр. Московского. М.: Университетская типогр., 1892. 339 с.

Шиш — Apostolus e codice monasterii šišatovac palaeo-slovenice / edidit F. Miklosich. Vindobonae, 1853. 267 p.

Дворецкий — Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь / под ред. С.И. Соболевского. М., 1958 [электронный ресурс]. URL: <http://gurin.tomsknet.ru/alphaonline.html> (дата обращения — 16.04.2020)].

- Дьяченко* — Полный церковнославянский словарь / сост. свящ. Григорий Дьяченко. М.: Отчий дом, 2001. 1168 с. (репринт издания 1889 г.).
- НКРЯ* — Национальный корпус русского языка. 2003–2020. [электронный ресурс]. URL: ruscorpora.ru/ (дата обращения — 15.05.2020).
- СДРЯ* — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. I–XII-. М., 1988–2019–.
- СлРЯ* — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30-. М., 1975–2015–.
- Срезневский* — Срезневский И.И. Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I–III. Санкт-Петербург, 1893–1912.
- Miklosich* — Miklosich F. Lexicon palaeo-slovenico-graeco-latinum emendatum auctum. Vindobonae, 1862–1865. 1171 p.
- SJS* — Slovník jazyka staroslověnského — Lexicon linguae palaeoslovenicae. Т. I–IV / Kurz J., Hauptová Z. (ed.). Praha, 1966–1997.
- TLG* — Thesaurus Linguae Graecae. A Digital Library of Greek Literature [электронный ресурс]. URL: <http://stephanus.tlg.uci.edu/> (дата обращения — 04.05.2020).
- ΕΛΛΗΝΙΚΑ* — ΕΛΛΗΝΙΚΑ ΛΕΙΤΟΥΡΓΙΚΑ ΚΕΙΜΕΝΑ ΤΗΣ ΟΡΘΟΔΟΞΗΣ ΕΚΚΛΗΣΙΑΣ [электронный ресурс]. URL: <http://glt.goarch.org/> (дата обращения — 05.05.2020).

Литература

- Гатри Д.* Введение в Новый Завет / пер. с англ. СПб.: «Библия для всех», 1996. 900 с.
- «История Иудейской войны» Иосифа Флавия: древнерусский перевод. Том I / отв. ред. А.М. Молдован. М.: Языки славянской культуры, 2004. 880 с.
- Новак М.О.* Апостол в истории русского литературного языка: лингвостилистическое исследование. Казань: Отечество, 2014. 316 с.
- Новак М.О.* Культурно-антропологическое измерение древнеславянских переводов Апостола: лексический уровень // Русский язык и культура в зеркале перевода: VII Международная научная конференция; 28.04.–03.05.2017. Афины, Греция: Материалы конференции: электронное издание. М.: ООО Издательский дом «Неолит», 2017. С. 383–391.
- Новак М.О.* Древнеславянская Евфалиана: структура и язык оглавления к Первому посланию апостола Павла к Коринфянам // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2018. Т. 17, № 4. С. 6–15. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.1>.

- Новак М.О.* Лексика и синтаксис предисловия к посланию Римлянам в Толстовском Апостоле XIV в. (РНБ, Q.п. 1.5) // *Sapere aude*. Сборник в чест на проф. д-р Искра Христова-Шомова / ред. В. Савова и др. София: УИ «Св. Климент Охридски», 2019. С. 208–216.
- Соболевский С.И.* Греческий язык библейских текстов. Коиѣ. М.: Изд-во Моск. подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2013. 176 с.
- Христова-Шомова И.* Службеният Апостол в славянската ръкописна традиция. Том. I. Изследване на библейския текст. София: «Св. Климент Охридский», 2004. 831 с.
- Blomkvist, V.* Euthalian Traditions: Text, Translation and Commentary. Berlin / Boston: Walter de Gruyter, 2012. 403 p.
- Schmoller, A.* Handkonkordanz zum griechischen Neuen Testament. 8. Auflage. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 1994. 534 S.
- Tak van der, J.* Euthalius the Deacon, Prologues and Abstracts in Greek and Church Slavic Translation. София, 2003. 220 с.

Old Church Slavonic Euthaliana: the Chapter-List to Hebrews (On MSS from 12th–16th Centuries)

The paper focuses on the lexical peculiarities of the Old Church Slavonic translation of the Euthalian chapter-list to the Epistle to Hebrews, previously not studied. The author considers lexical variations and factors of their occurrence and presumes that the latter are various translation techniques, a free attitude to the transmission of the source text semantics, and possible distortion of the Slavonic text at the previous stages of its formation. Dictionaries and the Russian National Corpus verify the rarity of lexemes.

Keywords: Old Church Slavonic Apostolos, the Euthalian Apparatus, chapter-lists, Epistle to Hebrews, lexis.

Попов М.Б.

Санкт-Петербургский государственный университет
m.popov@spbu.ru

Могли ли древнерусские писцы передавать дифтонгическое произношение фонемы *ять*?

Настоящие заметки посвящены проблемам аллофонической реконструкции в исторической фонетике, которые рассматриваются на примере древнерусской фонемы /ĕ/ (ять). Автор дает критический обзор основных точек зрения на фонетическую реализацию /ĕ/. В центре внимания находится вопрос о том, может ли материал письменных памятников отражать дифтонгическое произношение ятя, для обозначения которого в кириллическом алфавите традиционно служила буква ѣ. Особое внимание уделено обозначению этой фонемы в древненовгородских памятниках накануне и в период изменения /ĕ/ > /i/, в связи с чем обсуждается возможность непосредственного отражения дифтонгического произношения /ĕ/ в недавно найденной берестяной грамоте № 1132. В статье показано, что графика и орфография древнерусских текстов не дают и не могут в принципе давать прямых указаний ни на дифтонгическую, ни на монофтонгическую реализацию фонемы /ĕ/, т. к. аллофонные изменения на письме не передаются.

Ключевые слова: древнерусский язык, историческая диалектология, историческая фонетика, ять, берестяные грамоты, севернорусские говоры.

Историки русского языка традиционно занимал и продолжает занимать вопрос, каким звуком реализовалась в раннедревнерусский (общеславянский) период фонема /ĕ/, обозначавшаяся буквой ѣ. Начиная еще с дофонологической эпохи исторической фонетики существовало две основные точки

зрения на этот в — «монофтонгическая» (ѣ = [ĕ]) и «дифтонгическая» (ѣ = [ie])¹.

Традиционной была, естественно, первая точка зрения, т. к. она в общем соответствовала происхождению фонем /e/ и /ĕ/: др.-р. /e/ < псл. *ĕ, а др.-р. /ĕ/ < псл. *ĕ (из более ранних *ĕ и *oi). Такой реконструкции придерживался А.И. Соболевский, считавший, что за др.-р. е скрывался краткий [ĕ], а за др.-р. ѣ — долгий [ĕ]. По его мнению, из всех этимологически долгих гласных лишь /ĕ/ в древнерусском языке продолжал сохранять долготу (по крайней мере до полного завершения падения редуцированных и возникновения нового љ), отличаясь от /e/ только количеством [Соболевский 1884: 80–81]. Качественной близостью (но не тождеством) /e/ и /ĕ/ Соболевский объяснял и частую мену букв е и љ в древнерусских памятниках². В «Лекциях» он несколько скорректировал свою точку зрения: «Звук љ был близок к е по своему качеству, но произносился, по-видимому, более закрыто, приближаясь к и; он отличался от е своей долготой; это был, кажется, единственный долгий звук в русском языке древнейшего периода... В нотных кондакарях, где буквы в словах повторяются согласно тому, как они должны были повторяться или протягиваться в пении, мы находим такие написания, как *грѣеиховъ...*» [Соболевский 1907: 40]. Как видим, здесь речь идет уже не только о количественном различии между /e/ и /ĕ/, но и о качественном: /ĕ/ противопоставлен /e/ не только как долгий краткому, но и как закрытый (напряженный) — более открытому. Хотя Соболевский здесь не говорит о дифтонгическом произношении ятя, существование написаний типа приводимого им *грѣеиховъ*, уже как бы намекает на возможность не вполне однородного (мы бы сейчас сказали «дифтонгоидного») гласного в качестве реализации /ĕ/.

Вторая точка зрения на аллофоническую реконструкцию ятя обычно связывается с именем А.А. Шахматова (хотя у него и были предшественники). Шахматов считал, что древнерусский ять произносился как дифтонг [ie] [Шахматов 1886: 136–137; Шахматов 1915: 10–12, 113–115].

¹ Ср., впрочем, мнение В.В. Виноградова, придерживавшегося вслед за А.А. Шахматовым второй точки зрения: «Прежде всего для изучения судьбы звука љ в русском языке в историческую эпоху безразлично, будем ли мы считать прарусское љ за *ie* или за *ĕ* долгое» [Виноградов 1922: 167].

² А.А. Шахматов позднее связывал такое смешение е/ѣ особым, отличным от разговорного, церковным (книжным) произношением ятя как /e/.

В основании такой реконструкции лежали следующие косвенные соображения: 1) такое произношение ятя облегчало понимание его позднейшей эволюции в восточнославянских диалектах в направлении как [i], так и [e] (в одних говорах усиливался первый элемент дифтонга, в других — второй); 2) наличие на месте рефлексов старого ятя дифтонгов типа [ie̯] на всей восточнославянской диалектной территории, в северноукраинских, южнобелорусских (переходных к украинским), в некоторых как южно-, так и севернорусских говорах; 3) субституция /je/ → /ě/ в финно-угорских заимствованиях (ср. фин. *Korjel* → др.-р. *коръла*); 4) такие древнерусские изменения, как /jě/ (= [ie̯]) > /je/ (= [ie̯] (ср. *в̄ нисѣ* > *в̄ нисѣ*, *доѣди* > *доеди* и т. п.) и /ě/ > /i/ перед ударным /i/ (ср. *сѣдѣть* > *сидѣть*, *дѣтина* > *дитина*, *мѣзиньць* > *мизиньць* и др.) тоже, по мысли Шахматова, подтверждали произношение ѣ как [ie̯]¹.

Все эти соображения, разумеется, имеют косвенный характер и ничего не доказывают, что отметил Соболевский, подвергший концепцию Шахматова критике: «Данных, которые бы доказывали существование ѣ = ie̯ в общеславянском языке нам неизвестно. [...] сербский язык имеет не только дифтонг ie̯, но даже двусложное *ije* на месте ѣ, рядом с *e* и *i*, но ничего не говорит о глубокой древности его дифтонга. [...] старосербские памятники смешивают ѣ с монофтонгами *e* или *i* в очень значительных размерах и без всякой последовательности, что указывает на большую близость ѣ к этим монофтонгам в старом сербском языке. Что до русских данных, то они для своего объяснения не требуют признания не только общеславянского, но и общерусского происхождения дифтонга ie̯. Наши древние тексты смешивают ѣ с *e* и *i*, и только» [Соболевский 1894/2006: 490]. Восточнославянские рефлексы ятя, могли, по Соболевскому, образоваться непосредственно из *ě* или «из узкого *e* без посредства дифтонгов» [там же]². Возражения Соболевского сохраняют свою силу до сих пор.

¹ Ср.: «Замена буквы ѣ в данном случае буквами, выражающими йотированное *e*, как мы полагаем, не доказывает смешения звуков, выразившихся буквами ѣ и *e*, а напротив подтверждает предположение, что звук, выражаемый буквой ѣ, был слитным звуком, состоявшим из неслогового *i* + *e*, которое может быть было при этом закрытым» [Шахматов 1886: 149].

² Вместе с тем Соболевский допускал, что позднее — в XIV–XV вв. — в галицко-волыньском диалекте, где ѣ произносился «более или менее близко к *и*», он мог произноситься и «как дифтонг ie̯» [Соболевский 1907: 74]. Но во всяком случае это не относилось ни к общеславянскому, ни к общерусскому периодам.

Позднее в полемике с Н.Н. Дурново, который был сторонником шахматовской точки зрения, их развил А.М. Селищев: «... совершенно безосновательно обольщаться сочетаниями *ie* — *ie*, *ie* и т. п. современных славянских групп. Сперва потрудитесь доказать, что эти сочетания были свойственны данным группам в течение всей их жизни (выделено автором. — М.П.). Доказать этого Н.Н. Дурново не может. Он ограничивается только наличием *ie* в той или иной группе, и этого для него достаточно, чтобы видеть в этом *ie* глубокий архаизм. Такое отношение к языковым явлениям недопустимо в методологическом отношении. Оно может быть объяснено только как следствие увлечения сопоставлениями вне исторической перспективы, вне учета тех фонетических процессов, которые переживаются отдельными группами. Прежде чем отодвигать вологодские или северноукраинские, словацкие или сербохорватские *ie* в эпоху праславянскую, требуется дать ответ на вопрос: не появились ли того или иного вида *ie* данных групп в их отдельной жизни? Ведь *ie* в этих говорах может быть и вместо *e, подвергнувшегося удлинению и вместе с тем сужению *ė*; такое *ė* затем изменилось в украинской и словацкой группах и в некоторых сербохорватских говорах в *ie*» [Селищев 1968: 175–176]. И далее, говоря о написаниях с новым ятем типа *камѣнь* (< *камень*) в Добриловом евангелии 1164 г., он пишет: «Видеть в этом *ѣ* сочетание *ie* во второй половине XII в. нет оснований: *ė* в такой короткий период времени еще не мог выделить в первой своей части элемент *i*. Понятно в связи с этим отсутствие указаний на *uo* (*yo*) в южнорусских памятниках того времени: тогда были еще *ė* и *ȯ*. Отсутствуют ранние указания на *ie* и в северновеликорусских и сербохорватских памятниках. У сербохорватов написания *ue* идут от XIV в.» [там же: 176]. Если в отношении произвольного переноса современных диалектных явлений в глубокое прошлое, что было характерно для Шахматова и его последователей, критика Селищевым сторонников «дифтонгической» гипотезы представляется справедливой, то его соображения относительно возможности передачи дифтонгического произношения ятя на письме вызывают возражения. Так, отражение старого *ѣ* в сербохорватском написании *ue*, видимо, говорит не о дифтонгическом произношении общеславянского или прасербохорватского ятя, а об изменении /*ě*/ > /*ije*/, /*je*/ в ряде сербохорватских говоров. Это подводит нас к основной теме настоящих заметок, а именно к вопросу

о том, возможна ли в принципе передача писцами древних рукописей дифтонгического произношения /ě/.

Сам Шахматов, видимо, не предполагал, что особенности дифтонгического или монофтонгического произношения могут быть отражены в древних рукописях непосредственно (например, в виде написаний *иѣ* вм. *ѣ*, что в принципе, видимо, допускал Селищев), во всяком случае никаких аргументов такого рода он не выдвигает. Можно не сомневаться, что в графике и орфографии памятников Шахматов, будучи прекрасным знатоком древних рукописей, не находил соответствующих фактов. И это, конечно, не удивительно. Не являясь фонологом в современном смысле слова, А.А. Шахматов, несмотря на свою явно выраженную склонность к излишней детализации при фонетических реконструкциях праязыков, за которую его нередко упрекали даже современники¹, видимо, все-таки интуитивно понимал, что «оттенки звуков» (т. е., если перевести на современную терминологию, *аллофоны* фонем) на письме не могут передаваться, т. к. они не осознаются носителями данного языка или диалекта. Соответственно шахматовская реконструкция ятя как дифтонга опиралась не на материал памятников письменности, а на диалектный материал и некоторые общие соображения.

Ю.В. Шевелев, имея в виду прежде всего протоукраинские говоры, считал одним из письменных свидетельств (довольно скудных, по его мнению) дифтонгического произношения *ě* (= [j_ie]) создание древнерусскими писцами буквы «йотированный ять» (*ѣѣ*), которую они использовали для обозначения сочетания «протетический *j* + *ě*», например киевских Изб. Св. 1073 г. и Изб. 1076 г. (*ѣѣсти*, *ѣѣда*). По Шевелеву, начальное [j_ie-] > [j_iě-], т. е. протетический йот слился с начальным элементом дифтонга, причем *ě* после йота (ср. [j_iěsti] *ѣѣсти*) продолжал отличаться от *e* (ср. [j_iěstʲ] *ѣѣсть*). Затем ять монофтонгизировался и после других согласных, совпав с [ě] во всех позициях

---

¹ Ср. иронические высказывания его постоянного оппонента А.И. Соболевского, который считал, что А.А. Шахматов описывает праславянскую фонетику так, «[к]ак будто общеславянский язык нечто вроде говора Саратовского уезда, который г. Шахматов ежедневно слышит, все эти *ö*, *ä*, *ie*, этот более чем странный «слог с неслоговым *ъ*» могут быть наблюдаемы всяким, кому вздумается посетить Саратовский уезд» [Соболевский 1894/2006: 486–487].

[Shevelov 1979: 194]¹. Гипотеза Шевелева объясняет укр. *їсти*, *їхати* и др., но не отвечает на вопрос, почему в древнерусских памятниках [jě-] регулярно передается буквой *є/к*, а не *ѣ*: ср. *къмь* 1 л. ед., *от неє* (Арх. Ев. 1092 г.), *късть* 3 л. ед. (Гал. Ев. 1144 г.), *новыє вин. мн.*, м. р. (Добр. Ев. 1164 г.), *прєкхавше* (Евс. Ев. 1283 г.) и мн. др.

Отношение Шахматова к орфографии рукописей как источнику фонетической реконструкции была очень осторожной. Он, как известно, вообще не очень-то доверял показаниям памятников: если их орфография противоречила его общим соображениям, тем хуже для орфографии. Так, анализируя орфографию двинских грамот XV в. с написанием *и* вм. *ѣ* независимо от позиции, он тем не менее из общих соображений считал, что такие написания отражают изменение /ě/ > /i/: «Отождествлять графическое чередование *и* и *ѣ* севернорусских памятников с фонетическим чередованием *и* и *ѣ* в соврем. севернорусских говорах, или изредка встречающееся *и* вм. *ѣ* в галицко-волынских рукописях с малор. *i* — конечно невозможно и всего безопаснее признать это за простое графическое явление. Нельзя доказать, чтобы в XIV в. напр. были в северной России говоры, изменившие *ь* в *и*: исключение могли бы составлять некоторые двинские грамоты, имеющие *и* вм. *ѣ* в таких напр. словах, как *рипище*, *лись*, *писку* и др., но конечно является вопросом, насколько и в данных случаях не служит лишь приблизительной передачей звука *ь*, так же как напр. в соврем. говорах и при *ь* является часто лишь еще более закрытым произношением этого звука: так напр. весьма часто мне не удавалось различить в говорах Олонецк. губ., произнесено ли вм. *ь* — закрытое *e* или *и*: я слышал, звук средний между закрытым *e* и *и*, «не то *бильй*, *свит*, не то *белый*, *свет*, а что-то среднее», выражаясь словами Гильфердинга (Онежские Былины с.

¹ В целом Ю.В. Шевелев предполагает для большинства протоукраинских (будущих южноукраинских) говоров следующую цепочку изменений: дифтонгический *ě* нижнего подъема типа [ɛ̞a] изменился в дифтонгический же *ě* типа [ɛ̞e], возможно, еще существовавший в эпоху первых памятников, а потом преобразовавшийся в монофтонг верхне-среднего подъема, который Шевелев обозначает символом [ɛ̞], т. е. [ɛ̞]. Таким образом, Шевелев совершенно не нуждается в наличии дифтонгического ятя типа [ie], чтобы объяснить изменение /ě/ > /i/ в южноукраинских говорах, фиксируемое памятниками с конца XIII в. [Shevelov 1979: 425–428]. Интересно, что северноукраинские говоры до сих пор сохранили под ударением дифтонг типа [ɛ̞e], который, по Шевелову, в древнерусский период не изменился в [ɛ̞]. В безударной позиции в этих говорах рефлексом ятя является /e/: ср. м[ɛ̞]x — м[ɛ̞]шобк [там же: 429–430].

XXXI). Появление ѣ в м. и в некоторых памятниках XIV–XV в[в]., только подтверждает это предположение)» [Шахматов 1886: 225–226]. Из приведенного высказывания Шахматова следует лишь то, что написание и в м. ѣ южно- и севернорусских памятников до XV в. не доказывает древнеукраинского или древненовгородского перехода /ě/ > /i/, соответственно, по Шахматову, отличие /ě/ от /e/ и /i/ продолжает сохраняться. Однако прямо из этого вывода не следует дифтонгическое произношение ятя, которое Шахматов обосновывал другими соображениями (см. выше).

Вместе с тем обращает на себя внимание, что Шахматов в принципе не исключает возможности, что в двинских грамотах XV в., где и в м. ѣ пишется независимо от ударения и твердости/мягкости следующего согласного, буква и обозначает не /i/ (из /ě/), а «служит лишь приблизительной передачей звука ѣ». В этой же работе 1886 г. Шахматов предложил объяснение написаний с ѣ в м. ѣ в древнерусских рукописях (начиная уже с XI в.) как в значительной степени графического явления, отражающего не фонетический переход /ě/ > /e/, а вызванного контактом двух звуковых систем — системой разговорного языка восточнославянских книжников, произносивших ять как дифтонгический гласный с закрытой второй частью (типа [iɛ] или [iê]), и системой произношения их болгарских («старославянских») учителей, которые реализовали ять как дифтонгический гласный с открытой второй частью (типа [iɛ̃] или [iæ̃]). Это несоответствие фонетических систем контактирующих языков приводила к тому, что восточный славянин отождествлял «старославянский» открытый ять не с закрытым ятем своего разговорного языка, а со своим /e/. И именно /e/ древнерусские книжники в своем искусственном книжном (церковном) произношении стали произносить на месте ятя (по крайней мере в церковнославянской лексике), что и приводило, по Шахматову, к смешению букв ѣ/ѣ (прежде всего, конечно, к написанию ѣ в м. ѣ), отражающему не древнерусское фонетическое изменение /ě/ > /e/, а специфику искусственного книжного произношения [Шахматов 1886: 210–213]. Этой гипотезы Шахматов придерживался и позднее [Шахматов 1893: 131–137; 1915: 161–162, 325].

Здесь важно подчеркнуть, что обстоятельства, которые в XI в. приводили к смешению ѣ/ѣ, принципиально отличаются от севернорусской ситуации XV в., отраженной в двинских грамотах со смешением и/ѣ. Графическое смешение ѣ/ѣ связано с весьма специфическим кон-

тактом двух разных языковых систем, к середине XI в. уже довольно сильно разошедшихся в отношении существенных звеньев фонологической системы (носовые гласные, редуцированные, реализация ятя и др.), и с возникновением в связи с этим особого книжного (церковного) произношения ятя (и, как полагал Шахматов, редуцированных). Отметим особо, что независимо от того, прав Шахматов или не прав, применительно к ситуации XI в. серьезным аргументом в пользу его гипотезы является различие в реализации ятя в болгарском и древнерусском языках (с этим никто не спорит), причем дифтонгический характер ятя никак не влияет на данную гипотезу, т. к., по Шахматову, ять был дифтонгическим в обоих языках. Что же касается написаний с и вм. ѣ, то их довольно трудно обосновать как чисто графическое явление в памятниках, отражающих говоры, которые продолжают древне-новгородский диалект. Именно поэтому Шахматов высказывает свою гипотезу в очень осторожных выражениях и под вопросом (см. выше).

Некоторые последователи А.А. Шахматова пошли дальше своего учителя в поисках обоснования дифтонгического произношения ятя на материале рукописей. Так, В.В. Виноградов, автор важного труда по истории ятя, высказав как будто здравую и в общем-то очевидную мысль, что «обращаясь к тем графическим средствам, которыми располагали древнерусские писцы для передачи разнообразных рефлексов ѣ, мы должны по априорным соображениям оставить всякую мысль о точном графическом воспроизведении всех оттенков звука ѣ», продолжает ее странным и окончательно все запутывающим утверждением: «писцы могли пользоваться лишь 3 буквами для их (оттенков звука ѣ — М. П.) изображения — ѣ, и, е. При этом, помимо влияния традиционной орфографии, заключениям о фонетике народного говора мешает разнообразие фонетических ассоциаций, которые все вели к одной букве: буква и могла передавать и звук и, и дифтонг $\widehat{ie}$, и $\widehat{ie}$, и i^e , и даже $\hat{e}$; буква ѣ — скрывала и дифтонг $\widehat{ie}$, и $\hat{e}$, и даже i^e ; буква е — звук е, и $\hat{e}$, и даже, может быть, в некоторых случаях $\widehat{ie}$ » [Виноградов 1922: 169]. Разумеется, за любой буквой может стоять что угодно, если учесть воздействие традиционной орфографической нормы или протографа рукописи, особые графические приемы, гиперкорректные написания, особенности церковного произношения и в конце концов описки писцов. Но Виноградов в приведенной цитате все это подчеркнуто выводит за скобки и говорит именно о принципе соотношения

букв (графем) и звуков (фонем), а не о сопутствующих средневековому русскому письму явлениях, и получается, что писцы пользуются буквами для изображения оттенков звуков.

Такой подход вряд ли может служить Ариадниной нитью на пути фонетической (а в сущности фонологической) интерпретации материала древнерусских письменных памятников. Фактически доступные нам знания о правилах соотношения букв и звуков говорят о том, что буквы обозначают фонемы (или сочетания фонем, иногда — ДП фонем), а не их позиционные разновидности (оттенки, варианты, аллофоны), и соответственно главным принципом при фонетической расшифровке средневековых рукописей является следующий: **на письме передаются только функционально существенные различия**, и наоборот: **аллофонные различия (и изменения) на письме не могут отражаться**. Так, если в каком-то восточнославянском диалекте происходит спирантизация *g > [ɣ], то поскольку такое изменение не затрагивает противопоставления этой фонемы с другими, на письме оно не отражается до тех пор, пока не затронет противопоставления с какой-либо другой фонемой: меняется только чтение буквы г (грѣхъ [grĕxъ] > грѣхъ [ɣrĕxъ]). Поэтому нет никаких оснований рассматривать, например, написание хрѣхъ в Изборнике 1073 г., как отражение изменения *g > [ɣ]: судя по всему в этом случае мы имеем дело с распространенным типом описок — предвосхищением писцом буквы следующего слога. Только после падения редуцированных и оглушения или озвончения согласных возникают условия для отражения на письме произошедшей ранее спирантизации *g > [ɣ]: ср. появление в южновеликорусских памятниках XVI–XVII вв. написаний, передающих фонологические (синтагматические) изменения — оглушение /ɣ/ > /x/ на конце слова (*деньхъ* < *денегъ*, *берехъ* реки < *берегъ рѣкы*) или озвончение /x/ > /ɣ/ пред звонким согласным следующего слова (*тѣхъ же* < *тѣхъ же* и т. п.).

В истории звукового строя раннедревнерусского языка тоже, видимо, происходил процесс изменения реализации фонемы *ĕ, которая праславянском языке первоначально реализовывалась гласным нижнего подъема переднего ряда типа [æ] (= [ä]) или дифтонгоида [ea]. Как известно, такая архаическая реализация рефлексов псл. *ĕ до сих пор характерна для южной (болгарский и некоторые македонские говоры) и северной (польский и полабский) славянской периферии. Говоры

с подобными рефлексами ятя отмечены и в севернорусских, в частности в архангельских говорах, т. е. на самом севере Восточной Славии (подробнее см. [Касаткина 1991]). Ятя нижнего подъема отражен и ранними прибалтийско-финскими заимствованиями из новгородско-псковского диалекта: ср. *grěxъ > фин. *räähkä*, (*sēdiā >) *sēža 'закол для ловли рыбы' > эст. *sääs* др., но в более поздних заимствованиях — *vēstъ > фин. *viesti*, *vēga > карел. *viero* и др. Для южных древнерусских диалектов ниже (широкое) произношение ятя, возможно, представлено в таких заимствованиях, как др.-р. *дульби* → араб. *Dulābe* (у арабского историка и путешественника Аль-Масуди, сер. X в.), тюрк. *ра̇санак* → др.-р. *печеньгъ*. Когда точно у восточных славян происходило аллофонное изменение /ě/ (= [æ]/[ea]) > /ĕ/ (= [ê]/[ie]) не вполне ясно, но есть некоторые основания считать, что оно имело место после утраты носовых гласных, т. е. после середины X в. Если же оно происходило позже, например в XI в., что в принципе возможно, то на письме оно не могло бы получить отражения, т.к. противопоставление др.-р. /ĕ/ (< псл. *ĕ = [æ]) и др.-р. /ä/ (< псл. *e) сохранялось. Собственно смысл перехода ятя из нижнего подъема в средне-верхний и заключался в том, чтобы сохранить противопоставление полезное противопоставление /ĕ/ ↔ /ä/.

Вернемся к вопросу о дифтонгическом характере ятя в древнерусском и возможности передачи такого его произношения на письме. В.В. Виноградов в принципе склонялся к тому, что в памятниках, где количество написаний с и вм. ѣ невелико (например, в новгородских служебных минеях 1095–1097 гг.), такие написания скорее всего служат графическим выражением дифтонгического произношения ятя (*ь* = [ie] или [ie̯]), при том что различие между /ĕ/ и /i/ в диалекте писца еще сохраняется [Виноградов 1922: 187]. Полностью соглашаясь с гипотезой Шахматова о дифтонгическом произношении древнерусского ятя (/ĕ/ = [ie̯]), Виноградов рассматривает дальнейшую его эволюцию в севернорусских говорах как процесс монофтонгизации либо в /i/ в одних говорах, либо в [ê] («не ранее второй половины XII века») с последующим изменением в /e/ в других, при возможности сохранения дифтонгического ятя в третьих. Опираясь на детальный анализ орфографии севернорусских рукописей XIII–XVI вв., он пытается выявить такие, для которых можно предположить (а точнее — допустить) сохранение /ĕ/ = [ie̯] в диалекте писца, но примеров прямой передачи дифтонгического произношения, разумеется, не может привести.

Прямо не примыкая ни к «монофтонгической», ни к «дифтонгической» гипотезе применительно к общевосточнославянскому языку, но опираясь на работы Шахматова и Виноградова, а также учитывая достижения диахронической фонологии, К.В. Горшкова рассматривает эволюцию фонемы ять в отдельных древнерусских диалектах, прежде всего в ростово-суздальском, новгородском и псковском. Тем не менее в целом контекст ее исследования свидетельствует о том, что общевосточнославянский ять был, видимо, монофтонгическим гласным верхнесреднего подъема («напряженным»), который она обозначает символом [ê] (или с учетом долготы — [ê:]). Такой ять сохранился в древнем ростово-суздальском диалекте, в котором он позднее непосредственно изменился в /e/.

Переходя к объяснению эволюции ятя в древненовгородском диалекте, Горшкова считает, что «нет никаких фактов для реконструкции непосредственного фонетического изменения /ê/ в /и/ в новгородских говорах конца XIV–XV в.», поскольку орфография рукописей XV в. и материал говоров «не свидетельствуют о сужении фонемы верхнесреднего подъема под влиянием мягких согласных, так как /и/ на месте /ê/ находим и перед твердыми согласными, так же как и замену буквы ѣ буквой и в текстах XV в.» [Горшкова 1972: 108]. По мнению Горшковой, фонологические отношения в древненовгородской системе вокализма также не дают оснований предполагать возможность нейтрализации фонем /ê/ и /i/. Эти общefonологические соображения заставляют К.В. Горшкову реконструировать для древненовгородского диалекта XV в. фонетическое изменение [ê:] > [иѣ], т. е. предположить дифтонгизацию ятя — процесс, противоположный тому, что реконструировали Шахматов и Виноградов.

Не вдаваясь в собственно историко-фонологические детали гипотезы К.В. Горшковой, обратимся к ее выводу, который имеет непосредственное отношение к основной теме наших заметок, а именно к вопросу о том, в какой степени фонетическое изменение может быть отражено на письме. Вот этот вывод: поскольку «непосредственного фонетического изменения /ê/ в /и/ не было» и поскольку «этот переход совершился через стадию дифтонга типа [иѣ]», в тех рукописях, где «замену буквой и буквы ѣ находим в орфограммах, обозначающих разные морфемы (корневые, флективные) и в разных фонетических условиях (перед твердыми и перед мягкими согласными, под ударе-

нием и без ударения)», в такой орфографии имеет место «отражение фонетического изменения общедревнерусской фонемы /ê/ в дифтонг [иѣ]» [там же: 109]. Поскольку сама К.В. Горшкова считает, что «[ф]онетическое изменение [ê:] > [иѣ] в новгородских говорах XV в. **не имело фонологического содержания** (выделено нами — М. П.): дифтонг [иѣ] имел те же ДП, что и [ê:] — верхнесредний подъем» (там же), из ее утверждения, что написание и на месте Ѣ отражает изменение в реализации фонемы /ê/, вытекает, что аллофонное изменение может передаваться на письме. Такая возможность противоречит не только фонологической теории и тому, что мы знаем об отражении звуковых изменений в памятниках письменности, но и тому, что писала сама К.В. Горшкова¹. Здесь не помогают ссылки на наблюдения диалектологов-фонетистов, что «первый компонент дифтонга [иѣ] может быть весьма кратким — порядка 25% общей длительности гласного, может составлять 40–50 % <...> может занимать и более половины общей длительности гласного» (там же: 109–110). Важна лишь фонемная принадлежность гласного, но при условии, конечно, что не произойдет еще и какое-нибудь синтагматическое изменение, т. е. фонема /ê/ не совпадет с другими фонемами (/e/ или с /i/) или с сочетаниями фонем (/ie/ или /ije/)². Поэтому на вопрос К.В. Горшковой: «Нельзя ли в этом (см. приведенную выше цитату — М. П.) видеть основу замен буквы Ѣ буквой и в одних новгородских текстах и замены буквы Ѣ буквой е

---

¹ Ср. напр. справедливые замечания К.В. Горшковой в той же работе: «Наблюдения над орфографическими ошибками писцов прошлых эпох и над ошибками современников показывают, что комбинаторное варьирование звуков до известных пределов безразлично для носителей языка, так как не мешают языковому общению. Речевой слух говорящих и слушающих, как правило, обращает внимание на те позиционные изменения, которые затрагивают и отношения противопоставления, т. е. связаны с различительной функцией» [там же: 28]; «мы можем судить об изменении фонемы «ять» в русском языке с того времени, когда это изменение по говорам затронуло противопоставление «ять» и /и/ или «ять» и /е/, и писцы стали путать в написании буквы ѣ и и или ѣ и е» [там же: 54]. Эти замечания, как кажется, вполне соответствуют положению диахронической фонологии, что аллофонное варьирование и аллофонные изменения в орфографии не могут отражаться, а синтагматические и парадигматические — могут и, как правило отражаются на письме.

² Или — на худой конец — парадигматическое: если часть аллофонов фонемы /ê/ не фонологизуются, дав новую фонему, противопоставленную /ê/, — сценарий, конечно, маловероятный для древнерусских диалектов, в которых действовала тенденция к уменьшению состава гласных фонем.

в других, считая, что во всех говорах древненовгородского диалекта произошла дифтонгизация древнего [ê:], но дифтонг [iê] различался фонетически по говорам и это различие сводилось к различному распределению длительности между компонентами дифтонга?»², можно дать определенный ответ — нельзя!

К сказанному важно добавить, что доступный в настоящее время корпус берестяных грамот не подтверждает ни датировок перехода /ê/ > /i/, на которые вслед за Шахматовым и Виноградовым ориентируется К.В. Горшкова, ни сомнений в том, что орфография грамот отражает постепенное распространение именно фонетического изменения. Самые ранние новгородские берестяные грамоты с и в м. ѣ относятся уже ко 2-й половине XII века (№ 810, 3-я четверть XII в.: *дѣи осминѣ, ризано < дѣвъ осминѣ, рѣзанѣ*¹; № 919, 2-я половина XII в.²: :ѣи: *гривъни* < [= *дѣвъ на десяте*] *гривънѣ* (им. дв.), но здесь же и ѣ в м. ѣ — у *Глѣбъца* < у *Глѣбъца*; № 1072, конец XII — 1-я половина XIII в.: *Тимошци, полутори, дѣи* < *Тимошкѣ* (дат. ед.), *полѣ въторѣ, дѣвъ*³). В целом же до середины XIII в. такие написания — еще редкость и представлены главным образом в ауслуте⁴. Тем не менее, если учесть, что резкий рост таких написаний происходит с начала XIV в., а со 2-й трети этого столетия он выходит на плато (около 40%)⁵, можно смело утверждать, что в XIV в. уже многие новгородские говоры пережили или переживали фонологическое изменение /ê/ > /i/.

Итак, нет никаких оснований полагать, что написания с *и* на месте *ѣ* в древненовгородских текстах могли передавать дифтонгическое произношение фонемы /ê/ в говоре их писцов. Более того, на письме не могло отражаться ни дифтонгическое, ни монофтонгическое

---

¹ Текст грамоты примечателен тем, что здесь *и* в м. ѣ представлен как под ударением (*рѣзанѣ, дѣи*), так и в безударной позиции (*осминѣ*), причем в первом примере *и* в м. ѣ еще и перед твердым согласным (в некоторых севернорусских говорах, если рефлексия различались, то перед мягкими /ê/ давал /i/, а перед твердыми — /e/: ср. /v'it'or/ < *вътерѣ*, но /v'êtra/ < *вътра*).

² Это уточненная датировка [Янин, Зализняк, Гиппиус 2015: 15]. Ранее грамота датировалась серединой XIII в.

³ Текст грамоты № 1072 см. в [Гиппиус, Зализняк 2016: 12].

⁴ Фонетическая интерпретация ауслутных написаний с *и* в м. ѣ представляется более предпочтительной, чем морфологическая, несмотря на то что флективный *ять* в принципе мог быть объектом морфологических выравниваний.

⁵ См. диаграмму в [Зализняк 2004: 26].

в ней гипотеза об отражении в грамоте № 1132 дифтонгического произношения ятя, которая была горячо поддержана слушателями лекции, и послужила поводом для настоящих заметок, а предшествующее изложение отчасти является некоторым введением к тому, что я хотел бы сказать в связи с этой гипотезой.

Стратиграфически грамота № 1132 датируется 3-й четвертью XIV в., т. е. именно тем временем, когда в разных новгородских говорах уже произошло, активно проходило или еще не началось изменение /ê/ > /i/. Но если фонема ять еще сохранялась в говоре писца и действительно реализовалась в виде дифтонга [iê], то как, в свете всего сказанного выше, такое произношение могло проявиться в тексте этой грамоты? К сожалению, целиком эта грамота не сохранилась, но относящийся к делу фрагмент грамоты вполне удовлетворительно прочтен и интерпретирован А.А. Гиппиусом: ... **ци пондѣть рать за волокъ цго бы вѣкстꙗ была нап[с] (ана)...** ‘... чтобы известили (нас), пойдет ли войско за Волок...’. Гипотеза Гиппиуса состоит в том, что собственно написание **ѣк** вм. **ѣ** в **вѣкстꙗ** ‘весточка’ (< др.-р. **вѣстꙗка**) и передает дифтонгическое произношение ятя: «Перед нами, по-видимому, чрезвычайно интересное и ценное свидетельство произношения ятя как [iê], чем мы сталкиваемся, кажется, впервые ... Может быть, я ошибаюсь, но по крайней мере в грамотах до сих пор такое не усматривалось» (здесь и далее цитирую по [Гиппиус 2020]). А.А. Гиппиус, видимо, прав: формы типа **грѣеуховъ** и **прѣеже** из нотных текстов, похожие на обсуждаемую форму из грамоты № 1132, ни Соболевским, ни Успенским не рассматривались как передача дифтонгического произношения ятя. Кроме того, тщательный палеографический анализ позволил Гиппиусу внести еще одно уточнение, которое, как ему кажется, усиливает гипотезу о произношении /ê/ как [iê] или [je] (= [iê]). Обратив внимание на то, что **ѣ** записан необычно близко к находящемуся слева **в** ... как будто прямо прислонен к **в**, он объясняет эту особенность тем, что писец сначала написал не **ѣ**, а **ь** — **вькстꙗ**: «фонетически абсолютно точно передав такое произношение ятя, потом он как-то осознал неправомерность такой записи и решил изменить этот **ь** на **ѣ**, из-за чего **ѣ** и оказался так близко к **в**»¹.

---

¹ Как указывает А.А. Гиппиус, в грамоте видны следы исправления **к** на **с**, правда, «не очень уверенно читаемые».

Можно ли согласиться с окончательным выводом исследователя: «Но то, что **вѣкст*а** — словоформа, в которой отразилось особое дифтонгическое произношение ятя, это можно утверждать положительно»? Видимо, все-таки нельзя — ни для варианта **вѣкст*а**, ни для варианта **вьестка**. Говоря о дифтонгическом произношении ятя, историки русского языка имеют в виду фонетическую реализацию гласной монофонемы /ê/, а не бифонемных сочетаний /ie/ или /je/, которые теоретически действительно могли бы передаваться адекватнофонемными написаниями типа виестка, вѣстка, вьестка и под. Поэтому остаются в силе все высказанные в первой части наших заметок возражения против возможности передачи на письме аллофонных различий и аллофонных изменений. Написанию же **вьекст*а** (→ **вѣкст*а**) в грамоте № 1132, как представляется, нужно искать какое-то другое объяснение (см. постскриптум).

В заключение добавлю к высказанным выше аргументам несколько дополнительных соображений.

В современном русском литературном языке под ударением все гласные фонемы, кроме /i/, после мягких согласных реализуются дифтонгоидами с i-образным переходным участком, который в русской фонетической традиции обычно обозначается верхней точкой: напр., невестка /n'iv'estka/ => [n'iv'ěstka]. Разумеется, носитель языка не подозревает о существовании этого переходного участка и никогда не будет обозначать его на письме отдельной буквой. Иностранец, например англичанин, пропуская русское произношение через «фонологическое сито» английского языка, воспримет этот i-образный участок как отдельный звук и воспроизведет его в своем русском произношении с акцентом, примерно так — [nivjéstka], а если он хорошо знаком с правилами русской графики, то может даже записать это слово так — **нивьестка**, передав средствами русской графики «дифтонгическое» произношение русской фонемы /e/. У нас нет никаких оснований предполагать, что грамоту № 1132 писал иностранец. Если же **вьекстка** написал новгородец и при этом передал свое диалектное произношение /v'jestka/ (а [je] — один из вариантов дифтонгической реализации ятя, предполагаемых А.А. Гиппиусом), то это означает, что в говоре писца грамоты № 1132 произошло изменение /ê/ > /je/, т. е. бифонемизация гласной фонемы /ê/. Теоретически это вполне возможно (ср. похожие рефлекс-ы ятя в сербохорватском), но русских говоров такими рефлексами ятя не обнаружено [Касаткин 1999: 376–389; Касаткин 1999: 390–397].

О том, как трудно заметить дифтонгическое произношение монофонемного гласного, можно судить по свидетельству такого опытного диалектолога, как А.А. Шахматов, который сам не смог услышать дифтонгическую реализацию закрытых /ê/ и /ô/ в рязанском говоре села Лека и понял это только после того, как его «продвинутый» информант 29-летний плотник И.С. Гришкин указал ему на то, что в лекинском говоре имеется два о: одно — настоящее (/o/), другое — «фальшивое» (/ô/) [Шахматов 1913: 175–176]. Интересны два сопутствовавших этому обстоятельства. Во-первых, Шахматов во время своей поездки в Леку уже знал об открытии Олафом Брокком дифтонгов [iê] и [iô] на месте ъ и о закрытого в тотемском говоре Вологодской губернии [Брок 1907: 22–51]¹. И здесь важно подчеркнуть, что обнаружил тотемские дифтонги не русский диалектолог, а иностранец (норвежец). Во-вторых, сам Гришкин не воспринимал закрытое о своего родного лекинского говора как дифтонг, для него было важно только само различие настоящего и «фальшивого» («термин» Гришкина). Это «фальшивое о», как пишет Шахматов, «Гришкин предполагал сначала передавать церковнославянскою буквою Ѹ, но передал его буквой о с надписанным над ней у, отказавшись от предложенной мною передачи его через уо, так как «фальшивое о» — это один звук, а не два» [Шахматов 1913: 177]. Предложение диалектолога обозначать /ô/ как уо понятно, как понятен и отказ диалектоносителя, для которого существенны только фонологические различия, от предложения Шахматова: ведь в лекинском говоре фонема /ô/ была противопоставлена не только фонеме /o/, но и сочетанию гласных фонем /iô/ (ср. лек. /o.z'i.ra/ *озеро* — /u.o.z'i.ra/ *у озера* — /ô.l'xu/ = [uol'xu]² *ольху*). В сущности это был спор стихийного «фонолога» Гришкина с ученым-«фонетистом» Шахматовым.

¹ Кстати, для дифтонгических рефлексов древнерусского ятя в этом вологодском говоре Брок предлагает целую россыпь различных реализаций [iê], [iê], [iê], [iê], [iê], [iê], [iê], в распределении которых ему, по собственному признанию, так и не удалось полностью разобраться, т. к. они представляли собой плавный переход друг в друга в зависимости от фонетических позиций (твердость/мягкость следующего согласного, абсолютный конец слова), темпа речи и других факторов. Для нас важно, что все это реализации одной фонемы, а не сочетания фонем.

² «Неслоговое у (Шахматов его обозначает символом ŷ — М. П.) неизвестно лекинскому говору, разве только в сочетании с следующим о при дифтонгическом произношении о» [Шахматов 1913: 189].

Мысль о том, что аллофонные изменения не передаются на письме, в своих научных трудах и университетских лекциях по исторической фонологии постоянно подчеркивал Владимир Викторович Колесов. Считая письменные памятники основным источником по истории звукового строя русского языка, он отмечал, что более или менее точной реконструкции поддается в лучшем случае лишь фонологическая (т. е. парадигматическая и синтагматическая) система писца, но не «фонетическое варьирование» (т. е. не аллофонная): «Определенные правила соответствия буквенных обозначений звукам, орфографической традиции, фонематическому значению и т. д. позволяют установить отклонение, связать его с определенными условиями и объяснить фонологически. Фонологическая интерпретация на современном уровне описания является наиболее точной, фонетическое варьирование реконструируется с известным приближением к действительному» [Колесов 1980: 10]. Для историка языка синтагматические фонологические изменения представляют особый интерес, т. к. именно они отражаются на письме в виде отклонений от орфографической традиции, считающихся «ошибками» писца: «Например, буква *ь* в определенных условиях (в безударной позиции, перед мягкими согласными и т. п. — *М.П.*) оказывается замененной буквами *е, и, а*; и по типу отклонений, характеру смещения букв и позиционным условиям очень точно можно установить направлением такого изменения» [Колесов 1980: 6]. Аллофонные же изменения, которые могут предшествовать синтагматическим, на письме зафиксированы быть не могут: «Письменные памятники прошлого таких изменений не отражают. Ученые приложили немало стараний к тому, чтобы по косвенным данным определить типы вариантных чередований (т. е. аллофонных изменений — *М. П.*) в древнерусском языке, но все их заключения являются только реконструкцией возможного изменения» [Колесов 1980: 7].

***

Р. С. Единственным способом «спасти» гипотезу об отражении в грамоте № 1132 дифтонгического ятя мне представляется следующее предположение. Писец нашей грамоты — носитель новгородского говора, в котором ять изменился в /е/ перед твердыми согласными и в /i/

перед мягкими (говор I), т. е. в его системе /v'ist'/ (вѣсть), но /v'estka/ (вѣстка)¹. Он находится в контакте с носителями другого новгородского говора, в котором ять еще сохраняется как самостоятельная фонема и выступает как дифтонг [iэ] (говор II). В таком случае «наш» писец (говор I), пропуская произношение [v'iɛstka] говора II через свое фонологическое сито, воспринимает такое произношение говора II как /v'jestka/ и соответственно записывает его как **вѣстка**. Но и при такой интерпретации, соответствующей принципам, изложенным в первой части статьи, писец грамоты № 1132 отражает не свое произношение ятя, а инодиалектное, косвенно указывая тем самым, впрочем, на существование новгородского говора с дифтонгическим произношением ятя. Не стоит, видимо, и говорить, что данная гипотеза представляется крайне маловероятной, хотя теоретически допустимой.

Литература

- Брок О. Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда // Сборник Отделения русского языка и словесности Имп. Акад. наук. Т. LXXXIII. № 4. СПб., 1907. 151 с.
- Васильев Л.Л. Вологодское евангелие XVI века // Русский филологический вестник. 1907. Т. 57. № 1–2. С. 241–281.
- Виноградов В.В. Исследования в области фонетики севернорусского наречия. Вып. I. Очерки из истории звука ѣ в севернорусском наречии // Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук. 1919 г. Т. XXIV. Кн. 1-я. Пг., 1922. С. 150–245.
- Гиппиус А.А. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2020 г. // Онлайн-лекция 07.12.2020 (о грамоте № 1132 см. 02:07:00 – 02:17:40) <https://www.youtube.com/watch?v=MAzzi8shmvU&feature=youtu.be>
- Гиппиус А.А., Зализняк А.А. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2015 г. // Вопросы языкознания. 2016. № 4. С. 7–17.
- Горшкова К.В. Историческая диалектология русского языка. М.: Просвещение, 1972. 160 с.

---

¹ Такой говор, например, последовательно отражен в севернорусском Вологодском евангелии XVI в., исследованном Л.Л. Васильевым: ср. *веровати, светъ, невеста*, и мн. др., но *виренъ, свитить, возвистить* и мн. др. [Васильев 1907: 256–277].

- Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.
- Касаткин Л.Л. Русские дифтонги // Касаткин Л. Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М.: Наука; Школа «Языки русской культуры», 1999. С. 376–389.
- Касаткин Л.Л. Утрата <ѣ> в связи с процессом монофтонгизации дифтонгов в русском языке // Касаткин Л. Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М.: Наука; Школа «Языки русской культуры», 1999. С. 390–397.
- Касаткина Р.Ф. Рефлексы *ѣ в некоторых севернорусских говорах // Вопросы языкознания. 1991. № 2. С. 65–73.
- Колесов В.В. Историческая фонетика русского языка. М.: Высшая школа, 1980. 215 с.
- Селищев А.М. [рец.:] Н.Н. Дурново. Очерк истории русского языка. Москва, 1924 // Селищев А.М. Избранные труды. М.: Просвещение, 1968. С. 163–188.
- Соболевский А.И. Очерки из истории русского языка. Киев, 1884. 247 с.
- Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. 4-е изд. Москва, 1907. 299 с.
- Соболевский А.И. [рец.:] Шахматов А.А. Исследования в области русской фонетики. Отдельный оттиск из Русского филологического вестника. Варшава, 1893. С. 421–434 [цит. по: Соболевский А.И. Труды по истории русского языка. Т. 2. Статьи и рецензии / под ред. В.Б. Крысько. М., 2006. С. 485–495].
- Успенский Б.А. Древнерусские кондакари как фонетический источник // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. III. Общее и славянское языкознание. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 209–245.
- Шахматов А.А. Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV века. Отдельный оттиск из первого тома «Исследований по русскому языку». СПб., 1886. С. 131–285.
- Шахматов А.А. Исследования в области русской фонетики. Отдельный оттиск из Русского филологического вестника. Варшава, 1893. 317 с.
- Шахматов А.А. Описание лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губернии (Посвящается профессору Олафу Броку) // Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Акад. наук". 1913 г. Т. 18. Кн. 4. СПб., 1914. С. 174–220.
- Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Петроград, 1915. 369 с.

Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). Т. XII. М.: Языки славянской культуры, 2015. 288 с.

Shevelov G.Y. A historical phonology of the Ukrainian language. Heidelberg: Winter. 1979. 809 p.

Could Old Russian scribes render diphthongal pronunciation of phoneme *jať*’?

These notes are devoted to the problems of allophonic reconstruction in historical phonetics which are considered on the example of the Old Russian phoneme /ĕ/ (*jať*’). The author gives a critical overview of the main points of view on the sound value of /ĕ/, which was traditionally denoted in the Cyrillic alphabet by the letter ѣ. The focus is on the question of whether Old Russian written records can reflect pronunciation of /ĕ/ as diphthong or monophthong. Particular attention is paid to how this phoneme was rendered in Old Novgorod documents on the eve and during the period of change /ĕ/ > /i/. In this regard, the possibility of direct reflection of /ĕ/ as diphthong [iĕ] in the recently found birchbark letter No. 1132 is discussed. The article shows that the spelling of Old Russian texts did not and could not, in principle, give direct evidence of either diphthongal or monophthongal realization of the phoneme /ĕ/, since allophonic changes in writing are not transmitted.

Keywords: Old Russian language, historical dialectology, historical phonetics, *jať*’, birchbark documents, Northern Russian dialects.

Соболев А.Н.

Институт лингвистических исследований РАН,
Philipps-Universität Marburg
sobolev@staff.uni-marburg.de

Сербско-болгарские языковые и политические границы в XIX–XXI вв.

В статье рассматривается восточная часть западноюжнославянского языкового ареала, где бытует разделенный разновременными политическими границами торлакский диалект. Политическое разграничение релевантно для появления «вертикальных» диалектных различий под воздействием стандартных языков и формирования региолектов, но не отражается на традиционном, базовом говоре, переживающем в обеих странах языковую смерть. Для болгарского меньшинства в Восточной Сербии диалект является относительно витальным маркером идентичности.

Ключевые слова: южнославянские языки, языковые границы, политические границы, сербские диалекты, болгарские диалекты, базовый диалект, региолект, диалектный текст.

Редко в какой части славянского пространства обнаруживается настолько ясная и бесспорная диатопическая граница¹, как между западной и восточной южнославянской языковыми группами. Она сформирована массивным пучком генетических изоглосс, отражающих фонетические и морфологические диалектные различия между двумя частями со-

---

¹ Диастратические разграничения, в частности, между языком церкви и разговорными идиомами, языком торгового сословия и крестьянства, релевантные для рассматриваемого региона в XIX–XX вв., в настоящей статье не принимаются во внимание.

временного южнославянского ареала [Кочев 2001; Тетовска-Троева 2016; Sobolev 1998a]. Древнейшие из различий возникли еще в добалканский, поздний праславянский период, новейшие — в Новое время. Резкость противопоставления диалектов и традиционных культур, отсутствие переходных диалектных и культурных типов; дугообразный выгнутый на восток облик пучка изоглосс; устойчивая корреляция между высокогорным расположением западноюжнославянских идиомов на склонах Северо-Западной Стара-Планины и равнинным — идиомов восточноюжнославянских в Мизии [Кочановская и др. 2020], свидетельствует либо о миграции западноюжнославянского населения с запада на восток, либо о массовом переходе на западноюжнославянские идиомы какого-то иноязычного населения, по всей видимости, балканороманского. Эта гипотеза, две части которой совершенно не исключают друг друга, подкрепляется и сведениями о мелком отгонном животноводстве как основном традиционном занятии горцев, т. наз. торлаков, в противопоставление полеводству жителей Мизийской равнины.

Традиционный, или базовый диалект (нем. Grundmundart) торлаков характеризуется помимо прочего 1) прасл. *tj, *ktj > č, *dj > ž (*sveča* ‘свеча’, *meža* ‘межа’); 2) прасл. *ь = *ъ > ə (*dən* ‘день’, *sən* ‘сон’); 3) прасл. *o > u; 4) аналитическим маркированием косвенного объекта и периферийных падежных отношений; 5) наличием постпозитивного определенного артикля на левом члене именной группы; 6) личными местоимениями *ja* 1Sg, *on* и т. д. 3Sg и Pl; 7) флексией местоименного и адъективного склонения Gen/AccSg -*ga*; 8) аналитическим компаративом имен прилагательных; 9) флексией 1Pl глаголов -*mo*; 10) редупликацией прямого и косвенного объекта, выраженного местоимением; 11) сохранением старого места динамического ударения и др. [Белић 1905; Тодоров 1936; Ивић 2018].

К данному пучку изоглосс в достаточной степени близка лишь одна известная в истории линия административного разграничения, а именно — между русской и сербской оккупационными зонами в освобожденной Болгарии в период 1877–1879 гг. [Стојанчевић 1986]. Сербская администрация в течение полутора лет деятельности относилась к местному населению как к освобожденным от османского ига «древним сербам» (серб. *стари Срби*) и всячески препятствовала проявлению здесь проболгарских настроений, надеясь добиться

согласия Великих сил на присоединение новых земель к Княжеству Сербии [Вълчинова 1999; Дечев 2011]. Надеждам этим суждено было сбыться лишь частично — сербам отошел лишь район Пирота, тогда как в созданном Княжестве Болгарии остались районы Брезника, Трына, Босилеграда и Цариброда, а также освобожденный русскими¹ и румынскими войсками Белградчик с селами. Неудачная сербская агрессия на Болгарию в 1885 г. не изменила положения дел. Кратковременная оккупация приграничных районов Северо-Западной Болгарии в Межсоюзнической Балканской войне в 1913 г. знаменует последнюю попытку Сербии овладеть западноюжнославянскими землями полностью.

В период Новейшей истории, начавшийся обретением Сербией автономии в 1833 г. и завершившийся с окончанием Второй мировой войны, восток западноюжнославянского ареала пересекали многократно менявшиеся границы, влияние которых на диалектный ландшафт совершенно не изучено. Напротив, в предпринятом в конце прошлого века лингвогеографическом исследовании говоров Восточной Сербии и Западной Болгарии [Sobolev 1998a, b] намеренно ставилась задача объективными методами вскрыть диалектный ландшафт и т. наз. горизонтальную диатопическую микродифференциацию в приграничном регионе невзирая на его политическое членение².

Внешняя граница Сербского княжества в составе Османской империи представляла собой охраняемый плетень (серб., болг. плет), ограничивавший не контролируруемую властями коммуникацию, но не препятствовавший полностью перемещению людей и товаров. Результаты воздействия этой разграничительной линии, вероятно, еще можно обнаружить в диалектных различиях, отражающих микродиакронические языковые изменения, между тимокско-заглавакским говором в Тимокской краине (в составе Сербии с 1833 г.), с одной стороны, идиомами районов Бабушницы (Лужницы) и Пирота (в Сербии

---

¹ Капитуляцию Белградчикской крепости принял находившийся на русской службе Дмитрий Вукович Караджич, сын виднейшего деятеля сербской культуры XIX в.

² Вокруг сербско-болгарской государственной границы были выделены тимокско-заглавакский говор (*gl̩ta* 'глотает', *v̩lk* 'волк', 3 артикля — *-əv*, *-ət*, *-əv*); старопланинский говор (*gl̩ta*, *v̩lk*, 1 артикль — *-ət*); лужницко-знепольский говор (*gl̩ta*, *vuk*, 3 артикля); говор района Трынско-Краиште (*gl̩ta*, *vuk*, 1 артикль); говор района Кюстендилское Краиште (*gl̩ta*, *vuk*, 1 артикль).

с 1878 г.) и старопланинским говором в р-не Белоградчика (в Болгарии с 1878 г.). Следует принять во внимание, что в Княжестве Сербия реформированный Вуком Караджичем литературный язык был официально введен в 1868 г., так что местные говоры с этого времени оказались «перекрыты» им (нем. *Überdachung*), тогда как в оставшихся под османским управлением районах в т. наз. килийных училищах преподавался церковнославянский язык. Уже с XIX в. основное население упомянутых регионов Сербии определяет себя в качестве сербского.

Государственная граница между Сербией и Болгарией, проведенная в 1879 г., де юре просуществовала до 1919 г., но де факто — до 1915 г., когда вступившая в Первую мировую войну Болгария в первый раз оккупировала Восточную Сербию, население которой было объявлено болгарским [Младенов 1993]¹. Линия 1878–1919 гг. вместе с дивергентной национальной, церковной, культурной, образовательной и языковой политикой, проводившейся каждым из двух балканских государств с целью гомогенизации всего собственного населения, привела к формированию острого национального разграничения. К западу от этой границы население сербское, к востоку — болгарское. Если принять самосознание говорящих в качестве допустимого критерия разграничения идиоэтнических языков, то эта бывшая государственная граница является одновременно и языковой. Говоры сербов были «перекрыты» сербским, говоры болгар — болгарским литературным языком. При этом пять сел, а именно Паскашия, Планиница, Пресека, Топли Дол и Црвени Град были разделены границей 1879 г. на сербскую и болгарскую части, в которых население приняло соответственно сербскую или болгарскую национальную идентичность, в их сербских и болгарских кварталах хотя и говорят на едином локальном говоре, но — соответственно на сербском и болгарском языке. В школе сербский язык изучается здесь в качестве родного для детей из сербского квартала, болгарский — для детей из болгарского. Установить, какие различия возникли между разделенными таким образом частями генетически единых старопланинского и лужницко-знепольского говоров, можно, обратившись к материалу сербских идиомов пиротского, лужницкого и црнотравского края, с одной стороны, и болгарских идио-

---

¹ Эта декларация не спасла местное население от репрессий и экспроприаций.

мов царибродского (димитровградского), лужницкого (в р-не Дерекул) и босилеградского края, — с другой.

В 1919 г. по Нейскому мирному договору Болгария как проигравшая Первую мировую войну сторона была вынуждена передать западному соседу две общины — Царибродскую и Босилеградскую. Население этих отторгнутых территорий (болг. *западни покрайнини* ‘западные области’) в королевской Югославии было объявлено сербским, выражение болгарского самосознания и любая проболгарская деятельность жестко преследовались. Новая граница, сдвинувшись на восток, вновь пересекла ряд сел (например Стрезимировци, Петачинци и Банкя), разные кварталы которых и ныне находятся в разных государствах. Де-юре эта граница является действующей по сей день¹, но де-факто она не существовала с 1941 по 1944 гг. во время новой болгарской оккупации Восточной Сербии, население которой вновь было объявлено болгарским². По окончании Второй мировой войны две упомянутые выше общины остались в составе Сербии (т. е. федеративной Югославии), но коммунистические власти признали за их населением право на болгарское самоопределение и употребление болгарского языка в школьном образовании и местной администрации. Это положение дел сохраняется и в настоящее время [Ђурић и др. 2014: 97], создавая ситуацию совершенно не изученного двойного «перекрытия» болгарских говоров и болгарским, и сербским стандартными языками. Дивергентное развитие болгарских говоров, носители которых с 1919 г. находятся в Сербии, и ближайше им родственных говоров в районах, оставшихся в составе Болгарии и «перекрытых» исключительно болгарским стандартным языком, может исследоваться в настоящее время по обе стороны современной политической границы.

Современная диалектология проявляет особый интерес к «вертикальной» диатопической дифференциации, вызванной взаимодействием территориальных диалектов со стандартными языками, включая типологию соответствующих сценариев диглоссии, диаглоссии

---

¹ С небольшими локальными коррекциями как в с. Банкя, где сторонам удалось договориться о перемещении линии разграничения, разделившей одно домохозяйство.

² Это вновь не предотвратило ни репрессий, ни экспроприаций, ни отправки болгарской оккупационной администрацией еврейского населения г. Пирот в лагерь смерти Трешлинка.

и проч., а также субъективное разграничение диалектов в приграничном пространстве [Palliwoda et al. 2019]. Перспективным направлением исследования в настоящее время можно считать сравнение достаточных по объему корпусов (научных транскрипций) речи на всех формах бытования сербского и болгарского языка в изучаемом регионе. Недавнее исследование сербского тимокского и болгарского белградчикского говоров [Сикимич, Соболев 2020] показало, что в обеих странах лишь очень небольшое количество, буквально единицы пожилых носителей традиционного говора продолжают пользоваться им как основным средством устного спонтанного бытового общения и частично жить в ситуации *диглоссии* с соответствующим стандартным языком, причем их индивидуальные идиомы свидетельствуют о полной генетической и системной идентичности торлакского диалекта несмотря на его разделение границей уже в 1833 г. и ограничение коммуникации торлаков соответственно либо сербским, либо болгарским национальным сообществом. Приведенные в приложении к настоящей статье тексты на тимокском и старопланинском говорах¹, записанные между первой третью XX в. и началом XXI в. по обе стороны границы, могут служить свидетельством поразительной устойчивости базовых торлакских диалектных характеристик в диахронии и диатопии, как в Сербии, так и в Болгарии. На фоне такой речи можно вычленить признаки региональных койне, восточносербского и западноболгарского, которые наряду со стандартными языками вытеснили традиционный диалект из употребления и участвуют в создании двух разнонаправленных ситуаций диаглоссии (см. приложенный образец речи на восточносербском тимокском региональном койне).

На фоне угасания диалекта по обе стороны границы примечательно, что у болгар Восточной Сербии диалектная речь сохраняется настолько лучше и в XX, и даже в XXI в., что для болгарских говоров в районе Димитровграда можно сделать умеренно положительный прогноз (в смысле [Биткеева и др. 2020]). Сохранность диалекта документируется текстами, опубликованными в [Sobolev 1998c], а также на онлайн-ресурсе Института балканистики Сербской академии наук и искусств (<http://balksrv2012.sanu.ac.rs/webdict/timok/index>) и на

---

¹ Тексты для настоящего издания переведены в систему записи Международного фонетического алфавита.

частном канале youtube “Terenska istraživanja” (см. [Сикимич 2014]). Вероятнее всего, в ситуации двойного, но неравновесного в пользу социально доминирующего сербского языка «перекрытия» стандартными языками диалект здесь становится контрастным маркером болгарской идентичности наряду с этнонимом шопы (серб. *шопи*, болг. *шопове*). Перепись населения 2011 г. установила наличие в Восточной Сербии 1152 чел., назвавших «шопский» родным языком (серб. *шопски как матерњи језик*), и 11917 чел., назвавших родным языком болгарский [Бурић и др. 2014: 154, карта на стр. 177].

Приложение

Старопланинский говор, 1-я треть XX в., с. Горни-Лом, Болгария

u vrb'ovo zbor dz'erman, u or'oto se spušt'ilo mægl'a, ta se stavn'ilo or'oto i on'iskub'e dev'oteutu i g'ju vlatf'il prez gl'amutu i g'ju navl'ekəʔl u ednu p'eŋter: put se napra'il, kude min'ul s dev'oteutu. ona g'ju bil'o kef da si d'ojde, kvo li e l'ep, g'ozba, ml'eko — kvo mi rab'otimo, sve e t'am. on g'ju naprav'il op'əntsɨ zel'ezni i g'ju kaz'al: „kada sk'inef op'əntsɨte, tagaj tʃe 'idemo pri m'ater ti“. b'abitʃka im'ala d'rta, g'ju kaz'ala da si pol'eva op'əntsɨte s v'odu i da gi g'ori da se prok'inu. ona prav'ila toj. b'abitʃka sve g'joj kazv'ala, kada on ga n'ema tuj, i ona prav'ila, kada ga nem'alo.

stov'ali pret p'eŋter, iʃl'i k'ola is vrb'ovo. ona ga pit'ala: „kat si tolko silan, moʃ li da zap'alif tea k'ola da izgor'u?“ on kaz'al, m'oze, no 'ima tri tr'ave njeŋove, ta od n'i ne m'oze. ona ga pit'ala, koje su trav'ete. on g'joj kaz'al: kamen'ika, vrat'ika i tent'eva. tagaj on rek'al: „ja otfem da idem s tep, no tʃe 'idem do p'ortutu. ja tʃe se napr'aim na sm'ilan ven'əts, ti tʃe me t'urif n'a glavu, tʃe me unes'ef i tʃe me t'urif na klin“. p'ojdu oni i st'igle. tegaj m'ati si g'ju pit'ala, kvo min'uva, a ona g'ju kaz'ala: „m'irvaj, tʃe toj, Ńto vis'i, e on!“ Ona g'ju pitala za trav'ete, k'ipne u edən kot'əl v'odu, ta ga popar'ila i ga zav'ila s part's'al'. ono puk'alo, puk'alo, dode umr'elo. i se otrv'ela od zl'oto. — „Ńto si tekv'aj prezlt'ela, kat e tam dobr'o?“ — „sed'im u d'upku, ne vidz'evam 'ora!“ Информант: Младена Вельова-Г'оргова, ок. 1870 г р. [Тодоров 1936: 431].

Старопланинский говор, начало XXI в., с. Стакевци, Болгария

ta m'etʃkin d'ən na t'oja d'ən se ne, ne: rab'o:ti Ńto m'etʃka tʃe ti ul'ezne i tʃe ti ized'e st'okutu, i: d'eda t'ureŋe na... u trlj'akəʔt, u trlj'akəʔt t'uri t'am kuk'urus, 'ama str'oŋen, nar'onen, a ne ts'el ot ko... k'oren, nar'onen, i t'uri t'am: „n'a ti, m'etʃko, m'ani mi ziv'otnite, n'a ti ta j'etf, Ńto t'i ob'itʃaf, m'et n'emam, 'ama kuk'urus j'apni!“ i tək'a

¹Примечание исследователя: «Информантка избегала произносить слово *змеј*».

nar'itja, 'e:, seedn'o d'al na, na m'etj'kutu, omilostiv'il ju ta da ne jed'e ziv'otnite, da ne ul'aze. a b'aba n'ema da rab'oti, m'ama n'ema da rab'oti, na t'ija d'on se ne plet'e, ne f'ije, d'a. ... i t'uri t'am, ja si sp'omn'am kud'e t'otfno na mest'oto, da l'i e dood'ila m'etj'ka, da li n'e, 'ama d'eda d'uma da n'a... n'otf'aska dets'a tfe mi..., ft'o ja sam otr'asla pri, na koj'arutu pri ofts'ete, da. ot utf'ilijte pr'avo t'am, ot t'am na utf'ilijte. 'i: on d'uma: d'etsa, a m'i n'ekolko detj'itsa, tfe mir'ujete n'otf'asko, n'ema da pr'aite p'akos, tfe 'e: ju, ej tam m'etj'kata tfe d'ojde i tfe vi ized'e. ne sal ofts'ete, 'ama i vas tfe ized'e". ... a b'aba se poz'asmeja, pa d'uma: „jov'ane, ft'o l'ezef dets'utu?!“. on d'uma: „n'e:, ne l'ozem, te m'etj'kata izj'ela...“ on s'igurno e pribr'al zrn's'ata na=stran'e i d'uma: „t'e, m'etj'kata dood'ila n'otf'asko, nal'i, 'i: iz'ela zrn'ata, taj za t'oj tr'eba do sl'uf'ete“. Информант: Тодорка Корчина, ок. 1950 г. р. [Сикимич, Соболев 2020].

Тимокский говор, конец XX в., с. Петруша, Сербия

zn'aef, k'a'k'o t'oj na dz'urdzovd'a'n? kad b'ude j'utrom, n'e baf na dz'urdzovd'a'n, 'ali k'ao s'utra dz'urdzovd'a'n, a s'at'idemo u ven'a'ats. pr'aimo ven'a'ats o tsv'ete^{ki}e do r'eku. 'idemo i napr'aimo ventf'itf, pones'emo jajts'e, pones'emo sol'a'ak, pa t'urimo u j'edno tsed'il'tfentse p'a do v'adu do r'eku. i izv'ijemo ven'a'ats i dones'emo k'ute^{ki}i i p'osle t'uj om'esimo l'eba'ts ov'ol'te^{ki}i, p'a na sr'ed'ima d'upka. i preml'azujemo 'ovtse t'uj na t'aj l'eba'ts. a ven'a'ts'a^t t'urimo, koj'a se p'rvna ovts'a o jagn'ila, on'i, m'i t'urimo ven'a'ts na j'u. i tag'aj... u kotl'eto mlz'emo 'ovtse, izmlz'emo 'ovtse sv'e. n'ifta ne t'uramo. jajts'eto t'urimo p'odi kotl'e i sol'a'ak m'alko. i p'osle zar'inemo on'uj d'uptf'itsu i t'a'k'o. a t'o ml'eko 'uznemo i pots'irimo. i uv'atimo za dz'urdzovd'a'n, zak'olemo ml'ado j'agne i opetf'emo na r'z'a'jn. 'idemo na gr'obje, pr'aimo r'ut'jak, 'imamo g'osti, d'ojdu koj'i 'otfe, zov'emo se. Информант: Зорка Радованович, 1908 г. р. [Sobolev 1998c: 131].

Тимокский диалект, конец XX в., с. Петруша, Сербия

s'ir smo prav'ili, t'oj se m'eri, muz'e se st'oka, k'at se r'efi da se napr'avi batf'ija od dz'urdzovd'a'n, a 'ono se premlaz'uju 'ovtse. 'a, pred dz'urdzovd'a'n se 'ide, t'o je k'at se mesi on'aj kol'adz za dz'urdzovd'a'n, p'a se t'a'g premlaz'uju 'ovtse 'ujutru i napr'avi se v'enats. pa koj'a se ovfts'a p'rvna o jagn'ila, on'o se m'etne na j'u v'enats i napr'avi se l'eba ov'ako ov'olki, p'a se na sred'inu r'upa ost'avi, p'a se t'uri b'rdo, i turi se 'igla, j'aje. i t'o j'aje p'osle st'ave u g'rsnitse, kad s'uju g'rsnitse. i t'a'k'o se premlaz'uju 'ovtse, i m'eri se s n'eku t'f'aju. 'ima n'eko 'ovtse, m'ane 'imaju ml'eko, a n'eko 'ovtse v'ife. i on'i kom'e kak'o 'ovftsa p'usti, t'a'k'o mu p'osle d'aje p'o pet k'ila s'ir, po d'eset, po dv'aes. k'o'j kak'o im'al 'ovftse. i t'a'k'o smo t'oj rad'eli. Информант: Седевка Станоевич, 1918 г. р. [Sobolev 1998c: 137].

Литература

- Белић А. Дијалекти Источне и Јужне Србије. Београд: САНУ, 1905. 715 с.
- Биткеева А.Н., Вингендер М., Михальченко В.Ю. Прогнозирование и языковое многообразие в Российской Федерации: социолингвистический аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2019. Т. 18, № 3. С. 6–23.
- Вълчинова Г. Знеполски похвали. Локална религија и идентичност в Западна Българија. Софија: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 1999. 180 с.
- Дечев С. Граници и идентичности — от «селяни» и «христијани» до «българи» и «сърби» (1877–1918 г.). *NotaBene*, 21, 2011 (URL <https://notabene-bg.org/read.php?id=221>).
- Ивић П. Целокупна дела. X/2. Расправе, студије, чланци. 2. О дијалектологији. Приредило Слободан Реметић. Сремски Карловци, Нови Сад: Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 2018. 337 с.
- Кочановская А.В., Горлов Н.Г., Соболев А.Н. Методы компьютерной лингвогеографии в исследовании границ между близкородственными языками (на примере диалектов Восточной Сербии и Западной Болгарии) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 64. С. 42–55.
- Кочев И. (Отг. ред.). Български диалектен атлас. Обобщаващ том. I–III. Фонетика. Акцентология. Лексика. Софија, Книгоиздателска къща «Труд», 2001. 538 с.
- Младенов С. Българският елемент в Моравската област // Петров, Петър Хр. (Съст.). Научна експедиция в Македонија и Поморавието 1916. Софија: ВИК «Св. Георги Победоносец», УИ «Св. Климент Охридски», 1993. С. 190–193.
- Сикимич Б. Запланированные цели и реальные результаты: полевая работа группы сотрудников Института балканистики САНУ // Карпато-балканский диалектный ландшафт. Язык и культура 2012–2014. Вып. 3. Москва: Институт славяноведения РАН, 2014. С. 31–69.
- Сикимич Б., Соболев А.Н. Процессы дивергенции в разделенной государственной границей западноюжнославянском диалекте (на материале современной диалектной речи Восточной Сербии и Западной Болгарии) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 66. — в печати.
- Стојанчевић В. Србија и Бугарска од Санстефанског мира до Берлинског конгреса. Београд: Просвета, 1986. 248 с.

- Тетовска-Троева М.* (Отг. ред.). Български диалектен атлас. Обобщаващ том. IV. Морфология. София, Издателство на БАН «проф. Марин Дринов», 2016. 247 с.
- Тодоров Ц.* Северозападните български говори // Сборник за народни умотворения и народопис. Кн. XLI. София: БАН, 1936. 543 с.
- Ђурић В., Танасковић Д., Вукмировић Д., Лађевић П.* Етноконфесионални и језички мозаик Србије (Попис становништва, домаћинства и станова 2011. у Републици Србији). Београд: Републички завод за статистику, 2014. 209 с.
- Palliwoda N., Sauer V., Sauermilch S.* (Eds.). Politische Grenzen – sprachliche Grenzen? Dialektgeographische und wahrnehmungsdialektologische Perspektiven im deutschsprachigen Raum. Berlin; Boston: Walter de Gruyter GmbH, 2019.
- Sobolev A.N.* Sprachatlas Ostserbiens und Westbulgariens. Bd. I. Problemstellung, Materialien und Kommentare, Kartenanalyse. Marburg, 1998a. XIV, 420 S.
- Sobolev A.N.* Sprachatlas Ostserbiens und Westbulgariens. Bd. II. Sprachkarten. Marburg, 1998b. 300 S.
- Sobolev A.N.* Sprachatlas Ostserbiens und Westbulgariens. Bd. III. Texte. Marburg, 1998c. 328 S.

Serbian-Bulgarian language and political borders in the XIX–XXI centuries

The paper deals with the eastern part of the East-South Slavic linguistic area in Serbia and Bulgaria, where a politically divided Torlak dialect is still spoken, although experiencing language death. The state border is not relevant for the base Torlak dialect, but for „vertical“ divergence in the regiolects emerging under the influence of the two standard languages, resp. Serbian and Bulgarian. The Bulgarian minority in Serbia still maintains the dialect as a vital identity marker.

Keywords: South Slavic, language borders, political borders, dialects of Serbian, dialects of Bulgarian, base dialect, regiolect, text in a dialect.

Тарланов З.К.

Северный институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста РФ)
savtar@sampo.ru

Безличное предложение как средство сжатия текста

Целью статьи является исследование выразительных семантических и стилистических возможностей русского безличного предложения, которое составляет важную особенность русского синтаксиса в отличие от синтаксиса других европейских языков. В качестве материала для анализа используется художественная речь одного из замечательных представителей русской классической литературы Н.Д. Телешова.

Для анализа соответствующих синтаксических конструкций использованы методы разноплановых внутриязыковых сопоставлений, эксперимента (подстановок), трансформационный.

В результате анализа обращается внимание, в частности, на гибкость и выразительность семантики безличных предложений в сочетании с краткостью структуры. Комментируются конструкции, пограничные между личными и безличными предложениями и тем самым характеризующие переходные синтаксические состояния.

В статье проводится мысль о том, что в русском синтаксисе в целенаправленной стилистической реализации речевых тактик существенная роль принадлежит именно безличным предложениям. Они служат для сжатого и экономного построения текста, основывающегося на абсолютизации признаков и качеств. Указывается на их тесную связь с русским мировосприятием, в котором абсолютизируемой величиной наряду с субстанцией выступает и признак, выражаемый в языке как самопроявляющийся.

Ключевые слова: безличное предложение, стилистика, выразительность, передача психологии, языковая культура, языковая интуиция, ментальность, развитие, синтаксис.

Предлагая статью в сборник памяти одного из ярких представителей Ленинградско-Петербургской школы русской науки о русском языке профессора Владимира Викторовича Колесова, я предварительно хотел бы обратить внимание читателя на следующие моменты (о Ленинградско-Петербургской школе см. [Тарланов 1999а]).

1. По своей исследовательской манере, предполагающей поиск направления, поиск тенденции в движении, в изменении языковых фактов, по нацеленности на выявление и формулирование существенных проблем жизни языка, по взискательному отношению к материалу исследования, по широте научных интересов Владимир Викторович — последователь отечественной науки классического типа, той науки, которая связана с именами Ф.И. Буслаева, А.А. Потебни, Ф.Ф. Фортунатова, А.А. Шахматова, И.А. Бодуэна де Куртене, С.П. Обнорского, Л.В. Щербы, В.В. Виноградова и других выдающихся её представителей.

2. Владимиру Викторовичу, как и русской лингвистической классике в целом, была чужда игра в науку, навязываемую конъюнктурой или модой. Шумные в своё время структуралистские, социолингвистические и прочие течения, как и следовало ожидать, оставили его равнодушным. Эти течения приходили и уходили, а он продолжал плодотворно заниматься своим делом — русским языком в его тысячелетней истории, то изучая не до конца разработанные её аспекты, то создавая учебники для студентов, то углубляясь в концепты русской национальной культуры по данным её истории в слове, то пытаясь адекватно реконструировать картину древнерусского литературного языка, то обобщая языковые значения в национальные философские универсалии, тем самым стараясь, как считал Ф.И. Буслаев, увидеть то, что стоит за языком. Это тоже одна из коренных традиций русской науки.

3. Для русской языковедческой науки язык не только важнейшее средство общения, не только исторический источник, не только воплощение национальной психологии, но и влиятельнейший эстетический фактор, фактор воспитания чувства красоты и культуры коммуникативного поведения. Именно поэтому неизменный интерес к стилистике языка и речи, к эстетическим и выразительным качествам звуков, морфем, слов, предложений в их историческом движении — неотъемлемая черта русского классического языкознания.

Для русской лингвистической классики языковой факт в его системно-структурной данности неотделим от его функционирования. То же самое ясно прослеживалось в научной и в особенности педагогической деятельности Владимира Викторовича.

4. Русское языкознание зародилось и развивалось как отрасль филологической науки, теснейшим образом связанной с общественным развитием и национальными культурными потребностями. Это отчётливо обнаруживается на протяжении всей истории науки о русском языке от Ломоносова до Виноградова и Лихачёва. Этим определялись её место и влиятельная роль в обществе на всех этапах отечественной истории Нового времени. Обсуждение вопросов речевой культуры общества, выступления по радио и телевидению по культуре речи, значениям и происхождению слов составляли заметную часть общественно ориентированных культурологических забот Владимира Викторовича на протяжении многих лет.

5. Русская классическая филология была и является не только гуманитарной отраслью знания. Она была неизменно ориентирована на динамичные практические потребности среднего и высшего образования в стране, на повышение общей, эстетической и речевой культуры общества. Такие выдающиеся представители русской филологической науки, как Ф.И. Буслаев, А.А. Потебня, Ф.Ф. Фортунатов, А.А. Шахматов, И.И. Срезневский, Л.В. Щерба, А.М. Пешковский, В.В. Виноградов, Д.С. Лихачёв и др., выступали авторами школьных и вузовских программ и учебников, деятельными пропагандистами русской словесно-художественной культуры. Это обеспечивало не только высокое качество филологической культуры, филологического образования в нашей стране, но и единство науки и образования, а также необходимую преемственность между разными звеньями всей системы образования.

О русской филологической науке, о русской науке о русском языке, её принципах и достижениях можно написать целые тома, за что, кстати, уже давно пора взяться. Сейчас не об этом речь. Контурно обозначенными штрихами о русском классическом языкознании я хотел просто показать, что все они отчётливо прослеживаются в научно-исследовательской и профессионально-педагогической деятельности Владимира Викторовича Колесова, с которым я был знаком и дружил почти с аспирантских лет. И когда уходят из жизни и науки такие

люди, то и жизнь, и наука безусловно беднеют. То же самое можно сказать и о другом событии: девятого января того же 2019 года не стало еще одного яркого учёного Ленинградско-Петербургской школы, тоже выдающегося деятеля русской филологии, замечательного человека и педагога, академика Академии образования, профессора Санкт-Петербургского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена Сакмары Георгиевны Ильенко.

Это серьёзные потери для современной русистики, в которую к тому же в качестве исследователей и преподавателей вливаются люди, не знакомые с русской лингвистической и филологической классикой, люди без базового образования, но окончившие отделения русского языка как иностранного, прикладного языкознания, классических и национальных языков и т. д., защитившие диссертации по ним же, а также люди, специализировавшиеся по западноевропейским языкам. Это, к сожалению, приводит к деградации научно-исследовательской и педагогической работы по русскому языку, к исключению из учебных программ вопреки традициям русской системы образования дисциплин исторического цикла на филологических факультетах университетов, на которых готовят специалистов по русскому языку. Преподавателями русского языка часто оказываются люди, не только далёкие от него по профессиональной подготовке, но и позволяющие себе иронические и оскорбительные выпады против него, хотя язык по своей природе не несёт никакой ответственности ни за что и ни перед кем.

И последнее. Бессмысленные, но чиновниками насаждаемые бумаги душат учебные заведения, уничтожая лучшее, что было накоплено в системе образования в стране. Владимир Викторович всегда относился весьма критически к бюрократическим надстройкам в высших учебных заведениях и в науке. Решительное преодоление навязанного вузам бессмысленного бумаготворчества, чуждого образованию, — важнейшее необходимое условие для возрождения нормально качественного образования в нашей стране, того образования, которое было создано в Советском Союзе усилиями многих поколений выдающихся учёных, в том числе и дореволюционных.

Статья, предлагаемая в сборник памяти Владимира Викторовича Колесова, предметом которой являются русские безличные предложения в их структурном, содержательном, объёмно-синтаксическом оформлении и стилистике, охватывают существенную часть русских

синтаксических конструкций с конца Средневековья. Эти предложения стояли в центре внимания многих специалистов в области синтаксиса русского языка и входили в предмет интересов также и Владимира Викторовича в связи с рассмотрением им вопросов из области русской этнической ментальности.

Статья в русле традиций русского языкознания выполнена на материале образцовой русской художественной прозы рубежа XIX–XX столетий и призвана продемонстрировать выразительные возможности русских безличных предложений в соответствии с коммуникативными и стилистическими целями говорящего, а также природой русского синтаксиса.

***

О русском синтаксисе и о русских безличных предложениях существует огромная литература. Хотя и неравномерно, она охватывает всю историю безличных предложений с древнейших времен до наших дней, а также характеристику всё возрастающих их функциональных возможностей. Эта литература в разной степени подробно обозревалась многократно (см. [Галкина-Федорук 1958; Савельева 1988; Тарланов 1999б: 3–16, 80–108]). Поэтому нет необходимости выполнять ту же работу еще раз.

Однако в последние десятилетия интерес к безличным предложениям, а также к соответствующей научной проблематике в их классической реализации заметно угас, в частности, и по той причине, что в языкознании в целом сменилась парадигма исследовательских ориентаций. Представления о предмете лингвистического познания в значительной степени замещены культурологическими комментариями к тому, что принято называть словом дискурс, лишенным жанрово-стилистической и проблемно-тематической определенности. В культурологических же комментариях выдвинутыми на передний план оказываются опять-таки чисто внешние аспекты функционирования языка, не всегда увязываемые с его внутренним содержанием. Вместе с тем содержание, объединяющее разные языки, почему-то выпадает из поля исследовательского внимания. Подчеркивается и абсолютизируется лишь то, что содержательно разводит разные языки.

В то же время, если иметь в виду динамичную языковую картину мира, есть все основания говорить о языках развитых и неразвитых,

богатых и бедных, о языках с большими или меньшими выразительными возможностями, о языках больших и малых, древних и новых, мировых и локальных, обработанных и необработанных и т. д. И изучать все эти разные языки необходимо в соответствии с их исторически представленным в соответствующий период времени статусом и в совокупности с их природой наделенными изобразительно-выразительными возможностями. При таком изучении языки предстают в виде уникальных и совершенных форм этнических культур, перманентно требующих глубокого и разностороннего анализа и осмысления.

Что касается русского языка, то одно из важнейших проявлений его самобытности и богатства выразительными возможностями и ресурсами на синтаксическом уровне состоит, в частности, в широчайшем распространении *безличности, безличных предложений* — структур, в которых соответствующие качества, свойства, признаки функционируют абсолютно и независимо от их носителей.

Это свойство русского синтаксиса разные исследователи склонны трактовать по-разному, нередко и не без участия идеологических составляющих, о чем нам уже приходилось писать [Тарланов 1998].

В любом случае оно требует тщательного и систематизированного изучения с привлечением максимально полного состава реализованных языковых данных. Идя лишь таким путём, можно дать им адекватную оценку в качестве средств выражения и самобытного проявления национальной словесной культуры.

С другой стороны, именно такой подход к исследованию языка в целом в наибольшей степени соответствует его роли в качестве совершеннейшего, незаменимого средства общения, а также высшей формы национальной культуры.

Гибкость и богатство языка — это показатель гибкости, богатства, объемности, открытости этнического видения, этнического осмысления окружающей действительности в её многообразии. Гибкость языка состоит, в частности, и в том, что одну и ту же мысль, ситуацию можно выразить и развернуто (многословно), и кратко. В этом смысле разные языки располагают разными возможностями.

Что касается русского языка, то показателем его синтаксических возможностей в этом направлении являются, в частности, и безличные предложения, которые, кроме функций, разносторонне описанных в синтаксисе, выполняют ещё и ту роль, которую М.В. Ломоносов

на уровне морфологии приписывал местоимениям, наречиям, причастиям и междометиям, служащим, как он писал, «скорому и кратко-му сообщению понятий» и представляющим собой «способы, как бы слово своё сократить и выключить скучные повторения одного и того же речения» [Ломоносов 1755: 24].

Эта важнейшая функция и обуславливаемый ею стилистический статус русских безличных предложений остаются незамеченными. Между тем, в речевой практике безличные предложения действительно используются и в качестве средств краткого и экономного выражения мысли, а также пропозиционального содержания в целом. Чтобы убедиться в этом, обратимся к следующему фрагменту текста из повести Николая Дмитриевича Телешова «Мещанская драма»: *Она [Ксения Павловна, старшая из двух дочерей Лукачевых. — 3. Т.] молча ожидала моего слова. А во мне в это время клокотало чувство, какого я еще не испытывал. Было больно, обидно, тяжело, грустно, было жалко, и противно, и совестно, а главное — душно и тесно, как будто весь мир передо мной сузился и сжал в тиски; дышать становилось нечем* (Телешов. Мещанская драма).

Присмотримся к цепочке безличных предложений, с помощью которых писатель рисует психологическое состояние героя, когда именно его слово должно решить судьбу искренне влюбленной в него девушки, обстоятельствами жизни вынуждаемой жертвовать собой, решаясь выходить замуж за «немолодого, ожиревшего» Синицына, «чуть втрое старше Ксении», ради спасения чести разорившегося отца.

Для героя-студента, живущего уроками, которые он дает младшей сестре Ксении, семья Лукачевых как своя. Ближе никого у него нет. В этом положении он должен посоветовать Ксении, как ей поступить: рассчитывать ли на счастье с любимым, но совершенно не обеспеченным человеком с неопределенным будущим, то есть с ним (она к этому готова), или ей следует пожертвовать личным счастьем, спасая честь семьи, честь отца?

Ситуация безысходная. Для описания психологического состояния героя писатель мог бы прибегнуть к разным возможностям, предоставляемым русским синтаксисом, например, к двусоставным нераспространённым и распространённым, осложнённым, сложносочинённым и сложноподчинённым и другим предложениям. Но он всем им предпочитает возможности именно безличных предложений, потому что

модальность и многоплановость семантики, реализуемые ими в сочетании с их экономностью, энергичностью, абсолютизацией необходимых признаков в наибольшей степени соответствуют целям передачи внутреннего состояния героя и порождающих это состояние обстоятельств жизни.

Цепочка включает в себя десять безличных предикатов, разделенных по трем группам безличных предложений (о возникающем здесь вопросе по границам простого и сложного предложений см. [Тарланов 1968]): 1) «*было больно, обидно, тяжело, грустно*», 2) «*было жалко, и противно, и совестно, а главное — душно и тесно*», 3) «*дышать становилось нечем*».

Разумеется, те же чувства можно было бы выразить, как уже говорилось, также другими словами и другими типами предложений русского синтаксиса. Но получилось бы хуже — во-первых, неточно и приблизительно, потому что названия состояний пришлось бы заменить их описаниями; во-вторых, очень многословно, потому что пропозиции, или психологические коммуникации, по терминологии А.А. Шахматова [Шахматов 1941: 30–31], соответствующие десяти безличным предикатам, пришлось бы выразить отдельными развёрнутыми простыми или сложными предложениями; в-третьих, вяло, монотонно и невыразительно в силу неизбежности многословия текста; и, в-четвёртых, эмоциональное напряжение, создаваемое густо и контактно расположенными безличными предикатами, утратилось бы полностью.

В подобных случаях в русском синтаксисе прекрасно «работают» лишь безличные предложения, главные члены которых, будучи даже одиночными синтаксическими компонентами, тем не менее, открывают широкую контекстуальную семантико-синтаксическую перспективу, в восприятии адресата «перекликаясь» каждый со своими общеязыковыми синонимичными рядами слов сходной модальности.

Следовательно, одна из важнейших стилистико-синтаксических функций безличных предложений состоит в том, что они служат, как бы сказал Ломоносов, «скорому и краткому сообщению» пропозиционального содержания, или психологической коммуникации, представляющей собой субстрат предложения. Ср. также безличные предложения и в следующем микротексте, в котором полярные по значению безличные предложения выступают как функционально тождественные: *Не помню, не знаю, кто это сказал, но, несомненно, мудрец и ге-*

ний — про это самое лоно семьи: **и сладко, и тошно, и — не уйдешь** (Телешов. Мама).

Приведенные примеры убеждают в том, что синтаксические исследования, выполняемые в функционально-стилистическом ключе, призваны раскрывать и показывать объективные возможности естественных языков, природой заложенные их выразительные ресурсы и богатство, вызывать восхищение этими ресурсами и богатством, тем самым пробуждая языковое чутье их носителей и воспитывая у них любовь и уважение к родному языку как к бесценному дару природы и величайшему хранилищу национального опыта жизни.

В этом состоит одна из вечных и вечно актуальных воспитательно-образовательных задач языкознания как гуманитарной науки.

В порядке иллюстрации этой мысли приведём ещё несколько примеров:

— *Вот что, Лука, — сказал резко старик, — случилось ли тебе, чай: **вдруг занедужится, занеможет**?* (Телешов. Сумерки). Обобщенность и в то же время конкретность психологических состояний, выраженных выделенными словами, очевидны и едва ли передаваемы отдельными словами на каком-либо другом языке. Это чисто русские конструкции, опирающиеся на русскую залоговую систему и составляющие глубинную самобытность русского синтаксиса.

В такие конструкции каждый говорящий вкладывает свой отчетливо представляемый им и ситуативно актуализируемый смысл, который собеседник на интуитивном же уровне понимает точно и адекватно. Вместе с тем затруднительно однозначно объективировать этот смысл. Это то, что составляет область интуиции родного языка, как и языка приобретённого, но освоенного на уровне интуиции.

Значения, выражаемые выделенными словами, не сумма их отдельных значений, возводимых к словарным толкованиям глаголов *занедужиться* [Словарь 1981, 1: 549], *занемочь* [Словарь 1981, 1: 549], а нечто качественно другое, имеющее отношение не столько к болезням, сколько к внутреннему состоянию человека.

Такого рода безличные предложения относятся к числу относительно поздних в истории русского синтаксиса. Нижняя граница их становления падает, по всей вероятности, на вторую половину XVI столетия, на период грамматического оформления средне-возвратного залога [Булаховский 1950: 203–204; Тарланов 1999б: 95–97].

Столь же экономно, точно и выразительно и предложение свечерело в следующем фрагменте: *Когда **свечерело**, на мачте у «Сокола» и на задней барже подняли по фонарю* (Телешов. Между двух берегов).

Аналогично также и предложение *Близилось к осени* во фрагменте *Близилось к осени, дачники разъезжались, и заработок Петрушки становился плохим* (Телешов. Иная душа), в котором устранение предполагаемого подлежащего нисколько не влияет на полноту его смысла. Субстратная для него конструкция, являющаяся тоже актуальной, непременно включает в себя подлежащее *время*, ср.: *Время близилось к осени*. Подобный имплицитный параллелизм личных и безличных предложений обеспечивает для говорящего широкие возможности в стилистико-синтаксическом маневрировании в процессе общения, в убедительной реализации его речевых тактик.

Привычность к шаблонам, в том числе и в живом языке, часто мешает нам увидеть то, что находится в процессе движения, в процессе преобразования и развития. Такие факты и объяснить сложно, поскольку они противоречивы, синкретичны по своей еще не до конца сформировавшейся природе. Показательно в этом отношении, например, выделенное предложение в следующем отрывке текста, содержащем «размышления» уставшей от жизни старой собаки: *Все миновало: и здоровье, и молодость, и силы, и хотелось только спать на солнце, но не ворчать и не лаять на лукавых ворон. Пусть их воруют чужой обед... Уже кости не по зубам старой собаке; уже не по силам преследовать ворон и ссориться с ними* (Телешов. Верный друг).

В этом случае перед нами пример как бы неорганичного соединения в одной фразе признаков личного и безличного предложений: отдельно выраженная форма лица (их) оказывается как бы «блуждающей», грамматически нелокализованной во фразе. Кажущаяся ее зависимость от пусть фиктивна. Вместе с тем ничего грамматически неправильного во фразе в целом нет. Это живая жизнь языка, тип синтаксической контаминации, характеризующий опять-таки одно из переходных состояний языкового изменения.

Приведем еще один пример, показывающий то, как безличный статус предложения может тонко балансировать на грани лично-безличного пространства в реализации коммуникативной задачи: *Все было сейчас так ясно, так просто. Алексей Семенович стал ей настолько чужим, что Наталье Петровне было неловко видеть его неодетым, в ха-*

лате... **Не только неловко, но недопустимо, напротив** (Телешов. Мама).

Рассмотренный материал по безличным предложениям свидетельствует о структурных ресурсах и возможностях русского синтаксиса. Вместе с тем, он позволяет наметить некоторые параметры своеобразия этнического мировосприятия, лишённого однотипности и жёсткости [Тарланов 1998]. Имея в виду это своеобразие русского мировосприятия, широту русской ментальности, В.В. Колесов писал в другой связи: «Русская ментальность — противник жёсткой модели и потому в её парадигме всегда присутствует возможность выбора: между радостью и коллективным весельем, между собственной правдой и абсолютной истиной, между личным горем и народной бедой...» [Колесов 1995: 18].

Сохранение и целесообразное использование синтаксических, как и иных, богатств и ресурсов русского языка неотделимы от степени знакомства с русской классической литературой, в которой эти богатства реализованы естественно, убедительно и многопланово.

Источники

Телешов, произведение — Телешов Н.Д. Избранные сочинения: в 3 т. Т. I. Повести и рассказы. М.: Художественная литература, 1956. 384 с.

Литература

Булаховский Л.А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев: Радянська школа, 1950. 412 с.

Галкина-Федорук Е.М. Безличные предложения в современном русском языке. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1958. 332 с.

Колесов В.В. Ментальные характеристики русского слова в языке и в философской интуиции // Язык и этнический менталитет / отв. ред. проф. З.К. Тарланов. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского университета, 1995. С. 13–24.

Ломоносов М.В. Российская грамматика. СПб.: Имп. Акад. наук, 1755. 210 с.

Савельева Л.В. Отрицательно-безличные предложения в истории русского языка. Л.: ЛГПИ, 1988. 39 с.

Словарь русского языка: в 4-х т. Т. I. А–Й. М.: Русский язык, 1981. 696 с.

- Тарланов З.К.* Разграничение односоставных предложений с однородными главными членами и сложных предложений // Русский язык в школе. 1968. № 2. С. 89–91.
- Тарланов З.К.* Русское безличное предложение в контексте этнического мировосприятия // Филологические науки. 1998. № 5–6. С. 65–75.
- Тарланов З.К.* О филологических традициях Ленинградского (Петербургского) университета // Вестник Северо-Западного отделения Российской академии образования: Образование и культура Северо-Запада России. Вып. 4. Университет: Единство науки, образования и культуры. СПб., 1999. С. 109–121.
- Тарланов З.К.* Становление типологии русского предложения в ее отношении к этнофилософии. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского университета, 1999. 207 с.
- Шахматов А.А.* Синтаксис русского языка. Л.: Учпедгиз, Ленингр. отд-ние, 1941. 620 с.

Impersonal sentence as a means of text compression

The aim of the article is study of the semantic and stylistic capacities of Russian impersonal sentence. This kind of sentence presents some important and particular feature of Russian syntax if compared with that of the other European languages. N. D. Teleshov's literary style is used as material appropriate and intended for analysis.

The corresponding syntax constructions' analysis dwells upon intro-language mappings' as well as substitution and transformation methods.

As a result the author pays attention to flexibility and expressive capacities of Russian impersonal sentences which combine with the brevity of their structure. Patterns which appear as a border between personal and impersonal sentences are accompanied by due comments characterizing transient areas of syntax.

The idea of an essential role played by impersonal sentences in targeted speech tactics is emphasized particularly appearing as the pivot of the article. It is also pointed out that syntactic structures like these are especially aligned with Russian worldview. Not the sole substance but also self-revealing sign can be absolutized.

Keywords: impersonal sentence, stylistics, expressiveness, national psyche reflexion, language culture, language intuition, mentality, development, syntax.

Черепанова О.А.

Санкт-Петербургский государственный университет
olga-home36@yandex.ru

О коммуникативных и текстообразующих функциях причастий в гибридном церковнославянском языке XVI–XVII вв.

В статье анализируются функции причастий и конструкций, включающих причастия, в севернорусском агиографическом тексте XVI–XVII веков. Показана их значимость в качестве одного из элементов, характеризующих и формирующих нестандартный, гибридный тип церковнославянского языка.

Ключевые слова: церковнославянский язык, агиография, историческая грамматика, причастие, дательный самостоятельный, перфект.

Статья имеет целью продемонстрировать значимость причастий, как одиночных, так и в составе оборотов, выступающих в качестве конструктивных грамматических и текстообразующих элементов в литературно-письменном языке XVI–XVII веков, то есть времени, которое иногда именуют «золотым веком» причастий. В это время в области причастий и отпричастных образований наблюдаются существенные формальные и функциональные сдвиги, которые не всегда попадают в поле зрения исследователей, хотя неличные формы глагола в текстах этого периода неоднократно становились предметом их внимания [Попова 1974: 160–168; Кузьмина 1993: 136, 151, 162; Кунавин 1993; Преображенская 2002 и др]. Ситуация осложняется неоднозначностью процессов на разных языковых уровнях, в различных функционально-стилистических типах языка.

Анализировались преимущественно формы и функции причастий и деепричастий в светских, повествовательных видах письменности или в литературном языке в целом. Однако в книжных текстах этой эпохи причастия и причастные конструкции не только исключительно частотны, но и обнаруживают определенную специфику в своих коммуникативных, прагматических и текстообразующих функциях, а также выступают как своего рода маркеры актуальных языковых процессов эпохи. Представляется принципиально важным обратить внимание на роль причастий в кардинальной перестройке системы временных координат на уровне логики и языка, причем именно в той языковой сфере, которая ощутимо «сопротивлялась» такой перестройке — в книжном, церковнославянском языке или его модификациях. В связи со сказанным целесообразно обратиться к житийному жанру, именно к той его разновидности, которая в отношении строения текста и языка, с одной стороны, сохраняет устойчивое тяготение к традиционным нормам, с другой — отражает усиление новых интенций — стремление к усложнению коммуникативного строения высказывания и «вторжение» элементов обиходной речи эпохи.

С указанных позиций интерес представляет корпус текстов конца XVI — начала XVIII века, который образует «житийное поле» поморских святых Иоанна и Лонгина Яреньгских (см. [Словарь книжников... 1989]) и, прежде всего, наиболее ранний текст из этого комплекса, обычно именуемый как «Сказание о яреньгских чудотворцах Иоанне и Логгине (РНБ, Солов. 963/1073, л. 118–134), далее С-1¹. В отношении историографии С-1 имеются различные мнения. В.О. Ключевский полагал, что это своего рода тетради, записки, составленные соловецким монахом Варлаамом, живущим в Яренге в качестве монастырского приказчика и приходского священника, на основе непосредственных рассказов жителей Яренги, свидетелей событий [Ключевский 1871].

---

¹ Помимо Сказания, в «житийное поле» яреньгских святых могут быть включены: переработанный Сергием Шелониным текст С-1, приобретший вид и статус Жития (XVII в.), имеющий несколько редакций XVII–XVIII вв., Сказание о пренесении честных мощей святых Иоанна и Лонгина, написанное также Сергием Шелониным, «расспросные» и «обыкновенные» речи XVIII в., содержащие собранные специальной «комиссией» свидетельства чудес яреньгских святых. Подробнее см. [Черепанова 2005: 222–227]. Произведения Сергия Шелонина исследованы с точки зрения историографии, литературной традиции и текстологии О.С. Сапожниковой: [Сапожникова1999; 2005].

Л.А. Дмитриев считал, что это не отрывочные записи событий, а первоначальное сказание, составленное во время, близкое ко времени описываемых событий, т. е. в конце 40-х — начале 50-х годов XVI века [Дмитриев 1973].

Более обоснованным представляется мнение В.О. Ключевского, подтверждением чему служат сбои в изложении последовательности событий, описываемых в тексте, а также неоднократные прямые контекстуальные указания на источник сведений, как следующее: *Повѣдахъ отцу своему духовному Никольскому священнику Варламу еже приключившееся иж надо мною бысть* (л. 120об)¹. В силу своей «почвенности» С-1 дает богатый материал для наблюдений над фактами специфичного «гибридного» церковнославянского языка, которым написано Сказание, языка, который может быть назван также «провинциальным» церковнославянским, поскольку и содержание жития, и форма его изложения имеют выраженный местный колорит и обнаруживают неполное, а зачастую и слабое владение автором и его информантами — жителями Яренги и ее окрестностей — нормами книжной речи.

Причастия и причастные конструкции, включая те случаи, где уже можно говорить о статусе образований как деепричастий, исключительно частотны в тексте С-1. В некоторых его фрагментах причастные и отпричастные образования составляют до 10 % от числа слов знаменательных частей речи. Число таких словоформ более чем вдвое превосходит общее число личных глагольных форм в тексте Сказания. Почти половина — действительные причастия настоящего времени. Актуальны и страдательные причастия настоящего, но преимущественно прошедшего времени как краткие, так и полные: *именуема Лежащая* (л. 127), *саномъ украшенъ* (л. 121); *избавленъ бысть* (л. 122 об.); *одержима бысть* (л. 122 об.); *здѣ положеннии* (л. 120); *никъмъ брегому* (л. 123–123 об.); *свъщамъ многимъ возженным* (л. 129) и др. Активность этого типа причастий указывает на стремление автора С-1 блюсти нормы сугубо книжного типа языка.

Одиночные причастия и причастия с распространителями выступают в роли определений или, уже выполняя обстоятельственную функцию, имея застывшую форму, знаменует свой статус дееприча-

---

¹ Здесь и далее текст цитируется по публикации жития в книге [Черепанова 2005: 245–252].

стия: *Видѣхъ азъ нѣкоего члѣка льпообразна, браду немалу черну имуща и лицемъ свѣтящася паче всякаго естества члѣка* (л. 124); *А отходя свѣта сего видѣлъ стѣаго Иванны и очивѣсть в члѣчи образъ* (л. 126–126 об.); *Иван же удивлься, зря на него, кто есть члѣкъ той* (л. 131). В ряде случаев трудно дифференцировать обстоятельственную и атрибутивную функции формы, соответственно противопоставить формы причастия и деепричастия: *и посрѣдѣ ихъ видѣхъ нѣкоего страшна образомъ, грозящася на мя и хотящее мя поглотити* (л. 120 об.); *И поставилъ его [образ, икону] у гроба чудотворца Иоанна, и донесъ стотѣ, и приходяще и с вѣрою исцѣление приемлютъ* (л. 127 об.).

Большая по сравнению с нормами современного языка глагольность причастий проявляется в употреблении форм действительных причастий в функции простого глагольного сказуемого: *не повѣдахъ никому, что бывшее надо мною* (л. 120); *жена <...> прощена быст и исцѣление получивѣ* (л. 124). *И родители понужающе мя, дабы шель въ Яренгу к Николь чудотворцу и ко Иванну и Логину Яреньскимъ чудотворцамъ. Мнѣ же не шедѣшу три годы, ово на веснованинъ быхъ, и в Перми, и ис Перми в Казань приплыхъ, здравъ быхъ* (л. 122–122 об.). Самой активной и стилистически выразительной причастной конструкцией является «дательный самостоятельный» (далее — ДС). Однако в своем «исконном» виде, с полностью традиционной семантикой и формой, ДС единичны. Чаще всего они передают временные отношения. *Бывши ей в вѣлицѣ бользни разслабления годѣ и мѣсѣ шесть, явися ей члѣкъ в видѣнии...* (л. 118). Передавая грамматические отношения подчинения, ДС в структуре предложения выступают как конкуренты союзного оформления сложного предложения [Акимова 1983: 3–18], при этом конкурентные отношения предопределяют и различные формы отклонений от исторического формального стандарта ДС.

Во многих случаях ДС присоединяется к последующей части с помощью союза *и*, что усиливает самостоятельность оборота: *во время страдное идущу ми в лугъ на пожню съна косити, и приидохъ к озерку* (л. 121) При формальной выраженности ДС его постпозиция по отношению к основной части высказывания также повышает уровень его автономности, функционально приближая его к предложению: *и в тое ноци явишася ему второе, ономоу же мало сном одержиму* (л. 132). Следующий контекст: *Гсди, рабе бжии, кто еси здѣ положенныи, прости мя, грѣшницу, понеже ми недостойнѣи прикоснувшия*

к честному тѣлеси твоему и хотѣвшу сидѣти идѣ же ты изволиши жилище себѣ (л. 120) демонстрирует использование подчинительного союза понеже, функционально и формально приближая ДС к придаточному предложению. Словоформа *хотѣвшу*, допускающая двоякую формальную и смысловую связь с существительным в вин. падеже грешницу и с предшествующим ДС, во втором случае обнаруживает неадекватность норме ДС. Приведенный выше контекст: *мнѣ же не шедѣшу три годы, ово на весновани быхѣ, и в Перми, и ис Перми в Казань приплыхѣ, здрав быхѣ* (л. 122–122 об.) дает пример практически полной самостоятельности ДС и функционирования его как отдельного предложения в составе многокомпонентного высказывания.

Достаточно ярко обнаруживают себя коммуникативная и текстообразующая функции конструкций, включающих причастия и отпричастные образования. С помощью причастий и оборотов ДС осуществляется синтаксическая и семантическая компрессия текста, уплотняется его содержательное наполнение. В ДС «пакуются» фоновые сведения, характеризующие ситуацию, а личными формами глагола передается содержание центрального семантического ядра, что характеризует употребление причастных и деепричастных оборотов и в современном языке. Textoобразующая и коммуникативная функции особенно выпукло видны во фрагментах текста, содержащих целые серии ДС: *мало времени преидоша, челоуѣку нѣкоему на тони спѣдѣшу, именуема Лежащая, на Двинской стороны, от Яренги поприщѣ 10 разстояние, ловящу ему красную рыбу семгу, и имѣя с собою товарища, и оному шедѣшу купатися в рѣчку Сосновку, и на гробѣ мертваго спѣде и начатѣ развлачатися, и паки иступися ума* (л. 127 об.)

Причастия и включающие их конструкции служат одним из главных языковых средств придания тексту статуса ученого и церковно-книжного. В этом смысле многочисленные причастные конструкции выступают как своего рода декоративные элементы, и в этом можно видеть их прагматическую функцию — быть выразителем, маркером определенного типа языка и тем самым участвовать в психо-эмоциональном воздействии на слушателя и читателя.

Описание формальных и функциональных особенностей причастий и причастных оборотов в рассматриваемых текстах может быть еще в большей мере детализировано. Однако представляется принципиально важным обратить внимание на роль причастий в разверты-

вании коммуникативной и синтаксической структуры предложения, в кардинальной перестройке системы временных координат на уровне логики и языка, причем в той языковой сфере, которая ошутимо «сопротивлялась» такой перестройке — в книжном, церковнославянском языке или его модификациях.

В это время в языковом сознании носителей языка уже возникла потребность в выражении достаточно сложных смысловых и коммуникативных отношений, что требовало усложнения синтаксической схемы высказываний. Однако языковая система не была еще к этому в полной мере готова, хотя, как известно, именно XVI–XVII вв. — период активного формирования средств подчинения в русском языке. На данном этапе развития языка именно причастия в значительной мере взяли на себя задачи усложнения коммуникативной схемы высказывания, чему способствовала гибридная глагольно-адъективная природа этой категории, а также активное функционирование причастий в составе оборотов. Многие контексты демонстрируют существование многосторонних, нелинейных смысловых зависимостей в структуре предложения, наличие потенциальной предикативности членов предложения, содержащих причастия или отпричастные образования, например: *И слышахъ взятие ч̑стнаго т̑ла Иванова и чюдеса, творящася и от ч̑стныхъ мощей его, исц̑вление приемлющее, и тако повѣдахъ отцу своему д̑ховному Никольскому игумену Варламу, еже приключившееся, иж надо мною бысть* (л. 120–121 об.).

Причастные обороты, в первую очередь ДС, усложняя коммуникативную схему высказывания, не только актуализируют, но и квалифицируют отношения подчинения. Увидеть это дает возможность целый ряд контекстов: *И паки потомъ ст̑и чюдотворецъ Логинъ явися торговому ч̑лку Иякову Соколникову, не могущу ему много л̑тъ ногами...* (л. 128–129). Здесь можно видеть подчинительные определительные и/или причинные отношения. — *И лежиши ей на долгъ часть яко мертвь суши, и абие во ум пришедши и со слезами начатъ каятися гр̑хов своих̑ з̑лющи «Г̑ди, рабе б̑жи, кто еси зд̑ положенны, прости мя, гр̑шницу, понеже ми недостойн̑й прикоснувшись к честному т̑лесу твоему и хот̑вшу сид̑ти, ид̑ же ты изволи жилище себ̑»* (л. 120–120 об.). Союз понеже, предваряющий второй ДС актуализирует значение причинно-следственных отношений и в известной мере знаменует переход к союзному подчинению. — *И связавше затвори-*

ша ю в храминь особнѣ и двери крѣпцѣ изъвнѣ заклепавше, и увидѣша по улицы просту ходящу и никѣмъ брегому смыслено глущу. И хотяще ю паки вязати, она же начать мужу своему Зотику глаголати... (л. 123–123 об). В первой части контекста, оформленного с помощью причастных конструкций, помимо обозначения последовательности действий, просматриваются отношения уступительности (*хотя... связавши,... заклепавши... увидели ее...*).

В области личных форм глагола в не строго литературном, обиходном языке и в разговорной речи к XVI веку в целом уже завершилась перестройка системы глагольно-временных форм. В это время, когда начинается становление национального языка, идет подготовка к формированию норм его литературно-письменной формы. Однако письменный язык сохраняет определенную неустойчивость в этой области.

Представляется принципиально важным обратить внимание на роль причастий в кардинальной перестройке системы временных координат на уровне логики и языка, причем в той языковой сфере, которая ощутимо «сопротивлялась» такой перестройке — в книжном, церковнославянском языке или его модификациях. В обиходной разговорной речи XVI–XVII вв., которую мы лишь в малой степени можем наблюдать в письменных текстах преимущественно делового и повествовательного типа, уже осуществился переход от старой системы времен, в которой был актуален целый ряд координат, таких, как момент действия, момент речи, длительность или однократность действия, к современной системе координат, определяющей действие лишь по отношению к моменту речи. Происходит переход от старой многополюсной системы временных координат к новой системе с тремя временными точками — настоящее — прошедшее — будущее. В С-1, хотя формы аориста еще продолжают активно функционировать как достаточно нейтральный способ передачи действия, совершившегося в прошлом, все большее распространение получают эловые формы. Однако будучи формальным остатком прежнего перфекта, они утратили перфективную функцию — обозначение состояния как результата совершившегося в прошлом действия.

При общезыковой перестройке видовременной системы, в основном завершившейся к XVI веку, достаточно остро ощущалась потеря семантики перфективности, то есть обозначения действия, результат которого актуален в настоящем, или, по другому — обозначения состо-

яния, являющегося результатом совершившегося в прошлом действия. Для восполнения этой потери в известной мере были пригодны причастия с их глагольно-именной природой. В современном литературном языке причастия специализируются на обозначении признака, возникшего как результат определенного действия: *читающий книгу, читавший книгу, прочитанная книга* и др. В народной речи сложились формы так называемого северо-западного перфекта. В них причастия, в большинстве случаев перешедшие в деепричастия, сохраняют более яркую глагольность, уподобляясь утраченному перфекту, передающему состояние как результат совершившегося ранее действия, и восполняют тем самым функцию перфективации: *он уже обедавши, они уехавши, мы уставши, у него жененось, у них уехано в город* [Трубинский 1984; Tommola, 2000: 441–478; Маркова 2013: 146–155; Бьёрнфлантен 2013]. Можно наблюдать, что некоторые контексты в С-1 представляют ситуацию, в известной мере функционально напоминающую северо-западный перфект. Так, в следующем фрагменте текста, демонстрирующем активность причастий, преимущественно в составе уже «нестандартных» ДС, используемых в тексте как средство его «компрессии», просматриваются прямые функциональные аналогии с формами северо-западного перфекта (и, прежде всего, в выделенной части контекста):

*И минувшим тремъ лѣтомъ, и во время божественя литургия у чудотворцова гроба Иоаннова, гроба и Логинова, и у многих святыхъ иконъ в часовни, свѣщамъ многимъ возженным, и людемъ ту стоящимъ, и после обѣдни разшедшимся в дома своя, тако же и ис часовни, и остася единъ человекъ, Иванъ именемъ, свѣщамъ у гроба горящимъ, и забывся изыде и той из часовни, а свѣщамъ горящимъ и неугашеннымъ оставльшимся. **Божиимъ промысломъ и настояниемъ Николы Чудотворца и молитвами чудотворцевъ Иоанна и Логина свѣщамъ самимъ погасшимъ, а у гробницы свѣщамъ догоревшимъ и покровомъ подножие около гроба погорѣвшимъ, и гробу пригорѣвшу с обѣ стороны, а древо сухо велми гробничное, верху гроба покрову цѣлу и до днесь молитвами святыхъ сохраншуся** (л. 129 об. — л. 130).*

Если абстрагироваться от формально и функционально «затемненных» ДС, то в выделенной части текстового фрагмента, да и во всем контексте, присутствует передаваемое причастными формами значе-

ние результата совершившегося в прошлом действия: свечи погасши, свечи догоревши, подножие гроба погоревши, гроб пригоревши, покров сохранившись. Возможно, приведенный контекст представляет собой своеобразное отражение в книжном языке жития присутствующих в живом обиходном языке Севера форм, впоследствии получивших название северо-западного перфекта. Если принять предложенное толкование контекста как отражение уже существующих в разговорной речи XVI–XVII веков форм, близких современному диалектному северо-западному перфекту, то текст С-1 становится своего рода «окошком», позволяющим нам увидеть сквозь толщу традиционной книжности элементы живой речи того периода, а также является свидетельством того, что в конце XVI – XVII столетии формы, называемые северо-западным перфектом, уже были свойственны региональной речи Северо-Западной Руси.

Источники

Сказание о Яренгских чудотворцах Иоанне и Логгине, XVI–XVII вв. (РНБ, Солов. Собр. № 963/1073. Л. 118–134) // Черепанова О. А. Культурная память в древнем и новом слове. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. С. 245–252.

Литература

Акимова Г.Н. Конкуренты сложного предложения в русском литературном языке XVIII в. // Семантика и функционирование синтаксических единиц. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1983. С. 3–18.

Бьёрнфлантен Я.И. Преобразование перфектов в северо-западных русских говорах // Доклад на международной конференции «Слово в пространстве и времени», организованной представительством Университета Осло в Санкт-Петербурге 23–24 апреля 2013 г. (устный).

Дмитриев Л.А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. 303 с.

Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М.: Издание К. Солдатенкова, 1871. 465 с.

Кортаева Э.И. Особые случаи употребления причастий в русском литературном языке XVII–XIX столетий // Ученые записки ЛГУ. 1959. Т. 277. С. 60–99.

- Кузьмина И.Б. Синтаксис русских народных говоров в лингвогеографическом аспекте. М.: Наука, 1993. 223 с.
- Кунавин Б.В. Функциональное развитие причастий в древнерусском языке: дис... докт. филол. наук. СПб., 1993. 702 с.
- Маркова Н.В. Диалектные перфектные конструкции в одном заонежском говоре и идеостиле. Севернорусские говоры. Вып. 9. СПб., 2009. С. 146–155.
- Попова З.Д. Именные действительные причастия в русском литературном синтаксисе XVII в. // Вопросы филологии. М., 1974. С. 160–168.
- Преображенская Н.М. О некоторых проблемах исследования диалектного синтаксиса русского языка // Аванесовский сборник. К 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Р.И. Аванесова. М.: Наука, 2002. С. 118–124.
- Сапожникова О.С. Соловецкий книжник Сергей Шелонин // Труды Отдела древнерусской литературы. 1999. № 51. С. 377–384.
- Сапожникова О.С. Сказание о Яреньгских чудотворцах и методы работы древнерусского автора // Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 546–600.
- Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Вторая половина XIV–XVI вв.: Л–Я. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1989. 527 с.
- Трубинский В.И. Очерки русского диалектного синтаксиса. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 214 с.
- Черепанова О.А. Культурная память в древнем и новом слове. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. 329 с.
- Tomola H. On the perfect in North Slavic // Tense and Aspect in the languages of Europe. Empirical approaches to language typology. Berlin, New-York: Mouton de Gruyter, 2000. S. 441–478.

On the communicative and text-forming functions of participles in the hybrid Church Slavonic language of the 16th – 17th centuries

The article analyzes the functions of participles and constructions that include participles in the Northern Russian hagiographic text of the 16th and 17th centuries. Their significance as one of the elements that characterize and form a non-standard, hybrid type of the Church Slavonic language is shown.

Keywords: hagiography, Church Slavonic, historical grammar, participle, *Dativus absolutus*, perfect.

Бирих Александр

Трирский университет

bierich@uni-trier.de

Слово и дело: фразеологизмы судебно-правового происхождения в русском языке

Предметом рассмотрения статьи являются фразеологические обороты, отражающие образы русского права и судебного делопроизводства. Особое внимание обращается на семантические группы, связанные с видами наказания, взяточничеством, процессами судопроизводства, обозначениями чиновников и т. д. Анализ материала включает в себя интерпретацию образного основания правовых фразеологизмов, а также этимологический комментарий.

Ключевые слова: историческая фразеология, русское право, судебное делопроизводство, историко-этимологический комментарий.

Одну из своих многочисленных книг В.В. Колесов назвал устойчивым судебно-правовым словосочетанием — *слово и дело*, обосновав это название тем, что в книге представлены как методологическая база изучения лексических систем (историческая лексикология) и текстов (историческая стилистика) в их отношении к культурным процессам в русской истории («Теория слова» и «Слово в тексте»), так и конкретные лексикологические разработки («История слов»). «Все это вместе подходит под средневековую формулу русского права — *слово и дело* — поскольку [...] слово без дела пусто, как и дело без слова — уныло и плоско» [Колесов 2004: 4].

Афористическое высказывание В.В. Колесова не связано, однако, со значением, которое этот оборот имел в русском праве. Устойчивое сочетание *слово и дело* (с XIV в. и до Екатерины II) касалось тайных дел земских и государевых. Оно названо «ненавистным» в указе Екатерины II, уничтожившей его в самом начале своего царствования. Выражение *слово и дело* означало, что произносящий эти слова готов донести властям о каком-либо государственном преступлении или о важном деле, касающемся государевой особы. Последствием этого было привлечение как доносчика, так и «прикосновенных лиц» к разбирательству в Тайной канцелярии. Сначала пытали доносчика, и если он с первой попытки не отречется или в пытке умрет, то принимались и за обвиняемого [Снегирев 1832, III: 172; Михельсон 1903, II: 271–272; БМС 2005: 644].

Слово и дело является не единственным фразеологизмом, связанным с русским правом и судебным делопроизводством. Отражение во фразеологии получили многие символические акты и формы древнерусской судебной системы, старые приговоры и правовые обычаи, наименования подъячих и прочих канцелярских чиновников, взяточничество и т. п.

Значительное число фразеологических словосочетаний связано с различными видами наказаний, практиковавшихся в Древней Руси и царской России. Выражение *выдать головой кого* ‘предавать, отдавать кого-л. на расправу кому-л.’ напоминает об одном из самых суровых древнерусских наказаний — передаче обидчика или должника с женой и детьми во всемогущество обиженного или заимодавца до полного прощения или окончательной выплаты долга. Виновный должен был падать в ноги и униженно просить прощения, пока хозяин не поднимет его со словами «Повинную голову и меч не сечет» [Снегирев 1832, III: 219–222; Михельсон 1902, I: 165]. Аналогичное наказание лежит и в основе фразеологизма попасть в кабалу к кому ‘оказываться в подчиненном, зависимом положении у кого-л.’ В Московской Руси (XIV–XVII вв.) *кабалой* называлось долговое обязательство, письменный (с XVI в.) документ о займе или закладе имущества. В кабальной записи предусматривалось, что в случае, если должник не погасит долга, заимодавец превращает его в крепостного.

С прежней практикой казни путем обезглавливания связаны такие устойчивые обороты *как снять голову с плеч долой* ‘жестоко наказать кого-л.’, *не сносить головы на плечах кому* ‘кто-л. не избежит своего справедливого наказания’, *платить / заплатить головой*

‘поплатиться жизнью; погибнуть из-за чего-л.’ и т. д.; ср. (1а). Старое наказание в виде битья неплатящего должника батогами по ногам до тех пор, пока он не заплатит долг или кто-л. не возьмет его на поруки, отражено в сравнении *как на правеже поставить кого* ‘опозорить, опорочить кого-л.’ (1б) и поговорке в ногах правды нет:

(1) а) [Лука:] А мне все кажется, парень, что тебе *не сносить головы своей на плечах* (Попов, Бурлин); б) [Проторгуев:] Никак на те креста нет? Веть-веть-веть товары-то ты дал с обожданием. Ну так-так что ж ты меня *как на правеже поставил?* (Матинский, Санкт-Петербургский гостинный двор).

С наказанием кнутом связаны так же выражения *нюхать / понюхать кобылу* ‘быть публично наказанным кнутом’ и *докрался до кобылы* ‘о проворовавшемся и получившем заслуженное наказание человеке’. Слово кобыла в этом обороте означает ‘доска с вырезом для шеи и рук, на которую привязывали наказываемого кнутом’.

К распространенному в Древней Руси жестокому обычаю клеймить преступникам лицо раскаленным железом восходят фразеологизмы *на лице* или *на лбу написано у кого что* ‘о человеке, по внешнему виду которого видны его замыслы, намерение, состояние духа’, *клеймить / заклеить позором кого* ‘публично обличать / обличить кого-л., призывая наказать обвиняемого’. В сочинении Г. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» сообщается о том, что при Алексее Михайловиче «бунтовщикам» ставили на правой щеке выжженный знак «буки» (букву Б). Позднее клеймо было перенесено на лоб (с 1746 г., указом императрицы Елизаветы), «чтобы они [преступники] от прочих добрых и неподозрительных людей отличны были» [Гвоздарев 1988: 175; БМС 2005: 392]. В клеймо добавочно втирали порошок, чтобы после заживания раны надпись проступала яснее. Ср. также пословицу: *У вора его ремесло на лбу написано*.

Многие фразеологизмы, связанные с судебной системой, традиционно восходят к канцелярскому языку. Большинство из них описывает различные способы, используемые чиновниками для отсрочки принятия необходимых решений или их исполнения. Устойчивые обороты *вернуть крюк (крючок) кому, ставить / поставить крюк кому* ‘препятствовать кому-л. в чем-л.; не давать / не дать кому-л. возможности сделать что-л.’ изначально относились к судебным разбирательствам, которые сознательно затягивались, ср.: „*Вернуть крючок*. Речение в просторь-

чии по приказнымъ и тяжбынымъ дѣламъ употребляемое: когда въ какое дѣло или обстоятельство вмѣшиваются, включаютъ съ намѣреніемъ вредныя, затруднительныя или двусмысленныя околичности. *Ввернули ему ключокъ, не скоро дѣло распутаетъ* [САР2, I: 403–404].

С переносом и сознательным затягиванием судебного разбирательства были также связаны фразеологизмы *откладывать / отложить (класть / положить) в долгий ящик что-л., класть / положить под [красное] сукно что-л., держать дело под красным сукном*. Выражение *откладывать / отложить в долгий ящик* 'оттягивать исполнение какого-л. дела на неопределенный срок' обычно объясняют обычаем, заведенным царем Алексеем Михайловичем (1629–1676 гг.). Перед царским дворцом в его подмосковной резиденции в Коломенском был прибит длинный ящик, куда могли опускать челобитные с просьбами. Разбирались такие прошения царскими боярами и думскими дьяками, которые не особенно торопились с их обработкой. Поэтому «откладывание в длинный ящик» стала символом длительного решения вопроса [Снегирев 1832, III: 270; Максимов 1955: 105 и др.]. По другой версии, *долгий ящик* — это рундук (длинный сундук или ларь), в который или на который откладывались папки с делами при средневековом делопроизводстве [Ермаков 1894: 26]. Согласно третьей гипотезе, фразеологизм является калькой сегодня уже устаревшего немецкого выражения *etw. in die lange Truhe legen*, которому в современном немецком языке соответствует устойчивое словосочетание *etw. auf die lange Bank schieben*. В русский язык оборот вошел в первой половине XVIII в., в период бурного освоения заимствований из западноевропейских языков. Наряду с заимствованиями-канцеляризмами в русский язык попал и фразеологизм о долгом ящике, символизировавший медлительное средневековое немецкое судопроизводство [Мокиенко 2011: 404–408]. Оборот встречается уже в письме Петра I Б.П. Шереметьеву (1703): «Вѣсти Псковскія можно въ долгой ящикъ положить», хотя не совсем ясно, в прямом или в переносном значении употребляет его царь. Фиксируется это выражение и в Вейсманновом «Лексиконе» (1731: 65) под заголовком *Banck* (совр. нем. *Bank*): «со дня на день откладываети, въ долги ящикъ класти, завтраками кормити» (ПИБ II, № 527: 166. = 1703) [Оттен 1999: 49], а также в литературных текстах XVIII века; ср. (2):

(2) [Любомысл:] Не я, слава богу! все дела как кочки переломал; а чтобы сговором не мешкать и не *откладывает в длинный ящик*; так

я могу ехать и привезти сюда невесту (Княжнин, Жених трех невест); Сенат, потолковав отвѣт, положил его, как называется, в долгий ящик. Држ. VI 549 [СлРЯ XVIII, 6: 192].

В значении 'откладывать какое-л. дело на неопределенное время, оставлять его без рассмотрения, не давать ему хода' в русском языке XVIII в. использовались также устойчивые словосочетания *класть / положить под сукно что*, *класть под красное сукно что*, *положить дело под сукно*, *положить в долгий ящик под красное сукно*. Последний вариант, отмеченный в мемуарах Г.Р. Державина (1785 г.), можно считать контаминацией двух фразеологизмов — *положить под красное сукно* и *положить в долгий ящик*, так как оба этих оборота употреблялись по отдельности уже в первой половине XVIII в. Другие варианты, встречающиеся в этот же период, возникли, по-видимому, на основе более сложной оригинальной конструкции *класть / положить дело под красное сукно*. Об этом свидетельствует наличие этого устойчивого словосочетания в литературных текстах, а также фиксация сходного выражения *держат дело под красным сукном* в «Словаре Российской Академии». Ср:

(3) [Добров:] Когда судья желает чтоб чье дело Лет несколько на свет Господний не глядело, То он его *кладет под красное сукно*: А там; — Спокойна ночь; лежи и преи оно (Капнист, Ябеда); *Держат дело под красным сукном*. В судебных делах значит: волочить, продолжать долго, не решить [САР2, II: 62].

Под «красным сукном» в рассмотренных оборотах метонимически подразумевается стол судьи с красным покрытием, в ящиках которого хранились судебные дела. О первоначальном красном покрытии судейского стола свидетельствует А.Д. Кантемир в своем комментарии к сатире «К уму своему»: «Во всех приказах стол, за которым судьи заседают, покрыт обычайно красным сукном» (Кантемир, Примечания к Сатире I). Интерпретация *красного сукна* как 'судейского стола с красным покрытием' (метонимическое соотношение «часть — целое») подтверждается другим фразеологизмом, также содержащим компоненты *красное сукно*: *сидеть за красным сукном* 'занимать должность судьи; быть судьей'. В этом значении этот оборот используется в вышеупомянутой сатире А.Д. Кантемира (4а) и некоторых других текстах XVIII века (4б и в):

(4) а) Писец тужит, *за сукном что не сидит красным*, Смысля дело набело списать письмом ясным (Кантемир, К уму своему); б) [Бармас:] Где ты, друг мой, учился? Ты так говоришь, будто б ты лет тридцать *за*

красным сидел сукном (Сумароков, Чудовищи); в) Да, подлый человек, ктоб ни был он такой, Есть подл в моих глазах и ненавидим мной: ... Под митрою ли он, иль просто в клобукъ, *За красным ли сукном сидит*, или в шинкѣ. Дмтр. I 68. [СлРЯ XVIII, 10: 238].

Отражение во фразеологии получило и широко распространенное в судопроизводстве взяточничество. Одним из наиболее старых эфемизмов взятки является выражение *барашек в бумажке*. Оно фиксируется уже в рукописи XVII в. (П. Симони) и возникло, по-видимому, в канцелярском языке. В одном из сатирических журналов XVIII в. «Всякая всячина» читаем:

(5) Подьячии... со всѣх берут деньги и с правых и с виноватых. Деньги, кои им дают, обвертывают бумагою благопристойности ради...; а чтоб не столь выговор тягостен показался ушам челобитчиковым, ежели подьячий потребует у него денег, то выдумали они сие слово: принеси мне барашка в бумажкѣ, то есть деньги обверченныя бумагою. Всячина 444 [СлРЯ XVIII, 1: 141].

В Вейсманновом Лексиконе [1731: 88] отмечен еще один оборот со значением ‘давать взятку’: «Деньгами, подарками, посулами подкупити, задобрити, подарками склонити: *серебряным колокольцом в ухо позвонити*». Он фиксируется также «Словарем русского языка XVIII века» с подтверждающей цитатой из IX Сатиры А. Кантемира: «**Серебряным колокольцем в ухо звонить**. Подкупать, задабривать. *Где божий и земский страх? Даром наши души, Как звонят серебряным колокольцем в уши*. Кнт. Сат. IX 185.» [СлРЯ XVIII, 10: 101].

Связь со средневековым правом и судебским делопроизводством очевидна, однако, не для всех фразеологизмов из этой предметной области. Многие из них отличаются неясной мотивацией, которую можно объяснить лишь лингвистическими фактами из старших языковых эпох. Выражение *ставить / поставить на одну доску* кого-л. с кем-л. ‘приравнивать кого-л. к кому-л. в каком-л. отношении’ комментируется, например, следующим образом: «Выражение известно с XVIII в. Доска здесь значит ‘полка для хранения чего-либо’. На такую полку обычно ставили одинаковые по качеству, типу и цене предметы» [Мелерович, Мокиенко 1997: 213].

Этимология А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко предполагает в качестве источника фразеологизма *ставить / поставить на одну доску* народно-разговорную речь, поскольку образная основа этого оборота

в их интерпретации связана с домашним бытом. Поражает, однако, что рассматриваемый оборот в диалектах не встречается. Его не отмечает «Словарь русских народных говоров», нет его и в других диалектных словарях, таких как «Фразеологический словарь русских говоров Сибири», «Псковский областной словарь» и др. Это устойчивое сочетание и фиксируется «Толковым словарем живого великорусского словаря» В.И. Даля («Поставить кого с кем на одну доску, сравнить или сравнять» [Даль 1903, III: 893]), однако оно дается без указания диалектов, что свидетельствует о его литературном характере.

Сказанное заставляет искать иное этимологическое объяснение рассматриваемому выражению. Поскольку диалектный материал такого объяснения дать не может, обратимся к фактам старших языковых эпох. Первые контексты употребления этого фразеологизма относятся, к сожалению, лишь к XVIII в. Его не фиксируют «Материалы для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского и «Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)», отсутствует он и в «Словаре русского языка XI–XVII вв.». Однако уже материалы XVIII в. позволяют прояснить этимологию этого выражения.

Отметим прежде всего, что в языке XVIII в. отмечаются три фразеологизма с компонентами *одна доска*: *ставить / поставить (выставить) на одну доску, стоять на одной доске и становиться / стать на одну доску*. Ср.:

(6) Воскресни, Руссо! подобно Магометову отцу, на один только час и увидь свою победительницу, а если ты столь отважен, что вздумаешь спорить с нею в преимуществе красноречия, то *выставим на одну доску* письма твоей Элоизы и моей; и я ручаюсь, что последние станут торжествовать (Крылов, Ночи) [Палевская 1980: 60].

(7) Я только разницу в том нахожу большую, Что в ризу облекли Прадона золотую; А трогатель сердец Расин был в корешке, И на одной стоял с соперником *доске* (Хвостов, Расин и Прадон) [Палевская 1980: 326].

Следующие контексты употребления рассматриваемых фразеологизмов позволяют более отчетливо прояснить первичный образ, лежащий в их основе. Ср.:

(8) Но как делать было мне нечего, то спешил представить ему одного мужика, жалующегося на самого ж сего бездельника о взятии с него обманом взяток. Тотчас тогда *поставлены* были оба они *на одну*

доску. Он не преминул в том заператься, но как был он мужиком уличен, то при всех и получил сей бездельник определенное наказание его палками (Болотов, Записки).

(9) [Проньркин:] Внучка вашего благородия потребна бы сюда на улику. [Старокопейкин:] *На одну доску с ворами?* Нет! Нет! (Державин, Дурочка умнее умных).

(10) Не бивал не граблывал, а тут же с плутом стой на одной доске (Новиков, Похождение Ивана гостиного сына).

Как видно из примеров, устойчивые обороты *поставить на одну доску* и *стоять на одной доске* не имеют здесь еще значений 'приравнять кого-л. к кому-л. в каком-л. отношении' и 'быть равным с кем-л. в каком-л. отношении'. Речь идет в этих контекстах скорее о том, что кто-л. выступает или должен выступать в качестве свидетеля на очной ставке с кем-л. Это предположение подтверждается следующей выдержкой из «Записки Леонтия Магницкого по делу Тверетинова» (1716 г.):

(11) Я удивляюся сему: ...что самыя воры, еретики и должны сожжения, а мы свидетели люди безпорочныя, ...а всякому особно с такими ворами *на одной доске на очную ставку велено стать*. Д. Тв. 48. [СлРЯ XVIII, 6: 226].

Такое употребление выражений *ставить / поставить на одну доску, стать на одной доске* делает их синонимичными распространенным в приказно-деловой речи XVI–XVIII вв. устойчивым оборотам *ставить / поставить с очей на очи, ставить / поставить с лица на лицо* 'допрашивать свидетелей или обвиняемых в присутствии других свидетелей или обвиняемых', т. е. проводить *очную ставку*. Ср.:

(12) ...того, на кого тот извет будет, сыскати и поставити с изветчиком *с очей на очи*. («Уложение» царя Алексея Михайловича, 2, 16 ст.) [Виноградов 1994: 1011].

(13) И я велѣлъ тѣхъ детей боярскихъ с нимъ, Ивашкомъ, *съ очей на очи поставить* и ихъ допросить, имали ль они тѣ его животы? И въ допросѣ на очной ставкѣ сказали тѣ дѣти боярские, что они денегъ съ него... не сымывали. АМГП, 112.1639 г. [СРЯ XI–XVII, 14: 104].

(14) *С лица налицо*. В обр. наречия: на очную ставку. Поставить истца, свидетелей, виноватого *с лица на лицо* [САР², 3: 578].

(15) Когда уж до того дошло, так дозвольте им, ваше превосходительство, по крайней мере *с лица на лицо* пред вами их спросить, чем так они и кем недовольны? (Болотов, Записки).

Приказно-деловое происхождение фразеологизмов *ставить / поставить на одну доску, стать на одну доску (на одной доске)* становится особенно отчетливым из употребления их А. Кантемиром в его пятой сатире «На человека» и изъяснения к нему:

(16) А в лесах звери того [ябеды, т. е. доносительства — А. Б.] ни мало боятся, Без лукавства ссорятся, без злости мирятся, Не заводятся дела, приказов не знают; Орлы орлов *на доску стать* не вызывают... (Кантемир, Сатира V)

(17) Ст. 188. *На доску стать не вызывают.* На доску вызывают, когда один в суде в деле каком отпирается, а другой подтверждает и говорит, что рад пытку терпеть с ним вместе. Многие такие злобные суть люди, что хоть сам виноват, а ответчика обвинить не может, то розыском выиграть хочет, не жалея собственного своего тела (А. Кантемир. Изъяснение к сатире V).

Приведенные контексты позволяют утверждать, что источником фразеологизмов *ставить / поставить на одну доску, стоять на одной доске и становиться / стать на одну доску (на одной доске)* послужила приказно-деловая речь. Первоначальное значение этих выражений — ‘выступать в качестве свидетеля (или обвиняемого) на очной ставке’, т. е. стоять при допросе друг против друга, лицом к лицу (*с очей на очи, с лица на лицо*) на одной половой доске. Формальное уравнивание свидетеля и обвиняемого на очной ставке послужило основой для формирования переносного, фразеологического значения у этих устойчивых словосочетаний.

Сделанные наблюдения, которые ни в коей мере нельзя считать исчерпывающими, показывают, что русское право и судебное делопроизводство являются продуктивным источником русской фразеологии. Хотя некоторые рассмотренные фразеологизмы уже устарели, все же многие из них по-прежнему широко употребляются в языке (*положить в долгий ящик, ставить / поставить на одну доску и др.*) или переживают второе рождение, как, например, выражение *барашек в бумажке*, которое в последнее время часто отмечается в современной публицистике и литературе. Таким образом, судебно-правовая фразеология требует серьезного изучения с учетом реалий не только далекого прошлого, но и сегодняшнего дня.

Источники

- Даль* — Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. 3-е изд., испр. и доп. / Под ред. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. Т. 1–4. СПб.; М., 1903–1909.
- САР2* — Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. 1–6. СПб., 1806–1822.
- СлРЯ XI–XVII* — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–31. М., 1975–2019.
- СлРЯ XVIII* — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–22. Л. (СПб.), 1984–2019.

Литература

- БМС* — Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М.: Астрель: Аст: Люкс, 2005. 926 с.
- Виноградов В.В.* История слов: около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Толк, 1994. 1138 с.
- Гвоздарев Ю.А.* Рассказы о русской фразеологии. М.: Просвещение, 1988. 192 с.
- Ермаков Н.Я.* Пословицы русского народа. СПб.: Тип. С.А. Корнатовского, 1894. 42 с.
- Колесов В.В.* Слово и дело: из истории русских слов. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. 703 с.
- Максимов С.В.* Крылатые слова. М.: Гослитиздат, 1955. 444 с.
- Мелерович А.М., Мокиенко В. М.* Фразеологизмы в русской речи: Словарь. М.: Русские словари, 1997. 863 с.
- Михельсон М.И.* Русская мысль и речь. Свое и чужое: Опыт русской фразеологии. СПб., 1902–1903. Т. I. 778 с.; Т. II. 830 с.
- Мокиенко В.М.* Почему мы так говорим? От ветхого Адама до долгого ящика. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. 480 с.
- Оттен Ф.* Некоторые наблюдения над употреблением русского фразеологизма откладывать / отложить в долгий ящик // Русистика. № 1–2. Берлин, 1999. С. 49–62.
- Палевская М.Ф.* Материалы для фразеологического словаря русского языка XVIII века. Кишинев: Штиинца, 1980. 367 с.
- Снегирев И.М.* Русские в своих пословицах. Рассуждения и исследования об отечественных пословицах и поговорках: в 4 кн. М.: Университетская тип., 1831–1834. Кн. 3. 280 с.

Slovo i Delo (Word and Case): Phraseologisms of judicial-legal origin in Russian

The subject matter of the article is phraseology that reflects images of Russian law and court proceedings. Special attention is paid to semantic groups related to types of punishment, bribery, court proceedings, designations of officials, etc. The analysis of the material includes an interpretation of the figurative basis of legal phraseology as well as etymological commentary.

Keywords: historical phraseology, Russian law, court proceedings, historical and etymological commentary.

Демидов Д.Г.

Государственный университет Чжэнчжи, Тайбэй
demidoffs@rambler.ru

Русский идеал-реализм, американский неореализм и китайский атомарный реализм

Языковые культуры России, США и Китая сопоставляются на основе философских течений этих стран. Устанавливается, что В.В. Колесов заимствует «концептуальный квадрат» у о. Павла Флоренского. Неореализму дается расширительное толкование: в него включается прагматизм и критический реализм. Из даосских и отчасти конфуцианских сочинений выбираются суждения о слове, понятии и предмете, выстраивающие вариант реализма, не известный ни в России, ни на Западе.

Ключевые слова: спор об универсалиях, русская немарксистская философия, американский прагматизм, неореализм, критический реализм, даосизм, конфуцианство.

Встречи с великим единомышленником старшего поколения явные, после земной его кончины преобразуются в непреходящее, вдохновляющее, вечное соприсутствие неявное, незримое, тайное, и отливаются в категорическое долженствование. Ученый остается здесь, с нами: для всех — в своих книгах и статьях, для многих — во вдохновенных устных выступлениях, для немногих счастливых — в прямых, острых, честных и добродушных, всепонимающих и всепрощающих молчаливых взглядах и улыбках. Во время одной из последних бесед со своим наставником профессором Колесовым я дерзнул высказать соображение, что,

кроме русского реализма, в мире действуют и другие типы реализмов. Крупнейшие и влиятельнейшие из них — американский и китайский. Владимир Викторович поддержал это направление мысли, сказал несколько воодушевляющих слов и кратко завершил: «Пишите!». Ниже предлагается опыт описания трех национальных вариантов философского реализма. Этот опыт ни в коем случае не претендует на какие-то обобщения, а предпринимается лишь в целях предложения новой актуальной темы дискуссии, принципиально важной для языковедов, ищущих основания своего предмета знания.

Опираясь на решение вопроса об универсалиях¹ в духе реализма (идеи до вещей), В.В. Колесов разработал стройное учение о концепте как полном развитии словесного образа, символа и понятия (мэона) из своего зародыша — первосмысла, который можно назвать концептумом. Это сначала было изложено систематически [см. Колесов 2002], затем учению о концепте было дано обширное философское обоснование [см. Колесов 2007], наконец, в развитом и расширенном виде представлено в книге [Колесов 2019].

На противоположных основаниях (идеи после вещей), начиная с Росцелина, развивался французский номинализм, приведший к картезианству; сложилась «брита Оккама» и череда последовательных английских номиналистов; вырос могучий Кант со своей концептуалистской системой и кантианцы, обеспечившие немецкой мысли примирение с французской мыслью Декарта, — всё это суть варианты западноевропейского номинализма, разновидностью которого, по правильному утверждению реалистов Б. Рассела² и Ч. Пирса [Пирс 2001: 50], выступает концептуализм. Это предательство раннесредневекового реализма предопределило «Закат Европы». Но номинализм открыл и блестящие перспективы положительной науки, позволил

---

¹ Об этом термине и трудностях, связанных с проблемой универсалии, см. [Колесов 2006].

² «Философия, которую я отстаиваю, в целом рассматривается как разновидность реализма и обвиняется в противоречивости из-за элементов, которые в ней выглядят противоречащими этой доктрине» [Рассел 1993: 17]. Идея числа существует до всякой вещи, «слово должно обозначать то, что может быть узнано, а пространственно-временные области вне их качеств — не могут узнаваться, поскольку все они похожи друг на друга. В действительности они — логические фикции...» [Рассел 2001: 25]. Перемещая общее в вещи, мы фактически сохраняем их после вещей, ибо всё равно вещь сначала узнается, а потом из нее выделяются признаки.

ставить эксперименты, необходимые для успехов естествознания, обеспечил взрывной рост промышленности и технической военной мощи в результате произвольного изготовления чуждых природе вещей, наконец, обосновал переход от латинского к новоевропейским национальным языкам. Но цивилизационный рассвет Западной Европы сопровождается идейно-культурным закатом.

Русский император «революционер на троне» Петр Великий принял единственно верное решение — учиться у Западной Европы всему тому, чего не смогла достичь прежняя Московская Русь, плоть от плоти которой был и он сам. Лес рубят — щепки летят. Щепок оказалось столь много, что они к 1917-му году спрессовались в иллюзию «нашего нового мира» и привели к свержению императора. В Китае в 1911-м году также был свергнут император, представитель невыносимой для ханьцев-китайцев представитель чуждой маньчжурской династии. Российский сословный уклад, ставший прямым продолжением индоевропейских универсалий землепашца, торговца, воина, жреца и правителя, стал изнутри разлагаться искусственным заимствованным сословием мещан (людей, названных по остаточному принципу), которому завидовали рабочие люди — наемники¹, не попадавшие вообще ни в какое сословие. Исторический социальный нарыв не был залечен, не рассосался тихими грамотными действиями чиновников — старых воинов, но был подло и своекорыстно вскрыт интеллигенцией — обратной стороной мещанства. «Хотели как лучше, а получилось как всегда».

Россия не смогла забыть о своих истоках. История идей властно направляет историю политическую. Социальный эксперимент 1917–1991

---

¹ *Рабочие* — это уже-не-крестьяне, но еще-не-мещане, не *петербуржцы*, *питерцы*. Вот первые употребления этого существительного по НКРЯ: Указ о прикреплении рабочих к фабрикам и заводам... [Анна Иоанновна. Указ о прикреплении рабочих к фабрикам и заводам (1736)]. — И сердце ее забилось сильнее. — Да, дитяtko, это сын Ивана Пахомыча; отец его добрый хлебосол да он и сам, видишь ли как *рабочий*. Слова матери свящeнны; девушка уже не своя. Парамон, со своей стороны, идет завтракать. [Неизвестный. Парамон и Варенька (1796)] ...двое *рабочих* взяли по лампаде... [А.И. Михайловский-Данилевский. Путешествие по Гарцу в октябре месяце 1809 года (1809)] Слово очень странное по своему образованию. Это по фонетической примете т//ч русизм, а по морфологическому образованию субстантивата (как *служащий*) — славянизм, — типичный церковнорусизм, по Виноградову. Может быть, новый социальный термин произведен императрицей Анной Иоанновной по образцу старинных придворных чинов *постельничий*, *сокольничий*, *ловчий*, как *лесничий*?

годов завершился провалом в идейной своей части, но, разумеется, пренебрегать накопленным опытом и сложившейся психологической реальностью ни в коем случае нельзя, надо только «жить не по лжи». Состоявшееся религиозно-культурное и оборонное возрождение России показывает силу старой закваски ответственного пред Богом отношения к вещи. Роль белой и старой дореволюционной России в этом возрождении еще не оценена по достоинству и вообще малоизвестна, несмотря на подробную фиксацию внешних фактов ¹.

Романо-германский мир также никак не мог забыть о своих истоках. Отмена рабовладения **в Америке** и крепостного права в России возвысили идею человека. США, Европа и Россия по-разному стали осваивать идеал свободы. В наше время идею свободы в старой Европе произвольно и разнузданно перенесли на никогда не подлежавшие ей вещи, в результате мир получил неолиберализм. На наших глазах Северная Америка решительно отмежевывается от мнимых европейских либеральных глобалистских ценностей. Дело не в сиюминутной политической конъюнктуре, а в фундаментальном культурно-цивилизационном сдвиге: американская нация не желает моментально заканчивать свою историю самоубийством. Оторвавшись от англичан, она пошла по пути Пирса, а не Витгенштейна.

Не забыл о своих конфуцианских истоках и великий **Китай**. Реформы Ден Сяопина («революционера на троне») и следующие за ними изменения всё больше приближают нынешний уклад Срединной империи к принципам, тщательно разработанным более тысячи лет тому назад в священных для китайцев книгах. Китаец никогда не будет противоречить естественному ходу вещей, в которых раскрываются идеи, но станет настойчиво и трудолюбиво воплощать выверенные идеи в вещи по своим и западным технологиям. Корнеизолирующий строй языка и иероглифическая система письма вообще не могут иметь никаких иных оснований, помимо реализма. Не условное, а прямое схематизированное изображение идеи в простом иероглифе связывается в процессе его употребления с вещью, на основе простых иероглифов строятся слож-

---

¹ Имею в виду не только эмигрантов, но и оставшихся в России и лишенных прав и имущества. Разве нельзя назвать их *униженными* и *оскорбленными*? И разве не их трудом, не их старой выучкой и выучкой их учеников обеспечено советское экономическое чудо?

ные. Дальнейшая номинация осуществляется сочетаниями известных иероглифов. Великое многообразие вещей обозначается комбинациями ограниченного числа идей. Тайваньские китайцы не распространили у себя реформу, упрощающую начертания, и лучше сохраняют внутреннюю форму и различительную силу своих зримых слов.

Северная Америка приобрела в употреблении языка опыт, отличный от Старого Света. В функциональном отношении английский, впитав латино-французские морфемы, в конце концов занял место латинского языка. В Великобритании это используют широко, но внешне, эксплуатируя свой родной язык как средство прироста капитала. В США это понимают по существу, ибо уже трансформировали языковой капитал в средство управления мировыми процессами. **Слово** для американца — не условный знак вещи, а реальная инструкция к действию. Условные имена по внутринациональному соглашению, идущие от своих вещей, не могут выполнять сверхнациональной функции, — здесь нужна предварительная общность идеи. Нынешний английский международный язык общения — это язык данных идей, применяемый к заданным вещам в интересах транснациональных сил.

История народов свидетельствует, что язык не фигурально, а *действительно* есть духовная деятельность, направляющая их историческое движение. Учение Колесова прямо продолжает линию Гумбольдта — Поттебни. Объектом концептологии является внутренняя форма языка. У разных философов XX века мы находим возвращение к проблеме языка, но только к языку науки или компьютерной программы и от мысли, от текста или от речевого действия, а не от самого языка. Лишь те, кто стоит на позициях реализма, способны глубоко изучить новейшую эволюцию теории знака (см., напр. [Кюннг 1993]). Действие родного языка изучают немецкие неогумбольдтианцы. Русский философ языка В.В. Колесов с тех же позиций изучал русский язык. Проникая в русскую духовность, он показал ее словесное выражение. Это стало возможным на основании реализма. Само же основание реализма вненационально и поэтому требует обобщения с привлечением других крупных языковых культур.

Концентрация **русских философских направлений** совпала с переломным для истории России началом XX века. В отношении решения вопроса об универсалиях немарксистские мыслители заняли позицию реализма. Всю необходимую работу по этому вопросу проделал

В.В. Колесов. Нам остается только выборочно резюмировать его книги [Колесов 2007: 144 и др.]. В терминах лингвистического структурализма в новой бинарной оппозиции «материализм⁺: идеализм-» развивается немаркированный член оппозиции.

Персонализм Н.А. Бердяева есть, по теории познания, трансцендентный реализм или, с уточнением Н.О. Лосского, «персоналистический идеал-реализм». Отвергая позитивизм, рационализм и феноменологизм, Бердяев видит в истине задачу экзистенциальной философии. Жизненность, историзм, религиозность, соединенность с чувством и волей суть требования к объективации, которая совершается в словах. Но реальный смысл слов затемнен приписываемыми им номинальными значениями. Преодолев в себе марксизм, Бердяев понял его крупный недостаток в абсолютизации антитез, смещении крайнего реализма с крайним номинализмом. Однако и персоналистская альтернатива марксизму не дает ответа на вопрос о русском непротиворечивом реализме.

Абсолютный реализм Л. Шестова направлен на поглощение онтологией гносеологии, общие понятия мыслятся им как идеалы. Слово прямо принимается за понятие, причем понятное, жизненно действующее понятие. Циничная риторическая манера философствования, вечные вопросы без ответов препятствуют тому, чтобы посчитать эту разновидность русского реализма за основную.

Радикальный реализм С. Франка приводит к тому, что он фактически заменяет гносеологию (теорию познания) эпистемологией (теорией знания). Так он сближает теорию знания с онтологией. Метафизическим предметом философствования для него выступает «Абсолютное, сверхвременное бытие и Всеединство», вечная жизнь, означаемая русским словом правда, постигаемая интуицией. Вневременное общее в предмете знания отрицается номинализмом, поэтому приемлем только реализм. Как Рассел и Пирс, Франк рассматривает концептуализм вместе с номинализмом. Примиряя эмпирический реализм Аристотеля и «идеализм» Платона, он вводит более широкое, чем действительность, понятие реальности.

В реальности, по Колесову, лежит вневременной и внепространственный концепт, который открывается через закон, в действительности действует понятие, которое подчиняется причине. Включение противочлена сознания, заданного предмета, в само сознание, как уви-

дим ниже, очень близко к англо-американской традиции неореализма. Содержание понятия для него первично по отношению к объему понятия, предмет вообще может быть исключен из понятия, а определяется слово, которое играет роль средства познания.

Франк точно рассматривает отношения между образом и понятием, но не видит символа, обязательного для русского реализма. Скачок в металогическое единство, концепт, без символа невозможен. Радикализм Франка не позволяет ему встроить четвертый элемент, в его системе либо только образ — понятие — металогическое единство (без символа), либо только данное — факт — имеющееся (без концепта).

Не столь строго и дискурсивно творит в духе своего мистического реализма о. Павел Флоренский. Но в замене рассудочности личной волей, вдохновенной свыше, и в синкретизме мысли есть своя особая сила, неподвластная школьной философии. О. Павел сумел задолго до нынешнего открытия Средневековья по достоинству оценить эту эпоху. Образная чувственность дает пищу личному рассудку в понятиях, а если при этом познана Истина, возникает соборный разум, принявший ее символы. При этом действие разума непременно антиномично. Задолго до сетевой организации информации о. Павел развил учение о «круглом» созерцательном мышлении, сам его охарактеризовал как «восточное», признал близким ему английское и отдалил немецкое и французское [Колесов 2007: 221]. По сути дела, это и есть указание на китайский атомарный реализм и англо-американский неореализм. «Борьба с объектом» представлена у о. Павла не менее зримо, чем в американском неореализме, исходит из средневекового синкретизма субъекта и объекта и приближается к изначальной слитности субъекта с природным объектом в китайской мысли, только вместо восточной бездеятельной созерцательности, у русского мыслителя происходит «вскипание мысли». Объект всегда только задан. Свой реализм о. Павел противопоставляет наиболее радикальному номинализму — терминизму. Монадология переживается им в живом опыте, она дана религиозно и определяется постериорно, смирением приятия.

Антиномии разрешаются в слове. В философии языка о. Павел выступает как гумбольдтианец и изучает частные антиномии Штейнталя и Потебни, которые сводятся к языку — речи. Опорную онтологическую структуру священник находит во Св. Троице. Троичность свойственна бытию вообще: пространству в трех измерениях, времени в его

прошлом, настоящем и будущем, грамматическому роду — мужскому, женскому и среднему, семье, состоящей из отца, матери и детей, личности с ее телесным, душевным и духовным направлениями жизнедеятельности. Язык же пребывает в антиномиях деятельности и продукта деятельности, целого и отдельного слова, имени нарицательного и собственного, именуемого и имени, семемы и фонемы, предложения и слова, корня и суффикса, основы и флексии, части речи и члена предложения, языка и речи, субъекта (мы говорим языком) и объекта (язык говорит нами), магичности действия слова и мистичным императивом его понимания. Антиномии изучаются как эквиполентные оппозиции и снимаются качественно третьим. Слово-символ соединяет идеальное и реальное, оно, как и у исихастов, есть сущность-идея и энергия вещи: «...словом преобразуется жизнь, и словом же жизнь усваивается духу» [Колесов 2007: 227]. Как исследователь имени, Флоренский лингвистический реалист. До сих пор плохо осмыслено его универсальное определение морфемы как двуединства первозвука и первосмысла. Кажется, будто оно перенесено от китайского на другие языки.

Слово имеет реальную мистическую (молитвенную) спасительную силу. Слово есть вещь. Из него символически порождается идея, трансцендентная слову. Вдумываясь в слово, беседуя с ним, мы поднимаемся в гору и созерцаем на ее вершине достигнутое синтетическое слово. Любимый образ Флоренского восхождения в гору хорошо известен и древней китайской поэзии (Ли Бо и др.). От конкретных образов в слове о. Павел переходит к категориальному синтезу в понятии, далее — к символу, не сводимому к содержанию слова, но требующему своего поиска. Логос ведет к искомому слову таким путем: от сгущенного слова — образа; через зрелое слово — понятие; к окончательному слову — символу; в искомое слово-зародыш и источник всего — концепт. Это «четвертый вид объектов», этимон и инвариант, хранимый Софией, даруемый Логосом, окруженный мэоном.

В.В. Колесов заимствует свой «концептуальный квадрат» у о. Павла Флоренского, перерабатывая его для словесных форм языка, уточняя понятие концепта по [Аскольдов 1922], и развивает учение о внутренней форме слова.

Реализм о. Сергия Булгакова назван «этическим». Начала истины, добра и красоты соответствуют сторонам творческого сознания: познанию, искусству и подвигу воли. Важно не знание подлежащего, а ак-

тивное познание — открытие предиката в устремленности к высшей идее. Вся философия Булгакова разворачивается по образу Триипостасного Божества: вера — философия — наука, ипостась — слово-идея — вещь (в толковании субстанции), подлежащее — связка — сказуемое, субъективный идеализм — объективный идеализм — натурализм, субъект-слово — понятие-идея — бытие-вещь, суждение — предложение — именование, слово — имя — логос, семема — морфема — фонема в имени. Это даже доходит до схематизма, создающего впечатление «непереваренного Канта». В «Философии имени» развивается учение о суждении, которое Булгаков мыслит аналитически. Оно сводится в своей онтологической основе к типу «Я есмь нечто».

Семиотический треугольник рассматривается, начиная со звукового и осмысленного слова. Синтез слова с вещью рождает имя. Синтез имени и идеи создает логос. Тщательная разработка Божественного Ничто, мэона, близка к собственному понятию Колесова — концепту. Смысл исходит из идеи (по Платону). Идея «ощущает себя» в красоте и находит свою полноту в Софии. Ученый не может оставаться «бухгалтером мысли» в своей рассудочности, он творит из Софии. Идеи осуществляются в именах, давая бытию словесные образы. Имя появляется в первоначальном суждении, а потому предикативно и лишь затем номинативно. Оно проявляется в корневом образе, познается в понятии, которое логически описывает объект науки, но оно же омертвляет первичный красочный образ. В нем содержание важнее объема, потому что оно содержит основу соединения индивидуальностей. Но Логос может материализоваться только в символе, раскрывающем не смысл или значение, но сущность, отсюда полное определение слов как символов. Сущность толкуется как «субстанциальное начало», возможное только в реализме. Это субстанциальное начало слова В.В. Колесов называет концептом. Символ позволяет идеальное соединить с реальным в «микрокосме человеческой индивидуальности».

Мышление Булгакова символично, оно позволило ему выстроить богатую философию языка и глубоко импонирует Колесову¹. Термин

---

¹ Только здесь, на основе философии языка о. Сергия Булгакова, разбираются недостатки описания русской грамматической системы в терминах бинарных привативных оппозиций, несостоятельность теории диглоссии для Русского Средневековья, даются положительные примеры из истории русских грамматических и стилистических категорий [Колесов 2007: 257–259].

идеация он заимствовал у Булгакова [Колесов 2007: 254]. Гердер показал, почему (генетически из народа), Булгаков выразил, как (религиозно при незримом соприсутствии Софии), Хайдеггер ответил, какими силами, какой энергией (в человеческом «тут»-бытии, *Dasein*'e), а Колесов определил, зачем (социально-исторически ради возрождения в концепте) не мы говорим словами, но слова говорят нами.

В символе В.В. Колесов видит гармонизацию реализма религиозного — Н. Федоровым, логистического — Вл. Эрном, диалектического — Л. Карсавиным. В образах и понятиях представлена разрушительная сторона реализма: у В. Розанова — скептического, у И. Ильина — эклектического, у А. Кожевникова — дискурсивного. Из русских мыслителей, творящих в художественной форме, кроме Достоевского, Колесов выделяет А. Белого и Вяч. Иванова. Наконец, философское творчество А. Лосева именуется неореализмом, но с англо-американским неореализмом он совпадает разве что хронологически.

Высшей и наиболее полной, развернутой в смысле требований к законченной философской системе и лучше других раскрывающей русскую ментальность, мы считаем форму русского реализма, представленную в идеал-реализме Н.О. Лосского. Лосский лучше других понимал всех вышеперечисленных русских философов, ближе других подвел В.В. Колесова к пониманию концепта. Интуитивизм Лосского основан на гносеологии Единства (не Всеединства) и разграничен с мистицизмом, исследует русскую ментальность философским методом, например, идет от целого к частям, нацелен не на пользу, а на истину, развивается в учении о конкретном идеал-реализме. Вместо каузальной теории¹, Лосский говорит об исторической памяти, в том числе далеких веков, которая хранится в подсознании, раскрывается в сознании и влияет на наше поведение и, добавим, творчество. Познание индивидуально, сознание общей идеи, содержащейся в вещах, совместно у всех субстанциальных деятелей и позволяет воспринимать предмет в подлиннике, то есть его образ. Идея, напр., идея материи, понимается как процесс, а материальная природа — как органическая система.

---

¹ У русских нет иммунитета против мифа всеобщего детерминизма, навязанного марксизмом. Это влечет за собой известный лермонтовский фатализм, хорошо видный в последних государственных решениях конца 2020 года: слово спутник (планеты, болезни, инфодемии) в названии вакцины — явный признак приятия чуждых правил игры, которых якобы не избежать.

Всё в мире связано функциональными зависимостями, миру присуща системность, его иерархия идет сверху вниз, по Платону. Целое — это ценность. Абсолютная положительная ценность — Добро, а зло есть отсутствие добра.

Выводятся 3 типа интуиции — чувственная в образе, интеллектуальная в понятии, мистическая в символе, — и подробно описываются механизмы перехода их друг в друга. Это позволило В.В. Колесову сделать следующий шаг и изучить историческое движение словесного выражения интуиции, а также подвести к этой триаде необходимый для объяснения всего цикла движения речемысли четвертый элемент — концептум. Впрочем, фактически о концепте писал уже Лосский, называя его «внутренним словом мира». Именно оно раскрывается в своем инобытии — образе, понятии и символе. В отличие от о. Сергия Булгакова, Лосский отвергает аналитическую и утверждает синтетическую необходимость в открытии нового. В синтетических суждениях предикат являет содержание понятия. Референт субъекта со своим объемом понятия достигает таким образом понятия о предмете. Вещь находит свою идею. Беседуя с Аскольдовым, Лосский сделал открытие, взятое за основу своего учения о концепте Колесовым: интуиция наблюдателя совмещает в слове объем понятия от образа и содержание понятия от символа.

Англо-американский неореализм зародился в Австрии (открытие родового признака сознания — интенциональности [Брентано 2000: 15] возможно было только на почве реализма) и Англии (наши ощущения уже суть ментальные образы, то есть идеи [Мур 1987: 261], поэтому объект из идеалистической триады «объект — сознание — сознание объекта» требуется исключить [там же: 259]), но своего расцвета и формы устойчивой философской традиции XX века достиг в США. По вопросу об универсалиях неореалисты занимают ту же позицию, что и прагматисты, поэтому и их спор друг с другом проходил на общих основаниях. Спор всегда ведется на общих основаниях, — далекие друг от друга течения в философии вообще не соприкасаются.

Позиции реализма в США укрепились благодаря творчеству Чарльза Пирса, может быть, последнему универсальному ученому типа мыслителей эпохи Возрождения. См. о нем в кн. [Кирющенко 2008]. Кратко излагая учение Пирса, в скобках мы сопоставляем элементы этого учения с понятиями концептологии проф. В.В. Колесова.

«...высшая степень реальности достигается именно знаками, то есть посредством таких идей, как идеи Истины, Справедливости и других» [Пирс 2000: 162]. Знаки помогают производить идеоскопию, которая описывает и классифицирует идеи повседневного опыта вне зависимости от их ценности в трех способах бытия: 1) вне отношения к чему-либо другому (образ) как простая возможность [Пирс 2000: 183], 2) в отношении ко второму, но безотносительно третьего (понятие) как действительно существующий факт, 3) в отношении второго и третьего (символ) как закон. В (1) проявляются чувственные качества — яркое, тусклое, твердое, (2) — это «опыт усилия, взятый отдельно от идеи цели» [Пирс 2000: 164], в (3) приходит идея закона или причины. Возникают отношения между знаком-репрезентативом, его объектом и интерпретирующей мыслью — интерпретантой. Основные типы знаков: иконы (образы), индексы (понятия) и символы (символы). На пересечении трех типов признаков выделяется 10 разновидностей знаков, из которых последний, умозаключение, или символический легисайн (концепт), не иллюстрируется никаким примером и не сближается с соседней разновидностью. Это ни чувствование красного, ни индивидуальная диаграмма, ни спонтанный крик, ни флюгер, ни общая диаграмма, ни указательное местоимение, ни имя нарицательное, ни обыкновенная пропозиция. «Умозаключение есть знак, чья интерпретанта представляет его объект как являющийся дальнейшим знаком в силу закона, а именно того закона, что переход от таких-то посылок к таким-то заключениям стремится к истине» [Пирс 2000: 194].

Свой прагматизм Пирс представлял очень умеренно¹. Он защищал рациональное, радикальный прагматист У. Джеймс и неореалисты стали защищать иррациональное, в результате Пирс пошел на разрыв с ними [Юшкевич 1910: 195].

Джеймс делит всех философов на мягкий и жесткий типы, относя себя к среднему примиряющему типу. По сути дела, от мягкого типа он берет идеализм, оптимизм, веру в Бога, свободную волю, догматизм; от жесткого типа — эмпиризм, сенсуализм, плюрализм. Ценностные

---

¹ Свое учение о прагматизме (точнее, прагматизме) он развивал из теории знака, ср.: «Наша идея чего бы то ни было есть наша идея о чувственных последствиях. <...> Подумайте, какое последствие может иметь заметный практический результат, и тогда наше понятие об этом последствии есть все наше понятие о предмете» [Peirce 1923: 45, цит. по: Квитко 1936: 64]. Реализм-для-себя — это и есть прагматизм.

суждения Джеймс приравнял к экзистенциальным; истину понимает в инструментальном духе как то, что «удобно» нашему мышлению и не только помогает преобразованию действительности, но и создает ее [Квитко 1936: 66], так что понимается как характерная форма человеческого успеха; иллюзию нарочно смешал с реальностью. Отсюда типично американское отношение к слову: «Мы должны заставить работать слово в потоке нашего опыта. То есть должны знать его практическую наличную стоимость» [Джемс 1910: 37].

Оставаясь на почве реализма и опираясь на работы Brentano, Мура и раннего Рассела, 6 американских философов объединились и выступили с программой, названной ими неореализмом. В самой Англии такого энтузиазма реалистское направление мысли не вызвало, хотя и были созданы глубокие системы вроде натурфилософии Уайтхеда или Александра. Американские неореалисты справляются с разделением субъекта и объекта и говорят об имманентности трансцендентного¹. Они отвергают гносеологию как основу онтологии и, напротив, к гносеологии подводят онтологическую базу, создавая гносеологический монизм. За субъективными ощущениями стоят универсалии, а не внутренние связи вещей. Предметы связаны друг с другом лишь внешними связями, которые могут быстро меняться, поэтому они заменяют аристотелеву логику логикой символической, которая признает только функциональную внешнюю связь [Луканов 1968].

По мысли ведущего американского неореалиста Перри, объект познания сливается с идеей, которая есть часть вещи. В отношении познаваемости, вещи суть идеи. Они имманентны вещам, однако это имманентное независимо от бытия вещей. Простой пример: головастик, вырастая, превращается в лягушонка. Если мы это знаем, то готовы отождествить эти вещи в единую идею лягушки; если не знаем, для нас эти идеи разные [Джин 1993: 336]. Противопоставление субъекта объекту снимается в «нейтральной сущности», ни физической, ни пси-

---

¹ По мнению Перри, у прагматизма и неореализма много общего. Оба направления выступают против субъективного идеализма Беркли. Но прагматисты разрешают противоречие между субъектом и объектом скорее в пользу субъекта, отсюда подчеркивание психологической и общественной стороны познания, а неореалисты — в пользу объекта, отсюда внимание к математической и логической стороне познания [Квитко 1936: 149]. Однако они выступают против старой логики, заменяя ее символической, отсюда их плюрализм.

хической. Это «символическая фикция» наподобие музыкальных нот. Американские неореалисты тяготеют к бихевиоризму, содержание сознания они переносят на группу предметов, на которую распространяется нервная реакция организма, которая, в свою очередь, переходит на ту группу внешних объектов, которая отвечает интересам субъекта [Луканов 1968: 48]. Спор неореалистов с прагматистами вызвал целую науку о природе ценностей.

С 20-х годов XX века в США развивается критическое направление реализма. Оно возвращает дуализм, но реформирует его, опираясь на «здравый смысл»¹ [Луканов 1968: 54]. После войны некоторые американские философы стали выступать и против критического реализма, но все дискуссии остаются в рамках реализма. Мы считаем, что в силу этого термин «американский неореализм» можно понимать в расширительном смысле любого течения реализма в США последние 100 лет (перцептивного, эссенциального и др.). Американский новый реализм — это вполне самостоятельная традиция, оторвавшаяся от английской [Лубяной 2006].

Ссылаясь на Н. Гудмена [Гудмен 2001: 289], В.В. Колесов подчеркивал, что американский неореализм отказывается от абстрактных сущностей. «Придерживаясь разнузданного индивидуализма, неореалист исповедует феноменализм, который основан на представлении от том, что в познании мира имеют дело не с объективным миром вне сознания, только в реальности чувственного ощущения <...> Мир *описывают* как совокупность индивидуальных представлений о мире, выраженных в языковых формах. Таких миров может быть много <...> «знакомый мир» просто *пригоден* для использования <...> Утверждение о том, что наш универсум состоит скорее из *способов описания* мира, чем представляет собой сам этот мир, выдает принадлежность автора к устойчивому номинализму. Правда, американского происхождения: Нельсон Гудмен *конструирует* действительность в «конструктивных логических системах» и взывает к «философской совести» в этом богоугодном деле» [Колесов 2019: 233]. Итак, американский неореализм — это дымовая завеса номинализма, нацеленного на грубейший и аморальнейший прагматизм.

---

¹ Традиция шотландской философии, развитая Муром [Мур 1998] и укрепившаяся в США. В силу этого, по мнению Мура, требуется анализировать суждения обыденного языка. См. также [Райл 1993].

Если немцы понимают язык как говорение (*Sprache*), мы — как народ, то китайцы — как зримую внутреннюю (свою, срединную письменную) культуру. Будучи долгое время изолированной, **китайская цивилизация** выработала исходный принцип самодостаточности: это так и иначе быть не может. Все новшества, — индийское верование, арабскую торговлю, европейскую античность (которая моложе китайской), Возрождение, Просвещение и модерн, американское отпочкование от Европы, — китайцы трудолюбиво расставляют на периферии своей цивилизации, украшая эту свою периферию новыми идеями и практиками, храня свои центральные (срединные) основания и укрепляясь в них, всё более четко очерчивая границу между собой и другими. Для китайцев цивилизация производна от культуры, для всех остальных культура производна от цивилизации, ибо только у китайцев возник культ своего морального, социального, политического конфуцианского уклада, у всех остальных культ так или иначе отчуждается от цивилизации, а в наше время входит в трагическое противоречие с нею.

О. Сергей Булгаков называет слова «живыми символами, деятельными иероглифами вещей» [Колесов 2007: 255]¹. Китайские иероглифы вещей выражают стоящие за ними и до них идеи. Синологи раскрывают содержание тех или иных понятий китайской философии, предупреждая, с какими внешне схожими понятиями европейской философии их нельзя смешивать. Так, *гун* ('обобщение') не есть универсалия как родовое понятие. Оно возникает за счет «выделения одного объекта или имени <...> объекта («общего имени» — *гун мин*) в качестве репрезентанта всего множества однородных (*тун лэй*) объектов: так Полярная звезда объединяет (*гун*) остальные звезды (*Лунь юй*)...» [Кобзев].

Первоначальные представления об обобщенных именах содержатся уже в учении Лао цзы. «Тридцать спиц соединяются в одной ступице, (образуя колесо), но употребление колеса зависит от пустоты между (спицами). <...> Вот почему полезность [чего-либо] имеющегося зави-

---

¹ Цитируя эти слова Булгакова, В.В. Колесов приводит реальный пример единства «внутреннего слова» — общекайтайского письменного изображения иероглифа при разном произношении в разных провинциях. Если вообразить, что Китай — вселенная, то его провинции суть народы мира, а единая иероглифическая система — тот идеальный и единственно возможный всечеловеческий язык, который и был до Вавилонского столпотворения. Сравнение имеет учебно-символическое значение, совпадающих знаков письма у шумеров, египтян и китайцев очень мало.

сит от пустоты» [Дао 1972: 118]. Для означивания спицы-вещи берется ступица-имя, но полезное колесо (вещь, производная от спицы) возникает благодаря пустоте-идее. Как проявления пустоты толкуются и сосуд-имя из глины-вещи, и дом-имя при прорубании в нем дверей и окон — вещей. Слесарь, гончар, строитель преобразует одни вещи в другие, сообразуясь со своей определенной идеей. *Ступица, сосуд, дом* суть имена вещей, придающие им смысл, а сам этот смысл распознается функционально. Одна и та же пустота подается в далеко отстоящих друг от друга топологических примерах «проектов»: сначала как двухмерная плоскость самой простой круглой формы, затем — как трехмерная емкость, которой манипулирует человек (он может налить туда воды, может насыпать рису, может оставить сосуд пустым), наконец, как помещение, в котором человек находится уже сам. Нематериальность, но реальность и функциональное различие применения идеи пустоты для колеса, сосуда и дома подается как организованное применительно к нуждам человека пространство¹. КИТАЙСКОЕ общее имя — это своеобразный атом, который соединяет идею с вещью. Поражает пирсово прагматическое толкование идеи. Но у Пирса это символ, а в древнем китайском трактате это икона. Вероятно, китайцы — прагматики (полезной и красивой) вещи, русские — прагматики (христианской) идеи, а американцы — прагматики имени как универсального посредника (сюда же — деньги, оружие и вирус).

Понятие да гун мин («большое объединяющее имя») «не распространяется на Небо, Землю и дао» [Кобзев]. Это особые понятия категориального свойства. «Дао, которое может быть выражено словами, не есть постоянное дао. Имя, которое может быть названо, не есть постоянное имя. Безымянное есть начало неба и земли, обладающее име-

---

¹ Это же понятие развивается и в позднейшей гносеологии конфуцианства: «В конфуцианском трактате “Сюнь-цзы” “пустотность” определяется как один из атрибутов сознания и психики — “сердца”, делающих возможным познание дао. Познание осуществляется благодаря тому, что “сердце” достигает “пустотного единства и [т. о.] покоя”. “Пустотность” здесь подразумевает также отсутствие разделения сознания, психики и объекта, а “покой” — выход за границы обычного способа мышления. Достижение “пустотного единства и покоя” означает приведение разума в состояние “великой чистоты и просветленности” (гл. 22). Сюй обеспечивает усвоение новых знаний таким образом, что ему не препятствуют уже имеющиеся знания» [Юркевич 2]. Ср. также сю шэнь (самосовершенствование), лян чжи (врожденное априорное интуитивное постижение, совесть), чжэн мин (выправление имен).

нем — мать всех вещей» [Дао 1972: 115]. Здесь мы находим образное определение китайской универсалии: это «мать всех вещей». Триаду Земля — Небо — дао вполне можно сопоставить с семиотическим треугольником «вещь — имя — идея» как высшим принципом.

Говорящий и мыслящий субъект вводится вместе с этой триадой: «Нужно меньше говорить, следовать естественности. Быстрый ветер не продолжается все утро, сильный дождь не продержится весь день. Кто делает все это? Небо и земля. Даже небо и земля не могут сделать что-либо долговечным, тем более человек. Поэтому он служит дао. Кто [служит] дао, тот тождествен дао. Кто [служит] дэ (человеческая добродетель, благочестие и под. — Д. Д.), тот тождествен дэ. Тот, кто теряет, тождествен потере. Тот, кто тождествен дао, приобретает дао. Тот, кто тождествен дэ, приобретает дэ. Тот, кто тождествен потере, приобретает потерянное. Только сомнения порождают неверие» [Дао 1972: 121–122]. Обладание доходит до слияния части и целого. «Дао рождает [вещи], дэ вскармливает [их]. Вещи оформляются, формы завершаются. Поэтому нет вещи, которая не почитала бы дао и не ценила бы дэ. Дао почитаемо, дэ ценимо, потому что они не отдают приказаний, а следуют естественности» [Дао 1972: 129–130]. Может быть, эту мысль хорошо уяснить через более близкие нам понятия Первоидеи-Логоса вместо дао и имени вместо дэ. Благорасположение человека помогает ему принять имена вещей, рожденных дао.

Дао — праотец всех вещей, действует, как вода, принося пользу всем существам, но не борясь с ними, дао невидимо, неслышимо, недостижаемо, возвращается к небытию, форма без форм, образ без образов. Чтобы овладеть существующими вещами, надо придерживаться древнего дао. Оно бестелесно, туманно и неопределенно, но скрывает тончайшие частицы; вечно и безымянно, но в действии неисчерпаемо; имена же появились при установлении порядка, и знание предела их употребления (например, в умеренности законов) позволяет избавиться от опасности [Дао 1972].

«Дао рождает одно, одно рождает два, два рожают три, а три рожают все существа. Все существа носят в себе инь и ян, наполнены ци и образуют гармонию» [Дао 1972: 128]. Ян Хин-шун толкует эти слова через ключевое понятие ци: «Одно, по нашему мнению, означает хаос, состоящий из мельчайших частиц ци, как начальной формы существования дао. Два — это легкие и тяжелые ци, из которых возникли три —

небо, земля и человек» [Ян Хин-шун 1972: 312]. Частицы ци дали нам повод обобщенно назвать китайский реализм атомарным.

Рассуждения о мыслях и словах, словах и вещах, о возможности мыслей до слов, а слов до вещей, о ци, дао и дэ встречаем в трактатах на основе реализма [Чжуан-цзы 1972; Мэн-цзы 1972: 232, 233; Гуань-цзы 1973: 51–57; Мо-цзы 1973], существуют и специальные трактаты на основе номинализма (школа «мин-цзя» [Гунсунь Лун 1973]). Мера практического номинализма, наслаиваемого на общую основу атомарного реализма, может быть оценена по [Сюнь-цзы 1973: 190–200].

Даосизм основан на реализме, конфуцианство — тоже [Чжан 1985: 13 и др.], за некоторыми исключениями, но китайский аналог европейского спора об универсалиях мин цзя («проблема “имен и реалий”» [Юркевич 1]) при специальном рассмотрении у моистов привел их в конце концов к номинализму: «Поздние моисты развили тезис Мо Ди о “выборе реалий посредством имен”, интерпретировав его как “использование имен для выдвижения реалий”, т. е. уподобления “реалии” тому, что имеет те же свойства, что и уподобляемая “реалия”. Поскольку то, чему уподобляется “реалия”, имеет “имя”, то оно и становится средством “выдвижения” соответствующей “реалии” для конкретной цели» [Юркевич 1]. Номинализм поздних моистов позволил им разработать целую классификацию имен по степени обобщения реалии. Но не все направления школы мин цзя склонялись к номинализму: «В школе мин цзя направление, представленное Хуэй Ши, акцентировало относительность “имен”, изменчивость их связи с “реалиями”, тогда как школа Гунсунь Луна абсолютизировала связь “имени” с единичной “реалией”». Значит, школа Гунсунь Луна вернулась к реализму.

Как бы то ни было, основная линия конфуцианства остается реалистской: «Известную популярность получила точка зрения Сюй Ганя (II в.) относительно подчиненности “имен” их источнику — “реалиям”. Лю Чжоу (V в.) использовал положение о производности “имен” от “реалий” для интерпретации тезиса Конфуция о “выправлении имен”: данный процесс означает “изменение реалий посредством имен”, с тем чтобы “не позволить именам пагубно воздействовать на реалии, которые скрыты в именах”. В III–V вв. в рамках проблемы “имен и реалий” был поднят вопрос о взаимодействии “имен” и структурообразующих “принципов” мироздания (см. Ли-принцип). В XVII в. Ван Фучжи раз-

делил “познание реалий” и “познание имен”: они лишь в комплексе обеспечивают знание, представляя в роли процессов, аналогичных индукции и дедукции» [Юркевич 1].

Как сложилось, что древнейшая, старейшая и очень молодая нации, одна — с седой древности, другая — со времен Средневековья, третья — с конца XIX в., встали на путь реализма? Ответ на такое историческое движение мирового духа еще предстоит найти. Но уже ясна предрасположенность китайского, славянорусского и англо-американского народов-языков к реализму. Китаец видит идею в своей букве-идеале, изображающей ее как вещь, а сочетания букв применяет к новым вещам. Русский разделяет идею и идеал, беря за молитвенный славянский язык, и применяет его в гражданском обиходе вещей: предупредительные меры, воздержание, поветрие, заражение, болезнь, врач. Американец берет идею из полезного опыта и преобразует вещь в свою пользу-идеал. Китайский реализм ментализации: идея = идеал — вещь. Русский реализм идеации: идея — идеал — вещь. Американский реализм идентификации: идея — идеал = вещь. Мы не готовы к точному определению разновидностей французского, немецкого или арабского номинализма, но уверены, что в мире процветают, наряду с частично описанными реалистскими, номиналистские языковые культуры.

Литература

- Аскольдов С.А. Аналогия как основной метод познания // Мысль. 1922. № 1. С. 33–54.
- Брентано Фр. О происхождении нравственного познания / перев. с нем. А.А. Анипко. СПб.: Алетейя, 2000. 186 с.
- Булгаков С.Н. Философия имени. Париж: YMCA-PRESS, 1953. 278 с.
- Гуань-цзы // Древнекитайская философия. Собр. текстов: в 2 т. Т. II. М.: Мысль, 1973. С. 14–57.
- Гудмен Н. Способы создания миров. М.: Идея-Пресс; Логос; Праксис, 2001. 376 с.
- Гунсунь Лун // Древнекитайская философия. Собр. текстов: в 2 т. Т. II. М.: Мысль, 1973. С. 58–65.
- Дао дэ цзин // Древнекитайская философия. Собр. текстов: в 2 т. Т. I. М.: Мысль, 1973. С. 114–138.

- Джемс В.* Прагматизм. Новое название для некоторых старых методов мышления. СПб.: Шиповник, 1910. С. 6–184.
- Джин Дж.* Джеймс. Защита дефиниции ценности, данной Ральфом Бартоном Перри. (Приложение) // Артсег Владелец вещи, или Онтология субъективности (Теоретический и исторический очерк). Йошкар-Ола, Чебоксары: АФИТ – Владиком, 1993. С. 328–339.
- Квитко Д.Ю.* Очерки современной англо-американской философии. М.;Л.: Гос. социально-экономическое изд-во, 1936. 192 с.
- Кирющенко В.* Чарльз. Сандерс Пирс, или оса в бутылке. Введение в интеллектуальную историю Америки. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2008. 324 с.
- Кобзев А.И.* Гун // Новая философская энциклопедия [электронный ресурс]. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/page/about> (дата обращения – 23.02.2020).
- Колесов В.В.* Философия русского слова. СПб.: Юна, 2002. 448 с.
- Колесов В.В.* Реализм и номинализм о слове и универсалии // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 9. 2006, № 2. С. 39–54.
- Колесов В.В.* Реализм и номинализм в русской философии языка. СПб.: LOGOS, 2007. 382 с.
- Колесов В.В.* Основы концептологии. СПб.: Златоуст, 2019. 775 с.
- Кюнж Г.* Мир как нозма и как референт // Аналитическая философия. Избранные тексты. М.: изд-во Моск. ун-та, 1993. С. 302–321.
- Лубяной М.С.* Традиция неореализма и формирование концепций ценностей в американской философии 10-60-х гг. XX века (Р.Б. Перри и У.К. Франкена): автореф. дис... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2006. 18 с.
- Луканов Д.М.* Гносеология американского реализма. М.: Высшая школа, 1968. 103 с.
- Мо-цзы* // Древнекикаяская философия. Собр. текстов: в 2 т. Т. II. М.: Мысль, 1973. С. 67–98.
- Мур Дж. Э.* Опровержение идеализма // Историко-философский ежегодник. М.: Наука, 1987. С. 247–265.
- Мур Дж. Э.* Защита здравого смысла // Аналитическая философия: становление и развитие. Антология. М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-традиция, 1998. С. 130–154.
- Мэн-цзы* // Древнекитайская философия. Собр. текстов: в 2 т. Т. I. М.: Мысль, 1973. С. 225–247.
- Пирс Ч.С.* О знаках и категориях (Письмо к лэди Уэлби) // Избр. филос. произведения. М.: ЛОГОС, 2000. С. 162–175.

- Пирс Ч.С.* Разделение знаков // Избр. филос. произведения. М.: ЛОГОС, 2000. С. 176–199.
- Пирс Ч.С.* Принципы философии: в 2 т. СПб.: Санкт-Петербургское Философское Общество, 2001. Т. I. 224 с.
- Райл Г.* Обыденный язык // Аналитическая философия: становление и развитие. Антология. М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-традиция, 1998. С. 155–173.
- Рассел Б.* Логический атомизм // Аналитическая философия: становление и развитие. Антология. М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-традиция, 1998. С. 17–37.
- Рассел Б.* Человеческое познание, его сфера и границы. М.: Ника-Центр, Институт общегуманитарных исследований, 2001. 150 с.
- Сюнь-цзы* // Древнекитайская философия. Собр. текстов: в 2 т. Т. II. М.: Мысль, 1973. С. 141–209.
- Флоренский П.А.* Столп и утверждение истины. М.: Правда, 1990. 490 с.
- Чжан Ци-юнь.* Конфуцианство в свете современности / перев. с кит. и англ. Г.А. Алексеева-Паулина. Тайбэй: Хуа Ган, Академия наук Китая, 1985. 540 с.
- Чжуан-цзы.* Древнекитайская философия. Собр. текстов: в 2 т. Т. I. М.: Мысль, 1973. С. 248–302.
- Ши цзи* // Древнекитайская философия. Собр. текстов: в 2 т. Т. II. М.: Мысль, 1973. С. 311–316.
- Юркевич А.Г.* 1 Мин бьянь // Новая философская энциклопедия [электронный ресурс]. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/page/about> (дата обращения – 24.02.2020).
- Юркевич А.Г.* 2 Сюй-ши // Новая философская энциклопедия [электронный ресурс]. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/page/about> (дата обращения – 24.02.2020).
- Юшкевич П.* О прагматизме // Джемс В. Прагматизм. Новое название для некоторых старых методов мышления. СПб.: Шиповник, 1910. С. 185–234.
- Ян Хин-шун.* Примечания к трактату «Дао дэ-цзин» // Древнекитайская философия. Собр. текстов: в 2 т. Т. I. М.: Мысль, 1973. С. 312.
- Peirce S. C.* Chance, Love and Logic. KeganPaul, 1923. 720 p.

Russian ideal-realism, american new-realism and chinese atomic realism

The language cultures of Russia, the USA and China are compared on the basis of the philosophical movements of these countries. It is established that V.V. Kolesov borrows a «conceptual square» from Fr. Pavel Florensky. New-realism is given an expansive interpretation: it includes pragmatism and critical realism. From Taoist and partly Confucian writings, judgments about the word, concept, and referent are selected, which build a variant of realism that is not known either in Russia or in the West.

Keywords: The dispute about universals, Russian non-Marxist philosophy, American pragmatism, new-realism, critical realism, Taoism, Confucianism.

Колесова Д.В.

Санкт-Петербургский государственный университет
st005496@spbu.ru

Всегда ли мысль изреченная есть ложь?

В статье ставится вопрос о верификации метода описания концептов, представленного в «Словаре русской ментальности». Обзор научных работ, опирающихся на статьи «Словаря русской ментальности», позволяет выделить основные сферы интереса авторов новых исследований и убедиться в плодотворности предложенного способа представления концептума вербальными инструментами.

Ключевые слова: концепт, концептум, метод описания .

Концептум «устойчив, постоянен, неподвижен, то есть “вечен”» [Камчатнов 2017]; при этом формы проявления концептума историчны, отражают эпоху существования народа и зависят от стадии развития языка [Колесов 2014]. Это кажущееся противоречие снимается, если дать себе труд вдуматься в очевидный факт: новые тексты, новые дискурсы, новые языковые личности перебирают уже известные способы вербализации концептума (и таким образом сами постигают его глубину). Творцы текста с помощью нового контекста, эпитета или словообразовательного механизма могут высветить бывшие в тени стороны концептума (и передать реципиенту свое собственное постижение национального концепта).

Мыслители, поэты, писатели, публицисты, копирайтеры, блогеры, филологи и шире — ученые (да и каждый человек, который стремится выразить бьющуюся в его сознании мысль или дрожащий в подсознании образ), вынуждены решать проблему: как здесь и сейчас, имея в виду свою потенциальную аудиторию, облечь в слово принципиально не эксплицируемую суть концептума. «Как сердцу высказать себя? Другому как понять тебя?». Предложим такой ответ на извечный вопрос — говорящему важно понять, какой именно смысл сложился у него в сознании, приложить усилия, чтобы осознать зерно, основу важной мысли или чувства (то есть концептум). А затем стоит подумать, какими словами и иными средствами лучше воспользоваться, чтобы передать это зерно смысла другому человеку.

При создании «Словаря русской ментальности» авторы шли тем же путем, и именно на такое прочтение статьи словаря рассчитаны. Это важный момент: поскольку мы полагаем, что концептум, основа смысла, виртуален, а вербализовать мы можем лишь ту или иную сторону его проявления, то статья словаря никак не может дать окончательный перечень характеристик какого-либо концепта. Мы можем показать различные контексты — литературные, публицистические, научные, энциклопедические, исторические, а также можем сформулировать важнейшие стороны концепта, чтобы направить мысль читателя. Но синтезирующую работу должно произвести сознание читателя. В словаре дано «аналитическое приближение к виртуальному концептуму, воссоздание которого ведется как составителями словаря на основе классических текстов, так и творческим усилием читателя; объемность представления и его глубина прежде всего зависят от работы языкового сознания пользователя» [Колесов 2014: 27].

Поскольку мы полагаем, что концепт обязательно вербализуется, то в процессе работы над Словарем стремились понять, что же позволяет слову существовать веками в национальной ментальности одной единицей. Заметим: речь идет не только об уходящих вглубь веков столетиях, но и о грядущих временах.

Таковы были идеи, которыми руководствовались авторы, формируя метод описания концептов. Каким же образом это издание используется в научном сообществе? Насколько выбранный метод описания приводит к формированию личного понимания концептума в сознании читателя, к творчеству нового знания?

Благодаря научной электронной библиотеке elibrary.ru/ можно просмотреть работы, авторы которых ссылаются на Словарь русской ментальности. В конце 2020 года таких работ было 155, из них 11 – авторские ссылки. По названиям, аннотациям и контекстам, которые приводит платформа www.elibrary.ru/, можно определить область исследований публикаций. В тех случаях, когда аннотация и фрагменты из работы не позволяют определить область научных интересов автора, есть возможность прочитать указанную работу полностью. Выяснилось, что авторы 17 публикаций обращались к предисловию и теоретическому обоснованию Словаря, так что в общем было проанализировано 127 публикаций. Результатом стал перечень направлений, в рамках которых материалы Словаря оказались полезными.

1. Концепты словаря как основа для анализа современной ментальности (всего 95 работ) рассматривались:

- **при изучении различных дискурсов (28 работ)**

Так, И.Т. Вепреву с соавторами интересно, как базовые ценности отражаются в речи уральских горожан [Вепрева и др. 2018], в то время как М.М. Ицкович и Т.В. Ицкович размышляют о студенческом менталитете [Ицкович, Ицкович 2016].

- **при углубленном анализе национальных концептов (21 работа)**

Например, Л.А. Бушуева анализирует концепт «глупый поступок» [Бушуева 2017], а Ю.Г. Ткаченко и Е.В. Дзюба – «женственность» и «феминизм» [Ткаченко, Дзюба 2017].

- **при анализе современных художественных текстов (19 работ)**

Самые основные направления анализа здесь – функционирование конкретного концепта в определенном тексте [Попова 2019] и выявление типологических черт феномена в определенном произведении [Фаттахова, Бормусова 2017].

- **с целью улучшения процесса преподавания русского языка как иностранного (17 работ)**

Безусловно, формирование речевой культуры инофона требует обращения к национальным концептам [Сухова 2018], [Ильина, Иванова 2016].

- **при реконструкции концептов (10 работ) [Мушинская 2018].**

- **с целью улучшения процесса преподавания русского как родного в школе и вузе (6 работ) [Загоровская 2018].**

- **при изучении семантических процессов и грамматических явлений** (4 работы) [Милованова 2018].

2. *Концепты Словаря как основа для реконструкции ментальности прошедших эпох (всего 19 работ) рассматривались:*

- при изучении различных дискурсов (9 работ) [Попова 2017].

3. *Материалы Словаря как основа для изучения истории русского языка (всего 13 работ):*

Здесь представлены исследования, посвященные разным уровням языка, но в основном они посвящены анализу семантического значения слов [Григорьев, Орлова 2017].

Таким образом, из упомянутых на платформе 127 работ авторы 95 исследований (75 %) обращались к Словарю, чтобы разобраться в том, как выражает свои мысли и чувства современный человек, причем сферы интересов этих исследователей достаточно разнообразны, от академических до прикладных. Авторы 19 публикаций видят в Словаре основу для исторических реконструкций. Наконец, 13 исследователей пользуются Словарем как источником исторических сведений (что правомерно, поскольку в большинстве статей есть историческая справка, эта справка довольно часто является авторским осмыслением этимологии и истории существования слова).

Главная цель всего собранного, осмысленного и изложенного в Словаре — включение сознания читателя в творческую работу. Все необходимое для этой работы, по нашему мнению, в Словаре есть: в структуре словаря аналитически представлен материал, необходимый для построения читательского представления о виртуальном концептуме.

Представляется, что преобладание (среди рассмотренных выше) научных работ, посвященных разнообразному современному дискурсу, свидетельствует о том, что филологи, культурологи, социологи пользуются Словарем для развития своих идей, для попыток вербализации своих прозрений и ощущений. Значит, метод описания концепта был выбран верно, большой труд приносит плоды: Словарь помогает творить новое знание. Мы надеялись, что зафиксированное на страницах Словаря не будет ложью, и обзор опирающихся на Словарь исследований, хочется верить, свидетельствует о плодотворности избранного метода.

Литература

- Бушueva Л.А.* Концепт «Глупый поступок» в русской и английской лингвокультурах // *Филология и культура*. 2017. № 2 (48). С. 32–37.
- Вепрева И.Т.,* Купина Н.А., Ицкович Т.В. Базовые ценности и их отражение в речевом пространстве уральского города // *Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки*. 2018. № 3 (92). С. 97–106.
- Григорьев А.В.,* Орлова А.В. К вопросу об исконной семантике глагола целовать у славян // *Вестник славянских культур*. 2017. Т. 45. С. 156–162.
- Загоровская О.В.* Ключевые слова русской культуры в аспекте новых реалий школьного языкового образования // *Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе*. 2018. № 28. С. 73–78.
- Ильина С.А.,* Иванова И.С. Формирование социокультурной компетенции при работе с иностранной аудиторией (на примере концепта «Лень») // *Научно-методический электронный журнал Концепт*. 2016. № 42. С. 125–130.
- Ицкович М.М.,* Ицкович Т.В. Особенности менталитета российского студенчества как фактор социальной дезадаптации // *Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал)*. 2016. № 1–3. С. 193–201.
- Камчатнов А.М.* Как уловить неуловимое? (рецензия на книгу: В.В. Колесов, Д.В. Колесова, А.А. Харитонов. «Словарь русской ментальности». В двух томах. СПб.: «Златоуст», 2014) // *Филология и культура*. 2017. № 1 (47) [электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kak-ulovit-neulovimoe-retsenziya-na-knigu-v-v-kolesov-d-v-kolesova-a-a-haritonov-slovar-russkoy-mentalnosti-v-dvuh-tomah-spb-zlatoust-2014> (дата обращения – 15.03.2021).
- Колесов В.В.,* Колесова Д.В., Харитонов А.А. *Словарь русской ментальности: в 2 т. Т. I*. СПб: Златоуст, 2014. 592 с.
- Милованова М.С.* Язык и мир: лексический фонд категории состояния в современном русском языке // *Русский язык за рубежом*. 2018. № 3 (268). С. 4–10.
- Муцинская В.В.* Паремии с компонентом-зоонимом пёс (собака): лингвокультурологический комментарий (на материале сборника И. Франко «Галицько-руські приповідки») // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2018. № 11–1 (89). С. 135–140.

- Попова И.М.* Художественная функциональность концепта камень в романе Захара Прилепина «Обитель» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 1. С. 189–194.
- Попова Л.В.* Неполноэквивалентность номинации юридической лжи в истории русского законодательства: этнолингвокультурный аспект // Лингвокультурология. 2017. № 11. С. 117–121.
- Сухова А.В.* Исследование языкового образа поэтического текста при формировании речевой культуры инофона // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2018. Т. 15. № 2. С. 236–241.
- Ткаченко Ю.Г., Дзюба Е.В.* Женственность и феминизм как антагонисты в русской и французской языковых картинах мира // Политическая лингвистика. 2017. № 1 (61). С. 164–173.
- Фаттахова Н.Н., Бормусова Л.Ф.* Идентификация типологических черт экстравертного типа личности на основе ключевых слов в повести В.П. Аксенова «Звездный билет» // Филология и культура. 2017. № 1 (47). С. 104–108.

Is a Pronounced Thought Always a Lie?

The article deals with the effectiveness of the concept definition algorithm that was presented in the «Dictionary of Russian Mentality». A review of scholar studies based on the articles of the «Dictionary of Russian Mentality» highlights the main areas of interest of their authors and proves that the proposed algorithm is fruitful for representing the conceptum with verbal tools.

Keywords: concept, conceptum, method of description.

Костомаров В.Г.
(1930–2020)

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

О смене синхроний бытования языка

Синхрония (период, когда язык идентичен сам себе) сменяется по мере накопления новшеств и частных изменений языка, которые осмысляются как показатели побеждающего нового и уходящих поколений в переломные периоды истории общества. Статья содержит попытку понять, что спасло русский язык XIX века в революционные годы века XX.

Ключевые слова: ликбез (ликвидация безграмотности), всеобуч (всеобщее образование).

Употребляя язык в общении, люди умело или не очень умело, обдуманно или бессознательно, по ошибке приспособляют его к своим потребностям и под обсуждаемый контент — как и любой инструмент затачивают, чистят, меняют ухватку и прилагаемое усилие. Иногда какое-то точечное нововведение приходится по вкусу, оно принимается и другими. Когда, как в периоды потрясений жизни, раскола и смены основ общества, такие изменения достигают критической массы, язык переходит не обязательно революционным взрывом, а чаще плавно, эволюционно в качественно новую синхронию существования, а то и расщепляется на разных территориях на отдельные языки. Автома-

тически пользуясь языком как инструментом общения и мышления, люди, обычно не замечают, что сами они служат инструментом его изменения. Творцы языка, они способны его совершенствовать. Или портить...

Смена синхроний не есть старение, но лишь процесс обновления языка, зримо затрагивающий словарь и стилистику, всегда открыто отражающие развитие взглядов, интересов, успехов, притязаний общества, но лишь отчасти технически закрытые системообразующие фонетику, грамматику (морфологию и синтаксис). В отличие от смертного человека, язык вечно юн как возрождающийся Феникс. В новом своём виде он, подобно повзрослевшим детям, внукам, похож на родителей и предков, но и отличается от них; он естествен для молодёжи, доживающим же своё кажется испорченным, смешным, а то и малопонятным. Люди текущей синхронии «от А.С. Пушкина до наших дней» понимают старорусский язык предыдущей синхронии, закончившейся в конце XVIII в., но их уже не восхищает стих В.А. Тредьяковского «О, колико се любезно, превыспренно, взрачно, нарочито преполезно и сугубо смачно...». Отступя на несколько синхроний тексты, например, даже «Слово о полку Игореве» в оригинале уже не читаемы и требуют перевода.

Язык весьма послушен, он чувствителен к событиям, происходящим в жизни, мыслях, делах своих носителей, и регистрирует, по-своему отражает их. В нём нередко откладывается и хранится как балласт преходящее, даже случайное и ненужное. Какие-то мелочи, повороты мысли и судьбы, притязания, условия быта породили упорно соблюдаемые обычаи (выпить посорок или посидеть на дорожку) и языковые черты, вроде предпочтения форм ей известно, мне думается личными *она знает, я думаю*. Тем более странно, что он будто не заметил революций начала XX столетия, ни свержения царя, ни русско-японской, гражданской, ни первой, ни второй мировых войн, иных судьбоносных событий, каждое из которых, казалось, могло бы привести язык в новое состояние. Конечно, стилистика и семантика слов резко ежедневно менялись согласно бесконечной противоречивой череде событий, но язык оставался тем же, во всяком случае в целом явно не переходил в новую синхронию своего существования.

Свергнув самодержавие, обретя власть и силу, опьянев от успеха, низы-победители были одержимы выбросить за борт истории вместе

с ненавистным царским и сословно-дворянским наследием вообще всё образованное и культурное — по логике: отец мой говорил *булгахтер*, и для меня так правильно! Опасность опоры новой синхронии на стихийно-естественные диалектные и жаргонные фабрично-заводские речевые навыки была очевидной. Её отразили многие тексты той эпохи, в том числе художественные, в речевых характеристиках персонажей, а то и в авторском повествовании, причём нейтрально, если не одобрительно.

Вот случайные выписки, свидетельствующие об этом. *Не больно верю тебе, паря, — больно много о себе понимаешь; поставим как буржуя и всяку контру к стенке.* «Каховка, Каховка. Родная винтовка, Горячая пуля лети!» (Э. Багрицкий). *Брали на пушку, ставили к стенке и списывали в расход. В таком разе, актись али хошь, али не хошь. Немчура постреляла курей, так как с ней замиришься. Ему, хотца, вишь, пачпорт выправить, надоть пособить. Буде тебе — не баба чать. Выпячишь зенки, коль в губчеку поволокут. Не по мне так устроить обчество. Чего удумал, ты это брось. Кому говорят, брось! Охолонись, паря, маненько, не то он, как группу возглавит, а он на особом счету в партначальстве, тебя доппайка лишит, а то и вааще оргвыводы сдеелат. Ну иди покудова...*

Эта смесь зрела в окопах и подполье опасно на всех уровнях языка, но зрелищно всё затмевали иноязычные и свои новшества в лексике и семантике (в основном имён существительных), что позже закрепила реформа азбуки: *чрезвычайка, учредилка, пленум, коммуна, комиссар, декрет, оппозиция, попутчик, эсер, меньшевик, большевик* и конечно же, *совет* (ставший из названия рекомендации и того, кто её даёт, обозначением органа власти). Они легко уживались, вписываясь в рабоче-крестьянскую речь, воспринимаясь просто как названия новых понятий и вещей. Особую роль сыграли произвольные сложные сокращения, в которых, наряду с обновлением словаря, современники (а позже, увы, и многие исследователи) видели, «революцию в языке», игнорируя тот факт, что язык остался прежним, а страсть к аббревиации сошла на нет. Родившаяся по западному образцу при царизме мода к сокращённому именованию объединений, картелей, коопераций развивавшегося и у нас крупного капитала увлекла армейскую и канцелярскую среды времён русско-японской войны и пышно расцвела в революционные годы: *чрезвычайка* стала *Ч.К.*, *Чекой, центральный комитет* — *Ц.К.*, *Цека*: *ЦК РКП(б), ЦК ВКП(б), ЦК КПСС.*

Несмотря на эту отвлекающую дымовую завесу, опасность безвозвратной гибели рафинированного языка культуры, образованности, науки, государственности, политики, вежливого быта была реальна и велика. У нас повелось называть его литературным в честь писателей-классиков, но, не умаляя их роли, было бы справедливо вспомнить учёных, начиная с Ломоносова, и отдать должное всем, кто совершенствовал, обрабатывал искусственно и искусно русскую общенародную основу. Лучше именовать его **образованным** — по двум значениям слова *образовать*: «создать, обработать» и «просветить, обучить». Он и есть язык обработанный и язык обученных людей. Во всяком случае, мы и сегодня грамотным называем отнюдь не того, кто умеет читать и расписываться, и не искусного каллиграфа, а того, кто владеет «настоящим русским языком», как называл его Ленин. В англоязычной традиции такой на все случаи пригодный элитарный язык называют стандартным.

***

От революции в языке пропагандой и делами уберегли нас сами революционеры — «ленинская гвардия» вождей. Сами с университетским образованием, почуяв угрозу утраты великой культуры, литературы и языка, своего языка, который завоевал мировое признание за всеотзывчивое благородство и человеколюбие, они создали атмосферу верности традициям и осуществили практические действия — гениально проведя кампанию **ликбеза** (ликвидации безграмотности), а затем введя в обязательной школе единый **всеобуч** сделали СССР — страной «сплошной грамотности».

Сам Владимир Ильич, игнорируя исторически сложившуюся роль русского народа и его языка как объединителя многообразной и многонациональной России, из малопонятной деликатности и вопреки мнению большинства соратников отрицал нужность сохранять ему статус государственного (якобы это значит «загонять в рай палкой»). Он верил, что народы страны (а при торжестве коммунизма и во всём мире) сами определяют тот язык, который «выгодно знать в интересах экономического оборота». Впрочем, волновали его как социо-, так и собственно лингвистические проблемы. Не имея цели осуществить «переворот» и не видя его в пугающей «ветрянке» сложений и сокращений, он в ряде заметок предостерегал, что последние могут оставить

и нежелательные оспины, прежде, чем исчезнуть в силу собственной нелепости. 18 января 1920 года в записке Луначарскому он, в частности, писал: «Не пора ли создать словарь настоящего русского языка, скажем, словарь слов, употребляемых теперь и классиками от Пушкина до Горького. Что, если посадить за сие 30 учёных, дав им красноармейский паёк» [Ленин 1958, 51: 192]. Пожелание было выполнено позже группой лингвистов под руководством Д.Н. Ушакова, тогда же и данная им датировка «...до Горького» приобрела более разумный вид «до наших дней».

Героически проводя «ликбез», а затем налаживая «всеобуч», большевики оберегли выработанные за XIX столетие языковые нормы, воюя с просторечием и даже диалектизмами. Всеобуч детей в единой и обязательной советской семи- и десятилетке закрепил итоги ликбеза. Мы гордились тем, что СССР стал страной «сплошной грамотности». Неустойчиво колеблясь, традиция единой школы всеобуча сохраняется и сегодня в средних школах лицеев, гимназиях, суворовских и иных спецшколах, даже семейном обучении с помощью «стандартов обучения» и требований ЕГЭ. Формирование «новой советской интеллигенции» (выражение С.И. Ожегова), начиная с Института красной профессуры под руководством А.В. Луначарского, последующих сетей «партиполитпросвета». Длительной устойчивостью всё ещё текущей синхронии русский язык, несомненно, обязан тому, что вырос на лоне классической литературы, в величии и глубине, всечеловеческой отзывчивости которой никто не посмел усомниться, а многие всячески старались ей споспешествовать.

Интерес к открытой для изменений лексике при неприкосновенности системообразующих грамматики и фонетики показателен: за все советские годы созданы многочисленные словари, в том числе академический 17-томник, но лишь три научные грамматики (за постсоветские 15–20 лет ни одной научной грамматики, но не менее десятка больших словарей!). Явное доказательство нашей верности одной и той же синхронии языка «от Пушкина...». А в те годы понятная, действенная пропаганда имела успех ещё и потому, что критмассы для перехода языка в новую синхронию все же не было: многочисленные точечные новшества, как видно даже из приведённого списка, почти не затронули системообразующие основы языкового устройства — интонационно-фонетический состав и флективную грамматику (морфологии и синтаксиса).

Но всё же главными причинами неизменного продления синхронии языка от «Пушкина до наших дней» были политико-социальные.

Боролись против канцелярита» и других болезней, которыми пытались заразить наш язык, К.И. Чуковский и другие ревнители сохранности его чистоты. Неустойчиво колеблясь, традиция единой школы «всеобуча» сохраняется и сегодня в средних школах лицеях, гимназиях, суворовских и иных спецшколах, даже семейном обучении с помощью «стандартов обучения» и требований ЕГЭ. Длительной устойчивостью всё ещё текущей синхронии русский язык, несомненно, обязан тому, что вырос на лоне классической литературы, в величии и глубине, всечеловеческой отзывчивости которой никто не посмел усомниться, а многие всячески старались ей споспешествовать.

Объединяя русский и иные этносы в Российской империи, Советском Союзе, нынешней Российской Федерации, русский образованный язык неизменно остаётся самым собою, причём явно в одной синхронии. Поняв почему он не изменил себя в начале XIX столетия, мы оставим пока вопрос о том, верно ли наше предположение о смене синхроний в истории языка как о естественной закономерности. Нарушится ли она еще раз, после и в результате «гремящих девяностых» и событий постсоветского периода нам ещё предстоит узнать.

Литература

Ленин В.И. Полное собрание сочинений в 55 т. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1958.

About changing the synchronicities of the language

The period, when a language is identical to itself, gives way to a new one, in which innovations and partial changes accumulate to indicate the opposition between a new winning and leaving generations at crucial turns in history of society. The paper is an attempt to understand what saved the Russian language of the 19th century in revolutionary years of the 20th.

Keywords: liquidation of illiteracy, universal education.

Мокиенко В.М.

Санкт-Петербургский государственный университет, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
mokienko40@mail.ru

Паремиологическое пространство лексико-фразеологического комплекса «ДРУГ»¹

Он между нами жил...

А.С. Пушкин

В статье очерчиваются основные лингвистические доминанты научных исследований профессора Владимира Владимировича Колесова. Подчёркивается, что ленинградского/ петербургского профессора всегда привлекал широкий филологический диапазон (от фонологии до лингвокультурологии), однако, главным научным интересом оставалась реконструкция концептов, отражающих специфику русского менталитета с древнейших эпох до настоящего времени. Эта тематика нашла своё выражение в итоговой энциклопедии В.В. Колесова — «Словаре русской ментальности». В статье на примере концепта **ДРУГ** демонстрируется научно-исследовательская методика В.В. Колесова.

Ключевые слова: профессор В.В. Колесов, русский менталитет, концепт, лексические доминанты, паремиология, фразеология, лексикография, лингвокультурология, концепт ДРУГ.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 20-68-46003 Семантика единения и вражды в русской лексике и фразеологии: системно-языковые данные и дискурс/ The study is supported by Russian Science Foundation (project No. 20-68-46003 "The Semantics of Unity and Animosity in Russian Lexis and Phraseology: Language System and Discourse").

Аффилиация: федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина».

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin".

Моё поколение осчастливлено дружбой и постоянным творческим общением с Владимиром Викторовичем Колесовым и плеядой учеников его школы. Его лекции, семинары, нетривиальное руководство заседаниями кафедры русского языка и учёного совета выделялись креативной динамичностью и «открытостью системы». В период, когда в отечественной и мировой филологии наметилась тенденция к научной специализации и лингвисты начали распределяться на фонологов, морфологов, синтаксистов или лексикологов, В.В. Колесов продолжал расширять горизонты своих исследовательских интересов, свободно перемещаясь в самых несовместимых «оппозициях»: синхронии и диахронии, фонологии и лексикологии, научности и публицистичности. О разноаспектности таких перемещений автору этих строк выпала честь и удовольствие уже неоднократно писать [Мокиенко 1988; Мокиенко 1994; Дмитриев, Мокиенко 1995; Аверина, Мокиенко 2004; Мокиенко 2014]. И с каждым погружением в научное наследие В.В. Колесова — убеждаться, что все они связаны одним идейным азимутом — последовательной диалектикой видения Слова, осмыслением неустанного динамизма лексической системы, улавливанием основной артерии её семантического кровоснабжения. И — что, быть может, еще важнее — неутомимым постижением эстетической самооценности Слова, нередко затмевающей строгую линейность и сухую логичность семантических схем, его рассеиваний в пространстве и времени. Эта диалектика у В.В. Колесова, с одной стороны, — наследие фонологического «прошлого», где всё поверялось именно системой строгих оппозиций, с другой, — присущая природе ученого способность видеть явления и факты в их неустанной динамике. Не случайно слова *динамика*, *динамизм*, *динамичный* — излюбленные в лексиконе Владимира Викторовича.

Книги В.В. Колесова посвящены прежде всего осмыслению русского слова в национальной философской и духовной традиции. Не случайно одна из его лингвофилософских книг так и называется — «Жизнь происходит от слова...» [Колесов 1999], прямо подчёркивая генетический приоритет Слова над иными ипостасями нашей жизни. В этой, как и в других своих книгах, автор делится впечатлениями обо всех трёх составляющих цивилизационного пространства, в границах которого протекает жизнь россиянина. Здесь убедительно показано

направление в развитии литературного языка, традиционной русской духовности и русской культуры, которые пока ещё не поддаются воздействию со стороны чужеродных влияний, несмотря на горячее желание многих разрушить и обесценить их.

Очарованный Словом, Владимир Викторович Колесов, подобно Владимиру Ивановичу Далю, смог при жизни подвести итог своих научно-философских исканий в виде фундаментального словаря — «Словаря русской ментальности», который был издан во всём полиграфическом великолепии его ученицей А.В. Голубевой и был удостоен почётной премии, на вручении которой мне посчастливилось присутствовать. Этот Словарь сразу же стал «воротами учёности» для многих современных русистов, стремящихся постигнуть таинства загадочной «русской души» в зеркале Слова. Конечно, не всё в разгадках этих таинств абсолютно бесспорно, ибо многие словесные флюиды русского менталитета простираются и в более обширные европейские пространства. Но глубокие погружения В.В. Колесова в «русскость», заданную нашим Словом, возбуждают мысль и побуждают к дальнейшим поискам.

Откроем «Словарь русской ментальности» на сокровенном слове — или, как сейчас это принято называть — концепте **ДРУГ** [Колесов, Колесова, Харитонов 2014: 227–228]. Очерк по сравнению с другими в Словаре — невелик по объёму, но объёмен по отражению смысловой ментальности, в нём заключённой.

ДРУГ — *другой* «я», близкий по **духу** и **мысли** и равный **делом**, способный понять, помочь («друг познается в беде») и принести **жертву** («для милого дружка и сережку из ушка», и даже «больше той любви не бывает, как друг за друга умирает»).

Социально друзья сильны взаимной дружбой, которая создает **чету** (*другой* как *иной*, т. е. «заединщики»: «друг о друге, а Бог обо всех»), но не **родством**, как **брат**, и не **таинством**, как **брак**, и прежний **враг** может обернуться Д.-ом, а Д. — врагом. Обрести истинного Д.-а — **счастье** и **удача** («не имей сто рублей, а имей сто друзей»), которые нужно заслужить и к которым следует стремиться («нет друга, так ищи, а нашел, так береги»).

• Осл. *другъ* ‘спутник, верный товарищ’ (*другой я, сам-друг*); др.-рус. ‘друг’ (968. ‘другой (человек)’ (1257), ‘спутник’ (1338) — от ие. корня в знач. ‘следовать, следующий (за мной в боевом порядке)’.

• Д. бескорыстный, близкий, верный, давний, добрый, душевный, единственный, заветный, завистливый, задушевный, искренний, испытанный, личный, лучший, любезный, милый, надёжный, настоящий, неразлучный, преданный, сердечный, старый, хороший.

■ Совр. ‘сторонник, приверженец’, обращение к незнакомому мужчине [там же].

Далее следуют афористически отточенные и философски диалектичные цитации из Флоренского, Франка, Чаадаева, Е. Трубецкого и контекстные иллюстрации из книг Твардовского и Лимонова.

Слово **ДРУГ**, попавшее в орбиту лексикографического внимания В.В. Колесова, естественно, было уже удостоено вниманием других наших лингвистов. Таковы основательный очерк его семантико-синтаксического описания Е.М. Вольф, А.К. Жолковским, И.А. Мельчуком и В.Н. Телия в «Толково-комбинаторном словаре русского языка» [Вольф, Жолковский., Мельчук, Телия 1984] и оригинальный этюд А.Д. Шмелёва о концепте **ДРУЖБА** [Шмелёв 2005]. В них многоаспектно раскрывается семантическая и функциональная амплитуда этого русского слова, явленная в многочисленных контекстных употреблениях. Для В.В. Колесова же главным искомым становится специфически русская ментальная семантика слова **ДРУГ** — духовная, единомыслительная близость и «равнодеятельность», способность к жертвенности вплоть до самопожертвования для друга собственной жизнью.

Как видим, В.В. Колесов в своей реконструкции ментальных ипостасей слова **ДРУГ** во много опирается, — конечно, кроме принятых словарных дефиниций этой лексемы, на такой, важный для фразеологов и паремиологов материал, как эпитеты, коллокации и пословицы. Расширяя это паремиологическое пространство, очерченное им, можно добавить несколько новых семантических (а тем самым — и ментальных) мазков в эту пространственную картину. Предлагаю такое расширение на материале народной (включая разговорно-просторечную и диалектную) фразеологии и паремиологии.

Здесь набор фразеологизмов и паремий весьма широк, что нашло отражение в нашей паремиологической «трилогии» [Мокиенко, Никитина 2008: 201–202; Мокиенко, Никитина 2008а: 177–178; Мокиенко, Никитина, Николаева 2010: 299–305] и обогатилось материалом диалектных русских словарей, изданных за последнее десятилетие.

Фразеологизмы (геср: поговорки) во многом воспроизводят общую ментальную модель концепта **ДРУГ**, реконструированную В.В. Колесовым. Так, уже первый семантический постулат реконструкции, представленный В.В. Колесовым — ДРУГ — *другой* «я» и подкреплённый принятой им этимологической расшифровкой (осл. *дружь* ‘спутник, верный товарищ’ — *другой я, сам-друг*) — находит убедительное подтверждение в тавтологических конструкциях народной речи, где *друг* ‘другой’ выступает, собственно говоря, в симбиозе с *друг* ‘любимый, верный товарищ, близкий приятель’¹:

В друг дружку. Арх. Один в другого. АОС 12, 292; *Делать/ сделать друг промеж другом что.* Олон. Фольк. Вместе, одновременно делать что-л. СРНГ 32, 181; *Друг в дружку.* Пск. Один в другой. ПОС 10, 10; *Друг друга (другу, дружке, дружку).* Пск. (1588). Один одного, одному, поименно. ПОС 10, 10, 11; *Друг друга.* Пск. (1588). То же. ПОС 10, 11; *Друг друга стоят.* Народн. Одинаковы, схожи по каким-то качествам. Соколова 2009: 186; *Друг дружде.* Алт. Друг к другу. СРГА 2-1, 49; *Друг за другом (дружкой).* Пск. Один за другим. ПОС 10, 10; *Друг за другом ходят цугом.* Народн. Шутл. О неразлучных друзьях. Соколова 2009: 186; *Друг к другу.* Пск. Один к одному. ПОС 10, 10; *Друг ко другу.* Пск. (XVI–XVII вв.). То же. ПОС 10, 11; *Друг на друга.* Пск. (1528). Один на одного. ПОС 10, 10; *Друг на дружку.* Омск. То же, что друг на друга. СРСГП 1, 193; *Друг о друге.* Пск. (1588). Один за другого (ходатайствовать). ПОС 10, 10, 11; *Друг от друга.* 1. Пск. (1574, 1607). Один от одного. ТФ, 406; ПОС 10, 10, 11. 2. Селигер. Между собой (о взаимопонимании). Селигер 2004: 2, 48; *Друг перед другом.* Пск. (1607). Один перед другим. Фенне, 218, 406; ПОС 10, 11; 25, 306; *Друг перед дружкой делать что.* Пск. Стараясь превзойти в чем-л. другого, выделиться среди других. ПОС 25, 303–304; *Друг по друге.* Колым. (1901). То же, что *друг по другу.* СРНГ 27, 181; *Друг по другу.* Селигер. Один за другим. Селигер 2004: 2, 48; *Друг с другом.* Пск. (1343). Один с другим, совместно. ПОС 10, 10; *Друг с дружкой.* Омск. Друг с другом. СРСГП 1, 193; *Друг-недруг.* Арх. Любой человек, всякий, каждый. АОС 12, 291; *Друг друга.* Арх. То же, что *друг дружку.* АОС 12, 291; *Друг друге.* Арх. Один другой, взаимно. АОС 12, 291; *Друг дружка.* Арх. Взаимно один

---

¹ Данные об источниках (в сокращении) — в «Большом словаре русских пословиц» и др. [Мокиенко, Никитина, Николаева 2010; Мокиенко, Никитина 2008, 2008а].

другого, друг друга. Ср. друг дружку. АОС 12, 315; *Друг дружке*. Арх. 1. Взаимно один другому. 2. По отношению друг к другу. АОС 12, 292; *Друг дружки*. Арх. Взаимно один другого, друг друга. АОС 12, 292; *Друг дружку*. Арх. 1. Взаимно один другого, друг друга. Ср. друг дружке. АОС 12, 315. 2. Один с другим, друг с другом. 3. Одного вслед за другим. АОС 12, 292; *Друг за дружкой (другой)*. Арх. 1. Последовательно, следуя один за другим (другой), следом друг за другом. О людях, животных и предметах. 2. Один с другим, друг с другом. АОС 12, 292; *Друг за дружком*. Арх. Следуя один за другим. Ср. *друг за дружкой (другой)*. АОС 12, 315; *Друг за дружку (друшку)*. Арх. 1. Одно под другое. 2. Стоя один за другого, друг за друга. АОС 12, 293; *Друг [и] со (с) дружкой*. Арх. 1. Один около другого, рядом друг с другом, поблизости друг от друга. 2. Вместе, совместно. 3. По направлению друг к другу или друг от друга, в разные стороны. 4. Взаимно, друг с другом. АОС 12, 296–297; *Друг к друге*. Арх. 1. Взаимно, одна к другой. 2. Одна рядом с другой, около другой. АОС 12, 291; *Друг ко (к) дружке, ко (к) друг дружке*. Арх. 1. Взаимно один к другому, друг к другу. 2. Один около другого, рядом друг с другом, поблизости друг от друга. О любых предметах. АОС 12, 293; *Друг ко дружку*. Арх. Взаимно один к другому, друг к другу. Ср. *друг ко дружке*. АОС 12, 315; *Друг на дружка*. Арх. Один поверх, сверху другого. Ср. друг на дружку. АОС 12, 315; *Друг на дружку*. Арх. 1. Один поверх другого. О людях и предметах. 2. Один рядом, вместе с другим. 3. Навстречу друг другу. 4. Взаимно один на другого (другую). 5. Наперекор друг другу, не считаясь друг с другом. 6. В отношении друг друга, по отношению друг к другу. 7. В соответствии один (одна) другому (другой). 8. Соревнуясь друг с другом, наперегонки. АОС 12, 293–294; *Друг над другом*. Арх. Друг друга, взаимно, один другого. АОС 12, 291; *Друг над дружкой*. Арх. Один над другим, друг над другом. АОС 12, 294; *Друг о друге*. Арх. Один около другого, рядом друг с другом, поблизости. АОС 12, 291; *Друг о дружке (дружкой)*. Арх. 1. Один около другого, рядом друг с другом, поблизости друг от друга. О людях, животных и предметах. 2. Взаимно друг у друга. // Взаимно один от (у) другого, друг у друга. 3. Взаимно один к другому, друг к другу. 4. Следуя один за другим, следом друг за другом. 5. Один другому, друг другу. 6. Один от другого. АОС 12, 294; *Друг о дружку*. Арх. 1. Один около другого, рядом друг с другом, поблизости друг от друга. 2. Следуя один за другим, следом друг за другом. АОС 12, 294; *Друг от друга*. Арх. Взаимно

один у другого, друг у друга. АОС 12, 291; *Друг перед дружкой*. Арх. 1. Соревнуюсь друг с другом, наперегонки. 2. Один другому, друг другу. 3. раньше, опережая один другого. АОС 12, 295; *Друг по другу*. Арх. 1. Один у другого, друг у друга. 2. Взаимно один к другому, друг к другу. АОС 12, 291; *Друг по дружке (дружкой)*. Арх. 1. Следуя один за другим, следом друг за другом. 2. Взаимно один у другого. друг у друга. 3. Постепенно. по одному, по очереди. 4. Взаимно один другому, друг другу. 5. Взаимно друг друга. 6. Вместе друг с другом. 7. Один около другого, рядом друг с другом, поблизости друг от друга. 8. Взаимно один к другому, друг к другу. 9. От одного к другому, друг от друга. 10. Взаимно друг у друга. 11. Независимо друг от друга, каждый сам по себе. АОС 12, 295–296; *Друг про дружку*. Арх. Взаимно, друг о друге. АОС 12, 296; *Друг прямо (прям) дружки*. Арх. Один напротив другого. АОС 12, 296; *Друг с другом*. Арх. Взаимно один другому. АОС 12, 292; *Друг у друга*. Пск. (1569). Один у одного. ПОС 10, 11; *Друг у дружка*. Арх. Взаимно один у другого, друг у друга. Ср. друг у дружки. АОС 12, 315. *По-за друг други*. Арх. Последовательно, следуя один за другим, следом друг за другом. АОС 12, 292; *Сам-друг*. 1. Пск. Вдвоем. ПОС 10, 14. 2. Яросл. (1850). О пьяном человеке. СРНГ 36, 75; *Хвастать друг на друга*. Морд. (2006). Оговаривать друг друга. СРНГ 50, 40.

Любопытно, и вместе с тем показательно, что такая семантическая «зацикленность» народных выражений *друг на друге* с удивительной точностью воспроизводит семантику древнего общеславянского этимона слова *drugъ, восходящего к индоевропейскому корню *dhert-: *dherə- — ‘поддерживать’, ‘подпирать’, ‘держать’ [Рокорну: 1, 252–255; Черных 1993: 1, 270]. Такая «соединительная семантика прямо отражается в производных от этого корня некоторых современных языков — ср., например, лит. *sudrugti* ‘присоединяться’ [Фасмер 1964: 1, 543].

По мнению некоторых этимологов, именно сочетание *друг друга* стало в славянских языках импульсом к семантическому развитию этого слова: «*Druh* был членом дружины; сочетание (напр., *vede druh druha*) в представлении говорящих постепенно вело к смыслу ‘ведёт один другого’, т. е. «один друг иного», а тем самым открывался путь к уникальной субстантивации прилагательного: *drugъ* становится прилагательным, которое успешно вытесняет старое *vtorъ* ‘второй’, и наконец становится порядковым числительным...», — пишет чешский этимолог В. Махек. — И далее следует проникновенная интерпретация эволюции

ментального представления о **ДРУГЕ** как части определённого воинского социума: «Нет сомнения, что *drugъ* первоначально был «членом княжеской дружины». Князья в древние времена, пока ещё не было единой государственной власти (королевского или царского войска), имели своё личное войско, собственную «дружину», «личную охрану» — малую или большую в зависимости от княжеской мощи и богатства, которая состояла из неженатых мужчин... С упадком такой военной организации старый термин *drugъ* переходит на наименование иных сообществ» [Machek 1971: 130]. Такой процесс субстантивации прасл. прил. *drugъ не отвергают и другие этимологи, признавая, между прочим, что именно из словосочетаний типа ст.-сл. *drugъ drugа* развилось как прилагательное, так и числительное *drugъ со значением 'другой, иной' (ЕСУМ 2, 134).

Как видим, масса русских тавтологических поговорок, в обилии зафиксированных в диалектной речи от Псковской и Архангельской области до Колымы, довольно бережно сохраняет значение этимона, восходящего к древней индоевропейской общности.

Сохраняется эта семантика и в народных устойчивых словосочетаниях с компонентом *друг*, имеющих иную структуру [Мокиенко, Никитина 2008: 201–202]. Здесь она, правда, благодаря структурному многообразию, обрастает новыми коннотациями — в том числе и такими, в зеркале которых В.В. Колесов воспроизводит российскую ментальность. Вот семантические доминанты, вырисовывающиеся при детализированном анализе таких поговорок-фразеологизмов.

1. Выражения, сохраняющие структурную и семантическую инерцию дублетного словосочетания *друг друга* (*друг другу* и под.):

а) с воспроизведением тавтологической структуры: *Наталкивать друг друга*. Пск. Предупреждая о чем-л., договариваться. ПОС 20, 333; *Отваживать друг друга*. Пск. Совместно развозить навоз на поле каждому хозяину. ПОС 23, 509; *Слепиться друг на дружку*. Ряз. (1960–1963). *Обняться, тесно прижавшись друг к другу*. СРНГ 38, 264; *Сноравливать друг другу*. Народн. *Потакать друг другу*. СРНГ 39, 125. Ср. *Не дадим друг другу погибнуть*. Жарг. шк. Шутл. О списывании у кого-л. выполненного задания, работы. (Запись 2002 г.).

б) подчёркивающие «парность», как общую, так и противопоставленную двух «другов»: *Два друга: друг да ловкость рук*. Народн. Неодобр. О мошеннике, пройдохе. Соколова 2009, 313; *Два друга: колбасник*

да супруга. Народн. Шутл. О предприимчивых друзьях, мошенниках. Соколова 2009, 313; *Два друга – метель да вьюга*. Печор. (Усть-Цильм.). Ирон. О хулиганах, буянах. Ст. 2008а 1, 198; *Два друга: хомут да подпруга*. Народн. Шутл. О неразлучных друзьях. Соколова 2009, 180; *Собрались два друга, дуга да подпруга*. Вост.-рус. Ирон. О противоположных, не подходящих по характеру и образу жизни друзьях. Рыбн. 1961, 85; *Хороша друзей пара – гусь да гагара*. Народн. Ирон. О противоположных, не подходящих по характеру и образу жизни друзьях. Рыбн. 1961, 85.

Шутливо-ироническая тональность большинства этих выражений усиливается и благодаря рифмовке входящих в них словесных компонентов.

2. Выражения, характеризующие разные типы взаимодействия друзей – от приветливого или шутливого обращения к ним, то иронического призыва к осторожности при общении с друзьями:

Друг-товарищ. Том. Человек, связанный с кем-л. дружбой. ПСДЯЛ 1, 263; *Друг ситный*. Волг., Орл., Прост. Шутл. или Ирон. Фамильярное обращение к собеседнику. Ф 1, 172; БМС 1998, 169; СОГ 1990, 78; Глухов 1988, 38; *Будь другом*. Пск. Выражение усиленной просьбы. ПОС 10, 9; *Проступи, други, проступи!* Арх. (1885). Понуждение к тянущим бечеву: тяни дружнее! СРНГ 32, 255; *Милый (мил) друг*. 1. Пск. Любимый, возлюбленный. ПОС 18, 231. Ср.: 2. Жарг. шк. Шутл. Звонок с урока. (Запись 2003 г.); *Миленький друг*. Костром. Возлюбленный. Ганцовская 2015, 210; *Крайний друг*. Перм. (1930). Лучший, большой друг. СРНГ 15, 165; *Заповедный друг*. Влад. (1902). Близкий, задушевный друг. СРНГ 10, 333; *Тёмный друг*. Дон. (1976). О близком, любимом друге. СРНГ 44, 32; *Полновый друг*. Народн. Настоящий, подлинный друг. СРНГ 29, 83; *Закалдычный друг*. Прост., Пск. иногда Ирон. или Шутл. Близкий, задушевный друг, приятель. БМС 1998, 169; ПОС 11, 221; *Закалдычный (закалдышный) друг*. Яросл. (1908–1928). О близком, любимом друге. СРНГ 10, 114. < *Закалдычный* – близкий, любимый.

Некоторые из выражений этой группы требуют специального историко-этимологического и лингвокультурологического комментария.

Друг ситный связывается с выпечкой хлеба. Сочетание *ситный хлеб* отмечено в словарях с 1731 г. Затем возникает форма *ситник* (1771) и ум.-ласк. форма *ситничек* (1794). Ситный хлеб – это хлеб, испеченный

из муки, просеянной через сито. Ситник ели и за обедом, и за ужином, подавали к чаю с медом и с творогом. Пекли такой хлеб и с изюмом — подовый хлеб, продолговатой формы, с косыми надрезами. Ситный хлеб ели с удовольствием. Отсюда и возникло просторечное шутиливо-дружеское обращение: *Друг ситный!* Брагина 1986, 31.

Выражение *закадычный друг* связывают с буквальным значением «собутыльник», что якобы мотивировано сочетанием залить за кадык «выпить». Ср. *задушевный друг*. Шанский 1985, 123. Версию о друге-забулдыге как будто подтверждают данные некоторых народных говоров: Ярослав. Неодобр. (1908–1928) *Закалдышный пьяница*. О спившемся, беспутном человеке. (СРНГ 10, 114). < Ср. *закалдыга* — 1. Ярослав. (1853). Повеся. 2. Ярослав. (1908–1928). Забулдыга. (СРНГ 10, 114; Ярослав. 1908–1928). *Закалдычный (закалдышный) друг*. О близком, любимом друге. (СРНГ 10, 114). < *Закалдычный* — близкий, любимый. Там же: «У его в деревне-то жена, а тамоди, в Питере-то у его есь во какая *заколадышная*. Он ему *заколадышный друг-то*». Там же: «Он у ее *заколадышный завсегдамай*» — постоянный, частый (СРНГ 10, 114).

Возможно, однако, и иное объяснение этого фразеологизма, основанное на фактах русской народной речи. В диалектах давно зафиксированы глаголы влад. (1900) *закадыкать, закадычить* ‘начать кашлять’, ‘зарезать, перерезать горло’, курск. (1858), сарат. *закадычиться* ‘умереть (обычно от угара)’, народн. ‘удавиться, зарезаться’ (СРНГ 10, 112); перм. (1899) *закадышить* ‘закашлять’. моск. (1968) *закадычный охотник* ‘заядлый, рьяный’, новосиб. (1965); яросл. (1847). *закадышная головушка* ‘об удалом, отчаянном человеке’. (СРНГ 10, 112).

3. Выражения с индивидуально маркированной семантикой и книжно-литературной стилистикой:

Друг народа. Книжн. О популярном в народе человеке. БМС 1998, 169; *Друг дома*. Книжн. 1. Человек, пользующийся в чьей-л. семье сердечным расположением. 2. Шутл. Любовник хозяйки дома. БТС, 285; ЗС, 279; *Друг мой, Аркадий [Николаевич], не говори красиво*. Ирон. Реплика, иронически оценивающая излишнее красноречие, особенно если от говорящего требуются точность, простота и логичность рассуждений. Выражение из романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» (гл. 21 — 1862). БМШ 2008, 331; Соколова 2009, 59, 61.

Семантическая и стилистическая специфика таких выражений обусловлена их происхождением. Так, последняя фраза, подчёркивающая ироническую оценку *друга*, вложена писателем в уста Базарова. оборот *друг народа* восходит к почетному званию Публия Валерия, трижды избиравшегося консулом Римской республики (508, 507, 504 гг. до н. э.). В новое время это звание закрепилось за Ж.-П. Маратом (1743–1793) — виднейшим деятелем Великой французской революции, который с сентября 1789 г. издавал демократическую газету «Друг народа» — «L'ami du peuple». Ашукины 1987, 429–431. Ср. Современную политическую партию в Украине — *слуги народа*. Выражение же *друг дома* — калька с фр. *ami de la maison*.

4. Выражения, скептически подчёркивающие ненадёжность и эфемерность дружеского взаимодействия:

Друзья до первой кости. Сев.-рус. Ирон. О ненадежных, готовых поступиться дружбой ради пустяковой выгоды друзьях. Рыбн. 1961, 85; *Друзья до чёрного дня*. Народн. Неодобр. О ненадежных друзьях, которые не приходят на помощь в трудные времена. Соколова 2009, 181; *Этот друг и сам без рук*. Народн. Неодобр. О неумелом, нерасторопном человеке. Соколова 2009, 356; *На друга калач не купишь*. Печор. (Усть-Цильм.). Трудно угодить чьему-л. вкусу. Ст. 2008 2, 27. Ср.: *Сослужить другу медвежью услугу*. Ленингр., Пск. Оказать кому-л. неумелую, неуместную помощь, причиняющую неприятности. Соловьева 2001, 55.

5. Современные жаргонно-просторечные и вульгарные выражения «травестийного» типа (так называемого «стёба»), шутливо-иронически снижающие традиционную позитивную стилистическую тоналность слова друг:

[Лучший] друг артиллеристов (бушменского народа и крупного рогатого скота, детей, заключённых, угнетённых народов, колхозников, писателей, чекистов, танкистов, горняков, шахтёров, физкультурников). Публ., Разг. Патет. или Ирон. В.И. Сталин. Росси 1, 105; Росси 2, 390.

[Лучший] четвероногий друг солдата. Жарг. арм. Шутл. Кровать. Максимов, 231; *Наш общий друг*. Жарг. шк. Шутл. 1. Шпаргалка. Максимов, 119. 2. Оценка «хорошо», четверка. Вytic, 1991-2000; *Друг Толян*. Жарг. шк. Шутл. Школьный туалет. (Запись 2003 г.); *Белый друг*. Жарг. мол. Шутл. 1. Унитаз. Елистратов 1994, 121; h-98. 2. Холодиль-

ник. Максимов, 31; *Кричать на белого друга*. Жарг. мол. Шутл.-ирон. То же, что *пугать белого друга*. Елистратов 1994, 121; *Обниматься (дружить) с белым другом*. Жарг. мол. Шутл.-ирон. То же, что *пугать белого друга*. Елистратов 1994, 121; *Пугать белого друга*. Жарг. мол. Шутл.-ирон. О рвоте. Белянин, Бутенко, 131; Елистратов 1994, 121; *Резиновый друг*. Жарг. мол. Шутл. Презерватив. РТР, 20.02.99; *Бабий друг*. Разг. Шутл. Мужской половой орган. Елистратов 1994, 663; ЖЭСТ-1, 141; *Пернатый друг*. Жарг. мол. Шутл. То же, что *бабий друг*. Щуплов, 53.

6. Выражения с «артефактной» семантикой слова друг:

Четырёхколёсный друг [человека]. Нов. Разг. Шутл. Об автомобиле. НСЗ-90, 3, 1289; *Зелёный друг*. Публ. Патет. Устар. Лес, зеленые насаждения, растительный покров. Мокиенко, Никитина 1998, 181; *Милой друг*. Арх. Одобр. Самое лучшее, самое большое удовольствие, очень хорошо, очень нравится. АОС 12, 291.

Судьба таких выражений о друге в русском языке различна. Так, образ газетной перифразы советского времени зелёный друг прозрачен: осознавая роль, которую зелень играет в нашей жизни, люди стали называть лес зеленым другом. Гвоздарев 1988, 110. Но конкретная история оборота связана с публикацией Л. Леонова «В защиту зеленого друга» (1947) (позднейшее название — «В защиту друга»), где писатель призывает не только к расширению зелёных массивов в городах СССР, но и к заботливому уходу за каждым уже растущим деревом — «нашим зелёным другом». БМШ 2000, 182.

При всех разнообразных семантических и стилистических мутациях слова **ДРУГ** в русском языке оно сохраняло свою «ядерную» этимологическую и ментальную символику, сформулированную В.В. Колесовым — символику «единения» своего собственного и *другого* «я». И нет ничего удивительного, что эта древняя семантическая инерция ярко воплотилась в одном из самых популярных русских фразеологизмов — *водой не разольёшь кого*. Это, можно сказать, классическая характеристика крепкой, нерушимой дружбы, неразлучности близких друзей.

Выражение зафиксировано практически всеми толковыми и фразеологическими словарями (напр., БМС 1998, 87; ФСРЯ 1978, 74; БТС, 139; ШЗФ 1987, 41). Его значение — 'в тесной дружбе, относясь друг к другу с глубокой привязанностью; в полном единении; нераз-

лучные' легко проиллюстрировать многими цитатами из классической и современной литературы, что и сделано автором этих строк в специальном очерке, где представлен и детальный исторко-этимологический анализ фразеологизма [Мокиенко 2013]. Показательно, что в отличие от многих активных русских фразеологизмов выражение *водой не разольёшь кого* не претерпевает оригинальных и больших семантических и структурных трансформаций, что отмечено и в нашем словаре «Фразеологизмы в русской речи» [Мелерович, Мокиенко 1997: 103–104]. Здесь зафиксированы лишь простые смысловые и формальные преобразования типа *не разлей вода, быть не разлей вода, дружба — не разлей водой* и т. п., которые, собственно, являются не индивидуально-авторскими, а узуальными, генерированные русской народной речью.

Исходный образ этого фразеологизма может показаться прозрачным: водой разливают сцепившихся в схватке животных или людей. Поэтому многие историки фразеологии, считая выражение «собственно русским», связывают его именно с обычаем (якобы бытовавшим в русских деревнях) разливать водой дерущихся животных (быков), когда другие средства их усмирения не помогают. Отсюда и конкретная ассоциация, вызвавшая возникновение фразеологизма: друзья держатся всегда вместе, их даже водой не разольёшь [Опыт 1987: 29; Зимин, Спириин 1996: 267; БФСРЯ 2006: 133; Алефиренко, Золотых 2008: 56]. Такую же мотивировку для бел. *вадой не разальёш каго* признаёт и автор этимологического словаря белорусских фразеологизмов И.Я. Лепешев [Лепешев 2004: 66].

На первый взгляд, такое объяснение кажется правдоподобным. Оно как будто подкрепляется и двумя вариантами оборота. Одним — диалектным (волгоградским) *хоть водою разливай кого* 'о людях, которые постоянно ссорятся, бранятся' [Мокиенко, Никитина 2008: 92]. Другим — широко известным *окалить (облить) холодной водою кого* 'охладить чей-л. пыл, рвение', 'привести в замешательство кого-л.' [ФСРЯ 1978: 296; Зимин, Спириин 1996: 325; БТС, 139, 707, 1450].

Однако, правдоподобность такого объяснения несколько колеблет семантическая логика: ведь сцепившиеся в драке животные и люди — отнюдь не образец неразлучной дружбы, а, наоборот — символ непримиримой вражды. Лапидарное толкование М.И. Михельсона к выражению *хоть водою разливай* — «так сцепились» [Михель-

сон 1905: 2, 472], тоже кажется противоречивым семантически, давая при этом несколько иное направление возможной расшифровке исходного образа. Возможно, правда, что первоначально оборот мог быть ироническим, откуда и его шутливая тональность в современном употреблении.

Именно на это смысловое противоречие обращают внимание составители «Большого словаря русской фразеологии» под редакцией В.Н. Телии (автор словарной статьи о выражении *водой не разольёшь* И.В. Зыкова). с одной стороны, семантика фразеологизма подсказывает, что в «создании образа фразеол. участвует метафора, уподобляющая неспособность разорвать тесные, близкие, дружеские отношения между кем-л. — обычно между неразлучными друзьями — попытке полить на них водой, для того, чтобы они отошли друг от друга, разошлись». С другой, — «в смысловой основе образа фразеол. лежит оксюморон — сочетание противоположных по значению понятий, действий: обычно **водой** пытаются разлить сцепившихся друг в друга людей или животных...» [БФСРЯ 2006: 133].

Расширение языкового материала, инициированное замеченным И.В. Зыковой противоречием, проливает, как кажется, иной свет на образные истоки оборота. Так, уже упомянутый его разговорный вариант *не разлей вода* 'о неразлучных друзьях' уже не обязательно предполагает «обливание водой» сцепившихся в драке животных, а вызывает ассоциацию с чем-то монолитным, сросшимся друг с другом так, что даже вода не может разделить, «разлить» этот монолит. В какой-то степени такую ассоциацию подкрепляет и диалектный (пск., смол.) субстантивный вариант нашего выражения — *неразливная дружба* 'крепкая дружба, такая, что водой не разольёшь' (СРНГ 21, 140.), а также архангельский оборот *водой не размоешь чего* 'о большом количестве чего-л.' (АОС 4, 153). Ср. и синонимичный фразеологизм, приведённый М.И. Михельсоном к нашему выражению — такая дружба, что топором не разрубишь [Михельсон 1905: 1, 112].

Обращение к другим языкам не только показывает, что наш оборот нельзя назвать «собственно русским», но и подтверждает предлагаемую расшифровку. Бел. *вадою не разліць* и укр. *водою не розлити* имеют то же значение, что и русский фразеологизм. Так., бел. *вадой (вадою) не разліць* и *вадой не разальёш каго*, имеющий то же значение, что и русский оборот, широко употребляется в литературном языке

(Леп. 1993, 2, 251-252), как и укр. [i] *водою не розлити (не розілляти) кого; нерозлий вода хто з ким* (СФУМ 2003, 611; ПП 1, 53). Белорусская же поговорка *Чужую бяду і я развяду, а сваю і вадою не разалью* [Грынблат 1976: 445] убедительно иллюстрирует «монолитность» связи того, что нельзя «разлить водой»: ведь свою беду разделить на составные части никак нельзя способом, которым разливают сцепившихся собак. Ср. севернорусскую поговорку *Вёдрами разольёшь, так каплями не соберёшь* (Рыбн. 1961, 45; Ан. 1988, 42), где идея «монолитного водоразлива» выражена иным образом.

Ещё более убедительным предлагаемое объяснение делают параллели с балтийскими языками. Литовские выражения *vanduo neperbėgtų per tarpą* — «вода бы не протекла (букв. не пробежала бы) между кем-л.», *vandens lašas neperbėgtų* — «капля воды не протекла бы (букв. не пробежала бы) между кем-л.», *vandens lašas neperbėgo* — «капля воды не протекла», *vandens lašas neprasisunkė* — «капля воды не просочилась», *kaip vanduo* — «как вода» (fž 2001, 786-789) характеризуют прежде всего неразлучную дружбу. Они, как легко увидеть, весьма напоминают русское *не разлей вода*. В латышском же языке к водной стихии как потенциальной «разлучнице» неразлучных друзей присоединяется и огонь: *ne uguns, ne ūdens tos nevar šķirt* — «ни огонь ни вода этих не может разлучить» (LFV 2000, 1276).

Исходным образом нашего выражения, следовательно, было такое крепкое соединение чего-либо (а потом — и кого-либо), которое не могла отделить друг от друга даже столь могучая стихия, как вода.

Такую семантику подтверждают и народные сравнения со словом друг [Мокиенко, Никитина 2008а: 177–178]:

Как друг. О человеке, очень близком, дорогом, к которому кто-то сердечно привязан; *Беречь кого как друга*. О чьём-л. очень бережном, заботливом отношении к кому-л.; *Обнимать/ обнять кого как друга*. О чьём-л. дружеском, сердечном объятии. Показательно, что идея **жертвенности** истинной дружбы, подчёркнутая как одна из её ментальных характеристик, нашла своё выражение в компаративной поговорке, зафиксированной В.И. Далем: *Больше той любви не бывает, как друг за друга умирает*. Смерть за друга — лучшее доказательство истинной дружбы. ДП, 775.

В поговорках, естественно, концепт **ДРУГ** представлен в таком количестве, что их анализ потребовал бы специального пространного

изложения. В нашем «Большом словаре русских пословиц» [Мокиенко, Никитина, Николаева 2010: 299–305] их число достигает 395 единиц. Поэтом — в пределах листажного лимита, установленного издателями этого сборника, позволю себе остановиться лишь на пословицах, избранных самим В.В. Колесовым для реконструкции русского менталитета, заложенного, по его мнению, в концепте **ДРУГ**:

друг познается в беде; для милого дружка и сережку из ушка; больше той любви не бывает, как друг за друга умирает; друг о друге, а Бог обо всех; не имей сто рублей, а имей сто друзей; нет друга, так ищи, а нашел, так береги; ... Друг по-милу хорош, а не по хорошему мил (Флоренский).

В этом паремиологическом выборе отразился изысканный языковой вкус В.В. Колесова и уже поэтому кажется соблазнительным проследить хронологическую (resp. историческую) траекторию этих пословиц в русском языке.

1. Друг познается в беде.

Пословица в современном русском языке чаще фиксируется в форме мн. ч.: *Друзья познаются в беде*. Рыбн. 1961, 84; Жук. 1966, 138–139; Спир. 1985, 119; Пермьяков 1988, 159; Пск., Ленингр. Соловьева 2001, 54; Сок., 182; Акмол. Асенова 2010, 19. Ср. также: *Друзья познаются в несчастье*. Соб. 1956, 26.

В старых паремиологических собраниях — уже с нач. XIII в., однако, она регистрируется в разных вариантах с компонентом *друг* именно в единственном числе — как в ментальной реконструкции В.В. Колесова:

Друг познавается в нужде, случай кажет друга. ЛВ¹ 1, 248; СлРЯ XVIII в. 9, 193.

Друг познавается в несчастии (в несчастье). Сн. 1848, 104; ДП 2, 228; Мих. 2, 264; Раз. 1957, 111; Рыбн. 1961, 84.

Друг познавается при рати да при беде. Петр. галер. нач. XVIII в., 26; Тат. нач. XVIII в., 52; Сн. 1848, 104; ДП 2, 228; Д 4, 85; Кн. 1930, 9; Под., Зим. 1956, 46; Раз. 1957, 111; Тан. 1986, 52.

Друг признавается при рати да при беде. Кург. 1793, 126; Ан. 1988, 85.

Храбрый узнаётся на войне, мудрый в гневе, друг — в беде. Спир. 1985, 119.

Последние три варианта, как видим, подтверждают этимологическую и лингвокультурологическую связь слова *друг* с военной кня-

жеской дружиной, имплицитно допускаемую и В.В. Колесовым («от и. е. корня в знач. ‘следовать, следующий (за мной в боевом порядке)’).

Ср. зафиксированные уже в наше время варианты: *Друг познается в беде как золото в огне*. Сок., 181; *Человек познается в беде да в дороге*. Сок., 259; *Человек познаётся в труде*. Спир. 1985, 52.

Близки к исторической «ратной» семантике и варианты пословицы, где слово *друг* заменяется на обозначение верного друга человека — *коня*: *Коня в рати узнаешь, а друга в беде*. ДП 2, 228; *Конь познаётся при горе, а друг — при беде*. Сн. 1848, 486; Раз. 1957, 112; Ан. 1988, 140; Сок., 259; *Конь узнаётся при горе, а друг при беде*. Жук. 1966, 188; *Конь признаётся при горе, а друг при горе*. Сок., 259; *Конь узнаётся в езде, а друг в беде*. Спир. 1985, 119; *Конь узнаётся в скачке, человек в делах*. Акмол. Асенова 2010, 14; *Конь признаётся в работе, а друг — в беде*. Твер. ТПП 1993, 43.

2. Для милого дружка и серёжку из ушка.

В.В. Колесов приводит самый древний, активно употребительный и регулярно фиксируемый паремиологическими сборниками вариант этой народной пословицы:

Для (ради) милого дружка [и] серёжку (серёжка) из ушка. Тат. нач. XVIII в., 51; Богд. 1741, 77; Барс. 1770, 52; СЛРЯ XVIII в. 6, 145; 12, 188; Сн. 1848, 91, 348; ДП 2, 126, 227; Д 1, 440, 496; Д 4, 174, 526; Мих. 1, 247; Ил. 1915, 224; Раз. 1957, 113, 114; Рыбн. 1961, 83; Соб. 1961, 91; Жук. 1966, 129–130; Спир. 1985, 115; Ан. 1988, 79; Пермьяков 1988, 158; Помор. Мерк. 1997, 58; Сок., 296; Твер. ТПП 1993, 42; Пск., Ленингр. Соловьева 2001, 14; *Для милого дружка хоть серёжку из ушка*. Пермьяков 1988, 158; *Для хорошего дружка и серёжка из ушка*. Помор. Мерк. 1997, 58; *Ради милого дружка и серёжка из ушка*. Сн. 1848, 348; Д 2, 126; Раз. 1957, 114; *Уважить дружка — вынуть серёжку из ушка*. ДП 2, 126.

И сам артефакт, символизирующий «жертву», которая приносится близкому другу, и эпитет милый подчёркивают гендерную однонаправленность дружбы: явно речь идёт о жертвенной любви девушки к её возлюбленному. Это подтверждается и таким вариантом, где сомнений в этой однонаправленности не остаётся, ибо глагол прош. времени употреблён именно в женском роде: *Для дружка и серёжка из ушка, для милого б и обе вынула*. Ил. 1915, 225; Ан. 1988, 79. Тем не менее, в потоке вариантов этой популярной пословицы можно най-

ти — во всяком случае в её толковании собирателями — и гендерно нейтральную оценку жертвенности истинной дружбы, подчёркнутую В.В. Колесовым: *Для дружка и серёжку из уха*. Пск., Ленингр. О самоотверженной дружбе, Соловьева 2001, 54.

Пословицы воспроизводят и другие артефактные и символические атрибуты жертвы во имя истинной дружбы:

Для милого дружка [и] семь вёрст — не околица. Бир. 1960, 26; Рыбн. 1961, 83; Жук. 1966, 129–130; Сок., 181.

Для милого дружка семь вёрст киселя хлебать. Урал. Бир. 1960, 26; *Милому дружку ото рта кусок*. Тат. нач. XVIII в., 56; *За хорошего дружка не пожалеешь сладкого пирожка*. Сок., 182.

Эту «жертвенную» символику, как и иную, воспроизводят и пословицы с компонентом *друг*. Здесь жертвенность может выражаться как в преодолении для дружбы больших расстояний, так и в бескорыстном предоставлении пищи, своего имущества (включая рогатый скот), отказе от отдыха и развлечений и даже — в полном подчинении ему:

Для друга [и] семь верст не околица. Сн. 1848, 91; Жук. 1966, 129; Ан. 1988, 79; ДП 2, 227; Раз. 1957, 111; СРНГ 23, 140; Яросл. ЯОС 7, 5; *Для милого друга семь вёрст не околица*. СлРЯ XVIII в. 16, 236; *Для друга нет расстояний*. Сок., 181; *Для друга нет круга*. ДП 2, 227; Мих., 2, 240; Раз. 1957, 111; Рыбн. 1961, 85; СРНГ 15, 293; Тан. 1986, 48; Сок., 181. < *Круг*. Пск., Смол. (1902–1904) — окольный путь, лишнее расстояние, пройденное не по прямой дороге. СРНГ 15, 293.

Для хорошего друга не жаль ни хлеба, ни досуга. Спир. 1985, 118; Твер. ТПП 1993, 43; *Для милого друга не искать досуга*. Ан. 1988, 79; Сок., 296.

Для друга всё не туго (не тяжело и не скудно). ДП 2, 227; Сок., 181.

Для друга [и] пост разрешается. Тат. нач. XVIII в., 51; Сн. 1848, 91; ДП 2, 227.

Для доброго (милого) друга и вола с плуга. Ил. 1915, 225; *Для милого друга и вола из плуга*. Соб. 1956, 91.

Для друга и хвост на бок. Сн. 1848, 91.

Естественно, любое бескорыстие — в том числе и в дружбе, и в любви имеет свои разумные пределы. Отсюда и шуточные пословицы, описывающие ситуацию, когда не принятая другом жертва возвращается жертвователю:

Для друга калач купил — не люб, так сам съел. С.-рус. Рыбн. 1961, 85; *Для друга можно покупать только калач — не полюбится, так и сам*

съешь. Тан. 1986, 48; *Для друга последний кусок — съем*. ДП 2, 126; Д 1, 495; Соб. 1956, 57; *Для друга последний кусок съешь*. Сок., 609.

3. Больше той любви не бывает, как друг за друга умирает.

В отличие от двух предыдущих, эта пословица зафиксирована лишь в одном источнике — сборнике «Пословицы русского народа» В.И. Даля и повторена им в его знаменитом словаре, а затем в точности воспроизведена в одном из советских пословичных сборников: *Больше той любви не бывает, как друг за друга умирает*. ДП 2, 227; Д 1, 495; Раз. 1957, 111. Её возвышенный стиль и рифмованная структура свидетельствуют о книжном происхождении. И действительно, М.И. Михельсон [Михельсон 1904: 1, 265] убедительно продемонстрировал книжные европейские корни этой пословицы:

Дружба (дружество) Больше той любви не бывает, как друг за друга умирают. Ср. Скотившись с горной высоты, Лежал на прахе дуб, перунами разбитый, А с ним и гибкий плющ, кругом его обвитый... *О дружба, это ты!*... Жуковский. Дружба. Ср. **Giurammo insieme di vivere e di morire insieme.** Felice Romani. Lucrezia Borgia. Prol. 1. Ср. *Verae amicitiae sempiternae sunt.* Cic. de amicit. 9, 32. Ср. *Amicitias immortales esse debere (vulgatum proverbium).* Liv. 40, 46, 12. Ср. *φιλίας αθανάτους.* Diodor. 27, 16, 1. Ср. *Amor vincit omnia = amicitia.* Ср. Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих. Иоанн. 15, 13.

Как видим, пословица имеет древнегреческие и латинские параллели, но главный её источник — Евангелие, ибо цитата из Иоанна, приводимая М.И. Михельсоном, полностью соответствует её позднему рифмованному переложению в русской книжности. И глубоко символично, что этим словам Иисуса предшествует его главная заповедь, облечённая в уже рассмотренную нами дублетную формулу: «Сия есть заповедь Моя, да любите *друг друга*, как я возлюбил вас» Иоанн. 15, 12.

В.В. Колесов, поместив эту пословицу в конце паремиологической триады, ставшей основой его реконструкции ментальных представлений о **ДРУГЕ**, подчеркнул единство народного и книжно-литературного, евангельского отношения к истинной дружбе.

Следующая паремиологическая триада выстроена автором словаря русской ментальности в виде зеркального отражения первой триады, ибо тон здесь задаёт пословица о Боге. Характерно, что и здесь идея богоприимной дружбы выражается древней дублетной формой:

4. Друг о друге, а Бог обо всех.

Пословица известна с первой половины XIX в. и зафиксирована в основном в старых паремииологических собраниях: *Друг о друге, а Бог — обо всех*. Ил. 1915, 75; *Друг обо друге, а Бог — обо всех* [печётся]. Сн. 1848, 104; ДП 1, 23; Д 1, 495; Тан. 1986, 52; Róžańska 2008, 382; *Друг по друге, по всех — Бог*. Тан. 1986, 52; *Мы друг об друга, а Бог обо всех*. Тан. 1986, 90.

Судя по всему, как и вышеприведенная цитата из Евангелия, эта пословица имеет книжное происхождение. Исключение представляет лишь её недавно записанный диалектный вариант в Забайкалье: *Друг о дружке, а Бог — обо всех*. *Забайк.* Пашенко 2015, 256. Возможно, он употребляется сибирскими старообрядцами.

Как это ни парадоксально, но эта пословица *друг о друге* является, собственно вариантом более древней, также библейской истины, в сущности, опровергающей принцип дружеской взаимопомощи:

Всяк для себя, а Бог для всех. Сн. 1848, 49; *Всяк за себя, один Бог за всех*. Раз. 1957, 185; *Всяк за своих стоит [, а один Бог за всех]*. ДП 2, 98; *Всяк про себя, Бог за всех*. Тан. 1986, 36; *Всякий (всякой) себе, а Бог всем*. Паус. нач. XVIII в., 42; Тан. 1986, 35; *Всяк про себя, [а] Господь про всех*. ДП 1, 23; Мих. 1, 141; Ил. 1915, 75; Тан. 1986, 36.

Комментируя её, М.И. Михельсон [Михельсон 1904: 141] приводит не только античные европейские параллели, но и отсылки на библейские афоризмы:

Всяк про себя, Господь про всех. Всякий Демид себе норовит. Ср. *Всяк своим умом живет... старайся всяк про себя, а Господь про всех*. Даль. Сказка о Шемякином суде. Ср. *Кому охота в кучу сбиваться, ступай с Богом в Питер, а мы Москву так строим, пошире: всяк про себя, а Господь про всех...* Даль. Отец с сыном. 1. Ср. **Jeder für sich, Gott für alle. Every man for himself and God for us all. Chacun est pour soi, et Dieu pour tous. Ognun per se e Dio per tutti.** Ср. *Dico providentia Deorum mundum et omnes mundi partes, et initio constitutas esse, et omni tempore administrari. Cic. De Deo et ejus Nat. 2. Ср. Возложи на Господа заботы твои и Он поддержит тебя. Пс. 53, 23. Ср. Матф. 6, 34. Ср. Все заботы ваши возложите на Него, ибо Он печется о вас. I Петра. 5, 7.*

Пятая и шестая пословицы, приводимые В.В. Колесовым для реконструкции русской ментальности, имеют уже чисто народный бытовой колорит и разговорную стилистику:

5. Не имей сто рублей, а имей сто друзей.

О народно-речевом происхождении пословицы свидетельствует её фиксация в самых разных диалектных регионах России — на Псковщине, Тверской и Ленинградской областях, в Поморье, на Кубани и даже в русских говорах Казахстана. Она входит во многие сборники русского малого фольклора в разных, но не особенно отличающихся от основного, вариантах: *Не имей сто рублей, [а] имей сто друзей*. Соб. 1956, 38; Раз. 1957, 112; Рыбн. 1961, 84; Жук. 1966, 283–284; Спир. 1985, 16, 33, 118; Ан. 1988, 217; Помор. Мерк. 1997, 59; Кубан. ППЗК 2000, 23; Пск. СПП 2001, 139; Ленингр. Соловьева 2001, 54; Сок., 183; Твер. ТПП 1993, 43; Акмол. Асенова 2010, 8; *Не имей сто рублей, а имей сто друзей: сто рублей потопят, а сто друзей выручат*. Тан. 1986, 102; *Не держи сто рублей, держи сто друзей*. Сн. 1848, 270; ДП 2, 228; Мих. 1, 264; Жук. 1966, 280; *Не ищи сто рублей, а ищи сто друзей*. Ил. 1915, 119.

Пословица национально и лингвокультурологически маркирована названием собственно русской денежной единицы. Не удивительно поэтому, что кроме русского, она известна лишь белорусскому и украинскому языкам [Котова 2000: 131]: бел. *Не май сто рублёў, а май сто сяброў*. ~ *Лепш сто сяброў, чым сто рублёў*; укр. *Не май і сто рублів, та одного друга*. ср. *Грошей мало — не біда, як є друзів череда*.

В то же время на уровне универсальной дидактической логики сама идея превосходства дружбы над материальной корыстью выражается в разных языках разными образами:

болг. *По-добре хиляда приятели, а не хиляда гроша*; словац. *Lepšia hrst' priatel'stva ako voz dukátov; Lepšia známosť ako hotový; peniaz; Dobrý priateľ nad zlato*; англ. *A friend in the market is better than money in the chest; A friend in court is better than a penny in purse*; нем. *Freunde sind über Silber und Gold*; фр. *Un trésor n'est pas un ami, mais un ami est un trésor*; итал. *Chi trova un amico, trova un tesoro* и под.

Понятно, что из всего этого общечеловеческого многообразия В.В. Колесов избрал собственно русский монетарный образ, подчёркивающий добрую старую мудрость, рекомендующую дружбу предпочитать традиционной национальной денежной единице.

Заключительная пословица, очерчивающая ментальный азимут концепта **Друг** в словаре В.В. Колесова, характеризует ценности дружбы, «которые нужно заслужить и к которым следует стремиться»:

6. Нет друга, так ищи, а нашёл, так береги.

Она подчёркивает потребность для любого человека в близком друге и предупреждает о необходимости бережного отношения к дружбе. Пословица также является собственно русской и регистрируется в паремиологических собраниях со времён В.И. Даля:

Нет друга — так ищи, а есть — так береги. Кубан. ППЗК 2000, 24.

Нет друга — [так] ищи, а нашёл (найдёшь) — [так] береги. ДП 2, 228; Д 1, 84; Ил. 1915, 119; Раз. 1957, 112; Рыбн. 1961, 84; Спир. 1985, 118; Ан. 1988, 234; *Нет друга — ищи, нашёл — береги.* Сок., 183; Твер. ТПП 1993, 43; Сергеева 2016, 181; *Нет друга — ищи, а найдёшь — береги.* Акмол. Асенова 2010, 19.

Подводя итоги путешествия в паремиологическое пространство, лапидарно очерченное в «Словаре русской ментальности», нетрудно увидеть в нём объективный синтез представлений о **ДРУГЕ**, реконструированных В.В. Колесовым. Как истинный художник, и в этой ментальной зарисовке он сумел по нескольким типичным языковым деталям воссоздать живой портрет русского **ДРУГА** от эпохи древней Руси до наших времен. И хотя и сам этот портрет, и его оригинал претерпевают некоторые изменения во времени и пространстве, главные его черты остаются неизменными. Неизменными потому, что их сохранность и преемственность гарантируется нашим литературным языком и народной речью.

«Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная», — писал А.С. Пушкин. В очерке, посвящённом моему **ДРУГУ**, я попытался, подобно пушкинскому Ибрагимю, проследить ход мысли В.В. Колесова, отражённый всего лишь в одной вокабуле его великого словаря. И паремиологическое пространство, воссозданное здесь, стало, как кажется, ещё одним свидетельством животворности мыслей нашего Современника о русской Ментальности.

Источники

- Алефиренко Н.Ф., Золотых Л.Г. Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики. М.: Изд-во «Эллис», 2008. 472 с.
- Асенова А.Б. Русский фольклор Акмолинской области // Малые жанры русского фольклора: Учебное пособие для студентов филологических факультетов. Кокшетау: Изд-во «MILLENIUM», 2010. 80 с.
- Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. М.: Художественная литература, 1987. 526 с.

- Белянин В.П., Бутенко И. А.* Живая речь. Словарь разговорных выражений. М.: ПАИМС, 1994.
- Бирих А.К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И.* Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / под ред. проф. В. М. Мокиенко. СПб.: Изд-во СПбГУ; Фолио-Пресс, 1998. 704 с.
- Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г.* Большой словарь крылатых слов русского языка. М.: Русские словари; ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2000. 624 с.
- Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г.* Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: в 2-х т. / под ред. С. Г. Шулежковой. Магнитогорск: Изд-во МаГГУ, 2009. Т. I. А–М. 658 с.; Т. II. Н–Я. 656 с.
- БТС* – Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
- БФСРЯ 2006* – Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. М.: Аст-пресс книга, 2006. 784 с.
- Прыказкі і прымаўкі ў дзвюх кнігах.* Складанне, сістэматызацыя тэкстаў, ўступны артыкул і каментарыі М.Я. Грынבלата. Мінск: Навука і тэхніка, 1976. Т. I. 560 с.; Т. II. 616 с.
- Елистратов В.С.* Словарь московского аргю (материалы 1980–1994 гг.). М.: Русские словари, 1994. 699 с.
- ЕСУМ* – Етимологічний словник української мови / гол. ред О. С. Мельничук.: У 7 т. – К.: Наукова думка. Т. I: А–Г. – 1982. 631 с.; Т. II: Д–Копці. 1985. 570 с.; Т. III: Кора–М. 1989. 549 с.; Т. IV: Н–П. 2003. 656 с.; Т. V: Р–Т. 2006. 407 с.; Т. VI: У–Я. 2012. 567 с.
- Зимин В.И., Спирин А.С.* Пословицы и поговорки русского народа. М: Сюита, 1996. 544 с.
- Котова М.Ю.* Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями / под ред. П.А. Дмитриева. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. 360 с.
- Леп. 1993* – Лепешаў І. Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы. Мінск: Беларуская Энцыклапедыя», 1993. Т. I (А–Л). 590 с.; Т. II (М–Я). 607 с.
- Лепешаў І.Я.* Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў. Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 2004. 448 с.
- Максимов Б.Б.* Фильтруй базар. Словарь молодёжного жаргона города Магнитогорска / подг. и вступ. статья С.Г. Шулежковой. Магнитогорск: изд-во МаГГУ, 2002. 506 с.

- Мелерович А.М., Мокиенко В.М.* Фразеологизмы в русской речи. Словарь. М.: Русские словари, 1997. 864 с.; изд. 3-е. М.: Русские словари; Астрель, 2005. 855 с.
- Михельсон М.И.* Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. СПб. Т. I. 1903. 779 с.; Т. II. 1905. 580+250 с.
- Мокиенко В.М., Никитина Т. Г.* Толковый словарь языка Совдепии. СПб.: Изд-во СПбГУ; Фолио-Пресс, 1998. 704 с.
- Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русских поговорок / под ред. В.М. Мокиенко. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. 784 с.
- Мокиенко В.М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русских сравнений / под ред. В.М. Мокиенко. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008а. 800 с.
- Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К.* Большой словарь русских поговорок / под ред. В.М. Мокиенко. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. 1024 с.
- НСЗ-90* — Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов / Т.Н. Буцева, Е.А. Левашов, Ю.Ф. Денисенко, Н.Г. Стулова, Н.А. Козулина, С.Л. Гонобоблева / отв. ред. Т.Н. Буцева. Ин-т лингвистических исследований РАН. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009–2015.
- Опыт 1987* — Шанский Н.М., Зимин В.И., Филиппов А.В. Опыт этимологического словаря русской фразеологии. М.: Русский язык, 1987. 239 с.
- Пащенко В.А.* Словарь фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний Забайкальского края / под ред. Т.Ю. Игнатович. Чита: Заб. ГУ, 2015. 484 с.
- III* — Прислів'я та приказки: в 4 т. / упорядник М.М. Пазяк. Київ: Наукова думка. Т. I. Природа. Господарська діяльність людини. 1989. 479 с.; Т. II. Людина. Родинне життя. Риси характеру. 1990. 524 с.; Т. III. Взаємини між людьми. 1991. 440 с.; Т. IV. Українські прислів'я, приказки та порівняння з літературних пам'яток. 2001. 392 с.
- ПСДЯЛ* — Полный словарь диалектной языковой личности: в 4 т. / под ред. Е.В. Иванцовой. Томск.: Изд-во Том. ун-та, 2006–2012. Т. I (А–З). 358 с.
- Росси Жак.* Справочник по ГУЛАГу. Исторический словарь советских пенитенциарных институций и терминов, связанных с принудительным трудом. Предисловие Алена Безансона. London, Overseas Publications Interchange Ltd, 1987. М.: Просвет, 1991. 54 с.
- Соколова М.И.* Народная мудрость. Пословицы и поговорки. Новосибирск: ЗАО ИПП «Офсет», 2009. 622 с.

- Соловьева Л.В.* Не в бровь, а в глаз. Пословицы и поговорки Псковской и Ленинградской области. Бабушкины байки. Гатчина: СЦДБ, 2001. 128 с.
- Ставишина Н.А.* Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры. Сыктывкар, 2008. 776 с. (компьютерный вариант рукописи).
- Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры* / сост. Н.А. Ставишина. СПб.: Наука, 2008а. Т. I: А–М. 416 с.; Т. II: Н–Я. 420 с.
- Фразеологічний словник української мови* / уклад.: В.М. Білоноженко та ін. Від. ред. В.О. Винник. К.: Наукова думка, 2003. 1104 с.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1964–1973.
- ФСРЯ 1978* – Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. М.: Русский язык, 1978. 543 с.
- Шанский Н.М., Зимин В.И., Филиппов А. В.* Опыт этимологического словаря русской фразеологии. М.: Русский язык, 1987. 367 с.
- Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Русский язык, 1993. Т. I (А–Пантомима). 622 с.; Т. II (Панцирь–Ящур). 560 с.
- Александр Шуплов* при участии Томаса Макловски и Мэри Кляйн. Жаргон-энциклопедия современной тусовки. М.: Колокол-пресс, 1998. 544 с.
- Fž 2001* – Frazеologijos žodynas / Lietuvių kalbos institutas; redaktorių kolegija: Jonas Paulauskas (red.)... [et. al]. – 1-asis leid. – Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2001. XVIII, 886 p.
- LFV 2000* – LFV 2000: Laua A., Ezeriņa, Veinberga S. Latviešu frazeologijas vārdnīca. – Rīga: „AVOTS“, 2000. 1461 p.
- Machek 1971* – Machek Václav. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. – Praha, 1971. 866 s.
- Pokorný* – Pokorný J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959. Bd. 1 и сл.

Литература

- Аверина С.А., Мокиенко В.М.* Профессор Владимир Викторович Колесов. Очерк жизни и деятельности // Профессор Владимир Викторович Колесов. СПб., 2004. С. 5–21.
- Брагина А.А.* Лексика языка и культура страны. М.: Русский язык, 1986. 152 с.

- Вольф Е.М., Жолковский А.К., Мельчук И.А., Телия В.Н.* Друг // Толково-комбинаторный словарь русского языка. Опыт семантико-синтаксического описания русской лексики / И.А. Мельчук, А.К. Жолковский. Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 14. Wien, 1984. С. 292–300.
- Дмитриев П.А., Мокиенко В.М.* О трудах профессора В. В. Колесова по славянскому и общему языкознанию // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 1995. Вып. 2 (№ 9). С. 47–52.
- Колесов В.В.* «Жизнь происходит от слова...». СПб.: Златоуст, 1999. 368 с.
- Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А.* Словарь русской ментальности: в 2 т. СПб.: Златоуст, 2014. Т. I. 592 с.; Т. II. 592 с.
- Мокиенко В.М.* Владимир Владимирович Колесов // Библиографический указатель по славянской филологии. Профессор Владимир Викторович Колесов / ред. В. М. Мокиенко. Самарканд: Изд-во Самаркандского гос. ун-та., 1988. С. I–X.
- Мокиенко В.М.* Субстандартная фразеология русского языка и некоторые проблемы ее лингвистического изучения // Динамика русского слова. Межвузовский сборник статей к 60-летию проф. В.В. Колесова / ред. В.М. Мокиенко. СПб: Изд-во С. –Петербур. ун-та, 1994. С. 154–172.
- Мокиенко В.М.* О семантическом единстве синхронии и диахронии во фразеологии (Водой не разольёшь) // Язык, сознание, коммуникация: Сборник научных статей, посвященных памяти В.Н. Телия / ред. М.Л. Ковшова, В.В. Красных, А.И. Изотов, И.В. Зыкова. М.: МАКС Пресс, 2013. Вып. 46. С. 74–82.
- Мокиенко В.М.* Моцарт петербургской русистики: Владимир Викторович Колесов // Профессор Колесов Владимир Викторович. Библиографический указатель научных трудов (к 80-летию автора) / сост.: С.А. Аверина, Д.Г. Демидов, В. В. Клепацкий и др. СПб–Омск: ЛИТЕРА, 2014. С. 5–15.
- Шанский Н.М.* Фразеология современного русского языка. М.: Высшая школа, 1985. 160 с.
- Шмелёв А.Д.* Дружба в русской языковой картине мира // Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелёв А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 297–300.

Paremiological space of lexico-phraseological complex «DRUG 'friend'»

The article outlines the main linguistic dominants of scientific research by professor Vladimir Vladimirovich Kolesov. It is emphasized that a Leningrad / Petersburg professor has always been attracted by a wide philological range (from phonology to linguoculturology), however, the reconstruction of concepts reflecting the specifics of the Russian mentality from ancient periods to the present time has remained his main scientific interest. This subjects are reflected in the final encyclopedia of V.V. Kolesova – «Dictionary of Russian mentality». The article demonstrates the research methodology of V.V. Kolesov using the example of the Russian concept **FRIEND**.

Keywords: Professor V.V. Kolesov, Russian mentality, concept, lexical dominants, paremiology, phraseology, lexicography, linguoculturology, concept FRIEND.

Мызникова Я.В.

Санкт-Петербургский государственный университет
janinam@mail.ru

Лексика народного православия в русских говорах Симбирского Заволжья¹

Статья посвящена исследованию культурно значимого пласта лексики в русских говорах Симбирского Заволжья — лексики народного православия, отражающей народное христианское мировидение и сложившиеся этнокультурные традиции. В этом этнически и конфессионально сложном регионе культурно значимой является лексика религиозной самоидентификации, также весьма актуальна и устойчива лексика православного календаря и традиционных православных обрядов. Последние группы включают региональные элементы, это наименования пасхальных игр и лексика православных обрядов, прежде всего, крестильных и похоронно-поминальных.

Ключевые слова: русские говоры, лексика народного православия, церковнославянская лексика, диалектная лексика

Вданном исследовании рассматриваются особенности одной из культурно значимых групп диалектной лексики, отражающей различные формы проявления народного христианства.

В речи диалектоносителей под словом *русский* зачастую подразумевается не только национальность, но и принадлежность к православной вере. Как известно, церковнославянская письменность и христианская

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 17-29-09021 «Русские говоры Симбирского Заволжья как отражение этноязыкового взаимодействия».

книжность в русской культуре имели определяющее значение: «Народное языческое сознание, ассимилировавшее христианскую культуру, переплывило гетерогенные элементы обеих культур в единый комплекс представлений, который для русской культуры был назван “народным православием”» [Никитина 1993: 33]. «Народное православие <...> предстаёт исторической формой развития фольклорного сознания» [Панченко 1998: 35]. Преломляясь «сквозь призму церковного верования», народное православие вырабатывает ряд существенных черт фольклорной религиозности, которая реализуется в виде определенного набора представлений, текстов, ритуалов.

Как правило, в центре внимания фольклористов, этнографов, этнолингвистов находятся такие поэтические формы проявления народного православия, как духовные стихи, легенды и предания, молитвы и заговоры. При этом все указанные явления могут быть ареально ограничены. Но и языковое оформление народной религиозности представлено в регионально ограниченных формах с диалектными особенностями, в частности, лексическими. В полевых материалах по Симбирскому Заволжью диалектная лексика, связанная со сферой религии и церкви, была зафиксирована преимущественно в описаниях православных обрядов и ритуалов. Надо отметить, что лексика, связанная с православием, не всегда и не в полном объёме находит отражение в диалектных словарях, возможно, в связи со своим интердиалектным характером и со специфической сферой использования.

Анализируя лексику православия в русских диалектах, С.Ю. Дубровина выделяет ряд аксиологических параметров феномена народной «русской веры», среди которых жертвенность, эсхатологичность, стремление к чудесному, определённая избирательность в особом почитании некоторых святых, например, Николая Угодника. Отличительной чертой «народной веры» являются элементы язычества. При этом С.Ю. Дубровина отмечает большую культурную роль церковнославянского языка в народной жизни, поскольку он является одной из форм существования православия, средством приобщения простых людей к церкви [Дубровина 2012: 6]. Эту значимость ощущают и сами диалектоносители, когда говорят о «славянском» языке, которым написаны священные книги.

Материалом для изучения лексики народного православия послужили экспедиционные записи диалектной речи, производившиеся

с 2012 по 2018 гг. в ряде населённых пунктов Старомайнского, Чердаклинского и Мелекесского районов Ульяновской области. Данное исследование проводилось на материалах, записанных от информантов, которые родились в 20-е, 30-е и 40-е годы прошлого века. Это время, когда закрыли и частично разрушили большую часть сельских церквей. Тем не менее, православная культура на протяжении нескольких веков успела стать основой русского самосознания и мировосприятия, поэтому менялись лишь формы её существования в сельском социуме. Религиозный опыт, культурные традиции и сейчас продолжают развиваться, однако особенности самих говоров, как формы выражения народной культуры, постепенно нивелируются, поэтому данный пласт диалектной лексики необходимо тщательно зафиксировать.

Лексика для данного исследования отбиралась не на основе её диалектного характера, а по тематическим критериям из рассказов информантов, которые не являются членами семей священнослужителей. Фактически, значительная часть такой лексики оказалась диалектной или интердиалектной. Тематически в собранных текстах с этнокультурным компонентом выделяются следующие фрагменты:

- рассказы о событиях православного календаря, праздниках и связанных с ними традициях;
- описания обрядов, в частности, похоронно-поминального обряда;
- рассказы об истории церкви своего села, о местных религиозных течениях и сектах.

В соответствии с этими наиболее актуальными для информантов тематическими фрагментами можно выделить и тематические группы лексики народного православия.

1. Рассмотрим прежде всего группу лексики, которая используется сельскими жителями Симбирского Заволжья для самоидентификации в культурно-конфессиональном отношении. Этот вопрос весьма актуален в таком мультикультурном и мультирелигиозном регионе, как Среднее Поволжье. «На 1897 г. по вероисповеданию в Симбирском Поволжье на первом месте по численности значились православные (русские, мордва, чувашаи и др. — 88,5 %), затем магометане — мусульмане (преимущественно татары, а также чувашаи и др.), раскольники — 2,0 % (официальное название сторонников старообрядчества в России)» [Религиозные верования...]. Среди старообрядцев в Симбирской губернии были преимущественно представлены поповцы (австрийского согла-

сия, беглопоповцы и др.), беспоповцы (поморского, спасова, фэдосеевского и других согласий), а также представители старообрядческих сект (духоборы, молокане и хлысты). Основная же масса населения была и остается в рамках народного православия, которое отличается от ортодоксального тем, что опирается на практические потребности и мифологическое мышление [там же].

Обследованные нами населённые пункты Симбирского Заволжья исторически были весьма притягательны для старообрядцев различных ветвей, в частности, Древлеправославной поморской церкви, Белокриницкого согласия («Австрийской» церкви), келейников, а также для представителей таких христианских сект, как хлысты, монтаны. Однако в настоящее время христианские секты, как и старообрядческие общины, во многих сёлах стали историческим фактом, сведения о них можно восстановить только по рассказам информантов.

К группе лексики культурно-религиозной идентификации (наименований религиозных течений и их членов) относятся лексемы: *хресьяни'н, хресьянский* (вариант *крестьянский* в значении 'православный'), *славя'нин, славянский, крещёный, православный, русский человек, староверы, кулугу'ры, белокрини'чники, поморцы, беспоповцы, келейники, келе'нска церковь, хлысты, монта'ны.*

Вот как говорит о своей религиозно-культурной принадлежности житель села Крестово-Городище: *Ну вот видиш, дажы ф сёлах разных и то по-разнаму: у нас вит' вот в Гародицах вроде одинакава, а вот Красный Яр — там вит' ну другой нарот, он рускзй, православнзй жэ, но оне знаеш, староверы называюца, кулугуры, пънимаеш. И у нас потом кулугуры-т ес'т', я вет' проста, ты пънимаеш, рускзй чоловік, хресьяни'н, и фсё, я проста славя'нин и фсё, кришшонзй я. А те — оне не крешоны, у них софсем другая вера, ты пънимаеш, оне не хресьянской веры. Оне хресьянской веры, а исповедают пъ-другому, у них законы софсем другеи. Он вот каждый свою посуду имет, дажэ вот крушку он свою фсегда, лошку свою, он её никому не даст, ты панимаеш. Крестово-Городище¹.*

---

¹ Тексты, записанные автором, приводятся в упрощённой фонетической записи, с отражением основных фонетических и грамматических особенностей говора, таких, как неполное оканье, ёканье, стяжение гласных, специфическое склонение местоимений. В некоторых населённых пунктах, например, в селе Крестово-Городище, у части информантов было отмечено аканье. Ударение в диалектных словах и формах обозначено в случаях, допускающих неоднозначное прочтение.

Для своей культурно-конфессиональной идентификации информант использует ряд синонимов: *русский человек, хресьянин, славянин, крещёный и православный* (два последних слова могут употребляться субстантивированно), в котором доминантой является лексема *православный*. Все остальные лексемы этого ряда также имеют данный компонент в своём значении (принадлежность к православной вере), но и различные дополнительные компоненты и оттенки значения. *Русский* в данном контексте обозначает не только и не столько этническую принадлежность, сколько принадлежность к русской православной культуре.

Отмеченные в наших записях лексемы *славянин* и *славянский*, как правило, передают отнесенность к православной церкви, проводящей богослужение на церковнославянском языке. Лексема *славянский* содержит значение ‘церковнославянский (язык)’: *Ран’шэ были пѣсалтыр’, он на славянским писан, а вот ёво чытали, наша крестьянска вот вера, по-славянски чытали, а бол’шэ я никакой веры не знаю*. Красная Река. Значения слов *славянин* и *славянский* в наших записях соответствуют определению славянского языка в «Словаре русской ментальности» В.В. Колесова: «Славянский язык — исторически сложившийся на основе многих древних славянских наречий язык православной книжности (старославянский, позднее — церковнославянский язык)» [Колесов, Колесова, Харитонов 2014, II: 256].

Под словами *хресьянин*, а также *хресьянский, крестьянский* информанты соответственно понимают ‘православный христианин’, а также ‘православный’ или ‘христианский’: *А у нас зес’ вот тол’ка были вот эт староверы и хресьяне простые*. Крестово-Городище; *У нас цэркви, оне обе хресьянски, и ф Краснам Яре тожэ хресьянски*. Крестово-Городище; *Никакой у нас веры, вот одна крестьянска вера <...> наша крестьянска вот вера...* Красная Река. В.В. Колесов в «Словаре русской ментальности» приводит следующее дополнительное определение слова *крестьянин*: «Самоназвание мужика по исповеданию христианской веры» [Колесов, Колесова, Харитонов 2014, I: 388]. Варианты *хресьянин, хресьянский*, видимо, представляют собой фонетические преобразования слов *крестьянин, крестьянский*, хотя в настоящее время несомненна ассоциация и с лексемой *христианин*. Для Симбирского Заволжья вариант *хресьянин* актуализирует противопоставление православного человека представителям иной, нехристианской веры.

Противопоставление *крещёный / некрещёный* в отношении староверов вряд ли говорит о восприятии их как нехристиан, скорее, подразумевается не вполне правильно исполняемый обряд крещения с точки зрения человека, принадлежащего православной церкви. Поэтому информант выражает сомнение, являются ли староверы действительно крещёными.

С точки зрения культурно-конфессиональной идентификации *русским, православным, крещёным* в рассказах информантах противопоставлены староверы или кулугуры, среди которых были *белокричичники, поморцы, беспоповцы*, и жившие отдельно в кельях *келейники*, а также представители христианских сект: *хлысты, монтаны. Монтаны* — название приверженцев христианской секты, духовно близкой к хлыстовству, сами сектанты именовали себя «духовидцами». *Хлысты* — название членов христианской секты, возникшей в среде православных крестьян, которые сами себя называли «Христова вера», «христововеры».

Лексема *старовер* зафиксирована в наших материалах в своём прямом значении, т. е. 'приверженец старообрядчества, течения в рамках православной традиции, отвергающего результаты Никоновской реформы'. Что же касается лексемы кулугур, она явно имеет некоторую отрицательную коннотацию в коллективистском социуме русского села: *Как кулугур: никуда не ходит, и к нему никто не ходит*. Большая Кандала. Как пишет Ю.В. Каменская: «Номинации с негативным оценочным компонентом, использующиеся в функции идентификации, вероятно, необходимы в конфессионально неоднородном говоре. Благодаря использованию таких номинаций актуализируется базовая концептуальная оппозиция "свой — чужой", структурирующая диалектную картину мира» [Каменская 2013: 229].

Наиболее настороженное отношение, даже явное недоверие, в текстах информантов с Крестово-Городище проявляется к сектантам: *Вот з'дес' ес' нескал'ка хлыстоф, оне вон в дом там ходют собирают. Шас вет', слушай, ну разных секцый шас, этъ вот наехали тут, ты п'нимаеш? А шас их многа, оне вон дажэ один рас ко мне явилис' <...> ну оне глядат, оне чаво, для чаво собираюца, шобы содрат'. Тут вет' скол'ка одурачыли людей, оголят. Што ес't' — фсё им, оне давай там вмес'те вмес'те вмес'те вмес'те. А потом вон в газетах, по телявизьру показывають, как эт вмес'те*. Крестово-Городище. Использование оценочной

и экспрессивной лексики (*содрать, одурачили, оголят*) выявляет негативное отношение информанта к представителям сект.

3. Ещё одну многочисленную группу представляет лексика традиционных православных обрядов: *Баласловля'ть* 'благословлять жениха и невесту перед свадьбой', *кстить* 'крестить', *кстины* 'крестины', *крёсна* (вариант *хрёсна*) 'крёстная мать', *крёсный* (вариант *хрёсный*) 'крёстный отец', *кионный* 'крещёный', *Зубки* 'празднование с угощением на рождение или крестины ребёнка'; *зубок* 'пирог, который пекли для угощения на крестины ребёнка'; *читалка* (вариант *читальщица*) 'женщина, читающая молитвы по покойному'; *читать* 'произносить молитвы по покойному'; *жертвенник* 'стол, на который кладут подношения родственникам для поминовения усопшего'; *подорожный* 'на поминках подношение одному из родственников, который будет вспоминать и молиться об усопшем сорок дней'; *милостиня* (варианты *милостыня, милостинка*) 'угощение, которое разносят (раздают) людям для поминовения усопших на години'; *годи'на* (вариант *годи'ны*) 'годовщина смерти'; *девяти'на* 'поминовение усопшего, совершаемое по церковному чину в девятый день после преставления'; *сорокови'на* 'поминовение усопшего в 40-й день по кончине'.

В этой группе представлена преимущественно диалектная лексика. Часть слов можно найти в СРНГ: слово *зубок* отмечено со значением «угощение, которое приносят роженице соседи и родственники, отмечая таким образом появление новорожденного» в Поволжье (с пометами Саратов., Нижегород., Костром.), а также в Рязанской и Тульской областях [СРНГ, 11: 361]. Широко распространены в русских говорах такие лексемы, как *кстить, кстины, ксионный, крёсна*, отмечены от западных говоров до говоров Сибири [СРНГ, 15: 373]. Также широко распространено в говорах от западных до восточных территорий слово *бласловлять* [СРНГ, 3: 16].

В то же время лексику похоронно-поминального обряда в говорах Ульяновской области можно квалифицировать как региональную. Такие лексемы, как *читать, читалка (читальщица), жертвенник, подорожный, милостиня (милостыня, милостинка)* связаны с развитым в Симбирском Заволжье «институтом читалок». *Читалки* или *читальщицы* осуществляют молитвенное сопровождение похорон, поминок, а также некоторых христианских праздников. На похоронах читают не только канонические молитвы, но и народные духовные стихи.

Читалки — это, как правило, пожилые женщины, знающие наизусть множество молитв и духовных стихов. Читать могут «по книжкам», а в годы советской власти молитвы и стихи передавались в записях: *Это у них книжки ес'т', оне по книшкам чытают. Тогда книжэк не была, у них у фсех бы'ла списана. А списавалас как — от старых деф. У нас зес' были старые Куликовы девы их звали, а у них кто-та когда-та ещё в нашэй цэр'кви служыл, то ли дедушка, то ли баушка, то ли можэ кто-та поп был, и вот от них эт фсё бы'ла списана, на тетрадачках фсё, тетрадачки берегли и по ним чытали.* Старый Белый Яр.

Отметим, что читать могут не только женщины, но и мужчины, однако зафиксировать лексическое обозначение для такого «читальщика» не удалось. Вот как рассказывает информант из села Базарно-Мордовские Юрткули о читавших в этом селе молитвы мужчинах: *Поп вот, попом з'делалса у нас один вот, чытат по покойникам. Он сам себе з'делалса, а ево поп — ф Кокрятях у нас настояшый поп — он ево взял как ф помощники: он и бородатый, и волосы бол'шы у него. Писе' тожэ вот так ходил чытал.* Базарно-Мордовские Юрткули.

Глагол *читать* в значении «совершать обрядовое чтение псалтыря над умершим» зафиксирован в БАС [БАС, 17: 1087], там же находим и лексему *читалка* со значением «женщина, которая читает псалтырь по умершим» и с пометами *устар.* и *простореч.* и с иллюстрациями из произведений М. Горького [БАС, 17: 1087], а также слово *читальщик* «человек, читающий псалтырь по умершему» [БАС, 17: 1085]. Сам же «институт читальщиц» получил широкое распространение на юге России, в Поволжье и на Урале. Об этом свидетельствуют данные лексикографических источников: лексема *читалка* в значении «женщина, которая читает псалтырь у покойника» зафиксирована в «Словаре курских народных говоров» [Хильманович: 330]; *читалка* «женщина преклонного возраста, которая ходит читать псалтырь по покойникам» и *читальщица* в том же значении — в «Словаре тамбовских говоров» [СТГДМК: 186]; *читалка* «женщина, читающая молитвы» и *читать по мёртвым* «читать молитвы у гроба» — в «Комплексном тематическом словаре лексики современных русских говоров Урала» [Демидова: 217]; *читальщица* «женщина, большей частью старуха, читающая над покойным псалтырь» и *читать* «читать псалтырь над покойником» — в «Словаре говоров уральских (яицких) казаков» [Малеча, 4: 451]; *читалка, читальщица* «человек, читающий молитвы по умерше-

му» — в «Словаре русских говоров на территории Республики Мордовия» [СРГМ, 2: 1479]; читалка «женщина, читающая вслух на поминках» — в «Словаре говоров Соликамского района Пермской области» [Беляева: 682].

В Поволжье деятельность *читалок* охватывает не только похоронно-поминальный обряд: *А праз'ники я дома фсе читаю: у меня канун и Благовешшэнью, и Вербну, и Паски, и Троицу, у миня фсе кануны, я фсе их читаю. А если родитил'ска субота, там троицка-родитил'ска, я читаю дома, у миня канун отдел'на об усопшэм вот, я читаю, и у миня вот хто милостыню носят — у миня листочки пѣминаний, у миня вот чытыри или пят' пѣминаний — я их читаю, родитилей паминаю фсех. До сорок дней пѣминаца новоприставленный, а послѣ сѣрока дней — приснапѣминаемый*. Старый Белый Яр.

В связи с сохранением таких традиций народного православия сохраняется и особая диалектная лексика:

жертвенник 'стол, на который кладут подношения родственникам для поминовения усопшего' (*У нас жэ на жэртвенник-та кладут, где ана [читалка] чытает, кладут миластыни: печэнья, пряники, канфеты, яблаки...* Крестово-Городище), возможно, происхождением связано с церковным жертвенник 'стол в алтаре православной церкви, на котором совершается приготовление святых даров для богослужения';

подорожный 'на поминках подношение одному из родственников, который будет поминать и молиться об усопшем сорок дней' (*Абычна адин он такой единственный падарожный-та, абычна из роцтвенникаф старым людям. И я эти сорок дней далжна малица*. Крестово-Городище); в «Словаре говоров Соликамского района Пермской области» зафиксирована лексема *подорожная* со сходным значением: «вручаемый первому встречному при выносе узелок с иголкой, ниткой, хлебом, наперстком» [Беляева: 461]; в Поволжье и на Урале лексема *подорожная* также имеет значение «разрешительная молитва по усопшему, текст которой обычно вкладывают в его руки» [СРГМ, 2: 260; Беляева: 461];

милостыня (варианты *милостина, милостинка*) 'угощение, которое разносят (раздают) людям для поминовения усопших на години' (*Севодня у её брата години, вот она мне тут миластыню принесла*. Крестово-Городище); лексема отмечена в русских говорах Урала: в СРНГ есть данное слово со значением «большой хлеб, испеченный в день именин умерше-

го, предназначенный для раздачи бедным» с пометой Перм. [СРНГ 1982, 18: 163]; в «Словаре говоров уральских (яицких) казаков» лексема *милостынька* приводится в значении «подавание (пирог с тыквой, кутья и т.п.), разносимое по соседям в поминальный день» [Малеча, 2: 428].

Таким образом, большая часть лексики данной группы может быть квалифицирована как региональная, характерная для русских говоров Поволжья и Урала, а также некоторых южнорусских говоров.

4. Оставшаяся лексика собрана в группу, которая условно обозначена как лексика церковного обихода (названия частей церкви и отдельных предметов в церкви, а также названия икон и молитв): *перестол* 'престольная церковь'; *налой* 'аналой'; *ялтарь* 'алтарь'; *коноста'с* 'иконостас, перегородка с рядами икон'; *киётка* 'полка, шкафчик для икон'; *калколы* 'колокола'; *Казанска* (или *Казанска Божья Мать*) 'икона Казанской Божией Матери'; *Боголюбима* (или *Боголюбима Божья Мать*) 'Боголюбская икона Божией матери'; *Донская Божья Мать* 'Донская икона Божией Матери'; *пити'мья* 'епитимия; исполнение исповедовавшимся христианином, по назначению священника, тех или иных дел благочестия'; *оброк* 'обет, добровольно данное обещание тех или иных дел благочестия'; *акафи'зма* 'кафизма, богослужебный раздел псалтири'; *канун* 'канон, один из видов покаянной молитвы'.

Большая часть лексики данной группы имеет церковнославянское происхождение, в связи с чем прошла через адаптацию на общерусской почве. Это чаще всего фонетическая адаптация (*ялтарь, налой, коноста, киётка, питимья*). Лексема *канун* 'канон, один из видов покаянной молитвы', скорее, подверглась фонетической аттракции с более привычной и употребительной лексемой *канун* 'время, предшествующее какому-нибудь событию'. Что же касается лексемы *акафизма* 'кафизма, богослужебный раздел псалтири', она, по-видимому, возникла в результате фонетической контаминации церковнославянских лексем *кафизма* и *акафист* 'хвалебное благодарственное пение в церковных православных обрядах'. *Семнадцатую акафизму* (иногда используются варианты *Семнадцатая* или *Семнадцатый*) и *канун* читают во время похоронно-поминального обряда. Такие лексемы, как *Семнадцатый, Казанска, Боголюбима* представляют собой компрессию соответствующих словосочетаний *Семнадцатая акафизма, Казанска Божья Мать, Боголюбима Божья Мать*. Лексема *оброк* приводится в СРНГ со значением 'обет, клятва' и многочисленными территориальными пометами

[СРНГ 1987, 22: 208]. В данной группе не обнаруживается специфической диалектной лексики.

Подводя некоторые итоги, можно отметить, что в целом лексика народного православия в говорах Симбирского Заволжья представляет собой довольно обширный и неоднородный пласт. На этой этнически и конфессионально сложной территории культурно значимой является лексика религиозной самоидентификации, также весьма употребительна лексика православного календаря и традиционных православных обрядов. Последние группы включают диалектные и даже узколокальные элементы, это наименования пасхальных игр и лексика православных обрядов, прежде всего, похоронно-поминальных. Всё это свидетельствует об устойчивости традиций народного православия в Поволжье и актуальности связанной с этими традициями лексики и в наши дни.

Источники и словари

БАС — Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / под ред. В.И. Чернышева. М.; Л.: АН СССР, 1948–1965.

Беляева — Беляева О.П. Словарь говоров Соликамского района Пермской области / под ред. Е.А. Голушковой. Пермь: Перм. гос. пед. ин-т, 1973. 706 с.

Демидова — Демидова К.И. Комплексный тематический словарь лексики современных русских говоров Урала: Учебное пособие. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2015. 309 с.

Колесов, Колесова, Харитонов 2014 — Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности: в 2 т. СПб.: Златоуст, 2014. Т. I. 592 с.; Т. II. 592 с.

Малеча — Малеча Н.М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков: в 4 т. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2003.

Религиозные верования... — Федоров В.Н., Мурзаева О.В., Порозова А.Д., Идиатуллин А.К. Религиозные верования в крестьянской среде // Летопись симбирского крестьянства (с древнейших времён до наших дней) [электронный ресурс]: URL: <http://www.els.ulspu.ru/Files/!ELS/disc/letop-simb-krest/27..html> (дата обращения – 07.01.2021).

- Славянские древности* — Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2012. Т. V: С (Сказка) — Я (Ящерица). 736 с.
- СТГДМК* — Пискунова С.В., Махрачева Т.В., Губарева В.В. Словарь тамбовских говоров (духовная и материальная культура). Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2001. 278 с.
- СРГМ* — Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия: в 2 ч. СПб.: Наука, 2013.
- СРНГ* — Словарь русских народных говоров: вып. 1–49. (Л.) СПб.: Наука, 1965–2014.
- Хильманович* — Хильманович Г.И. Словарь курских народных говоров. Бирск, 2017. 228 с.

Литература

- Дубровина С.Ю.* Христианская лексика в диалектах русского языка: автореф. дис... докт. филол. наук. Тамбов: Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, 2006. 47 с.
- Дубровина С.Ю.* Состав и системная адаптация лексики православия в русских диалектах (на материале тамбовских говоров). Тамбов: Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, 2012. 213 с.
- Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991. 511 с.
- Каменская Ю.В.* Номинация по конфессиональному признаку как средство идентификации в говоре // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2013 / Институт лингвистических исследований РАН. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 223–229.
- Колесов В.В.* Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб.: Филол. ф-т С.-Петербур. ун-та, 2000. 326 с.
- Никитина С.Е.* Устная народная культура и языковое сознание. М.: Наука, 1993. 187 с.
- Панченко А.А.* Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб.: Алетейя, 1998. 305 с.
- Терещенко А.В.* Быт русского народа: в 4-х частях. СПб., 1848.

The Vocabulary of Folk Orthodoxy in Russian Dialects of the Simbirsk Volga Region

This article deals with the culturally significant vocabulary layer in Russian dialects of the Simbirsk Volga region. The vocabulary of folk Orthodoxy reflects the national Christian worldview and prevailing ethno-cultural traditions. In this ethnically and religiously sensitive region, vocabulary of religious self-identification it is culturally significant. Vocabulary of the Orthodox calendar and traditional Orthodox rites is also of great importance. The latter groups include dialect and local elements. These are the names of Easter games and the vocabulary of Orthodox rites, primarily baptismal, funeral and memorial ones.

Keywords: Russian dialects, vocabulary of folk Orthodoxy, Church Slavonic vocabulary, dialect vocabulary.

Любимова Н.А.

Санкт-Петербургский государственный университет
n.lubimova@spbu.ru

Бузальская Е.В.

Санкт-Петербургский государственный университет
e.buzalskaya@spbu.ru

**Общее и различное в основании
моделей речевых жанров,
принадлежащих к разным картинам
мира**

Статья посвящена поиску общих оснований категорий когнитивно-дискурсивной парадигмы. Анализируя параметры описания мифологической и религиозной картин мира, авторы приходят к выводу о том, что 1) картины мира возникают в зонах пересечения таких категорий, как менталитет, ментальность, онтогенез и филогенез; 2) что лингвофилософские основания модели речевого жанра являются производными от характеристик картины мира: диктум модели речевого жанра (характеристики денотативного пространства, индексальной или дескриптивной референции, типа модального субъекта) связан с фоном (хронотопом) и фигурами картины мира, тогда как модус (основная речевая стратегия) — с её целевой направленностью. Данные наблюдения апробируются на примере поиска лингвокогнитивных характеристик речевых жанров притчи и сказки.

Ключевые слова: картина мира, ментальность, речевой жанр, диктум, модус.

Введение

Картина мира — понятие, широко используемое в настоящее время в лексикологии, фразеологии, концептологии, в работах, посвящённых этимологическим и прагмалинг-

вистическим исследованиям. Как правило, обращение к этой категории вызвано изучением национально-специфических компонентов лексического значения единиц или типичных способов их реализации в ситуациях коммуникативного взаимодействия. В то же время, потенциал категории *картина мира* намного шире и может быть востребован без опустошения смысла и в других областях лингвистических исследований. Это связано с наличием когнитивного и философского компонентов значения понятия «картины мира».

В словаре терминов философии понятие *картина мира* объясняется как «общее представление о мире, его устройстве, типах объектов и их взаимосвязях» [Лебедев 2004: 95]. В той или иной мере этому, максимально обобщённому, пониманию термина соответствуют и определения, предложенные другими исследователями (см. [Гуревич 1984, Колшанский 2005, Корнилов 2003, Красных 2009, Уфимцева 2006 и др.]).

В то же время, «способом мировосприятия и мышления в категориях и формах родного языка» [Колесов 2013: 13] именуется *ментальность* носителя языка, а взгляд «со стороны, извне, чужое представление о мире» [Колесов 2013: 10]. В.В. Колесов определяет как *менталитет*. Согласно его исследованиям, ментальность имеет субстанциональные параметры, а менталитет — процессуально-динамические.

Данное деление имеет отношение и к другой паре понятий — онтогенезу и филогенезу, использованной в работе В.Б. Касевича для объяснения принципов развития систем мировидения: «в филогенезе мысль определяет язык, точнее, в языке закрепляются результаты когнитивного опыта, который носит идиоэтнический характер» [Касевич 2006: 115]; в процессе онтогенеза индивидуум «получает существеннейшую долю уже «готового» когнитивного опыта, в языке кристаллизованного» [там же].

В целом можно предположить, что есть соответствие между указанными понятиями: картиной мира, менталитетом, ментальностью, онтогенезом и филогенезом: картина мира — поле, в котором ментальность формируется онтогенетически, тогда как менталитет — в процессе филогенеза.

Овеществленным свидетельством специфики менталитета и ментальности носителя языка является речевой жанр, как объект, имеющий конвенционально утверждённую модель своей реализации в пространстве культуры.

Связь картины мира (далее — КМ) и речевого жанра (далее — РЖ)

Картина мира и речевой жанр, таким образом, связаны как производящее и производное. Любая система мировидения, будь то Религиозная картина мира, Мифологическая или Научная, включает в себя такие базовые категории, как время, пространство и действующие в пределах данного хронотопа силы. Речевой жанр также понимается как «сценарии, фиксирующие типовые способы совершения и обычный порядок протекания речевых событий, типичных для данного социума» [Долинин 1999: 10].

Исторически, как было показано ещё О. Контом, последовательность развития систем представления о мире выглядит как цепочка: мифология — религия — наука. Относительно взаимозависимости мифологической и религиозной картин [Коростелева 2002] существует две позиции:

1) религиозная картина мира не производна от мифологической, обе продолжают существовать и противопоставлены друг другу, как язычество монотеизму;

2) религиозная картина мира, являясь усовершенствованным вариантом мифологической картины мира, полностью вытеснила мифологическую, и постепенно вытесняется научной картиной мира.

Доказать какую-либо одну теорию с полной достоверностью невозможно в силу синкретичности процессов человеческого мышления: «каждый отдельный индивид соединяет в себе все картины (мира) — и в этом состоит креативная сила нашего современника» [Колесов 2013: 40]. Иными словами, между мифологией и религией, между религией и наукой переход, вероятно, имеет вид градуальной оппозиции, подобной той, что отделяет церковнославянский, древнерусский и русский литературный языки (о языках см. [Колесов 2013: 136–137]). Градуальность данного перехода от мифологической картины мира к религиозной основана на иррациональном начале, тогда как оппозиция религиозное — научное по своей природе гносеологично [Коростелева 2002]. В русской культуре «религиозная картина мира соотносится с философской и противопоставлена мифологической <...> Взаимозависимость религиозной и философской позиции носит явный характер, в русской традиции это «религиозная философия» [там же].

Градуальная оппозиция, разделяющая системы мировидения, разделяет так же речевые жанры, принадлежащие к этим картинам мира.

Связь категорий картины мира и компонентов модели РЖ

Речевой жанр как лингвистический объект можно описать через диктум (денотат, референтную соотнесённость) и модус. Под денотативным пространством принято понимать «фрагмент внеязыковой действительности, которому принадлежит референт некоторого языкового выражения» [Шмелев 1988: 65]. Денотативное пространство РЖ — это фрагмент внеязыковой действительности, которому принадлежит несколько тематически и ситуативно связанных референтов. Под референтом, входящим в модель РЖ, понимается то же, что и под референтом предложения или высказывания, поскольку и для РЖ верно, что «референция — это соотнесённость с индивидуальными и каждый раз новыми объектами и ситуациями» [Падучева 2008: 8]. В исследовательской литературе существуют введённые А.Д. Шмелевым понятия *дескриптивной референции* и *индексальной* [Шмелев 2002: 31]/ Для РЖ дескриптивная референция будет характеризовать те варианты, которые возникли в результате непосредственных наблюдений автора; индексальная — на основе использования фактов культуры в виде импликаций, аллюзий, использования прецедентных имён, известных дат и др.

Вторым компонентом канона РЖ после диктума является модус. Под модусом в структурной и постструктурной парадигмах, как правило, понимают «все многочисленные аспекты семантики — эмотивность, модальность, и т. п. высказывания, которые так или иначе связаны с возможными формальными преобразованиями предложения и способами его использования, не нарушающими его пропозициональное значение» [Зеленщиков 2010: 91]. Применительно к РЖ категория модуса может быть семантизирована как сумма аспектов семантики РЖ, связанных с его стратегической вариативностью и с типом модального субъекта (монореферентного или полиреферентного). В результате субъективной переработки информации о денотате, полученной из окружающего мира, в поле модуса формируется сигнификат — «образ-прототип, <...> независимый от языка ментальный комплекс, <...>

интегральный образ, имеющий относительно самостоятельное существование в общей концептуальной системе субъекта» [Зеленщиков 2014: 161]. Применительно к речевому жанру, сигнификат — модель речевого жанра, конвенционально признанная сообществом [Бузальская 2016].

Также необходимым параметром, соединяющим компоненты картины мира и речевого жанра, является лингво-когнитивная категория текстовой сетки [Москальская 1981, Тураева 1994, Ноздрина 2004]. Анализируя изложенные в работах М.М. Бахтина параметры литературоведческого анализа произведения, указанные авторы сопоставили хронотоп с темпоральной и локальной сетками, образ автора — с категорией координат, героев описания — с категорией дейксиса, авторскую оценку с категорией точки зрения. Между литературоведческим и лингвистическим подходами к анализу речевого жанра двумя полюсами находится ещё одно отражение этих категорий, используемое в описании жанра как модели речевого взаимодействия: прагмалингвистическая схема описания речевого жанра, предложенная Т.В. Шмелевой («паспорт РЖ»): 1) коммуникативная цель; 2) образ автора; 3) образ прошлого и образ будущего; 4) тип диктумного (событийного) содержания; 5) параметр языкового воплощения [Шмелева 1997]. Отдельно взятые «текстовая сетка» и «паспорт жанра» не создают полного представления о модели речевого жанра, так как в первом случае анализ направлен на конкретный текст, а во втором — только на непосредственное взаимодействие автора и адресата в конкретной текущей коммуникативной ситуации. Именно поэтому в последнем случае возникает образ прошлого и будущего. Для описания модели необходима система категорий, направленная на анализ объекта, который может существовать в пространстве культуры вне связи с текущим моментом. Такими категориями, помимо принадлежности к определённой картине мира, являются: тип ментального пространства, тип речевой стратегии, тип референтной отнесенности, тип модального субъекта, формальная организация (время развёртывания речевого жанра, отражающее время «сюжета»).

Опираясь на предшествующие рассуждения, связанные с противопоставлением хронотопа, типа фигур и цели их взаимодействия в разных картинах мира, представляется возможным сопоставить категории описания картин мира и речевых жанров, принадлежащих к этим картинами мира (табл. 1, 2).

Таблица 1

**Связь категорий описания
Мифологическая картина мира и речевой жанр**

Категории		Мифологическая КМ	Категории описания РЖ
Фон	t	Цикличное время	Время данных речевых жанров фрактально (идентичное повторение с восходящим или нисходящим результатом), используются элементы итерации формы
	s	Ландшафтное, даже боги живут на горе, в воде, в лесах	Денотативное пространство опирается преимущественно на дескриптивную референцию реального ландшафта.
Фигуры		Законы, устанавливающие роли людей в мире и социуме	Референтная отнесенность: архетипы ролей в обществе, связанные с исполнением законов или нарушением запретов при социогенезе и космогенезе. Модальный субъект полиреферентный (массовый адресат).
Цель реализована как		Установление связей субъект-социум	Модус. Основная стратегическая направленность. Создание правил общественного поведения, создание социума (коллективное бессознательное).

Таблица 2

**Связь категорий описания
Мифологическая картина мира и речевой жанр**

Категории		Мифологическая КМ	Категории описания РЖ
Фон	t	Дуальное: время земного бытия конечно, линейно, время души — бесконечное;	Время речевого жанра атемпорально, если речь идёт о молитвенном общении и линейно (повествовательно) при повествовании о событиях земного бытия.
	s	Так же дуальное	Денотатное пространство опирается преимущественно на индексальную референцию.

Таблица 2 (окончание)

Категории		Мифологическая КМ	Категории описания РЖ
Фигуры		Заповеди, устанавливающие внутренние законы	Референтная отнесенность: Личность, чей пример является способом совершенствования души. Модальный субъект монореферентный (как, например, в молитве) и полиреферентный (как в проповеди).
Цель реализована как		Установление связи субъекта с Богом	Модус. Основная стратегическая направленность. Построение внутреннего мира, его развитие и трансформация (индивидуальное сознание).

Сказанное позволяет иначе взглянуть на процесс сравнительного описания характеристик речевых жанров, таких, как, например, сказка и притча, принадлежащих к мифологической и религиозной картинам мира соответственно.

Сопоставление двух речевых жанров, принадлежащих к разным картинам мира: притча и сказка

Выбор именно этих двух жанров в качестве примера объясняется тем, что, в отличие от речевых жанров, способных менять формальные и стилевые показатели, данные жанры в этом отношении более устойчивы и непереходны. Сказка «реализует мифолого-сакральную картину мира и отражает менталитет нации» [Ласкавцева 2001].

Изучением жанра притчи в сопоставлении со сказкой в разное время и с разных позиций занимались исследователи: в литературоведческом аспекте [Цыбакова 2000], в стилистическом [Сухоруков 2017], при изучении фольклора [Халидова 1973], в лингвокультурологическом аспекте [Эпоева 2007]. Притча является включенным жанром в более широкий контекст ситуации повествования, она несамостоятельна, иносказательна, ориентирована на этические максимы, осуществляется по формуле поиска ответа к задаче. Существуют различные классификации притч — как по географической, так по национальной и религиозной принадлежности (африканские, библейские, буддийские,

греческие, даосские, дзенские, еврейские, суфийские, христианские). Несмотря на многообразие вариантов данного речевого жанра, обобщая исследования, можно сказать, что траектории становления данного жанра в мировой культуре позволяет описать её согласно следующей схеме: от притчи-изречения (распространено в литературе Древнего Востока), к религиозная притча, которая трактуется как «форма преподнесения знаний о мире, относящаяся в большей степени к области идеологии и мировоззрения» [Товстенко 1989: 6] и затем к философской притче, чья мораль не связана с существованием Бога и с идеей спасением души. Притча утрачивает этический конфликт, оставляя героям ситуацию выбора, который в XX в. носит уже когнитивно-эстетический характер. При этом усиливается абстрагирование: «главным принципом в создании реальности выступает “вторичная” <...> параболическая условность, которая создаётся за счёт абстрагирования изображения конкретных бытовых деталей, локальных историко-географических примет места и времени» [Цыбакова 2000: 7]. Таковы произведения А. Камю «Чума», Кобо Абэ «Женщина в песках», У. Голдинга «Повелитель мух», Г. Гессе, фильмы Ларса фон Триера и др.

В народных сказках роль героя архетипична, даже в сказках о животных социотипы остаются легко определяемыми и неизменными [Тукаева 2007]. В притче, как и в сказке, нет развития характеров героев, однако, в отличие от сказочного времени, в притче время «застывает», что особенно отчётливо видно на примере современных притч, так как «это модель, определённая структура интеллектуального свойства, существующая ментально как заранее заданная конструкция» [Товстенко 1989: 2]. Также различается сюжет, в особенности — закон счастливого конца, который не обязателен в притчах, тогда как в сказках «добро обязательно побеждает зло <...> этические ценности формируются жёсткой прагматической установкой: проблема — способ решения» [Сухоруков 2017: 14].

Общим у сказки и притчи можно считать наличие фабулы, ориентированной на непрямую коммуникацию. Непрямая коммуникация — процесс обмена информацией, в результате которого формируется косвенный речевой жанр, в котором «порождаемые коммуникативные смыслы в принципе несводимы ни к прямым значениям, ни к монологическим интенциям» [Дементьев 2010: 207]. Исходя из этого, оба жанра можно отнести к косвенным, то есть таким, в которых поверх-

ностная информация и её настоящий смысл не совпадают. Иными словами, в этих жанрах одна речевая стратегия выдаётся за другую: сказка предстает перед адресатом как развлечение, но представляет собой трансляцию представлений о мироустройстве; притча скрывает метафизический подтекст за морально-нравственным (например, христианские притчи повествуют о ситуациях взаимодействия людей, тогда как их истинный смысл кроется в иллюстрации поведения людей по отношению к Богу).

Несмотря на то, что непрямая коммуникация свойственна и притче, и сказке, сложность восприятия (степень косвенности коммуникации) у них не одинакова. Можно предположить, что это связано с наличием разного количества уровней коммуникации (ситуаций взаимодействия, «вставленных» одна в другую, «принцип матрешки»).

Для наиболее распространённого варианта притчи — библейской притчи — одновременно реализуются три ситуации коммуникативного взаимодействия. Например, притча о злых виноградарях представляет собой три ситуации: 1) внешний контекст: Иисус проповедует слушающим; 2) коммуникативное взаимодействие в контексте излагаемого сюжета: хозяин виноградника пытается получить свою долю плодов; 3) глубинный уровень коммуникации, возникающий при религиозной интерпретации сюжета: Бог (хозяин виноградника) пытается вразумить людей. Таким образом, в притче представлены три разных пространства, действуют три группы лиц.

Для сказки как речевого жанра третий слой (глубинная интерпретация после забвения практик проведения *rite de passage* (процессов инициации, сакральных путешествий и вопрошания ответа у божеств), перестала быть «инструкцией» адресату. Так, например, путь Ивана в тридевятое царство (загробный мир) лежит через встречу с умершим предком (Бабой ягой), которая готовит героя к мнимой смерти (моет, дает меч и пр.), помогая преодолеть границу. Этот уровень не «считывается» адресатом: остается лишь ситуация рассказывания сказки (внешний контекст) и сюжет (коммуникативное взаимодействие героев). С притчами такого не произошло и произойти не может, так как в них метафора имеет своим источником не внешний постоянно меняющийся мир, а внутренние универсалии.

Анализ 50 произвольно выбранных наиболее известных народных сказок и 50 притч [Лучшие притчи мира 2018; Самые лучшие притчи

всех времён и народов 2018; Сказки народов мира 1990] разного типа позволяет предварительно подтвердить предположения, касающиеся общего и различного в лингвокогнитивном основании моделей этих двух речевых жанров (табл. 1, 2), принадлежащих к разным картинам мира. Безусловно, такого количества проанализированных вариантов реализации выбранных речевых жанров недостаточно для составления полного описания жанровых характеристик, но достаточно для того, чтобы доказать наличие исследуемой связи между характеристиками картины мира и речевыми жанрами (табл. 3).

Исходя из полученных данных, можно говорить о более чем 60% совпадении характеристик моделей жанров и систем мировидения, что подтверждает релевантность использования категории картины мира в прогнозировании взаимосвязи речевых жанров в культуре.

Таблица 3

**Сопоставление характеристик модели сказки и притчи
как объектов теории речевых жанров**

Категории	Сказка	Притча
Время + форма	Итеративность (24 случая), фрактальность (2), линейность (14), а-темпоральность (0)	А-темпоральность (42), линейность (4), назидательная итеративность (2)
Денотатное пространство	Конкретно-дескриптивное, узнаваемое (46 случаев), индексальное 4 (неточные географические указания)	Индексальное (37), дескриптивное (13)
Референтная соотнесенность	Социальные архетипы (50), модальный субъект полиреферентный	Социальные архетипы (50), но в метафорическом осмыслении они представляют собой личности (Бог и человек); модальный субъект полиреферентный
Основная стратегическая направленность	Непрямая коммуникация, связанная с этикой. Создание представлений о социальных нормах и мироустройстве (50)	Непрямая коммуникация, связанная с аксиологией. Развитие сознания, исправление ошибок в результате рефлексии (50)

Выводы

Смена научных парадигм с её переходом от системно-структурной к коммуникативно-прагматической и, наконец, когнитивно-дискурсивной вызвана необходимостью комплексного анализа характеристик сложных речевых объектов. Картина мира может стать основанием для построения общей иерархии речевых жанров как отдельной культуры, так и мировой, поскольку позволяет более точно определить общее и различное в основании их моделей.

Литература

- Бузальская Е.В.* Типология моделей речевого жанра русскоязычного эссе: специфика на фоне тенденций развития жанра эссе в мировой культуре // Научный диалог. 2016. № 10 (58). С. 21–33.
- Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984. 349 с.
- Дементьев В.В.* Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 594 с.
- Долинин К.А.* Речевые жанры как средство организации социального взаимодействия // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1999. Вып. 2. С. 7–13.
- Зеленищikov А.В.* Пропозиция и модальность. М.: Либроком, 2010. 213 с.
- Зеленищikov А.В.* Язык как культурный код нации / под ред. Е.Г. Хомяковой. М.: Либроком, 2014. 264 с.
- Касевич В.Б.* Буддизм. Картина мира. Язык. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. 281 с.
- Касевич В.Б.* Язык и культура // Филология. Русский язык. Образование. Сборник статей, посвященный юбилею проф. Л.А. Вербицкой. СПб.: Филол. ф-т С.-Петерб. ун-та, 2006. С. 114–123.
- Колшанский Г.В.* Объективная картина мира в познании и языке. М: Едиториал УРСС, 2005. 120 с.
- Колесов В.В.* Основания науки. СПб.: Нестор-История, 2013. 196 с.
- Коростелева Ю.Е.* Религиозная картина мира (гносеологический анализ): автореф. дис. ... канд. философ. наук. Магнитогорск, 2002. 23 с.
- Красных В.В.* Лингвокогнитивные основы воспроизводимости // Вестник ЦМО МГУ. 2009. № 3. С. 54–62.
- Ласкавцева Е.Ю.* Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой народной сказки: автореф. дис... канд. филол. наук. Краснодар. 2001. 18 с.

- Лебедев С.А.* Философия науки: словарь основных терминов. М.: Акад. проект, 2004. 316 с.
- Лучшие* притчи мира / сост. А.Ю. Кожевников. М.: Абрис Олма, 2018. 256 с.
- Москальская О.И.* Грамматика текста. М.: Высшая школа, 1981. 183 с.
- Ноздрина Л.А.* Поэтика грамматических категорий: курс лекций по интерпретации художественного текста. М.: ТЕЗАУРУС, 2004. 212 с.
- Падучева Е.В.* Высказывание и его соотносённость с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений / отв. ред. В.А. Успенский. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 296 с.
- Самые лучшие* притчи всех времён и народов. М.: Изд-во АСТ, 2018. 352 с.
- Сказки народов мира: в 10 т.* М.: Детская литература, 1990.
- Сухоруков Е.А.* Современная немецкая сказка как инструмент формирования экологического сознания: автореф. дис... канд. филол. наук. М., 2017. 28 с.
- Товстенко О.О.* Идейно-художественные особенности современной притчи (на материале западно-европейской прозы): автореф. дис... канд. наук. Киев, 1989. 17 с.
- Тукаева И.И.* Языковое выражение социотипических характеристик персонажей в сказках о животных: автореф. дис... канд. филол. наук. Пермь. 2015. 26 с.
- Тураева З.Я.* Текст: структура и семантика: учебное пособие. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 144 с.
- Уфимцева Н.В.* Язык, культура и образ мира билингва // III Международная научная конференция «Русский язык в языковом и культурном пространстве Европы и мира: Человек. Сознание. Коммуникация. Интернет». Варшава, 2006. С. 138–144.
- Халидова М.Р.* Малые дидактические жанры аварского фольклора (притча в сравнении с бытовой сказкой, басней, анекдотом): автореф. дис... канд. филол. наук, Махачкала 1978. 18 с.
- Цыбакова С.Б.* Классическая притча в современной художественной традиции: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2000. 16 с.
- Шмелева Т.В.* Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов: Изд-во гос. УНУ «Колледж», 1997. С. 88–98.
- Шмелев А.Д.* Проблема выбора релевантного денотативного пространства и типы миропорождающих операторов // Референция и проблемы текстообразования / отв. ред Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1988. С. 64–80.
- Эпоева Л.В.* Лингвокультурологические и когнитивные аспекты изучения языка волшебной сказки: автореф. дис... канд. филол. наук. Краснодар, 2007. 20 с.

The common and the different at the base of the models of speech genres belonging to different pictures of the world

The article is devoted to the search for common foundations of the categories of the cognitive-discursive paradigm in genre studying. Based on the analysis of the parameters of the description of mythological and religious pictures of the world, the authors come to the conclusion that 1) pictures of the world arise in the areas of intersection of such categories as mentality, mentality, ontogeny and phylogeny; 2) that the linguo-philosophical foundations of the speech genre model are derived from the characteristics of the picture of the world: the dictum of the speech genre model (characteristics of the denotative space, index or descriptive reference, the type of modal subject) is associated with the background (chronotope) and the figures of the picture of the world, while the modus (the main speech strategy) – with its target orientation. These observations are tested on the example of searching for linguo-cognitive characteristics of speech genres of parables and fairy tales.

Keywords: picture of the world, mentality, speech genre, dictum, modus.

Пименова М.В.

Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
n.lubimova@spbu.ru

Русский язык и концептуальные формы ментальности в трудах Владимира Викторовича Колесова

В статье рассматриваются отраженные в языке концептуальные формы национальной ментальности (*ментализация – идеация – идентификация*), которые были выделены и описаны в трудах Владимира Викторовича Колесова, посвященных актуальным вопросам современной когнитивистики.

Ключевые слова: труды В.В. Колесова, ментальность, русский язык, ментализация, идеация, идентификация, синкретизм.

Трудно переоценить вклад Владимира Викторовича Колесова не только в отечественную, но и мировую лингвистику. Он творчески развил и продолжил признанные достижения сформировавшейся еще на исходе XIX в. Петербургской (Ленинградской) филологической школы, для которой, как считал сам Владимир Викторович, характерен преимущественный интерес к *смыслу*, а не *форме*, *развитию* / *процессам*, а не *модели*, *динамике*, а не *описанию фактов* [Колесов 1999: 313–319].

Мне посчастливилось учиться у профессора Колесова в аспирантуре и докторантуре; доброта, великодушные, щедрость, его умение помочь и окрылить — эти качества Владимира Викторовича отмечают все, кто с ним общался лично [Слово 2009].

Глобально подходя к каждой проблеме, В.В. Колесов при изучении и представлении языковых фактов наглядно реализовал научные принципы современной лингвистики (антропоцентризм, экспансионизм, экпланаторность, неофункционализм, текстоцентризм), причем сделал это на уровне сути, а не терминологии.

Предложенное В.В. Колесовым определение ментальности стало поистине классическим: оно цитируется большинством современных лингвистов, обращающихся к рассмотрению данного феномена: ментальность — «миросозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее в процессе познания интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» [Колесов 1999: 268].

Основной единицей ментальности в когнитивистике, как известно, признается **концепт**, однако многочисленные дефиниции этой лингвистической единицы, как правило, отождествляют ее с тем или иным существующим термином (*понятием, представлением, значением, смыслом, этимологом, словом, символом, образом*), что не позволяет определить место данного феномена в языковой системе. Дает возможность отойти от подобного прямолинейного отождествления синтезирующий подход В.В. Колесова, полагающего, что **«концепт есть сущность, явлением которой выступает понятие. <...> Как и всякая идеальная сущность, концепт нематериален, ибо он неподвижен и лишен структуры; он находится вне энтелехии поведения. Это сущность самого “тонкого уровня” и потому “незрима”, а “невидимо то самое, в чем все и все едино” <...> Концепт структурируется на внешнем уровне благодаря движению своих содержательных форм, но ни одна из них сама по себе не достаточна для постижения концепта, поскольку представляет собою только единичную ипостась трехмерности трехзначного целого (“единого”). Понимает лишь тот, кто следит за сменой концептуальных форм»** [Колесов 2002: 404].

Продолжая размышления Владимира Викторовича, отметим, что, на наш взгляд, концепт по своей лингвистической сути является **инвариантом означаемого**, единицей эмического (абстрактного) уровня (сопоставимой с фонемой, морфемой, лексемой, синтаксемой), которая на этическом (конкретном) уровне материально реализуется в лексических значениях, сигнификатах — интенционалах и экстенционалах, внутренних формах слов — способах представления внеязыкового со-

держания (подобно тому, как фонема реализуется в звуках/аллофонах, морфема — в морфах/алломорфах, лексема — в словоформах и лексико-семантических вариантах, синтаксема — в синтагмах/предложениях и др.). Нам представляется, что данная трактовка при всей своей очевидности «примирает» большинство предложенных определений концепта (примирая также сторонников «революционной» когнитивистики и «устоявшихся»/традиционных лингвистических направлений), «снимая» необходимость все новых и новых дефиниций «ускользящего» термина («размытость» которого объясняется прежде всего его эмическим характером) (подробнее см. [Пименова 2014: 60–64]).

В.В. Колесов выделяет **три концептуальные формы** русской ментальности, среди которых называет, во-первых, **ментализацию** (XI–XIV/XV вв.), предполагающую «...наложения христианской культуры на традиционно славянскую» [Колесов 2014: 808], что выражается во «внедрении» «...новых символов в расхожие речевые формулы быденной речи» [там же: 282]. Как пишет Владимир Викторович в своем обобщающем труде «Основы концептологии» (2019), «*ментализация* (восприятие заимствованного из другой культуры смысла) есть наполнение наличного словесного знака *образным смыслом*, переработка полученного калькированием или прямым переводом христианского (поначалу) символа с точки зрения его *предметного значения* (объема понятия = денотата), т.е. постоянная сверка полученного символа с миром вещей, которому принадлежит первенство в древнем номиналистическом сознании. “В житейскихъ вещехъ тружаются челоуѣци” — такова формула ментализации, которая действовала в древнерусском языке» [Колесов 2019: 240].

Идеологической основой данной концептуальной формы ментальности является философский **номинализм**, в центре внимания которого находятся *вещь* и *образ* (словесные знаки подчиняются *образу*). По определению В.В. Колесова, «номинализм в познании связывает слово с понятием, исходя из реально представленного в сознании предмета (вещи), в этом случае единственная связь предмета с понятием осуществляется посредством предметного значения, т. е. определяется объемом понятия. Предметное значение дано, познание задано как “горизонт ожидания” и потому развивается. В богословской традиции это установка на Бога-Духа (протестантское Петрово христианство)» [Колесов 2007: 31].

На лингвистическом уровне ментализация проявляется в преимущественной разработке **объема понятия** вследствие развития **метонимических переносов** (ассоциаций по смежности), что «...определяется важностью не сходства, а общности функции или чисто внешне — смежности (часть как целое, род как совокупность видов и т. д.)» [Колесов 1989: 145]. И. И. Смирнов подчеркивает, что «ассоциация по смежности — не что иное, как мыслительный переход от одного объема значения к другому, причем пересечение границы, разделяющей эти объемы, происходит при условии, что они будут одинаково удовлетворять общему дифференциальному признаку и обладать одинаковой способностью к участию в логическом выводе» [Смирнов 1979: 177]. Кроме того, следует отметить, что данный период отличается связанным с конкретным ритуальным действием психофизиологическим «сенсорным», или «сенсорно-моторным», способом абстрагирования (Л.С. Выготский, Н.И. Жинкин, А.А. Леонтьев, А.Р. Лурия, И.П. Павлов, И.М. Сеченов и др.), который «основан на оперировании целостными чувственными образами предметов внешнего мира» [Лопутько 2001: 30, 104–112]), что проявляется в нерасчлененности (**синкретизме**) чувственного созерцания и логической деятельности мышления человека.

Под **семантическим синкретизмом** понимают, начиная с классической работы одного из членов Пражского лингвистического кружка С.О. Карцевского «Об асимметричном дуализме лингвистического знака» (1929 г.) [Карцевский 1965: 83–90], явление формально-содержательной языковой асимметрии означающих и означаемых (В. Скаличка, Р. Якобсон, Ш. Балли, Н.Д. Арутюнова, Г.П. Мельников, В.Г. Гак и др.). Данный термин последовательно используется в работах историков языка Ленинградской / Санкт-Петербургской школы (Б.А. Ларин, В.В. Колесов, О.А. Черепанова, С.А. Аверина, Д.Г. Демидов, Ф.Н. Двигнин и др.). От «смежных» явлений формально-содержательной асимметрии семантический синкретизм отличается невозможностью его «разрешения». Мы полагаем, что «неразрешимый» синкретизм — это особая лексико-семантическая категория, которую мы в своих работах [Пименова 2007; 2011] предлагаем называть термином **синкретсемия**. Термин *синкретсемия* образован от греч. *συνκρητισμός* ‘соединение, объединение, связывание’ и *σημα* ‘знак’ в одном ряду с терминами, указывающими на прочие семасиологические категории — *полисемия*, *моносемия*, *дисемия*, *эврисемия*, *энантисемия*. Мы предлагаем различать,

во-первых, «**содержательную**» (или **сигнификативную**) синкретсемию (при наличии синкретичного означаемого: один знак — два и более нерасчлененных значений, связанных с двумя/более сигнификатами и/или денотатами), во-вторых, «**формальную**» **синкретсемию** (при наличии синкретичного означающего: два и более нерасчлененных знака — одно значение). «Содержательная» (сигнификативная) синкретсемиа как лексико-семантическая категория — это выражаемое формами одного слова (одной лексемой — **синкретой**) — семантическое отношение нескольких генетически неразрывных значений (семем), которые сосуществуют в языке и *одновременно выражаются в тексте/речи* (в отличие от смежных семасиологических категорий).

В связи с наличием семантического синкретизма и синкретсемии модель развития лексического значения может быть представлена, на наш взгляд, как движение по спирали: синкретизм — расчленение синкретизма — возникновение синкретизма на новом уровне развития языка, а не по прямой линии — от прямого значения к переносному, от конкретного к абстрактному, от дескриптивного/нейтрального к оценочному, как это представлено в целом ряде лингвистических исследований (см., например, работы Г.Н. Лукиной, М.Ф. Мурьянова, Г.А. Николаева, З.М. Петровой, М.И. Черемисиной, Т.А. Черняковой, А.Н. Шрамма и др.).

Исходный семантический синкретизм можно представить в виде спирали-пружины, сжатой до плоского состояния в **слове-синкрете** (термин В.В. Колесова). Это отдельная (предельная) лексическая единица, выражающая синкретичное значение, то есть содержащая в себе образ-символ, являющийся нерасчлененным эквивалентом референта, сигнификата и лексического значения. Наличие синкретичного значения у слов-синкрет подтверждается теорией и практикой так называемой «множественной этимологии» [Маковский 1996: 6], а также многообразием ассоциативных символических связей. Например, и.-е. имя **krasa*, образованное от глагола, этимологи возводят одновременно к **krēsiti* ('оживлять, освежать; воскрешать') и **kresati* ('высекать искру, создавать огонь') (ЭССЯ 95–97), праслав. **svěť* — к и.-е. **k'uei-* (свѣтъ), и.-е. **kvěť*, **kvisti* (цвѣтъ, цвисти), и.-е. **k'uen-to* (**svet-*; сват-) (Фасмер 575–576). А. А. Потебня отмечает, что краса символизирует положительные признаки, связанные с природной таксономией дискретных объектов: жизнь, ее возобновление и поддержание — огонь, красота,

молодость, цветение, весна, веселье, свежесть, *свет* — ‘цветение жизни’: красота, любовь, веселье; ‘святость’: истинность, праведность, миропорядок [Потебня 1914: 35–36]. К синкретичным словам относятся, по мнению В.В. Колесова, «самые элементарные слова», «любое общее слово Писания или народной поэтики», в которых всего труднее заметить несовпадение «со значениями соответствующих слов современного языка» (таких, например, как *душа, правда, добро, солнце, Бог* и др.) [Колесов 1990: 28]. В древнерусском языке синкретсемичными единицами являются, как показывает наш материал, имена, обозначающие оценку, например: <+> *благыи, благовидныи, благокрасныи, блаженныи, божьствьныи, велии, весельи, дивныи, добрыи, дюжии, здоровыи, красныи, крьпкыи, лагодьныи, льпыи, лучии, нарочитыи, нарядьныи, преподобьныи, първыи, свьтлыи, свьтыи, славныи, сульи, хитрыи, хорошии, чистыи*; <-> *безбожьствьныи, бьсовьскыи, вражии, гнусныи, гньвныи, грубыи, дряхлыи, дьмоньскыи, жестоковыи, зьлыи, лихыи, лукавыи, лютыи, мьрзскыи, печальныи, сквьрныи, слабыи, страшныи, супостатьныи, тьмьныи, ужасныи, унылыи, худыи, чуждыи, чьрныи* и др., а также производные с данными корневыми элементами (Срезн.) (см. также [Пименова 2007: 212–331]).

Для периода ментализации характерна *обратная перспектива*, предполагающая на уровне текста раздвоение смысла и удвоение форм и в связи с этим — *эквивалентный* (равноценный) принцип как древнейший принцип квалификации объектов по их нечленимой ценности [Колесов 2014: 842, 869–874]. Примерами эквивалентных оппозиций являются противопоставления типа *правый — левый, чет — нечет, свет — тьма, белый — черный / красный — черный, мужской — женский* и под. [Иванов, Гопоров 1974: 260–266].

В процессе предопределяющей эволюцию языка смены отдельных форм мышления происходит постепенная трансформация семантического синкретизма. Это проявляется в постепенном растяжении семантической «пружины», что сопровождается сужением/конкретизацией синкретичного значения (означаемого) параллельно с расширением его лексического выражения (означающего) в связи с чем в семантически несвободных сочетаниях слов проявляется «**формальная**» (или **структурно-синтагматическая**) **синкретсемия**. **Структурно-синтагматический** — термин, указывающий на то, что данный тип *синкретсемии* реализуется при линейном (одновременном) соотне-

сении элементов, представляющих собой устойчивую структуру. При данном типе синкретсемии одно значение (одна семема) выражается узуально закрепленными в языке формами нескольких лексико-грамматически связанных слов (несколькими лексемами), представляющими собой минимальные лексические единицы древнерусского текста. Эти единицы классифицируются на следующие виды: сочетания с **постоянными эпитетами** (нар. *белый свет, добрый молодец, красна девица, зелено вино, черный ворон, чистое поле*) и устойчивыми **книжными атрибутами** (книжн. *святыи духъ, слово божьствоное, благии воинъ, бесовьскыя плъкы, кръстное цълование*); **парные именованя** (нар. *хлеб да соль, путь-дорога, гуси-лебеди, краса-баса; книжн. радость и веселье, печаль и скорбь, стыд и срам, честь и слава* [Артамонова 2009]); **этимологические фигуры** (нар. *темень темнеетя, стрелой застрелить, мосты мостить; книжн. просвети просветивый свет, возрадоватися радостию, жить жизнию*); **описательные глагольно-именные обороты** (нар. *взяти рать, въсьсти на конь, отворити ворота, повозы возити; книжн. труды творити, говорити в срьдце (своем), молитву сотворити*); **устойчивые сравнения** (нар. *яко сокол млады, яко лебедь белая; книжн. аки агньць, аки звъзда, акы нькаа ехидна, аки тать в нощи* [Богрова 2012]); **сочетания с творительным ограничения** (*красенъ лицемъ, простъ умомъ, одръжимъ невъриемъ, чьстьнъ съдинами* [Рыкин 2015]) и др.

Мы предлагаем обозначать минимальные лексические единицы древнерусского текста термином **синкретемы**, который находится в одном ряду, во-первых, с терминами *синкрета, синкретизм, синкретсемия*, во-вторых, с терминами, указывающими на минимальные единицы различных языковых уровней — *синтаксема, лексема, семема, морфема, фонема и под.*

Синкретемы выражают основанное **на метонимии** синкретичное значение и отражают явление структурно-синтагматической синкретсемии (что их объединяет). Отдельные виды синкретем по-разному соотносятся с денотатами, что предопределяет семантические различия между ними (подробнее см. [Пименова 2007: 33–71]).

Текст в этот период обладал «... особой системой и иерархией представления, в том числе ритмом, разрушив который, нельзя было не править весь текст» [Колесов 1989: 11]. Как отмечает В.В. Колесов, «древнерусские книжники специализировались на переписывании

одного и того же текста — верный признак того, что они могли его знать наизусть, передавая старые формы и конструкции речи» [Колесов 2005: 608]. Кроме того, «текст отражал мировосприятие и мировоззрение, он создавал конструктивные образцы мысли и чувства. Все последующее развитие языка и литературы состоит в том, что постепенно из семантической определенности текстового воплощения слова воссоздается определенность и законченность языковой парадигмы» [Колесов 1989: 9].

Текст создавался в результате соединения традиционных формул-синтагм / синкретем — это был «открытый текст», или «открытая традиция» [Лихачев 1979], «...текст как откровение, без критического его осмысления (истинность текста проверяется не развитием познания и не сравнением с другими текстами, а постоянным воспроизведением)» [Колесов 1989: 11]. Средневековый текст не знает нормы в современном понимании, поскольку еще не познана система языка: «... нормативен образец, т. е. обладающий идеологическим достоинством текст» [там же]. Вместо нормы присутствует «широкое представление о норме», т. е. ориентация на «образ и подобие» — на образцовый текст и на понятие (апостольского) *достоинства текста* [Пиккио 2003: 484]. Как отмечает В.В. Колесов, в X–XIV вв. (в период ментализации) буква противопоставляется звуку как основной элемент культуры («буквализм»): «...в уставном письме каждая буква выписывается отдельно. Тексты заимствуются как образец, согласно их сакральному “достоинству”, и на этих образцах высокого стиля постепенно формируется славянский литературный язык» [Колесов 2005: 608].

Ментализация, по мнению В.В. Колесова, сменяется идеацией (XIV/XV–XVII вв.). «Идеация (выделение своего концептуального признака и наделение им слова) есть развитие собственных значений славянского слова, переработка уже воспринятого христианского символа с точки зрения словесного значения (содержания понятия — *десигната*). Средневековая формула идеации — “в веществе телеси найти невеществе”, т. е. общее, абсолютное и вечное выявить в частном, конкретном и временном» [Колесов 2019: 241]. Идеация, как отмечает В.В. Колесов, основана на философском **реализме**, который с начала XV в. стал основным содержанием великорусского мировосприятия. Главное для реализма — *слово, Логос, символ* (словесные знаки подчи-

няются символической установке): «реализм сознанием связывает понятие с предметом, исходя из обозначающего их слова; единственная связь слова (знака) с понятием (идеей) в таком случае определяется словесным значением, т. е. содержанием понятия (“мы познаем только признаки” — Потебня). Значение дано, сознание задано как “горизонт ожидания” — и потому развивается; в богословском суждении — это установка на Бога-Сына (евангельское Иоанново христианство)» [Колесов 2007: 30–31].

В период идеации на лингвистическом уровне происходит разработка содержания понятия вследствие *метафорических переносов* (ассоциаций по сходству, отношений аналогии) [Колесов 2005: 637]. «Отношение аналогии утверждает себя постольку, поскольку одному обозначаемому объекту вменяются характерный признак и семантическая позиция, заимствованные из другого объекта, благодаря чему оба явления попадают во вновь образованный смысловой класс, становятся сходными» [Смирнов 1979: 176]. Для реалиста важна установка на метафору, то есть на свободное оперирование всеми признаками, уже извлеченными сознанием из цельности вещей по их сходству: «реализм путем идеации работает с реальными признаками и наполняет готовые объемы содержанием, что приводит к активному развитию имен прилагательных определенных, т. е. по форме полных. Это момент символического наполнения слова, поскольку определения могут смешиваться в поисках адекватного объема, заменяя друг друга в свободном порядке» [Колесов 2007: 31].

В этот период образуются многочисленные производные слова от этимона (от слова-синкреты), за которыми с XVI–XVII вв. закрепляется тот или иной компонент первоначально синкретичного значения (форма расширяется/множится, а содержание сужается/конкретизируется), то есть происходит еще одно расчленение семантического синкретизма. Приведем примеры производных единиц, образованных от слов-синкрет **krasa* и **světъ*: *краснолицьнии, благокраснии, красогласование, красноръчие, красивъ, пръкраснии, оукрашение, некраснии, преоукрашение, безкрасие, некрасота, красьба, украшати, преоукрашати, преоукрашено, красоватися; свѣтозрачнии, свѣтлошумнии, свѣтлоукрашение, освѣтляти, пръсвѣтльи, освѣщати, усвѣтити, просвѣщати, свѣтло, свѣтлость, свѣтлоръчивици, мѣногосвѣтьльи* и т. д. (Срезн.) (см. также [Пименова 2007: 222–331]).

В начале XV в. важным стало «...не только повторяющееся восприятие текста как ритуальное оправдание его святости, но и повторение как *текстовое варьирование* ключевых слов, свойственных данной культуре. Варьируется не только функция, т.е. восприятие текста, но и система — средства воплощения этого текста» [Колесов 2005: 608], что особенно характерно для *стиля плетения словес* Епифания Премудрого. В.В. Колесов отмечает, что «главным новшеством Епифания является увеличение объема синтагм и перераспределение их соотношений»: в его текстах прежние устойчивые единицы (синкретемы) расчленяются на словоформы и «рассыпаются» по тексту [Колесов 1989: 191], например (этимологические фигуры): *Коль **много** лет **мнози** философи еллинстии събирали и составляли грамоту греческую, и едва оставили **мнозем** труды и **многими** времени, едва сложили, Пермскую же грамоту **единъ** чрънецъ сложил, **един** составил, **един** счинил, един калогер, **един** мних, **един** инок, Стефан глаголю, приснопомнимый епископ, **един** в **едино** время, а не по **многа** времена и лета, якоже и они, но **един** инок, **един** **въединенъ** и **уединяся**, **един**, **уединенъ**, **един** у **единого** Бога помощи прося, **един** **единого** Бога на помощь призываа, **един** **единому** Богу моляся и глаголя <...>/ //И сице **един** инок, к **единому** богу моляся, и азбуку сложил, и грамоту сотворил, и книги перевел в малых летех, богу помогающу ему, а они **мнози** философи, **многими** леты, семь философов, едва азбуку оставили» (Жит. Стеф.).*

Таким образом, в связи с выделением из формулы-синтагмы/синкретемы отдельной словоформы постепенно возникает совершенно новый тип передачи информации, причем семантическая компрессия сопровождается формальным усилением слова посредством аффикса. Это приводит к окончательному освобождению слова от контекста и к семантическому разведению значений прежде синкретичного по смыслу слова

В XV–XVII вв. на основе воспроизводящего устную речь **среднего стиля** «...формируются национальные литературные языки славян. Господствует полуустав со сложной системой сокращений и упрощений в графике, а в орфографии символические написания все чаще сменяются традиционными» [Колесов 2005: 609]. В период идеации эквиполентный (равнозначный) принцип сменяется **градуальным** (иерархическим) принципом квалификации объектов по степеням признаков [Колесов 2014: 262]. В.В. Колесов пишет о переходе «...от метоними-

ческой смежности “эквиполентного мира”, в котором важны предмет (“вещь” или “тело”) и, соответственно, предметное значение слова, — к градуальному метафорическому, для которого важнее признак сам по себе, вне его связи с предметом, от которого он отвлечен, и, соответственно, значение слова, равное содержанию понятия» [там же: 676]. В этот период прежние эквиполентные двучленные парные именованья преобразуются в градуальные триады, в которых третий компонент указывает на высшую степень проявления признака/качества, например: *радость и веселье и ликъствование*, по образу и подобию и *существу*, *плачь и рыдание и вопль* и т. п. [Артамонова 2009: 43–48]. В.В. Колесов указывает, что триада является минимальной синтагмой у Епифания Пермудрого: «... “триада” — однозначные, по-видимому, три слова, которые могут относиться к любой части речи (имени существительному или прилагательному, глаголу или наречию), но слова каждой триады обязательно относились к одной и той же части речи. В предпочтительности определенной части речи — объективное указание на границы триады; смена части речи — момент переключения на новую триаду. Вот некоторые примеры триад Епифания: “Ни плакаше, ни стъняше, ни дряхловаше. Но и лица, и сердце, и очи весели... Тогда вси видящи, и познаша, и разумеша” (Жит. Серг., с. 270), “Храняше ... непорочно, непотькновенно убо и незасорно” (с. 306)» [Колесов 1989: 191].

Следующая концептуальная форма русской ментальности, по мнению В.В. Колесова, — это **идентификация** (XVII/XVIII–XXI вв.), основывающаяся на базе философского **концептуализма**, в рамках которого складывается понятие о логически выверенном **понятии** как основной содержательной форме слова (сам термин *понятие* появился только в начале XVIII в.) [Колесов 2002: 419–420; 2007: 31]. Идентификация связана с «сопряжением результатов ментализации и идеации», с согласованием объема и содержания понятия в словесном знаке, что «...привело к воссозданию в нем “идентифицирующего” действительность (понятийного) значения и тем самым закончило формирование лексического состава общерусского языка» [Колесов 2005: 15]. Владимир Викторович также отмечает, что идентификация — это «момент *конструирования* понятия как актуального явленного концепта и одновременно выделения слова из контекста как самостоятельной сущности, со своим собственным значением, извлеченным из контекста словесной формулы. Эту идею выражает другое название процесса

идентификации — *номинализация* (именование в слове). Процесс номинализации последовал сразу же за идеацией и поначалу протекал в границах производных слов как наиболее доступных действию и прямому наблюдению» [Колесов 2019: 241–242].

В XVII в. старая концепция текста сменяется новой, «...более рациональной <...>. Новая концепция признает относительную ценность отдельного текста, а его истинность проверяется постоянно в столкновении со способностями и подготовкой читателя, с постоянно растущим уровнем общественного сознания и т. п. Рациональность относительности пропитывает подобное восприятие текста, который становится средством, лишаясь ранга цели и утрачивая свою абсолютность как факт определенной культуры. Это ориентация на парадигму языка, а не на синтагму текста, на творческую метафору, а не на механически воспроизводимую метонимию» [Колесов 2005: 607–608].

С XIX в. «на первый план выходит проблема содержательности, смысла и в конечном счете ментальности, а поэтому и тексты уже не воссоздаются по образцам, но варьируют по типам и конструируются, отражая интеллектуальные сферы человеческой деятельности в рамках данной цивилизации <...> В текст допускаются элементы низкого стиля, поскольку они отражают эмоционально-экспрессивную сферу личного отношения к высказыванию [там же: 609]. Происходит смена обратной перспективы *на прямую*, свойственную современному восприятию реального ряда «вещей», а также распространение *привативного* (маркированного) принципа по признаку различения, градуальные оппозиции сменяются маркированными (например: *добро* <+> — *зло* <->, *красивый* <+> — *безобразный* <->, *умный* <+> — *глупый* <->, *польза* <+> — *вред* <-> и т. п.) [Колесов 2014: 250]. Как отмечает В.В. Колесов, «такова последовательность в развитии классификационных принципов исчисления объектов, познаваемых в мысли и используемых в деятельности: равноценность эквиполентности → степени градуальности → логически строгая привативность, способствующая выделению одного-единственного признака различия. Мир усложнялся не сам по себе, но в мыслительных возможностях человека, овладевавшего с л о в о м» [там же: 869].

В период идентификации на новом уровне развития языка реализуется категория «содержательной» синкретсемии, представленная в следующих видах: во-первых, родовых понятий — гиперонимов, ко-

торые семантически «вбирают» в себя прежние многочисленные единицы различных корневых групп, например: совр. **красивый** — др.-русск. *красньи, прѣкрасньи, льпыи, добрыи, бѣлыи, свѣтлыи, велии, видньи, высокии, сладкии, тварньи, радостньи, видньи, дивньи, хорошии, личньи, хытрыи, чистьи, чудньи* и т. д. [Пименова 2007: 222–331, 335]; во-вторых, основных «ключевых» слов национальной культуры, имен концептов, например: *безбожие, бесконечность благо, блаженный, бытие, величие, воля, грех, глупость, добро, достоинство, дух, душа, духовность, жалость, истина, корень, красота, красный, крест, кручина, лихость, люди, нравственность, правда, свет, святость, свобода, слово, совесть, терпение, уныние* и др. (см. «Словарь русской ментальности» [Колесов, Колесова, Харитонов 2014]); в-третьих, переносных метафорических значений, например: *калейдоскоп событий, сладкая мелодия, блестящий ум, озеро огней, кремень* (перен. ‘о человеке твердого, непреклонного нрава’), *лиса* (перен. ‘хитрый, лживый человек’), *отдушина* (перен. ‘то, что дает выход каким-либо чувствам, стремлениям, настроениям’) и т. п. [Скляревская 2004: 53–70]. «Формальная», или структурно-синтагматическая синкретсемия, представлена как в современной фразеологии, так и в «переходных» явлениях/коллокациях, восходящих по модели к древним синкретемам, например: *стыд и срам, жив-здоров, сикось-накось, штучки-дрючки, житье-бытье, супер-пупер, белый и пушистый* (парные именованья); *детский сад, минеральная вода, зачетная книжка, средний класс, голубые береты, цветная революция* (устойчивые атрибуты); *капают капли, гремит гром, снится сон, варится варенье, мыло мыльное* (о сериалах), *ужас ужасный* (этимологические фигуры); *держат ответ, идти на контакт, наводит скуку, предаваться воспоминаниям, проходить стажировку, чувствовать беспокойство* (описательные глагольно-именные обороты); *как в аптеке, как зеницу ока, лить как из ведра, как картинка, как из-под земли вырос, как манны небесной, как мертвому припарки, как на вулкане, как на грех* (устойчивые сравнения); *высок/мал ростом, хорош собой, слаб здоровьем, убогий умом, сильные духом, одержимый страхом, крепок волей* (сочетания с творительным ограничением) и др.

Таким образом, в период древнерусской **ментализации** через механизм метонимии разрабатывается объем понятия синкретичных лексических единиц, что позволило овладеть всеми ценностями христианской культуры, а также «запустить» процесс формирования об-

щерусского языка. В период средневековой **идеации** при помощи метафоры было разработано содержание понятия, благодаря чему были переработаны все полученные путем заимствования символы с точки зрения важнейших различительных признаков, и тем самым христианская идеология была «привита» к корню народной культуры. В период **идентификации** в словесном знаке произошло согласование объема и содержания понятия, что привело к воссозданию в нем понятийного значения и возникновению форм семантического синкретизма на новом уровне развития языка.

Итоговый раздел монографии «Философия русского слова» называется «Опасность истины», в котором Владимир Викторович подчеркивает, что «понятием не истолковать концепта» и что его единственная цель — «подтолкнуть собственную мысль читателя в нужном направлении» [Колесов 2002: 432]. По сути, это главная цель всех фундаментальных работ выдающегося Ученого.

Источники

Жит. Стеф. — Житие св. Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым / Издание Археографической комиссии. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1897. 112 с.

Срезн. — Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. и доп. М.: Знак, 2003. Т. I. 1419 с.; Т. II. 1801 с.; Т. III. 1683 с.

Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. III. СПб.: Terra — Азбука, 1996. 832 с.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. Вып. 12. М.: Наука, 1985. 187 с.

Литература

Артамонова М.В. Парные именованья в древнерусском тексте. Владимир: ВГУ, 2005. 208 с.

Балалыкина Э.А. Рецензия: Колесов В.В. Основания науки. СПб.: Нестор-история, 2013. 196 с. // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2014. Т. 156, кн. 5. С. 313–318.

Библиографический указатель по славянской филологии. Профессор Владимир Викторович Колесов. Самарканд: СамГУ, 1988. 101 с.

- Богрова К.М.* Устойчивые сравнения в древнерусском тексте: семантика и структура: дис... канд. филол. наук. Владимир, 2012. 180 с.
- Веллер М.* Обеспечение ударения [электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=541421&r=1> (дата обращения – 10.04.2020).
- Грани русистики.* Филологические этюды: Сборник статей, посвященный 70-летию профессора В. В. Колесова. СПб.: Филол. ф-т С.-Петерб. ун-та, 2006. 559 с.
- Динамика русского слова: Межвузовский сборник статей к 60-летию проф. В.В. Колесова.* СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. 191 с.
- Зеленин А.В.* Гимн учителю // Мир русского слова. 2004. № 1. С. 109–113.
- Иванов Вяч. В., Топоров В.Н.* Исследования в области славянских древностей: Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текста. М.: Наука, 1974. 343 с.
- История кафедры русского языка [электронный ресурс].* URL: <http://phil.spbu.ru/o-fakultete-1/struktura-fakulteta/kafedry/russkogo-yazyka/istoriya-kafedry> (дата обращения – 19.12.2020).
- Карцевский С.О.* Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. М.: Просвещение, 1965. С. 85–90.
- Колесов В.В.* Древнерусский литературный язык. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 292 с.
- Колесов В.В.* Общие понятия исторической стилистики // Историческая стилистика русского языка. Петрозаводск: ПГУ, 1990. С. 16–36.
- Колесов В.В.* «Жизнь происходит от слова ...». СПб.: Златоуст, 1999. 364 с.
- Колесов В.В.* Философия русского слова. СПб.: ЮНА, 2002. 448 с.
- Колесов В.В.* История русского языка. СПб.: Филол. ф-т. С.-Петерб. ун-та; М.: Издательский центр «Академия», 2005. 672 с.
- Колесов В.В.* Реализм и номинализм в русской философии языка. СПб.: LOGOS, 2007. 384 с.
- Колесов В.В.* Древнерусская цивилизация. Наследие в слове. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 1120 с.
- Колесов В.В.* Основы концептологии. СПб.: Златоуст, 2019. 776 с.
- Колесов В.В., Колесова Д. В., Харитонов А. А.* Словарь русской ментальности: в 2 т. СПб.: Златоуст, 2014. Т. I. 592 с. Т. II. 592 с.
- Концепт.* Образ. Понятие. Символ: Коллективная монография: к 70-летию проф. В. В. Колесова. Кемерово: ИПК «Графика», 2004. 276 с.
- Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. 376 с.

- Лопутько О.П.* Устойчивая формула в истории русского литературного языка (X–XV вв.). Новосибирск: НГУ, 2001. 226 с.
- Маковский М.М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: образ мира и миры образов. М.: Владос, 1996. 416 с.
- Ментальность и изменяющийся мир: Коллективная монография: К 75-летию проф. В.В. Колесова / отв. ред. М.В. Пименова.* Севастополь: Рибэст, 2009. 504 с.
- Морозова Е.А.* Колесов Владимир Викторович. Профессор Ленинградского (Санкт-Петербургского) университета // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2009. Сер. 9. Вып. 4. С. 266–268.
- Осинов Б.И.* Теория фонемы — антропоцентрический аспект фонетики: размышления над книгой В. В. Колесова «Русская историческая фонология» // Мир русского слова. 2013. № 3. С. 4–10.
- Пиккио Р.* Slavia Orthodoxa: литература и язык. М.: Знак, 2003. 720 с.
- Пименова М.В.* Красотою украси: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. СПб.: Филол. ф-т. С.-Петерб. ун-та; Владимир: ВГПУ, 2007. 415 с.
- Пименова М.В.* Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии // Вопросы языкознания. 2011. № 3. С. 19–48.
- Пименова М.В.* Модели словесного знака и синкретичное значение // Современная лингвистика и исследования ментальности в XXI веке: к 80-летию профессора В.В. Колесова. Киев: Издательский Дом Д. Бураго, 2014. С. 52–69.
- Потебня А.А.* О некоторых символах в славянской народной поэзии. Харьков: Тип. «Мирный труд», 1914. 243 с.
- Профессор Владимир Викторович Колесов: Библиографический указатель научных трудов к 80-летию автора / С.А. Аверина, Д.Г. Демидов, В.В. Клепацкий, М.В. Пименова, Т.П. Рогожникова, М.А. Харламова.* СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2014.
- Рогожникова Т.П.* Русское слово в лингвистическом творчестве В.В. Колесова // Вестник Омского государственного университета. 2007. № 1. С. 7–11.
- Рыкин Е.Ю.* Сочетания с творительным ограничением как средство выражения оценки в древнерусском тексте: дис... канд. филол. наук. Владимир: ВГУ, 2015. 204 с.
- Скляревская Г.Н.* Метафора в системе языка. СПб.: Филол. ф-т. С.-Петерб. ун-та, 2004. 166 с.

Слово о Владимире Викторовиче Колесове: Юбилейный сборник очерков, здравниц, откровений. СПб.: Факультет филологии и искусств, 2009. 119 с.
Смирнов И.П. Эпическая метонимия // ТОДРЛ. Т. 33. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1979. С. 175–203.

Russian language and conceptual forms of mentality in the studies of Vladimir Viktorovich Kolesov

The article discusses the conceptual forms of national mentality reflected in the language (*mentalization – ideation – identification*), which were identified and described in the works of Vladimir Viktorovich Kolesov, devoted to topical issues of modern cognitive science.

Keywords: works of Vladimir Viktorovich Kolesov, mentality, Russian language, mentalization, ideation, identification, syncretism.

Садова Т.С.

Санкт-Петербургский государственный университет
tatsad_90@mail.ru

Судить да рядить: глагольные слова-удвоения (в контексте «старого спора» о парных словах)

В статье представлен краткий обзор исследовательской литературы о «парных словах» (термин Н.Н. Дурново), дискуссию о причинах образования и коммуникативных функциях которых В.В. Колесов нарек «старым филологическим спором». Рассматриваются структурные, семантические и коммуникативные особенности глагольного парного слова «судить да рядить» в фольклорных текстах и текстах русской художественной литературы.

Ключевые слова: глагольные парные слова, редупликация, семантические связи, вторичная мотивация, фольклорная формула.

Сдвоенные близкозначные слова, составляющие одну номинацию, — характерные для русского языка лексические образования, причем для большинства его стилистических регистров: *путь-дорога, стыд и срам, любо-дорого, вокруг да около, радость и веселье, ни свет ни заря, ни сном ни духом, сплошь и рядом, пошло-поехало, молодо-зелено, неожиданно-негаданно* и др. Чрезвычайно активен процесс продуцирования «парных слов» в фольклорных текстах, что в известном смысле составляет «традицию народной поэтики», поскольку «для народной речи, — замечает В.В. Колесов, — сдвоенные слова — типичное явление» [Колесов 2004: 111].

В исследовательской литературе способ образования новых номинаций путем соединения одночастеречных слов с одной коммуникативной задачей часто квалифицируется как языковая универсалия [Убрятова 1960; Рожанский 2011; Андрианова 2013 и др.]. Правда, речь в этих случаях идет прежде всего о «классических» редупликациях — тавтологических удвоениях основ, корней, иногда — целых слов: *белым-бело, видимо-невидимо, еле-еле, быстро-быстро, стой-постой*, англ. *wiffle-waffle*, бел. *цаца-цаца* [Шульга 2011:108; Мехеда 2009: 264].

Языковой универсальностью, по мнению многих лингвистов, характеризуются и т. н. «слова-отзвучия» / «эхо-повторы», имеющие обязательную рифмованную форму: *страсти-мордасти, супер-пупер, коза-дереза* и под. [Янко-Триницкая 1968: 49]. Наиболее обширна научная литература, посвященная как раз таким двукомпонентным лексическим объединениям («рифмованным удвоениям» по Е.А. Земской [Земская 1983: 193]), — либо семантически целиком опустошенным и состоящим из двух бессодержательных единиц (*хухры-мухры, шашни-машни, ширли-мырли, ёксель-моксель*), либо с одним немотивированным, содержательно опустошенным компонентом, рифмующимся с другим, имеющим самостоятельное значение: *штучки-дрючки, танцы-манцы, фокус-покус* и под. В одном из исследований этот несамостоятельный компонент (чаще — второй) остроумно назван «искаженным двойником» [Санников 2002: 168], что по сути верно, если учесть его основную функцию — незначительно исказив звуковой облик первого слова, как бы оттенить его значение и придать всему лексическому сочетанию ярко ироническую окраску: *выборы-шмыборы, танцы-манцы, культура-мультаура, страсти-мордасти*.

Примечательно, что в рассуждениях о причинах частотности в русском языке «парно-составных речений со звуком *м*» типа *шуры-муры, золотишко-молотишко, няньки-маньки* М. Джафар замечал, что «это оригинальное тюркское явление», под влияние которого попали многие языки Европы, в том числе и русский [Джафар 1900: 313]. О том же писал и А.Е. Крымский, при этом весьма категорично утверждавший, что образование парных слов типа *калач-малач, кишмиш-мишмиш* — результат тюркского воздействия на словообразовательную систему славянских языков, ибо «в языках тюркских представлен широкий спектр таких образований» [Крымский 1928: 141]. Н.Н. Дурново на-

зывает такие лексические удвоения «искусственным способом создания парных слов» и также допускал, что, «видимо, он <способ> взят с татарского» [Дурново 1902: 268].

Так или иначе, но русский фольклор, особенно детский, полон подобных лексических образований. Приём созвучия или, вернее, рифмованной абракадабры, весьма активен в создании различных двух- или трехкомпонентных лексических структур в составе многих фольклорных жанров (*коляда-моляда, шишли-мышли, цынцы-брынцы-бубенцы* [Виноградов 1998: 324]). Как правило, это такие жанры, в поэтике которых присутствуют некоторые структурно-поэтические ограничения — например, обязательность рифмы, необходимость соблюдения счетного ритма и т. д. В загадках подобные образования часто играют роль «тайного языка», требующего дешифровки: *Один махтырь (бахтырь) и два ухтырка (ахтырька)* — о корове [Садовников 1959: 117], а в детских дразнилках или считалках оказываются важнейшим компонентом, обеспечивающим ритмическую организацию малого текста (*Федя-бредя съел медведя <...>; Аты-баты, шли солдаты <...>; Эники-бенники, ели вареники <...>*), попутно демонстрируя важное свойство звуковой организации детского стиха: в нём «звуковое (формальное) превращается в содержательное» [Лойтер 2005: 167].

Актуальность и культурную значимость парных оппозиций и «парных понятий» в славянской обрядовой поэзии неоднократно подчеркивали В.В. Иванов и В.Н. Топоров [Иванов, Топоров 1974], Н.И. Толстой [Толстой 1995: 151–166], отмечая при этом возможность вторичной мотивации таких наименований в истории развития исходных образов (*грусть-тоска, хлеб-соль, путь-дорога, подобру-поздорову* и под.).

В последнее время на обширном разновременном и разножанровом материале Ф.Р. Минлос предлагает свои классификации лексических удвоений (прежде всего, редуPLICATION различно происхождения) по целому ряду языковых признаков [Минлос 2004; 2005], пытаясь обнаружить не только формальные, но и содержательные языковые механизмы, создающие всё новые и новые парные слова в русской речи. Для художественной литературы словосложение такого типа — один из активных способов создания ярких поэтических образов, о чем свидетельствуют многочисленные исследования, посвященные языку отдельных авторов [Зубова 1989: 79–81; Фоянкова 2003: 154; Спиридонов 2016: 160 и др.].

С точки зрения способов соединения слов в парную номинацию, можно наблюдать и только бессоюзную связь (*любо-дорого, грусть-тоска, худо-бедно*) и только союзную (*(на свой) страх и риск, вокруг да около, в пух и прах*). Иными словами, включение соединительного союза между компонентами парного слова в первом случае (например: *нежданно-негаданно*) неизбежно нарушает его содержательную специфику, равно как и бессоюзное соединение двух компонентов — во втором (например: *суть да дело*). При этом есть и такие лексические удвоения, что вполне свободно употребляются как с союзом, так и без него, причем, как кажется на первый взгляд, без особого ущерба для содержательной цельности всего наименования (*жив-здоров = жив и здоров; судить-рядить = судить да рядить; подбру-поздорову = подбру и поздорову*). Так, учитывая это структурное свойство большинства именных парных слов, Т.А. Бертагаев писал: «В сочетаниях типа *хлеб-соль* союз *и* никакой особой реакции не вызывает, они относятся к нему дружелюбно, и можно их заменить совершенно безболезненно союзным сочетанием, т.е. отношением, выраженным союзом и. <...> Поэтому можно их назвать однородными парными сочетаниями. Они в полном смысле слова являются бинамиами» [Бертагаев 1955: 45]. Однако едва ли можно согласиться с Бертагаевым в том, что в конструкцию *хлеб-соль* можно «безболезненно» для смысла вставить союз *и*. Ср.: *нас встречали хлебом и солью* ('держа в руках хлеб и соль') и *встречали хлебом-солью* — 'с почетом, доброжелательно, щедро'.

В устройстве большинства двукомпонентных наименований привлекает внимание их безусловная устойчивость и внешняя неспособность к трансформациям любого типа — проникновению другого компонента, перестановке компонентов внутри сочетания, расширению зоны лексической сочетаемости и т. д. Неслучайно многие из них фиксируются фразеологическими словарями русского языка как полноценные фразеологические единицы, имеющие перечисленные конституирующие признаки: *хлеб-соль, в пух и прах, ни пуха ни пера, ни свет ни заря* и др. [ФСМ 1987].

С точки зрения грамматической характеристики, двоянные номинации имеют, как отмечалось, различную частеречную принадлежность (*ищи-свищи, шайка-лейка, в общем и целом*). Они могут представлять собой сочетание слов, «схваченных» в одной грамматической форме: *до поры — до времени, ехало-болело, с пылу — с жару*. Известный

интерес представляют соединения близкозначных слов, не употребляющихся без отрицательных частиц (*ни сном — ни духом, ни уму — ни сердцу, ни слуху — ни духу, ни шатко — ни валко*), однако могут быть и такие, что допускают в речи вариантное — «отрицательное» и «положительное» — соединение одних и тех же компонентов, правда, с некоторым изменением семантики целого наименования (*ни конца — ни краю = конца-краю (не видно); ни свет — ни заря, свет-заря (алая)*).

Фольклорные тексты, преимущественно эпических жанров, имеют не только сдвоенные, но и строенные лексические соединения: *За что вы пытаете доброго молодца, нагого-босого-разутого* [Азбелев 1991: 172]; *А не для-то мне, братцы, было красы-басы-угожества* [Чичеров, Ухов 1969: 133]. Возможно, это результат наложения одних традиционных формул на другие в процессе перепевки или пересказа эпического текста. Второй компонент такой триады, как правило, это повторяющееся слово двух устойчивых формул-биномов, играющее роль своеобразного «лексического стыка»: *есть-пить; пить-прохлаждаться* → *есть-пить-прохлаждатися; вера-правда, по правде по совести* → *по вере-правде-совести*. Триады свойственны прежде всего историческим песням и былинам (реже — сказкам), поэтическая ткань которых строится с максимальным учетом размера песенной строки, поэтому здесь возможен прием нанизывания формульных единств ради сохранения степенного ритма эпического повествования.

О трудности научного описания и классификации этого пестрого лексического материала красноречиво свидетельствуют попытки известнейших ученых XIX–XX вв. — А.А. Потебни [Потебня 1968], Н.Н. Дурново [Дурново 1902], А.А. Шахматова [Шахматов 1941], Т.А. Бертагаева [Бертагаев 1955], А.П. Евгеньевой [Евгеньева 1963] и др. — категоризировать эти языковые единицы — и с точки зрения фразеологии, и с точки зрения грамматики, и с точки зрения лексической семантики. Отметим, что в центре внимания большинства таких исследований находились, прежде всего, именные парные слова.

Показательна в этом отношении точка зрения А.А. Потебни, видевшем в именных удвоениях типа *честь и слава, калина-малина* «определятельные отношения», лишь со временем «давшие тавтологию» [Потебня 1968: 435]. Кажется, о том же типе связи между именными компонентами парных слов говорил А.А. Шахматов, полагавший, что многие из них — результат «слияния <первоначально> господствующей

щего слова с приложением», при котором возникает «неразделимое сочетание, где уже не различаются приложение и господствующее слово» [Шахматов 1941: 290].

«Старый филологический спор», по словам В.В. Колесова, связан как раз с такими лексическими удвоениями, которые представляют собой соединение двух полнозначных слов «одного грамматического разряда, <...> при котором грамматические отношения компонентов или не выражены, или выражены частично» [Бертагаев 1955: 37]. А спор, по мнению Владимира Викторовича, разгорается преимущественно вокруг одного вопроса — «семантическое ли перед нами удвоение <...> или же это средство художественной образности» [Колесов 2002: 222].

Интересны в контексте «старого спора» о природе и коммуникативной функции парных слов работы О.Ф. Жолобова, посвященные древнерусскому гендиадису. Активное — с древнейших времен — продуцирование сдвоенных сочетаний в русском и других славянских языках он склонен видеть в причинах историко-культурных, шире — историко-мировоззренческих. Будучи наследниками «архаичной индоевропейской традиции (идеологии)», — пишет Жолобов, — славяне и балты в течение долгого времени сохраняли представления о «парной симметрии антропометрического пространства», имевшие «у праиндоевропейцев сложное и глубокое, сакральное, истолкование, что выразилось в образовании пантеона парных божеств и близнечного культа» [Жолобов 1998: 3]. Ярким грамматическим свидетельством этих древнейших дуальных представлений, по мнению О.Ф. Жолобова, может служить долгое функционирование двойственного числа в балтийских и славянских языках.

Гипотеза О.Ф. Жолобова чрезвычайно привлекательна, она попросту красива и, как кажется, многое объясняет. Прежде всего, в той части «языкового освоения окружающей действительности», что связана с процессом её «номинативного опредмечивания» [Уфимцева 2010: 8]. Такая привязка истории двойственного числа к особому когнитивному механизму «двоичного представления о мире» может иметь интересное преломление, например, при исследовании русских фольклорных удвоений, строящихся по типу антонимии: *вдоль и поперек, немощь-сила, нужда-роскошество, встречный-поперечный* и под. В случае с удвоением антонимов, как кажется, уместно предположение о том, что указание на «полярные границы» одного явления (пространственные величи-

ны, состояние человека, время и др.) похоже на поиск более общего понятия об этом явлении, для чего не существует однословного наименования. В таком случае сдвоенные наименования выступают в качестве гиперонима, родового обозначения того или иного явления / предмета / признака, как бы познаваемого в слове с разных (не всегда только полярных) позиций: *Уж ты **зла-лиха** свекровочка неласкова, не давала снохи она **ни жить, ни быть*** [Азбелев 1991: 243]; *Побежали тут немцы в Нов-город, и многой **мир-народ** погубили* [там же: 264]; *Потерпишь, молодец, **нужи-бедности** великия, а примешь ты, молодец, много **холоду-голоду*** [там же: 277]. Этот же механизм гиперонимизации путем соединения семантически равноправных слов-гипонимов, как кажется, можно наблюдать и в случае глагольных удвоений, которых в языке фольклорных текстов довольно много: *судить-рядить, есть-пить, позабыть-позабросить, расти-матереть* и др. Их почти не привлекают в качестве материала при исследовании механизмов лексического удвоения.

На первый взгляд, глагольные парные слова мало чем отличаются (в структуре и способах соединения) от именных: то же удвоение или утроение близкозначных лексических компонентов, та же способность как союзного, так и бессоюзного их сочетания, та же, как кажется на первый взгляд, возможность демонстрировать различные семантико-синтаксические отношения между компонентами, часто представляемые (для именных парных слов) в виде логических оппозиций [напр.: Артамонова 2005].

Т.А. Бертагаев утверждал, что глагольные пары, как и именные, «однотипные в синтаксическом отношении сочетания, и сочлены их находятся между собой в сочинительной связи», а потому «их легко можно назвать однородными сочинительными сочетаниями» [Бертагаев 1955: 43].

Примеры из текстов русского фольклора, преимущественно — эпических жанров, ясно свидетельствуют, что не все глагольные удвоения исконно представляют собой «однотипные сочетания», даже при наличии (формальной) сочинительной соединительной связи между компонентами. Весьма показательным в этом отношении довольно частотное в языке фольклора сочетание *судить да рядить*, имеющее также вариант с союзом *и* (*судить и рядить*), а также способное употребляться без всякого союза (*судить-рядить*).

Учитывая тот факт, что между компонентами глагольной пары грамматическая связь выражена слабо, синтаксическую однородность / неоднородность взаимоотношений между ними приходится искать в семантике сочетающихся глаголов.

В современном русском языке выражение «судить да/и рядить» — в сравнении с языком фольклора не столь частотно. Оно фиксируется во фразеологическом словаре А.И. Молоткова со значением «много говорить, рассуждать о чем-л., обсуждать кого-л. или что-л.» [ФСМ 1987: 463]. В основном корпусе НКРЯ это устойчивое сочетание в форме мн. ч. прош. вр., например, обнаруживает лишь 14 вхождений в указанном значении: самое раннее употребление — в тексте фельетона А.В. Дружинина (1856), самое позднее — в фантастической повести Е. Хаецкой (1997). Столь же малочисленны употребления инфинитивной формы этой глагольной пары — «судить да/и рядить» (14 вхождений). Форма 1 л. мн. ч. наст. вр. представлена единичными контекстами, причем только с союзной связью: *А мы **судим да рядим**, как быть, — отвечали пехотные солдаты* [В.Я. Шишков. Емельян Пугачев. Книга третья. Ч. 2 (1934–1945)].

Более любопытно употребление «судить-рядить» в формах 2 и 3 л. ед. ч. (*суди-ряди, судит-рядит*), поскольку само действие — по основному значению парного слова ‘много говорить, обсуждать кого-л.’ — предполагает участие как минимум двух (или больше) его участников. Во-первых, следует отметить, что форма 1 л. ед. ч. наст. вр. в НКРЯ ожидаемо не зафиксирована. Форма 2 л. как ед., так и множ. ч. наст. вр. используется единственным контекстом, из чего следует заключить, что эти грамматические формы глагольной пары «судить-рядить» чрезвычайно малоупотребительны.

Во-вторых, форма 3 л. ед. ч. наст. вр. «судит и рядит» (с союзом *и*) имеет 8 вхождений, самое позднее из которых — в контекстах начала XX в., причем в несколько ином значении — не только ‘рассуждать, обсуждать’, но и ‘принимать решения, управлять’: *Правда, что помещик **судит и рядит** своих людей, но, при отмене его власти, эти обязанности будут исполняться избираемыми от общества головами и старшинами* [А.И. Кошелев. Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы)]. С союзом *да* эта форма имеет лишь 2 вхождения; с бессоюзной связью — фиксируется в трех контекстах. Во всех этих случаях в качестве субъекта действия выступает «коллективный субъект», выражен-

ный либо отвлеченным именем существительным, либо собирательным: Пусть *мир* как хочет *судит да рядит*, а я завтра к волостному старшине поеду, обскажу ему, что и как [Г.М. Марков. Строговы. Кн. 1 (1936–1948)]; И один наш мятущийся, ограниченный *дух* все фордыбачит, корит, *судит, рядит*, приговоры изрекает [П.Д. Боборыкин. Василий Теркин (1892)]. Заметим, что в последнем примере в череде однородных сказуемых глагольное бессоюзное единство «судит-рядит» как бы рассыпается на два самостоятельных слова, отделяясь запятой и вступая в синонимические отношения с другими глаголами вербального действия (*корит, изрекает*). Однако очевидно, что семантическая связь между ними существует, и в отрыве друг от друга глаголы «судить» и «рядить» не употребляются.

Словарь современного русского языка вносит мало ясности в квалификацию семантических и синтаксических взаимоотношений между компонентами этого старого устноречевого сочетания, от чего, видимо, зависят и его сочетаемостные возможности, и ограничения в употреблении различных его грамматических форм, и семантические вариации в зависимости от синтаксической функции.

Так, МАС фиксирует в качестве первого значения слова «судить» — «составлять мнение, суждение о ком-, чем-л.; делать заключение, вывод относительно чего-л.»; в качестве второго — «оценивать кого-, что-л., чьи-л. дела, поступки», третьего — «рассматривать чей-л. проступок, преступление в судебном порядке» [МАС]. Слово «рядить» в том же словаре имеет толкование — «рядить, одевать кого-л.; наряжать» с характерными пометами — *устар.* и *прост.* [МАС], что заставляет обратиться к диалектному словарю, например СРНГ: «Судить — 1. Делать, творить что-л.; 2. Советовать сделать что-л.» [СРНГ 2008, 42: 165]. В этом же словаре толкование глагола «рядить», как кажется, несколько проясняет исходное содержание рассматриваемой глагольной пары: «Рядить — судить, распоряжаться» [СРНГ 2001, 35: 341].

Примечательно толкование глагола «судить» в словаре В.И. Даля: «Судить — понимать, мыслить и заключать; разбирать, соображать и делать вывод; доходить от данных к последствиям до самого конца; сравнивать, считать и решать» [Даль 2003, IV: 355]. Там же — значение слова «рядить», как кажется, более проясняющее семантические связи двух компонентов в составе пары: «править или управлять, дер-

жать в порядке, распорядиться» [Даль 2003, IV: 125]. Иными словами, «судить» и «рядить» — явно не синонимичные глаголы: первый с общим значением ‘мыслить и заключать’ — относится к разряду глаголов интеллектуального действия, второй — ‘управлять, распорядиться’ — явно тяготеет к глаголам с семантикой воздействия (императивности). Кажется допустимым истолкование семантической связи, создающей эту глагольную пару, как выражение последовательности действий: судить (‘мыслить, заключить’), после чего *рядить* (‘управлять, распорядиться’).

Следует при этом заметить, что последовательность действий, обозначенных рассматриваемыми глаголами в составе пары, никак не исключает существования подчинительных отношений между ними. Не однажды отмечалось, например, что в логике архаичных представлений временная последовательность действий часто приобретает «характер причинно-следственных отношений по принципу: Post hoc, ergo propter hoc (“После этого, значит, по причине этого”）」 [Шахнович 1984: 56]. Поэтому допустимо предположение о не собственно копулятивной связи [Шахматов 1941: 505] между этими глаголами, расположенными именно в таком порядке «судить-рядить», причем — как с союзом (да/и), так и без него: *судить* ‘мыслить, заключать’, как следствие (/чтобы) *рядить* ‘управлять, распорядиться’.

В любом случае — вопреки категоричному суждению Т.А. Бертагаве — с семантико-синтаксической точки зрения (исходно) сочетание «судить-рядить» вряд ли можно назвать «однородным сочинительным сочетанием». Косвенным подтверждением «семантической разнородности» глаголов может служить тот факт, что в фольклорном языке, равно как и некоторых современных диалектах, имеются тавтологичные сочетания (редупликации) с каждым из этих глагольных корней, по словам Н.Н. Дурново, служащих для «усиления качества признаков, заключающихся в понятии» [Дурново 1902: 265]: «**Суды судить** — фольк. Разрешать споры, конфликты, выносить приговор [?]. [Горожане — Илье Муромцу]: — *Живи в нашем городе воеводою, Суды суди все правильно, Мы все будем тебя слушати.* Пудож. Олон., Рыбников» [СРНГ 2008, 42: 165]; «**Ряды рядить** — Быть судьей, надзирателем, который следит за порядком» [СРНГ 2001, 35: 341].

Каково же исконное коммуникативно-прагматическое задание соединения «судить — рядить», и какова семантическая связь, объединив-

шая эти глаголы в одну номинацию, явно претерпевшую вторичную мотивировку, в свою очередь, породившую современное фразеологическое значение 'долго говорить и рассуждать о чем-либо'?

Очевидно, что общим значением для глаголов «судить» и «рядить» является их отнесенность к вербальному действию, неявно эксплицированному в обоих случаях: глагол — «судить» со значением 'размышлять и заключать', предполагает и «размышление» и «заключение», безусловно произнесенное вслух. И «рядить» 'распоряжаться, управлять' — также не столько собственно практическое действие, сколько действие (воздействие) словом. Неслучайно в литературных контекстах сочетание судить-рядить обычно предшествует словам, обозначающим реальное (акциональное) действие: *Пока благоветливые иноки судили и рядили, в Дивьей обители шла жестокая переборка. Этакого сраму не видно было, как поставлены обительские стены* [Д.Н. Мамин-Сибиряк. Охонины брови (1892)].

Сопутствующее значение 'долгого, многословного обсуждения чего-л.' возникает, видимо, вследствие интенсификации значения, подчеркнутая В. Далем в слове «судить»: 'доходить от данных к последствиям до самого конца' [Даль 2003, IV: 355]. По данным рассмотренных словарей, в структуре лексического значения слова «рядить», кажется, нет семы, способной это значение интенсифицировать, «укрепить». Однако в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера такое значение — с очевидной семой длительности и обстоятельности действия — фиксируется: «Рядить, ряжу — договариваюсь, нанимаю» [Фасмер 1987, III: 536], то же значение отмечено и в «Словаре древнерусского языка XI–XVII вв.» [СДРЯ 1997, 22: 285].

Устноречевой гипероним «судить-рядить», таким образом, активизирует прежде всего семантику словесного действия — от 'обсуждения вслух (сообща)' до 'нахождения наиболее разумного решения в результате этого обсуждения', и прежде всего — в формах множ. ч., поскольку само действие предполагает участие не одного, а двух или более участников.

Усилительно-обобщающее значение гиперонима «судить-рядить» выражается и в том, что оно может преобразоваться в сочетание глаголов с повторяющимся (двойным) союзом и, что функционально нацелено на интенсификацию основного значения как всего парного слова, так и каждого его компонента: *Вы везде ... и судите, и рядите*, и законы ставите ... Гады однако вы ... [Максим Горький. Трое (1901)].

Выступая в качестве родового в фольклорных текстах и живой речи, «судить-рядить» объединяет ряд глаголов-гипонимов, имеющих самостоятельные, но частные (видовые) значения: *судачить, обсуждать, размышлять, обдумывать, обговаривать, обтолковывать* и др. В современном русском литературном языке в качестве гиперонима этого семантического ряда — по всей видимости — выступает либо заимствованный глагол дискутировать, либо книжный глагол совещаться [СРС 1989].

Следовательно, удвоенное глагольное сочетание может включать в себя не только синонимы, а связь, возникающая между компонентами глагольного парного слова, исходно — не всегда сочинительная (копулятивная), как это часто бывает в случае с именными парными словами. Оказалось, что создание глагольных парных слов предполагает наличие градации, когда последний компонент пары демонстрирует либо усиление (восходящая градация), либо ослабление (нисходящая) смысловой нагрузки всего сочетания, в результате чего суммарное значение глагольной пары может представлять собой актуализированное значение наиболее «сильного» компонента. Так, в форме 3 л. ед. ч. значение 'управлять, распоряжаться' актуализируется весьма отчетливо: *Теперь настоящего суда нет, а судит и рядит какой-то совершенно безрассудный отставной поручик из местных помещиков* [М.Е. Салтыков-Щедрин. Благонамеренные речи (1872–1876)]. А в 3 л. множ. ч. это значение, напротив, нейтрализуется и вовсе не проявляется, потому в современном фразеологическом словаре фиксируется, как указывалось, значение 'долго говорить и обсуждать что-либо': *Пока путники так судили да рядили, на них издали с любопытством поглядывал длинноногий важный аист* [А.М. Волков. Волшебник Изумрудного города (1939)].

Оказалось, что обобщенное значение может складываться не только из синтаксически равноправных слов, но и связанных подчинительными отношениями. Причем такие отношения между компонентами в глагольных удвоенных сочетаниях — отнюдь не редки, например: Ну ступай, молодец, прячься, я буду завтра искать, а если не уйдёшь — не упрячешься — голова с плеч [СКО 1908: 3]. Семантико-синтаксическую связь между компонентами парного слова «не уйдёшь — не упрячешься» можно интерпретировать как подчинительную (цели). При этом очевидно и то, что «упрятаться» — глагол с отчетливо конкрет-

ным (видовым) значением относительно более общего «уйти»: родовое значение парного слова «не уйдешь — не упрячешься» предстает как сумма общего и частного значений двух близкозначных глаголов, вновь связанных отнюдь не копулятивной связью. Не случайно одно из значений глагола «уйти» в современных севернорусских говорах — «исчезнуть, потеряться» [СРНГ 2014, 47: 48].

В.В. Колесов различал книжные, часто переводные, парные сочетания как «характерные для древнейших текстов удвоения близкозначных слов», которые «суть факты литературного, т. е. интеллектуально ориентированного языка»: *честь и слава, радость и веселье, страх и трепет, страх и ужас* [Колесов 2002: 221–222]. В них он видел «соединительную связь сравнения отвлеченных по смыслу слов», т. е. связь, «возникшую на “метафорической основе”» [там же: 223]. Народные же формулы (*хлеб-соль, путь-дорога, мать-отец*), полагал В.В. Колесов, «отражают уточнительную связь уподобления (по функции) слов весьма конкретного значения» [там же]. И те и другие — «самый древний и типологически общий для многих языков принцип выявления родового понятийного значения на столкновении двух образных» [там же]. И вновь, как видим, в поле внимания ученого попадают преимущественно именные парные слова, в отношении которых указанные замечания не вызывают никаких возражений.

Глагольные лексические удвоения, как представляется, требуют отдельных наблюдений, учитывающих особые семантико-синтаксические отношения между компонентами глагольного парного слова. Многообразие этого типа номинаций в языке русского фольклора и живой речи столь велико, что сведение всей пестроты взаимоотношений, возникающих между «членами удвоенного слова», к механизму «столкновения двух образных» значений во имя выявления общего понятийного, вряд ли можно считать исчерпывающей квалификацией: *Где баран **сдурут-напроказит**, а все я, овца, виновата!* [НСА 1983: 60]; *Как смотрели во все четыре стороны — Не могли они **узрить-усмотрить** конья, не краечку* [БСиДС 2002: 361]; *Не могли они **сосчитать-сосмётать** силы великия...* [там же]; *А как **шилёт-рвьёт** из себя эти пёрышка...* [там же: 394]; *Начал **читать-гадать**, куда молодец ушол...* [СКО 1908: 3].

Требуется отдельное типологическое описание грамматического и лексического многообразия устойчивых глагольных парных слов с

учетом поэтики фольклорного текста, его жанровой структуры, нестрогой исторической параметризации, а также с учетом места и характера записи устнопоэтического текста.

Источники и словари

- Азбелев 1991* — Исторические песни. Баллады / сост. С.Н. Азбелев. М.: Современник, 1991. 765 с. (Сокровища русского фольклора).
- Аникин 1986* — Русский фольклор / сост., примеч. В.П. Аникин. М.: Худож. лит-ра, 1986. 367 с. (Классики и современники).
- БСиДС 2002* — Беломорские старины и духовные стихи: собрание А.В. Маркова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 1080 с. (Памятники русского фольклора).
- ГОб 1938* — Гидьфердинг А.Ф. Онежские былины. М.; Л.: АН СССР, 1938. 616 с.
- Виноградов 1998* — Виноградов Г.С. Страна детей: избранные труды по этнографии детства. СПб.: Историческое наследие, 1998. 547 с.
- Даль 2003* — Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык — Медиа, 2003.
- МАС* — Словарь русского языка: в 4 т / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981–1984 [электронный ресурс]. URL: <https://rus-academic-dict.slovaronline.com> (дата обращения — 12.02.2021).
- НКРЯ* — Национальный корпус русского языка [электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения — 12.02.2021).
- НСА 1983* — Афанасьев А. Н. Народные русские сказки / сост. А.А. Горелов. Л.: Лениздат, 1983. 446 с.
- СДРЯ 1997* — Словарь древнерусского языка XI–XVII вв. Вып. 22 (Раскидаться — Рященко) / гл. ред. Г.А. Богатова. М.: Наука, 1997. 298 с.
- СКО 1908* — Северные сказки: Архангельская и Олонецкая губ.: сборник Н.Е. Ончукова. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1908. XLVIII. 643 с.
- СРНГ* — Словарь русских народных говоров: вып. 1–49. (Л.) СПб.: Наука, 1965–2014.
- СРС 1989* — Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. М.: Русский язык, 1989. 495 с.
- Фасмер* — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1987. Т. III. 832 с.
- ФСМ 1987* — Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. М.: Русский язык, 1987. 543 с.
- Чичеров, Ухов, 1969* — Чичеров В.И., Ухов П.Д. Былины. М.: Детская литература, 1969. 304 с.

Литература

- Андрианова Д.В.* Устойчивые парные сочетания в чешском и русском языках (лингвистический анализ): автореф. дис... канд. филол. наук. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2013. 23 с.
- Артамонова М.В.* Парные именованя в древнерусском тексте: автореф. дис... канд. филол. наук. Владимир: Изд-во ВГПУ, 2005. 21 с.
- Бертагаев Т.А.* Об основных типах аппозитивных сочетаний в русском языке // Уч. зап. Моск. пед. ин-та. 1955. Т. 32. С. 37–52.
- Джафар М.* Об искусственном образовании парных слов // Юбилейный сборник в честь В.Ф. Миллера. М., 1900. С. 311–313.
- Дурново Н.Н.* Мелкие замечания по русскому языку // ЖМНП. 1902. № 6. С. 257–268.
- Евгеньева А.П.* Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII–XX вв. М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 353 с.
- Жолобов О.Ф.* История двойственного числа и количественных конструкций в русском языке: дис... докт. филол. наук, Казань, 1998. 372 с.
- Земская Е.А.,* Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М.: Наука, 1983. 240 с.
- Зубова Л.В.* Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1989. 254 с.
- Иванов Вяч. Вс.,* Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. М.: Наука, 1974. 342 с.
- Колесов В.В.* Философия русского слова. СПб.: Юна, 2002. 448 с.
- Колесов В.В.* Язык и ментальность. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. 240 с.
- Кримський А.* Калач-малач, кішміш-мішміш // Розвідки, статті та замітки. Київ: УАН, 1928. С. 139–151.
- Лойтер С.М.* Поэтика детского стиха в её отношении к детскому фольклору. Петрозаводск: ПетрГУ, 2005. 216 с.
- Мехеда М.И.* О некоторых структурно-функциональных особенностях редуPLICATIONОВ в русском языке // Вестник ЧГПУ. 2009. № 10(2). С. 263–272.
- Минлос Ф.Р.* Редупликация и парные слова в восточнославянских языках: дис... канд. филол. наук. М.: Институт славяноведения РАН, 2004. 185 с.
- Минлос Ф.Р.* Рифмованные сочетания в русском фольклоре. Редупликация и парные слова // РЯНО. 2005. № 1(9). С. 96–115.
- Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике: в 4 т. М.: Просвещение, 1958–1985. Т. III. 1968. 551 с.

- Рожанский Ф.И. Редупликация: Опыт типологического исследования. М.: Знак, 2011. 256 с.
- Садовников Д.Н. Загадки русского народа. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1959. 336 с.
- Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки славянской культуры, 2002. 533 с.
- Спирidonov A.B. Гендиадис как способ создания окказионализмов в произведениях Василия Аксёнова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 4(58). С. 160–162.
- Толстой Н.И. Бинарные противопоставления типа правый – левый, мужской – женский // Толстой Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. С. 151–166.
- Убрятова Е.И. Удвоение основы слова в якутском языке // Вопросы грамматики: сб. статей к 75-летию акад. И.И. Мещанинова. М.; Л.: АН СССР, 1960. С. 211–221.
- Уфимцева А.А. Лексическая номинация (первичная нейтральная). М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 88 с.
- Фонякова О.И. Семантическая типология парных сочетаний слов в персонажной и авторской речи (по автобиограф. трилогии М. Горького) // Лингвистика. История лингвистики. Социоллингвистика. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. С. 154–165.
- Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. М.: Учпедгиз, 1941. 620 с.
- Шахнович М.И. Приметы верные и суеверные. Л.: Лениздат, 1984. 190 с.
- Шульга Н.В. Функциональная характеристика некоторых подтипов рифмованных редупликативных образований // Веснік МДПУ ім. І.П. Шамякіна. 2011. С. 108–112.
- Янко-Триницкая Н.А. «Штучки-дрючки» устной речи // Русская речь. 1968. № 4. С. 48–52.

***Sudit' da ryadit'*: double verb words (in the context of the "old dispute" about paired words)**

The article presents a brief review of research literature on «paired words» (term by N.N. Durnovo), a discussion of the reasons for the formation and communicative functions of which V.V. Kolesov called «the old philological dispute». The structural, semantic and communicative features of the doubled verb word «*sudit' da ryadit'*» in folklore texts and texts of Russian fiction are considered.

Keywords: verbal paired words, reduplication, semantic connections, secondary motivation, folklore formula.

Старовойтова О.А.

Санкт-Петербургский государственный университет, Институт лингвистических исследований Российской академии наук
o.starovoytova@spbu.ru

Русское «акробатство» — хорошо или плохо? (К вопросу формирования понятия)

Непреодолимая ценность XIX века в изучении состава русской лексики состоит в представлении богатейшего материала для исследования не только узуальных, уже сформировавшихся обозначений, но и самого процесса их формирования. Лексема *акробатство*, новация XIX века, будучи по своей природе абстрактным образованием, характеризуется широкой семантической вариативностью, обусловленной множеством интерпретаций, поскольку за ним стоит индивидуальное интуитивное знание. В соответствии с той или иной интенцией говорящего новое понятие отражает его субъективное восприятие и может актуализировать даже энантиосемичный механизм, который способствует возникновению внутрисловной оппозиции хороший/плохой.

Ключевые слова: русский язык, язык XIX века, историческая лексикология, русская ментальность, акробатство.

Русская ментальность подвижна и оборотиста, она использует все возможности мысли и действия и, в конце концов, приводит к желательному результату.

В.В. Колесов [Колесов 2006: 13]

Лексический состав языка — хранилище нематериальных сокровищ нации — был и остается важнейшим источником научных исследований, его активнейшим (вследствие динамичности и проницаемости данного языкового уровня) объектом. Изучение истории слов, которые по своей природе являются особыми языковыми знаками, осуществляется в различных направлениях, см., напр. [Богатова

1984: 3–12], среди них особый интерес представляет: «Проблема взаимодействия языка и общества, исследуемая на основе изучения межъязыковых и внутриязыковых социальных контактов, эволюции внеязыковых связей слова, изучения отношений развивающейся конкретной общественной ситуации и семантики словарного состава» [там же: 11], которая напрямую связана с историей познавательной деятельности народа.

В истории русского литературного языка XIX века отводится роль «лаборатории, в которой вырабатывались нормы и принципы» [Виноградов 1982: 174] нового слога, этим обусловлена и его непреходящая ценность в изучении словарного состава: исследователь не просто видит сформировавшиеся, отшлифованные обозначения, а имеет возможность наблюдать процесс их появления, закрепления в языке или ухода из него.

Русская историческая лексикография, к сожалению, не избежала лакунарности: слово, активно функционирующее в языке конкретного периода, даже и длительного, может оказаться незафиксированным в словарях или его семантическое представление грешит неполнотой [Добродомов 2013; Старовойтова 2015]. Это обстоятельство объясняется и отсутствием «Словаря русского языка XIX века» как репрезентации лексико-семантической системы важного в истории языка периода в ее целостности.

Интересный пример представляет собой семантическая история лексемы *акробатство*, появившейся в XIX веке на пересечении различных тенденций, определяющих развитие русского языка этого периода, однако в словарях она отражена неполно.

1. Данная лексема входит в состав активно пополняющегося словообразовательного гнезда с вершиной *акробат* (новация XVIII века [СлРЯ XVIII, 1: 39]), представляя как общую траекторию семантического развития корня, так и свою собственную.

2. Анализируемая лексема входит в группу отвлеченных имен, которые представляют деривацию как процесс вос-произведения, активизирующий ментально-созидательный акт. Содержание отвлеченного понятия может меняться в зависимости от ситуации/контекста, в полной мере реализуя когнитивную функцию языка как средства познания. Потенциал вновь образуемых в русском языке отвлеченных имен отмечал В.В. Колесов: «Было обнаружено, что и сами русские суффиксы об-

ладают свойством придавать любому слову, усиленному ими, значение отвлеченности, т. е. способны порождать «термины», которые, может быть, пока еще никаких научных понятий не выражают, но являются, так сказать, потенциальными понятиями» [Колесов 1991: 132].

***

Важным свойством развития русского литературного языка XIX века является создание новой лексики путем деривации, она «выкристаллизовывается» в определенных грамматических категориях языка. В лингвокультурной парадигме эпохи происходит своеобразная категоризация различных словообразовательных моделей, к этому процессу относится и образование дериватов при помощи суффикса *-ство*. Хотя основным значением слова *акробатство* является значение состояния и абстрактного явления [Виноградов 1986: 107], самое раннее, согласно фиксации в источниках, его значение связано «с понятием действия» [там же]: *Он <отцовский лакей Яков> имел склонность ко всякаго рода физическим упражнениям, в роде акробатства и фокусничества*¹ [Михайловский 1883: 213], что находится в точном соответствии с вектором семантического развития лексикона в новое время². В численном отношении подобных случаев употребления новой лексемы не так много: в языковом сознании говорящих достаточно быстро возникают ассоциации, ведущие к формированию у нее новых значений/коннотаций³.

«Существенное значение имеет учет <...> направленности семантических сдвигов, первоначально обнаруживающихся в индивидуальной и групповой речи», — утверждал исследователь русского языка XIX века Ю.С. Сорокин [Сорокин 1977: 13].

---

¹ Все примеры в настоящей статье приводятся с заменой дореволюционной орфографии на современную, пунктуация источника сохранена.

² Ср. новация XVIII в. *актерство* — ‘занятие актера, действия актеров’ [СлРЯ XVIII, 1: 41].

³ В данной статье не будем подробно освещать системный метонимический перенос *занятие, деятельность* — *результат деятельности*: *Сын некогда состоятельных помещиков, с хорошей дворянской фамилией, он кончал военное училище, когда увлечение цирком, приехавшим в город, сбило его с пути и он, под влиянием гипноза спорта акробатства и, вероятно, наездницы, навлек на себя гнев начальства и не то был исключен из училища, не то сам ушел вместе с цирком и вступил на путь акробатства и балаганного лицедейства* [Аксаков 1903: 394].

1. Первое направление сдвига в значении можно заметить еще при употреблении слова в основном значении: *Люди, которые не умеют ни читать, ни писать, ни вычислять, ни садиться, ни кланяться, ни судить, ни сморкаться, которые не имеют никакого понятия ни о литературе, ни о живописи, ни о поварском искусстве, ни об акробатстве, ни об аптекарском искусстве, ни об ортопедии, ни о судопроизводстве! у которых нет ни судов, ни театров ... наконец, которые даже не знают, что такое вилка, что ложка!... И вот это г. де Ла Гарн не совестился называть нациею!...* [Денойе 1849: 58]. В приведенной цитате явление акробатства не просто включается автором реплики в число достижений цивилизации, оно входит в ряд понятий, являющих собой высшую степень самореализация человека посредством чувственно-выразительных средств (в нашем случае пластики) — искусство: *о поварском искусстве — об акробатстве — об аптекарском искусстве*. Такая оценка явления, приведенная в контексте выше, не случайна, что может быть подтверждено, напр., типичной сочетаемостью однокоренных имен существительных (*ловкий акробат, искусный акробат* и под.) и прилагательных (*акробатическое искусство*).

Ловкость, гибкость, точная координация движения — все эти умения акробатов, восхищая окружающих, способствовали формированию эстетической составляющей восприятия этого феномена: *Уметь удивляться есть принадлежность мыслителя, уметь удивлять других и сбить их на минуту, это — искусство акробата* [Гюйо 1891б: 72]. Таким образом формировалась позитивная оценка акробатства как явления общественной жизни. Сравнение с акробатом, ставшее привычным в дискурсе и оформившееся в типичных сочетаниях *как акробат, с ловкостью (искусством) акробата*, актуализирует сему 'умения, ловкости'; прилагательные *искусный, ловкий, удивительный* выступают в функции сенсбилизаторов, усиливающих языковую прагмему: *И тут <дома и в гостях>, как всюду, должное, истинное, лежит в середине; но грани незаметно сливаются с крайностями и не всякому удастся держаться век свой в равновесии на золотой середине этой, как искусному акробату, на слабо натянутом канате своем* [Даль 1842: 56]; *Вот и колокольня, все та же белая, местами с облупившейся краской, по которой я с удивительным искусством акробата совершал свои ночные путешествия во время припадков лунатизма* [Грицко 1863: 40].

Следует отметить, что использование акробатической ловкости и умения в качестве эталона было присуще описанию не только гимнастической деятельности, но и **активно использовалось** в разных жизненных ситуациях (карабкаться на высоту, идти по узкой дороге и под.): <...> *к гладкой и высокой стене костела приставлена была ветхая, качающаяся лестница, по которой с **безграничною отвагой карабкался** дряхлый еврей, таща за собою другую лестницу: такой *tour de force* в пору только нашим росейским **малярам**, перед которыми **пасуют самые отчаянные акробаты*** [Песковский 1891: 386]. **Это было актуально в т. ч. для образных контекстов:** *Прав только тот, кто, изучив прежде в совершенстве **искусство акробата**, сумеет **не оступиться и не упасть** на дороге* [Победоносцев 1896: 110]. Последнее обстоятельство привело к формированию у лексемы акробатство переносного значения 'ловкость, умение, тонкое знание дела' с очевидной положительной оценочностью.

2. Если сопоставить все случаи оценочного употребления лексемы *акробатство*, которыми располагает автор статьи на сегодняшний день, то бросается в глаза существенная численная непропорциональность групп, включающих единицы с положительной и отрицательной оценкой: вторых — подавляющее большинство, т. е. семантическое развитие рассматриваемого отвлеченного имени, которое вербально определяет ментальные процессы, пошло по пути формирования отрицательной оценочности. Интересно проследить механизмы этого процесса.

Общеизвестно, что единицы языка, в т. ч. лексические, представляют не просто фрагмент объективной действительности, а субъективное его восприятие говорящим, отражающее когнитивное усилие в речевом акте. Подобная субъективность восприятия естественным образом может привести к возникновению/оформлению различия точек зрения — вплоть до диаметрально противоположных — на одно и то же явление, что в свою очередь лингвистически репрезентируется в явлении энантиосемии. Точка зрения, утверждающая, что подобное явление «непродуктивно в современном языке и служит, в основном, своеобразным реликтом семантики древних корней» [Новиков 1973: 192], в современной науке оспаривается: «<...> энантиосемию неправильно считать редким и непродуктивным явлением: она представляет собою не курьез, который можно иллюстрировать несколькими изолированными примерами, не образующими никакой системы, а регулярное

явление, основанное на некоторых общих принципах познавательной способности человека и человеческого общения» [Шмелев 2009: 173]. Наглядной иллюстрацией подобного взгляда может служить употребление лексемы *акробатство* в русском языке XIX в.

Так, ловкость и гибкость, о которых шла речь выше, могут производить и прямо противоположное впечатление на зрителя — это подтверждается регулярной сочетаемостью слова *акробат* с глаголами *кривляться* и *ломаться*: *Сколько было вкуса на французском бале <в Благородном собрании в Москве>, столько самой яркой, казарменной безвкусицы расходовалось за правилами манежных гуляний. Размалеванные рожи на стенах, музыка, от которой бегают по спине мурашки и лопаются барабанные перепонки, самоделковый Петрушка, хохлацкий водевиль, **ломающиеся акробаты** и другие прелести. Ходишь, ходишь по Манежу, и совестно делается: серьезный, мол, человек, а куда попал!* [Чехов 1979]. Отрицательная оценочность подтверждается контекстно: здесь и *казарменная безвкусица*, и *размалеванные рожи*, и *прелесть* с ироническим подтекстом. Последнее предложение в примере, подводя итог, сочетает диктум *Ходишь, ходишь по Манежу* и модус — *совестно*. Представляется, что еще более оценочными выглядят соответствующие девербативы, часто в сочетании с сенсibilизаторами-эпитетами (типа *жалкое ломанье*), усиливающими отрицательную оценочность: [Актриса Малкова:] — *Видел сейчас немку, которая на проволоке плясала? Представь себе, она, эта акробатка, почти вдвое больше меня получает за свои ломанья* [Лейкин 1902: 65].

Оценочность еще более усиливается, когда подобные лексемы используются в образных контекстах: *Я его <Ц. Кюи> не сравниваю с Мусоргским, тот **акробат в искусстве, кувыркается** так, что только и глядишь, когда ж он себе шею ломает* [Мекк 1879]. Объявление композитора М.П. Мусоргского кувыркающимся акробатом, пусть даже и в искусстве, звучит откровенным оскорблением, эксплицируя коммуникативное намерение субъекта оценки.

Важно отметить, что словосочетания типа *акробат в чем?* (см. пример выше), *акробатство какое?* имеют преимущественно негативную оценочность: *Что́ дает для жизни это **фортепианное акробатство**? Менее нуля: разстроенные нервы, расслабление в груди и спине и пагубную привычку продолжительных бесполезных занятий* [Фришмут 1902: 253].

В качестве рабочей гипотезы выдвинем тезис о чужеродности данного явления русской культуре, русскому национальному характеру, русской ментальности. «Веками травили <русскую> душу чужим снытьем..» — это образное высказывание В.В. Колесова [Колесов 2008: 32]кажетсянам очень уместным применительно к рассматриваемой ситуации. Следовательно, отрицательное отношение к акробатству может быть вызвано неприятием русским человеком чужеродного и достаточно специфического феномена. Широкая русская душа, испытывающая «органическую нелюбовь ко всякой законченности формы» [Колесов 2008: 45], именно так воспринимает акробатство — такой род деятельности, который требует точности, четкости, гибкости (изворотливости — можно продолжить этот ряд), подчас не допуская отступления от существующей схемы. Это убедительно показано в одном юмористическом рассказе конца XIX в. Два провинциала отправляются на французскую выставку в Москве, там они попадают на выступление танцовщицы: *Но вот слетела с возвышения сама Белль-Бая и, расплывшись в широкую, бессмысленную улыбку, закружилась на одном месте, изгибая свой корпус самым неграциозным образом. — Дяденька, с ней корчи-с! — вскочил Сеня, испуганно уставясь на плясунью* [Мясницкий 1892: 75]. Неграциозное исполнение танца молодой человек принимает за корчи, дядя же его, давая оценку произошедшему, противопоставляет увиденную халтуру акробатству: — *Хорошаго мало! — согласился дядя, — я думал, что-нибудь на манер акробатства, ан вот какое дышло вышло... [там же, с. 76].*

2.1. Нешуточная борьба в отношении принятия/неприятия явления акробатства разгорелась в рядах российских театралов, в частности в отношении балета: *Этот жанр пришелся очень по вкусу нашим балетоманам, почему и все прочие балерины старались проделывать ногами такие же фокусы. С этой поры и началось **вторжение акробатства в изящную область...*** [Вольф 1884: 113]. Если судить по приведенной выше цитате (*балерины старались проделывать ногами фокусы, и как результат — началось вторжение акробатства в спектакли*), то в середине века в театре победа осталась за «акробатистами», но совсем иначе обстояло дело в сфере языка, где слово *акробатство* (так же, как и его эквивалент *акробатизм*) приобрело отрицательную коннотацию¹.

---

¹ Подобная особенность должна быть отмечена при лексикографировании лексемы.

Выхолощенным искусством называет акробатство В.Ф. Одоевский: «..на клоуна нельзя смотреть без негодования на унижение им человеческого достоинства; здесь нет художества, а только акробатство; условная красота, условное искусство» [Одоевский 1935: 246].

Содержание акробатства и негативные последствия его культивирования иронически представил в стихотворной форме драматург, переводчик и театральный критик А.Н. Баженов: *И в балетах опять завертятся Массы в группах больших и рядах, Танцы будут опять исполняться На скамейках, столах, зеркалах; А пожалуй, дождемся мы скоро (К акробатству любовь так слепа), Что танцор на плечах у танцора Исполнять будет хитрое па...* [Баженов 1870: 248]. Для усиления эффекта от обрисованной картины критик использует гиперболу *танцы будут опять исполняться на <...> зеркалах.*

Русская театральная критика и публицистика однозначно связывали явление акробатства с влиянием итальянской традиции, причем это влияние уместнее было бы назвать вторжением, как это сделал в своем высказывании А. Вольф (см. выше): *Эта <русская, подготовленная Петипа – в обобщ. значении> танцовщица взяла все, что было выдающегося в итальянской технике, все, чем пленили нас итальянские танцовщицы конца прошлого века, но сохранила грацию, нежность движений, мягкость.* Петипа сумел во время предостеречь русскую танцовщицу от излишнего и рабского увлечения итальянщиной, грубым акробатизмом [Плещеев 1907: 7]. *Итальянщина* и *грубый акробатизм* (=акробатство) выступают контекстуальными синонимами, их отрицательная оценочность эксплицитно маркирована соответственно суффиксом *-щина* и эпитетом *грубый*.

Не отрицая роли итальянского искусства в общем (*что было выдающегося в итальянской технике*), российские авторы все-таки настойчиво подчеркивают отрицательные стороны чужеродного влияния на русскую культуру: ***Вредны итальянцы*** тем, что приучают слух и чувство народа к своей условной красоте и ложной выразительности [Одоевский 1935: 246]¹. По-видимому, условная красота и ложная выразительность вступают в противоречие с тем жизненным принципом русского человека, суть которого В.В. Колесов определил как «равнение на идею идеала» [Колесов 2008: 32].

---

¹ Высказывание имеет отношение к оперному исполнительству.

Отметим, что противопоставление своего и чужого применительно к семантике лексемы акробатство встречается не только в профессиональных рассуждениях об искусстве, но и в обиходной речи людей, связанных с театром, что свидетельствует об актуальности проблемы и ее остром характере: [Актриса Малкова:] — *Обидно. За себя обидно... За русскую актрису обидно. Француженки, немки, итальянки — все скопят что-нибудь на черный день, все в конце концов с запасом, а тут двухсот рублей нет на паспорт, чтобы откупиться от мужниной кабалы. А эта немка-акробатка, говорят, уже дачу под Веной имеет и отдыхает в ней два-три месяца в году. Вот тебе и акробатство! Сравни-ка его с нашим искусством!* [Лейкин 1902: 66]

2.2. Серьезным обстоятельством, повлиявшим на формирование отрицательной оценочности у понятия акробатства, на наш взгляд, является еще один его аспект, на первый взгляд, незначительный, но в реальности вызывающий неприятие русского человека, — внешний вид акробата (чаще — акробатки): [Разговор наблюдающей за акробатом публики в Зоологическом саду:] — *Уж кто свою душу продал чорту... — А ты почем знаешь, может, он праведнее нас с тобой. — Праведник ломаться не станет, акробатское оголение на себя не наденет* [Лейкин 1881: 38]. Интересно, что костюм акробата (обычно обтягивающее трико) здесь называется *акробатское оголение*, которое надевают (!). Подобное оксюморонное сочетание наталкивает на мысль об известной прецедентной ситуации с голым королем¹.

Тексты разных жанров (и художественные, и публицистические) единодушно указывают на слишком откровенный внешний вид акробатки: *Ненавистники Офеста должны бы вообще отказаться от всяких зрелищ, потому что и декольтированная актриса драматического театра, и обнаженная акробатка, и наездница цирка в туниках и трико — все должны вызывать в них отвращение, ибо возбуждают сладострастные мысли и действуют на чувственность* [Плещеев 1899: 24]. Такая реакция, как отвращение, представляется закономерной (*вызывать в них отвращение, ибо возбуждают сладострастные мысли и действуют на чувственность*), если рассматривать ее в фокусе «ос-

---

¹ Сказка была написана в 30-е гг. XIX в., на русский же язык переведена только в 90-е, так что персонажи рассматриваемого рассказа, вероятнее всего, не были с ней знакомы; тем интереснее наблюдать кросскультурные параллели.

новых компонентов русского культурного архетипа: аскетизм, терпение и смирение (воздержание)» [Колесов 2008: 45–46].

Осуждение и внешнего вида, и манеры поведения акробаток проходит красной нитью через рассказы писателя и журналиста Н.А. Лейкина, которые представляют собой комические зарисовки из жизни купцов, чиновников и т. п.: [Муж жене, примерявшей купальный костюм:] — *Смотрел я сейчас... Видел... И одно скажу: никакой испанской наезднице-акробатке не уступишь, если будешь на Плаже также представлять, как сейчас перед зеркалом представляла...* [Лейкин 1899: 199–200]. Если в предыдущем примере муж просто сравнивает жену с акробаткой, то в следующем он прямо оценивает ее поведение — из рук вон: [Муж жене, вышедшей из воды на пляже:] — *Нет, другая много скромнее. А это уже из рук вон. Зачем тебе понадобилось, выйдя из воды, прическу поправлять, прежде чем накинуть на себя плащ? Ведь это ты испанку-акробатку копировала. А разве она пара тебе, замужней женщине?* [там же: 212]. Как следует из приведенной цитаты, возмущение мужа вызвал сделанный в купальном костюме жест жены (поправляла прическу), который в его представлении является точной копией манер акробатки.

Сюжет рассказа «Около конькобежцев» передает реакцию окружающих на катание на коньках девушки из богатой купеческой семьи¹. Ее поведение вызывает осуждение всех наблюдающих за катанием: [Купчиха:] — *Вот мы с дочерью стоим да и дивуемся, что вдруг девушка из хорошаго свечного семейства и на такое **акробатское дело** пошла, чтобы при всей публике...* [Из толпы:] — *Женихам казаться пришла. Нынче ведь шустрых-то выскочек любят, делает кто-то замечание.* [Купчиха:] — *Женихам... Какой тоже жених. Иной жених увидит девушку при такой **акробатской видимости**, так его по носу-то словно поленом... Скорее же отшибет от такой невесты, нежели притянет...* [Лейкин 1888: 143]. Ни приведенный выше, ни более широкий контекст не позволяют точно определить значение употребленного купчихой словосочетания *акробатская видимость*, однако можно предположить, что оно синкретично и имеет амбивалентный характер: это и внешний вид де-

---

¹ Интересно само название рассказа — «Около конькобежцев», которое свидетельствует о том, что целью автора является презентация читателям персонажей именно из толпы, их восприятия происходящих событий и непосредственную реакцию на них.

вуски-конькобежки, и восприятие ее окружающими (то, как они это *видят*). Несмотря на комический эффект, создаваемый и самой ситуацией, и репликами наблюдателей — участников полилога: [Торговый человек в лисьей шубе:] — *Да... не похвалил бы он <купец Перекатов> внучку за такая акробатства <катание на коньках>, а напротив — взял бы за хвост да палкой, да и матери-то бы дал выволочку* [Лейкин 1888: 143], — вывод, который вкладывает автор в уста персонажа: — *Редко кто из купечества-то ноне себя соблюдает! со вздохом говорит торговый человек в лисьей шубе. — Все купеческие порядки в рознь пошли. А все оттого, что Бога забыли, Бога не помнят. Что только и будет! Везде такая акробатства начались, что страху подобно* [там же: 144], — вряд ли стоит рассматривать как шуточный: *Бога забыли, порядки в рознь пошли*. Подобная мысль о богопротивности акробатского ремесла не раз высказывается героями рассказов Н.А. Лейкина: — *Праведник ломаться не станет, акробатское оголение на себя не наденет* [Лейкин 1881: 38].

В уста своих героев Н.А. Лейкин вкладывает еще одну новацию XIX в. — *акробатства* (во мн. ч.) в значении ‘выкрутасы, фокусы’ (см. примеры выше) с очевидной отрицательной коннотацией: реакция на эти явления — *страху подобно*.

2.3. Помимо театральной в российской жизни была еще одна сфера, самым непосредственным образом связанная с формированием отношения к акробатству как общественно значимому явлению, — это воинская служба. Еще в середине века XIX в. один нормативный документ, казалось бы, достаточно ясно выразил отношение к подобному явлению: *Из курса Гимнастики надобно совершенно исключить все затейливые приемы акробата, как несовместные с достоинством ни общей, ни частной ея цели* [Наставление 1849: 183].

Предписывающий характер подобного текста и категоричная форма выражения, подчеркиваемая употреблением наречия *совершенно*, позволяет предположить наличие разных точек зрения на рассматриваемое явление.

Само по себе развитие ловкости и силы имеет важное значение в подготовке военного, однако здесь физическая подготовка в форме гимнастики прямо противопоставляется *затейливому акробатству* (в таком сочетании в значении слова актуализирована сема ‘изошренность’). В этом случае можно говорить о существовавших некогда

двух традициях в подготовке воина — суворовской и прусской, — противопоставленных как живое, простое, осмысленное, целесообразное и условное, поверхностное, затейливое — с повышенным вниманием к внешней форме: «Я *требовал, продолжает Паскевич <в своих воспоминаниях>, строгую дисциплину и службу, я не потакал беспорядкам и распутству; но я не позволял акробатства с носками и коленками солдат. Я сильно преследовал жестокость и самоуправство, и хороших храбрых офицеров я оберегал. Но, к горю моему, экзерцирмейстерство все захватывало и фельдмаршал Барклай-де-Толли им заразился. Это экзерцирмейстерство мы переняли у Фридриха II-го, который от отца своего унаследовал эту выучку» [Щербатов 1888: 259–260]. Причины появления в армии акробатства (Паскевич использует и это слово, и его синоним *экзерцирмейстерство*¹), неприглядная роль в этом Барклай де Толли, попавшего под влияние Аракчеева, и плачевные последствия для солдат и офицеров в частности и для государства в целом подробно рассматриваются фельдмаршалом в его воспоминаниях и полностью подтверждают наше предположение о формировании отрицательной оценочности у лексемы акробатство (именно в текстах военной тематики оно используется с определениями *ненужное, вредное*²) с учетом фактора «чуждости», сыгравшего немаловажную роль в этом процессе.*

Армейская линия в семантической истории рассматриваемой лексемы вносит в нее новый оттенок, актуализируя сему 'жестокость' (при сохранении семы 'изошренность': *После 1815 года этот самый фельдмаршал Барклай-де-Толли <...> стал **требовать** красоту фронта, доходящую до акробатства, преследовал старых солдат и офицеров, которые к сему уже способны не были, забыв, что они еще недавно оказывали чудеса храбрости, спасли и возвеличили Россию* [Щербатов 1888: 259].

Нацеленность на акробатство в армии приводит к проявлению жестокости со стороны командиров по отношению к подчиненным (ср. *преследовал старых солдат и офицеров* в примере выше). Это уже выходит за рамки профессиональной проблемы и становится серьезной нравственной проблемой. Жестокость русского человека может быть вызвана страстью и распущенностью [Колесов 2008: 43], одна-

---

¹ Так же, как и акробатство, экзерцирмейстерство ассоциируется с ловкостью: *...военные качества заменились экзерцирмейстерской ловкостью* [Щербатов 1888: 260].

² *Гимнастика / служит там <в Пруссии> целям военного воспитания, а не обращается в ненужное солдату акробатство* [Катков 1897: 460–461].

ко ее культивирование сначала как средства решения определенной поставленной задачи, а затем как привычной формы поведения ведет к нравственному падению человека. Это понимали и с этим боролись наиболее прогрессивные командиры: [фельдмаршал Паскевич:] *Я сильно преследовал жестокость и самоуправство* [Щербатов 1888: 259–260].

Точной копией ситуации в армии являлось пребывание молодых людей в военных учебных заведениях: *...благородный корнет может замучить пернатога или хвостатаго¹ «прыжочками», «приседаниями» — до двух тысяч! — на одном месте, вращением на каблуке, адскою точкою и тому подобным акробатством* [Амфитеатров 1913: 88]. Так акробатство становится символом мучений человека. На страницах журналов, в воспоминаниях современников встречаем резкое его осуждение, сопровождающееся сенсбилизаторами типа *жуткий, ужасный* и под., напр.: *Ему <старшему обучающемуся в кадетском корпусе> негласно сдана на руки самая ответственная и **жуткая** часть муштровки..* [там же: 86]. По мысли автора, эта часть военного воспитания имеет своей целью *«повышение физической энергии и дисциплинарного автоматизма в ущерб воле и мысли, т. е. потребности разсуждать»* [там же]. Осуждающий пафос цитируемого очерка А.В. Амфитеатрова, представляющий отклик на очерки «Корнеты и сугубцы» Г. Домрачева, направлен на унижение, моральное уничтожение младшего, беспомощного: *Главный ужас не в том, что **с телом делают**, а во что **обращают ум и сердце*** [там же: 88], но вектор этого процесса обоюдонаправленный: подобный тип поведения влияет и на жертву, и на палача, приводя к нравственно недопустимым трансформациям.

2.4. Сема 'ловкость, изощренность' с большой отчетливостью осознается в переносном значении лексемы *акробатство*, способствуя формированию у нее отрицательной оценочности, благодаря использованию ее применительно к описанию человеческой деятельности еще в одной сфере, в сущности на этой ловкости и построенной, — противоправной (мошенничество, воровство, взяточничество и под.): *Не думай, впрочем, чтоб петербургские чиновники **брали взятки**. <...> Но мало ли есть проселочных дорог к той же цели. Займы, аферы, акции, облигации, спекуляции... <...>*» *Не понимаем, зачем же после этого нужны для служ-*

---

¹ На языке кадет пернатыми и хвостатыми назывались новички.

бы наука и образование? Тут **нужны**, напротив, *гибкая спина, ловкость акробата* и *практическая способность приобретать благонамеренным образом...* [Белинский 1910: 329]. Как следует из приведенной цитаты, именно ловкость акробата считалась одним из важнейших умений служащей братии, ставящей своей целью подняться как можно выше по служебной лестнице или устроиться на ней как можно комфортнее для получения максимальной выгоды для себя.

Продекларированная **способность приобретать благонамеренным образом**, характерная в частности для взяточбрателей, полностью дискредитирует понятие *благонамеренности*, придавая ему особую коннотацию. Через сорок лет после этого (в 1885 г.) была написана повесть Д.В. Григоровича «Акробаты благотворительности» — сатира на деятельность российских благотворительных обществ и развенчание этого самого *приобретательства благонамеренным образом*. Название повести быстро превратилось в прецедентное имя, оно имело различные словообразовательные и грамматические модификации, напр., *акробатка благотворительности, акробатство благотворительности, благотворительное акробатство*: Наоборот, *профессиональное шпионство* или даже «*благотворительное акробатство*», не смотря на всю их обдуманность и пользу, ими приносимую, всегда будут действовать отталкивающим образом на нравственное чувство, равно как и ремесло резника на бойне или палача, которых никакими усилиями интеллекта нельзя поднять на высоту занятий, вполне нравственных (рекомендую вспомнить рассуждения Раскольникова о «праве устранять препятствия») [Гюйо 1891а: 314]. Кавычки в цитате, являясь отчетливым сигналом метаязыковой рефлексии пишущего¹, обращают внимание читателя на очевидную прецедентность явления, всего шесть лет как получившего соответствующую вербальную оболочку — «*благотворительное акробатство*». Акробатство и мошенничество, употребляясь контактно и связываясь в представлении слушателя/читателя по смыслу, фактически становятся синонимами: *Так что мы безусловно соглашаемся с г-ном Арсонвалем, что «феномены спиритизма не перестают и никогда не перестанут быть мошенничеством или акробатством..»* [Быков 1914: 264].

---

¹ Цитата принадлежит не автору труда М. Гюйо, а переводчику и комментатору текста К. Толстому.

Сравнение самого разного рода мошенников, мнимых благотворителей, использующих сферу общественной деятельности для удовлетворения собственных потребностей и интересов, и пр. нравственно разложившихся персонажей с акробатами носит, как представляется, уже неслучайный, а системный характер. Таким образом, в речевой деятельности (индивидуальной и групповой) ее участник применительно к лексеме акробат и ее дериватам использует и узуальную концептуализацию (нейтральное прямое значение): *Акробат акробатство знает, он этому самому первый специалист — вот он и собаку акробатству обучит. А егерь — нет... Егерь не для того существует, чтобы собак в колокольчики звониться приучать* [Лейкин 1894: 53] — и создает новую (оценочную, метафорическую¹).

Субъективное восприятие человеком действительности и его вербализация формируют языковую картину мира. Новое явление пропускается через свою культуру, осмысливается и получает языковое воплощение. В русской языковой картине мира новация XIX века акробатство благодаря ее оценке (преимущественно отрицательной) речевым коллективом по эстетическим и морально-этическим основаниям приобретает, таким образом, «экспрессивный эффект» (в терминологии В.Н. Телия [Телия 1986]).

«Русские слова символичны», — утверждал В.В. Колесов [Колесов 2008: 33]. В новом слове (значении) ментализируется эпоха, в нем запечатлеваются главные движения мысли человека на данном историческом этапе, являясь наглядной иллюстрацией и когнитивной функции языка как средства познания, и аккумулятивной — как средства хранения человеческого опыта.

Источники

- Аксаков 1903* — Аксаков А.П. Труд как орудие нравственного возрождения // Тюремный вестник. 1903. № 5. С. 382–407.
- Амфитеатров 1913* — Амфитеатров А.В. На всякий звук. СПб., 1913. 258 с.
- Баженов 1870* — Баженов А.Н. Сон (Элегия) // Сочинения и переводы. Т. 2. М., 1870. С. 245–249.

---

¹ О формировании у имени существительного акробатство значения ‘приспособленчество, сервиллизм’ см.: [Старовойтова 2012].

- Белинский 1910* — Белинский В.Г. Тарантас. Путевые впечатления. Сочинения графа В.А. Соллогуба. Санктпетербург. 1845 // ПСС В.Г. Белинского / под ред. и с прим. С.А. Венгерова. Т. 9. СПб., 1910. С. 299–341.
- Быков 1914* — Быков В.П. Спиритизм перед судом науки, общества и религии. Лекции-беседы. М., 1914. 517 с.
- Вольф 1884* — Вольф А.А. Хроника петербургских театров: с конца 1855 до начала 1881 года. Ч. III. СПб., 1884. 168 с.
- Грицко 1863* — Грицко. С берегов Волги. (Очерк) // Русское слово. 1863, июнь. С. 35–54.
- Гюйо 1891a* — Гюйо М. Воспитание и наследственность. Социологический этюд. Перев. с фр. К. Толстой. СПб., 1891a. 330 с.
- Гюйо 1891б* — Гюйо М. Искусство с точки зрения социологии. Перев. с 2-го франц. изд. / под ред. А. Н. Пыпина. СПб., 1891б. 354 с.
- Даль 1842* — Даль В.И. (Казак Луганский). Савелий Граб, или Двойник // Сказка за сказкой. Т. 2. СПб., 1842. С. 3–116.
- Денойе 1849* — Денойе Л. Приключения Роберт-Роберта // Сын Отечества. 1849. Кн. 11, ноябрь. С. 1–118.
- Катков 1897* — Катков М.Н. № 153. Москва, 19-го июня // Собрание передовых статей Московских Ведомостей. 1873 год. М., 1897. С. 458–463.
- Лейкин 1881* — Лейкин Н.А. Человек-муха // Лейкин Н.А. Гуси лапчатые: юмористические картинки. СПб., 1881. С. 37–40.
- Лейкин 1888* — Лейкин Н.А. Около конькобежцев // Пух и перья. Рассказы Н.А. Лейкина. СПб., 1888. С. 142–145.
- Лейкин 1894* — Лейкин Н.А. Перепела // Лейкин Н.А. Воскресные охотники: юмористические рассказы о похождениях столичных подгородных охотников. 2-е изд. СПб., 1894. С. 50–55.
- Лейкин 1899* — Лейкин Н.А. Под южными небесами. Юмористическое описание поездки супругов, Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановых, в Биариц и Мадрид. СПб., 1899. 555 с.
- Лейкин 1902* — Лейкин Н.А. Меж трех огней (роман из актерской жизни). СПб., 1902. 426 с.
- Мекк 1879* — Н.Ф. Мекк (письма) — П. И. Чайковскому 26–27? ноября 1879 г. // Национальный корпус русского языка. URL: ruscorpora.ru (дата обращения — 25.03.2020).
- Михайловский 1883* — Михайловский Н. К. В пережку (Фантазия, действительность, воспоминания, предсказания) (1876–1877) // Михайловский Н.К. Сочинения. Т. 4. СПб., 1883. С. 189–400.

- Мясницкий 1892* — Мясницкий И.И. Провинция в Москве. Приключения черноболотинского купца Максима Ивановича Мокрогубова и его племянника Сени. М., 1892. 224 с.
- Наставление 1849* — Наставление для образования воспитанников военно-учебных заведений. Высочайше утверждено 24-го декабря 1848 года. СПб., 1849. 185 с.
- Одоевский 1935* — Одоевский В.Ф. Текущая хроника и особые происшествия: Дневник 1859–1869 гг. // Литературное наследство. Т. 22/24. М.: Жур.-газ. объединение, 1935. С. 79–308.
- Песковский 1891* — Песковский М.Л. Роковое недоразумение. Еврейский вопрос, его мировая история и естественный путь к разрешению. СПб., 1891. 392 с.
- Плещеев 1899* — Плещеев А.А. Наш балет; 1673–1899: балет в России до начала XIX столетия и балет в С.-Петербурге до 1899 года. СПб., 1899. 472 с.
- Плещеев 1907* — Плещеев А.А. М. И. Петипа (1847–1907). СПб., 1907. 10 с.
- Победоносцев 1896* — Московский сборник / изд. К.П. Победоносцева. М., 1896. 312 с.
- СлРЯ XVIII* — Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1–19-. Л.; СПб., 1984–2019-.
- Фришмут 1902* — Фришмут М. Я. Критические очерки и статьи (Посмертное издание). СПб., 1902. 454 с.
- Чехов 1979* — Чехов А.П. Статьи, рецензии, заметки 1881–1902 // ПСС в 30 т. Т. 16. М., 1979. [электронный ресурс]. URL: http://ruslit.traumlibrary.net/book/chekhov-pss30-16/chekhov-pss30_16.html#s002010 (дата обращения – 25.02.2020).
- Щербатов 1888* — Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич: Его жизнь и деятельность: по неизд. источникам сост. Ген. штаба ген.-майор кн. Щербатов: в 7 т. СПб., 1782–1826. Т. I. 1788. 396 с.

Литература

- Богатова Г.А.* История слов как объект русской исторической лексикографии / Отв. ред. Д. Н. Шмелев. М.: Наука, 1984. 255 с.
- Добродомов И.Г.* Этимологические заметки о русском семинарском жаргоне: взъефантулить, сморозить, аксиос(ы) // Slověne. 2013. Vol. 2. № 2. С. 143–171.
- Виноградов В.В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. 3-е изд. М.: Высшая школа, 1982. 528 с.

- Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / отв. ред. Г.А. Золотова. 3-е изд., испр. М.: Высшая школа, 1986. 640 с.
- Колесов В.В. Русская душа // Общество. Среда. Развитие. 2008. № 1. С. 31–47.
- Колесов В.В. Тезисы о ментальности // Ученые записки Казанского гос. ун-та. 2006. Т. 148, кн. 2. Гуманитарные науки. С. 5–13.
- Колесов В.В. Язык города. М.: Высшая школа, 1991. 192 с.
- Новиков Л.А. Антонимия в русском языке (семантический анализ противоположности в лексике). М.: Высшая школа, 1973. 290 с.
- Сорокин Ю.С. Что такое исторический словарь? // Проблемы исторической лексикографии / отв. ред. Ю.С. Сорокин. Л.: Наука, 1977. С. 4–27.
- Старовойтова О.А. Н.К. Михайловский и «литературное акробатство»: способ реализации языковой личности // Русский язык XIX века: роль личности в языковом процессе. Материалы IV Всероссийской научной конференции (18–20 октября 2011 г.) / отв. ред. О.А. Старовойтова. СПб.: Наука, 2012. С. 85–95.
- Старовойтова О.А. Об одной лексикографической лакуне // Академик А.А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие (к 150-летию со дня рождения). СПб.: Нестор-История, 2015. С. 513–522.
- Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 141 с.
- Шмелев А.Д. «Незначашее» и «невывраженное» отрицание (когнитивные и коммуникативные источники энантиосемии) // Логический анализ языка. Асерция и негация / под ред. Н.Д. Арутюновой. М.: Индрик, 2009. С. 173–202.

Is the Russian «acrobatstvo» good or bad? (On the issue of concept formation)

The value of the 19th century in the study of Russian vocabulary consists in presenting the richest material for the study of not only already formed notations, but also for the process of their formation. The word *acrobatstvo*, an innovation of the 19th century, being by its nature an abstract entity, is characterized by wide semantic variability due to many interpretations because of individual intuitive knowledge. In accordance with speaker's intention, the new concept reflects his/her subjective perception and can actualize the enantiosemic mechanism, which contributes to the emergence of intra-word opposition, good/bad.

Keywords: the Russian Language; the 19th Century Russian Language; Russian mentality, *acrobatstvo*.